

Б.М.ДАНЦИГ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б. М. ДАНЦИГ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Ответственный редактор
академик Б. Г. ГАФУРОВ

В книге представлены работы известного советского востоковеда Б. М. Данцига — статьи по экономике и истории Турции, Ирана и арабских стран, главы из монографий по истории изучения Ближнего Востока в России до 1917 г., рецензии на работы советских туркологов. В ней помещены также статья о научной деятельности Б. М. Данцига, библиография работ ученого.

Д $\frac{10603-197}{013(02)-76}$ 43-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемая книга «Ближний Восток. Сборник статей» знакомит читателя с научным творчеством одного из старейших советских востоковедов — Бориса Моисеевича Данцига.

Научные интересы Б. М. Данцига были широки и разнообразны, он занимался экономикой стран Ближнего и Среднего Востока, историей Турции и балканских стран, историей отечественного востоковедения. Им опубликовано более двадцати книг и свыше 120 различных статей. В сборник включены наиболее интересные работы по экономике, истории и этнографии стран Ближнего Востока. Публикуемые по этой тематике статьи дают возможность читателю составить известное представление о развитии некоторых отраслей советского востоковедения с 20-х по 70-е годы, а также о становлении научных взглядов самого автора. В сборник, кроме того, включены три главы из последней книги Б. М. Данцига «Ближний Восток в русской науке и литературе», являющейся итогом многолетних исследований автора по истории развития востоковедения в России.

Некоторые статьи публикуются с незначительными сокращениями. В статьях сохранена авторская транскрипция имен, географических названий и терминов.

БОРИС МОИСЕЕВИЧ ДАНЦИГ (1896—1973)

Борис Моисеевич Данциг принадлежит к старшему поколению советских востоковедов. Свыше полу столетия отдал он практической, научной и педагогической работе, связанной с проблемами Востока. Им опубликовано 23 книги и брошюры, свыше 120 статей, подготовлено 14 кандидатов наук; сотни его бывших студентов и слушателей активно и успешно работают в различных отраслях ориенталистики, внешней политики и дипломатии. Его консультации, доброжелательные советы, огромная эрудиция — все это помогло становлению и развитию десятков молодых ученых, появлению в свет многих десятков монографий, сборников, коллективных изданий.

Б. М. Данциг родился 29 апреля 1896 г. в Нежине Черниговской области в семье служащего. Вскоре семья переехала в Баку, где отец работал на нефтяных промыслах. Колорит большого восточного города, существование которого было связано с добычей нефти, Каспийским морем и торговлей с Востоком, оказал огромное влияние на дальнейшую жизнь и деятельность Б. М. Данцига.

Окончив после Великой Октябрьской социалистической революции Киевский университет, Б. М. Данциг приступает к работе в учреждениях Центрсоюза на Северном Кавказе и в Закавказье. Будучи ответственным секретарем Дагестанской, а затем и Бакинской контор Центросоюза, поддерживавшего в те годы непосредственные деловые связи с иранским и турецким купечеством, Б. М. Данциг на практике изучает состояние торговых отношений со странами Ближнего и Среднего Востока, начинает задумываться над значением этих связей для политических взаимоотношений молодого Советского государства с народами Востока, поднимающимися под влиянием Великого Октября на борьбу за свою свободу и независимость. Уже в 1920 г. молодого Б. М. Данцига, проявившего не только интерес к Востоку, но и способности к организационной работе в области налаживания хозяйственных связей с зарубежными странами, направляют по линии Центросоюза в Энзели и Астару (Иран), откуда несколько месяцев назад были изгнаны английские оккупанты. В сложной и опасной обстановке проходил Б. М. Данциг свои «восточные университеты». В 1921 г. его отзывают в Баку, где он занялся глубоким и всесторонним изучением проблем, связанных с налаживанием экономических связей нашей Родины с Ираном и Турцией. В эти годы — сразу же после подписания советско-иранского и советско-турецкого договоров 1921 г. — купцам обеих стран было предоставлено право безлицензионного ввоза турецких и иранских товаров в нашу страну и вывоза советских товаров в свои страны. Особое место в этой торговле занимало Закавказье и знаменитая тогда Бакинская ярмарка. Значительный удельный вес во всей этой многогранной торговле со странами Востока играл Центросоюз. Поэтому Борис Мои-

сеевич Данциг оказался в гуще событий. Уже в 1922 г. он был назначен представителем Бакинской конторы Центросоюза в Москве и Петрограде. На него была возложена закупка и отгрузка товаров, имевших первостепенное значение для торговли со странами зарубежного Востока. Поэтому неслучайным было то, что в мандате, выданном ему Бакинской конторой Центросоюза, предусматривалось право направления телеграмм и ведения телефонных переговоров, приравненных по важности к «военным, продовольственным».

Деятельность Б. М. Данцига была оценена по достоинству. Уже в феврале 1925 г. Президиум ВСНХ поставил вопрос о переводе молодого востоковеда — практика, инспектора пограничных контор Центросоюза на постоянную работу в Москву, в иностранный отдел ВСНХ. Там Б. М. Данциг не только продолжал свою работу по расширению внешнеэкономических связей Советского Союза с Ираном, но и занялся подготовкой весьма важного в тех условиях международного акта — торгового договора с Турцией. В марте 1926 г. Б. М. Данциг был командирован иностранным отделом ВСНХ в Турцию в качестве эксперта советской делегации, которая вела в то время переговоры с турецким правительством относительно заключения этого договора. Таким образом, в подготовку крупного международного акта — Договора о торговле и мореплавании между СССР и Турцией, заключенного 11 марта 1927 г. и способствовавшего дальнейшему развитию экономических связей между обеими странами и упрочению роли этатизма в экономике Турции, — внес свой вклад и Борис Моисеевич Данциг.

По мере развития экономических контактов между Советским Союзом и странами Ближнего и Среднего Востока руководство этими связями все больше концентрировалось в Народном комиссариате внешней и внутренней торговли (НКВВТ), где была поэтому большая потребность в высококвалифицированных кадрах. Весной 1927 г. НКВВТ поставил вопрос перед руководством ВСНХ о переводе Б. М. Данцига в аппарат наркомата для работы в качестве заместителя начальника отдела Востока. Характерно при этом обоснование причин перевода: «Работа по усилению нашей работы с Востоком сейчас выдвинута как особенно важная задача. В частности, нет сомнения в том, что англичане будут пытаться усилить нажим на нашу торговлю в Персии и в странах Ближнего Востока. Один из ваших работников — товарищ Данциг был бы очень полезен для работы по отделу Востока...»

Так начался пятилетний период работы Б. М. Данцига в восточном отделе НКВВТ. Будучи в течение ряда лет первым заместителем Уполномоченного НКВВТ по Нижегородской и Бакинской ярмаркам, где в те годы проводились весьма крупные торговые операции с иранскими и турецкими купцами, он внес существенный вклад в развитие экономических связей нашей Родины со странами Востока. Большую работу в этом направлении провел Б. М. Данциг в 1927—1928 гг. во время своей вторичной командировки в Иран, на этот раз в Тегеран.

Глубокое и всестороннее знакомство с вопросами торгово-экономических отношений Советского Союза со странами Ближнего и Среднего Востока и проблемами экономического развития этих государств оказало решающее влияние на формирование научных интересов Б. М. Данцига.

Первая статья начинающего экономиста-востоковеда — «Роль Баку

в торговле с Персией» (1923)¹ положила начало многочисленным статьям и книгам по экономике стран Ближнего и Среднего Востока и по внешнеэкономическим связям СССР.

Основными темами работ Б. М. Данцига в 20—30-е годы были торговля Центросоюза на Ближнем и Среднем Востоке, значение торговли Нижегородской и Бакинской ярмарок с Востоком, внешняя торговля и финансы Турции и Ирана, а также Египта и других арабских стран, вопросы экономического развития, состояние производительных сил, железнодорожное строительство, роль иностранного капитала, нефтяные концессии в странах ближневосточного региона. В некоторых статьях Б. М. Данцига затрагивались вопросы международной торговли отдельными видами товаров (мировой хлопковый рынок, торговля тканями и т. д.). Статьи Б. М. Данцига печатались в журналах «Торговля России (СССР) с Востоком», «Советская торговля», «Союз потребителей», «Бюллетень мирового хозяйства ВСНХ СССР», «Мировое хозяйство и мировая политика», «Социалистическое хозяйство», «Новый Восток», «Советские финансы», «Международная жизнь» и др.

В конце 20-х годов Б. М. Данциг уже был видным специалистом по экономике ближневосточных государств. Он начал по совместительству читать лекции по физической и экономической географии Турции, Ирана, арабских стран в Московском институте востоковедения (1926—1938; 1951—1954). Его лекции, основанные на глубоком знании обстановки в странах Востока, особенностей борьбы его народов за политическую и экономическую независимость, вызывали большой интерес у студентов, способствовали специализации молодежи по сложным и неизведанным тогда вопросам социально-экономического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Особо следует остановиться на роли Б. М. Данцига в подготовке кадров в области востоковедения. Во второй половине 30-х годов Б. М. Данциг работал в Военной Академии им. М. В. Фрунзе в качестве старшего преподавателя по военной географии и страноведению. В послевоенные годы — вплоть до 1951 г. — он плодотворно работал в качестве доцента в Высшей дипломатической школе МИДа, а затем в Московском государственном институте международных отношений.

Еще в 1930 г. Московский институт востоковедения им. Н. Н. Нариманова при ЦИК СССР издал книгу Б. М. Данцига «Очерки по экономической географии Турции». В предисловии отмечалось, что «в отношении Турции мы сравнительно богаты политической и исторической литературой, но донельзя бедны сведениями по вопросам экономики... „Очерки по экономической географии Турции“ Б. М. Данцига являются первой попыткой дать систематизированные сведения по ряду вопросов турецкой экономики»².

Именно с этой точки зрения — первого в советской научной литературе очерка по экономической географии Турции — эта работа представляет особый интерес. Кстати говоря, было несколько дисциплин в востоковедении, где о Борисе Моисеевиче говорилось «первый». Надежды МИВ им. Н. Н. Нариманова оправдались — книга Б. М. Данцига оказалась полезной не только для лиц, специально интересующихся Турцией, но и для широкого круга советских читателей.

Особенностью работ Б. М. Данцига по экономике Турции и торговым отношениям СССР со странами Востока было не только введение в научный

оборот последних статистических данных, но и творческое обсуждение на страницах печати важнейших дипломатических и коммерческих вопросов, которые решались советскими организациями. Так, накануне заключения торгового договора с Турцией Б. М. Данциг, проанализировав данные о торговле России с Османской империей перед первой мировой войной³, пришел к выводу, что в советско-турецкой торговле частично сохраняются статьи торговли хлебом и керосином, возможен экспорт в Турцию леса, но нецелесообразно торговать сахарным песком, хлопчатобумажными тканями; он отмечал, что надо увеличить поставки машин, железнодорожного имущества и цемента, а из турецкого ввоза исключить некоторые виды товаров.

Экономические проблемы постоянно интересовали Б. М. Данцига. Он постоянно собирал материалы по экономике стран Ближнего Востока, писал о нефти, перспективах экономического развития, торгово-экономических связях СССР со странами Востока.

Из наиболее значительных работ, в которых освещались экономические проблемы, следует прежде всего назвать книги «Турция» (несколько изданий), «Ирак» (несколько изданий), «Сирия» (1940), а также ряд проблемных статей — «Пути экономического развития Турции» (1926), «Финансово-налоговое законодательство и бюджет современной Турции» (1926), «Финансы Персии» (1927), «Финансы Турции» (1928), «Иностранный капитал в Турции» (1929), «Экономическое положение Алжира» (1930), «Кризис в Египте» (1931), «Аграрная реформа в Турции» (1945), глава «Турция» в книге «Аграрные отношения в странах Востока» (совместно с А. М. Валуйским и П. П. Моисеевым, 1958), «Этатизм, его сущность и значение в экономике Турции» (1959).

Летом 1945 г. турецкий парламент принял закон об аграрной реформе, а в конце года уже вышла статья Б. М. Данцига «Аграрная реформа в Турции», которая положила начало целой серии работ по аграрному вопросу этой страны, вышедших после Великой Отечественной войны.

В 1955 г. вышла книга Б. М. Данцига «Ирак. Краткий географический очерк». В основу книги лег прочитанный им курс лекций по экономической географии Ирака. Книга получила хорошую оценку.

Иракская революция 1958 г. вызвала необходимость пересмотра некоторых оценок социально-экономического развития этой страны. И Б. М. Данциг вскоре выпускает новую книгу — «Ирак в прошлом и настоящем» (1960).

Несколько статей Б. М. Данциг написал по экономике Ирана. Наиболее интересна из них «Финансы Персии» (1927). К моменту ее написания финансовая система Ирана стала принимать в основном современный вид; начал составляться ежегодный бюджет, вводились общий контроль над расходованием средств и фиксированные прямые налоги. Очень интересные выкладки были приведены о росте доходов Англо-иранской нефтяной компании (АИНК) и незначительных, по сравнению с оборотами компании, отчислениях правительству Ирана за эксплуатацию нефтяных месторождений. Несмотря на то что статья вышла полвека назад, она не утратила своего познавательного значения и наряду с книгой Н. Н. Бобынина⁴, в которой рассматривались положение на денежном рынке, цены на товары, таможенные тарифы, кредит, считается основной научно-информативной работой о финансах Ирана 20-х годов XX в.

Неожиданно новой темой в исследованиях Б. М. Данцига стал Индоки-

тай. В конце 20-х — начале 30-х годов у нас остро ощущалась необходимость в научной и научно-популярной литературе по странам Юго-Восточной Азии. Отсутствие в Советском Союзе специалистов по Индокитаю, знание Б. М. Данцигом теории и практики французской колониальной политики и накопившийся уже опыт написания физико-географических и экономико-географических обзоров позволили ему выступить в качестве автора работ по Индокитаю. Советская историография по Индокитаю начинается с работ Б. М. Данцига⁵. Книга «Индокитай» вышла под грифом Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической Академии в 1931 г. в разгар революционных событий в Индокитае.

Б. М. Данциг приводил многочисленные цифровые данные, свидетельствовавшие о губительном влиянии мирового экономического кризиса на экономику Индокитае. На этом фоне ученый рассматривал и революционное движение в Индокитае, развернувшееся в те годы. Неудивительно, что в рецензии отмечались своевременность и необходимость этого издания.

Впоследствии Б. М. Данциг обращался несколько раз к проблематике Индокитае — вопросам национально-освободительного движения, железнодорожного строительства, неоколониалистской политики в странах Юго-Восточной Азии. Он не считал себя чуждым этим проблемам и в послевоенные годы, хотя и не публиковал по ним статей. Аргументированные выступления Данцига — оппонента по диссертациям специалистов по Юго-Восточной Азии свидетельствовали о том, что он всегда был «в курсе» этих проблем.

Постоянным был интерес Б. М. Данцига к проблемам ближневосточной нефти, о чем свидетельствуют материалы его архива. Работа «Нефть и ее значение в экономике Ирака» сейчас представляет лишь историографический интерес, а вот соображения ученого по некоторым вопросам нефтеперерабатывающей промышленности стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки в 70-х годах, судя по материалам архива, имеют научное значение.

В ранних работах Б. М. Данцига редко встречались материалы по истории или о политической жизни современного Востока. Но начиная со статьи «Национально-освободительное движение в Индокитае» (1930) он стал все более интересоваться историей колониализма, национально-освободительной борьбой, международными отношениями, историческим прошлым народов Востока.

Постепенно исторические очерки стали занимать все большее место в работах Б. М. Данцига. Так, в книге «Турция» (1949), ставящей задачей ознакомить читателя с современной Турцией, с ее географией, экономикой, внешней и внутренней политикой, Б. М. Данциг дал три исторические главы, которые занимают треть всей работы.

Особенностью этих очерков Б. М. Данцига следует признать творческое использование работ классиков марксизма-ленинизма, их высказываний о характере Османской империи, особенностях турецкого феодализма. Интересный раздел был посвящен национально-освободительному движению в Турции после первой мировой войны и образованию Турецкой Республики. Достоинством очерков надо считать их лаконичность, при достаточно большом информационном материале.

Практическая работа привила Б. М. Данцигу вкус к строгому изучению дипломатических и вообще внешнеполитических документов. Судя по его

архиву, все основные документы по международным отношениям изучаемого им региона тщательно собирались и изучались.

В книге «Ирак в прошлом и настоящем» (1960) около трети объема работы посвящено историческому очерку, причем раздел «Ирак после июльской революции» представлял особый интерес, так как это был первый печатный труд, посвященный Иракской Республике. Б. М. Данциг давал советскому читателю самую свежую информацию о мероприятиях иракского правительства, о значении июльской революции 1958 г. для народов Востока, о политике западных держав, строивших планы вооруженной агрессии против Ирака, о позиции Советского Союза и других социалистических стран, а также большинства арабских государств, выступивших в поддержку иракской революции 1958 г. Материалы по экономике Ирака были доведены до 1958—1959 гг. Выход в свет этой книги лишний раз свидетельствовал об оперативности ученого, об умении своевременно подготовить и издать работу по вопросу, который в данный момент волнует общественность.

К числу работ Б. М. Данцига, касающихся текущей и внутренней жизни изучаемых им стран, можно отнести статью «Внутриполитическое положение Турции» (1946). Прошел год после окончания второй мировой войны. Б. М. Данциг отмечал, что реакционные силы, оказывавшие противодействие прогрессивным начинаниям национальной буржуазии еще в ходе национально-освободительной борьбы, значительно усилились, хотя официальные и полуофициальные органы печати продолжали доказывать, что Турция всегда была и остается самой демократической страной в мире. Демократические силы, требовавшие отмены реакционных законов, были разгромлены. Новая Демократическая партия, по существу, поддерживала проводимый правительством курс во внутренней и внешней политике. В статье делался вывод, что решение чрезвычайного съезда Народно-республиканской партии (1946) о назначении досрочных выборов в меджлис и создание новой партии свидетельствуют об остром недовольстве в стране и что турецкая правящая верхушка ищет выхода из создавшегося тупика, в который Турция была заведена реакционной политикой правительства.

Б. М. Данциг откликнулся развернутой рецензией на две книги известного советского турколога А. Ф. Миллера «Очерки новейшей истории Турции» (1948) и «Краткая история Турции» (1948). Он очень высоко оценил эти полезные и нужные книги А. Ф. Миллера.

К историческим работам Б. М. Данцига следует отнести и те небольшие этнографические этюды, которые он помещал в своих экономгеографических работах по Турции и арабским странам. Наиболее значительная работа в этом плане — глава «Арабы Ирака», написанная для тома «Народы Передней Азии» из серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии им. Н. Д. Миклухо-Маклая (1957). В этом этнографическом очерке Б. М. Данциг показал важнейшие этапы этнической истории, формы хозяйства, общественно-экономические отношения, семейный быт, типы поселений и жилища, одежду, народное творчество, верования и другие стороны жизни арабов Ирака, а также их национально-освободительное и демократическое движение.

Авторы рецензии на эту книгу отметили удачно составленный Б. М. Данцигом очерк об арабах Ирака⁶.

В 1955 г. Б. М. Данциг переходит на работу в Институт востоковедения

АН СССР, где он трудился до последнего дня своей жизни. Там он стал организатором и первым руководителем сектора экономической конъюнктуры, образованного в составе Отдела международных вопросов. Так было положено начало новому направлению в востоковедении — комплексному изучению экономического развития стран Востока, делавших первые шаги по обеспечению своей экономической независимости. Это было новым и чрезвычайно сложным делом, не только в силу неизученности проблемы, отсутствия подробных и проверенных статистических данных, но и вследствие того, что процесс общественного производства в большинстве стран Азии и Африки не приобрел еще в конце 50-х годов циклического характера. У нового сектора была нехватка буквально во всем — в кадрах, литературе, специфической методологии проблемы. Весь большой и сложный жизненный путь Бориса Моисеевича Данцига помог ему в решении указанных выше сложнейших задач. Прекрасное знание экономических проблем современного Востока, удачное сочетание в одном лице первоклассного ученого и опытного педагога, личные контакты с работниками практических учреждений, связанных с Востоком, огромное трудолюбие, личное обаяние и скромность — все это способствовало формированию сектора экономической конъюнктуры, помогло закладыванию основ нового, весьма важного для нашей политики направления в советском востоковедении. За шесть лет руководства Б. М. Данцигом новым сектором было опубликовано шесть сборников «Экономическое положение стран Азии и Африки», научное и методологическое значение которых сохраняется вплоть до настоящего времени. Подготовленные в этом секторе под руководством Б. М. Данцига квалифицированные востоковеды-экономисты успешно трудятся в настоящее время в ряде подразделений Института востоковедения АН СССР.

С 1961 по 1973 г. Б. М. Данциг успешно и плодотворно работал на посту заместителя заведующего Отделом международных вопросов Института востоковедения АН СССР. Со свойственной ему энергией и целеустремленностью он посвятил себя в те годы подготовке важнейшего коллективного исследования отдела — девятитомной серии монографических исследований, освещающих политику неокOLONиализма в Азии и Африке. При непосредственном участии Б. М. Данцига были разработаны основные методологические положения, важнейшие методические принципы нового издания. Он входил в редколлегия двух томов этого исследования — «Политика США на Ближнем и Среднем Востоке», «Политика США на Арабском Востоке». Для последней монографии Б. М. Данциг совместно с А. М. Хазановым написал обобщающую главу «Американская экспансия в арабских странах». Любимым детищем Б. М. Данцига в этой серии было коллективное исследование «Политика Франции в Азии и Африке (1945—1964)», где он выступал в качестве ответственного редактора и автора «Введения». Годы руководящего участия Б. М. Данцига в подготовке серийного издания по неокOLONиализму были одновременно периодом подготовки им высококвалифицированных специалистов по этому, столь важному, направлению востоковедения и международных отношений.

В течение многих лет Б. М. Данциг собирал материалы по истории взаимоотношений нашей Родины со странами Востока. Преимущественно это касалось развития экономических связей, но иногда — и дипломатических. Он

много работал в архивах, в особенности в Архиве внешней политики России. Одним из результатов этой деятельности была подготовленная вместе с О. Ф. Соловьевым публикация «Из истории русско-марокканских отношений. 1898—1905 гг.»⁷, тезисы доклада «Из истории русско-марокканских отношений в конце XIX—начале XX в.» (совместно с В. И. Жиленко) и публикация «Забывтая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в.» (совместно с В. И. Жиленко).

Больше всего Б. М. Данциг занимался историей советско-турецких отношений. Он неоднократно выступал с докладами на эту тему. Так, на Ученом совете Института востоковедения АН СССР в 1966 г. он прочитал доклад «Из истории советско-турецких экономических связей», на Ученом совете Института Ближнего и Среднего Востока АН Азербайджанской ССР в Баку в 1971 г.— доклад «Некоторые тенденции внешней политики Турции и Ирана в отношении СССР в последние годы».

Перу Б. М. Данцига принадлежит один из ранних обзоров советско-иракских отношений (сб. статей «Советско-арабские дружественные отношения», 1961), в котором он привел интересные факты о торговых контактах между СССР и Ираком до второй мировой войны, хотя между странами еще не было дипломатических отношений и торговля не имела под собой правовой базы. И после 1945 г., когда были установлены дипломатические отношения, советско-иракские связи оставались неурегулированными вплоть до провозглашения Иракской Республики. Б. М. Данциг очень хорошо показал, как государство после установления демократического режима меняет даже принципы своих внешнеполитических отношений, как быстро стали развиваться советско-иракские отношения после 1958 г.

Выступал Б. М. Данциг с докладами и о развитии советско-сирийских культурных связей.

Б. М. Данциг один из первых использовал документы министерства иностранных дел Германии для написания разделов по внешней политике Турции. Кроме того, он опубликовал рецензию на очень важную публикацию — «Документы министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1941—1943)».

Ученый великолепно знал основную научную литературу по востоковедению и международным отношениям. По многим библиографическим вопросам у него можно было получить исчерпывающую справку.

С начала 50-х годов Б. М. Данциг стал глубоко и всесторонне заниматься историей русского востоковедения (применительно к Ближнему и Среднему Востоку), которому посвятил более 20 лет жизни. Несмотря на то что в русской дооктябрьской литературе эта тема была представлена целым рядом исследований, публикаций, большим количеством статей, Б. М. Данциг сумел поднять на новую высоту изучение этой проблемы. Ему это удалось, во-первых, благодаря изучению экономической заинтересованности Московской Руси, а затем Российской империи в связях и контактах со странами Ближнего и Среднего Востока, т. е. выявлению социально-экономических закономерностей и причин, определивших развитие как научного, так и практического востоковедения. Во-вторых, вследствие комплексного метода, избранного автором, он изучал одновременно историю русских путешествий в страны Ближнего и Среднего Востока, историю научного изучения этого

региона и, наконец, этапы подготовки квалифицированных востоковедов ближневосточников в России.

Уже в 1953 г. была опубликована статья «Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси». Автору удалось ввести в научный оборот огромное количество материалов и источников, почерпнутых из летописей, редких, почти недоступных изданий. Пристальное внимание ученого привлекло состояние русского востоковедения в петровскую эпоху, наложившую свой большой отпечаток на историю нашей Родины. В 1956 г. была опубликована очередная статья Б. М. Данцига из историко-востоковедной серии — «Из истории изучения Ближнего Востока в России в первой четверти XVIII в.».

В 1965 и 1968 гг. Б. М. Данциг опубликовал две книги по указанной тематике — «Русские путешественники на Ближнем Востоке» и «Изучение Ближнего Востока в России». Особенно большой популярностью пользовалась первая из них, вышедшая большим тиражом в издательстве «Мысль». Обе книги вызвали многочисленные отклики в советской, польской, болгарской печати. Все это вдохновило автора на продолжение своих исследований в этом направлении, венцом которых была фундаментальная монография «Ближний Восток в русской науке и литературе» (начало 1973 г.).

В этой работе дана впечатляющая картина научных и культурных связей России с Востоком за восемь столетий. Показан огромный вклад русских ученых и путешественников в изучение географии, этнографии, археологии, антропологии стран и народов Ближнего и Среднего Востока. С большим мастерством и знанием дела осветил Б. М. Данциг становление и развитие русской ориенталистики, доказал, что в XIX — начале XX в. наше отечественное востоковедение вышло на передовой рубеж мировой науки. В книге показана роль русских путешественников и востоковедов в превращении России в великую азиатскую державу и одновременно убедительно доказано, что последнее обстоятельство стимулировало развитие востоковедения в стране, оказывало глубокое влияние на русскую литературу и культуру.

Научно-политическое значение фундаментального исследования Б. М. Данцига заключается также и в том, что он на основе огромного фактического материала показал систематическое нарастание интереса передовой русской общественности, деятелей русской науки и культуры к истории и судьбам народов Ближнего Востока, их многовековой героической борьбе за свободу и независимость.

Научная характеристика ученого будет неполной, если не учесть многочисленные напечатанные и так называемые внутренние рецензии о книгах и отзывы о докторских и кандидатских диссертациях.

Б. М. Данциг раньше, чем кто-либо из наших востоковедов, отзывался на выход новых книг по новейшей истории и экономике стран Ближнего Востока. Он опубликовал рецензии на книги А. Д. Новичева «Крестьянство Турции в новейшее время» и П. П. Моисеева «Аграрные отношения в современной Турции» (1961), А. И. Першица «Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.» (1962), М. С. Лазарева «Крушение турецкого господства на Арабском Востоке» (1962), Р. А. Андреасяна и А. Я. Эльянова «Ближний Восток: нефть и независимость» (1962), А. Н. Хейфица «Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918—

1920 гг.)» (1965), Г. Л. Бондаревского «Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.)» (1969), А. Ф. Федченко «Ирак в борьбе за независимость. 1917—1969 гг.» (1972) и др. Публиковал он также рецензии и на зарубежные издания, в частности на французский журнал «Asie nouvelle» (1965).

Через руки Б. М. Данцига проходило большое количество рукописей, которые он рецензировал. Так, только за последние годы жизни он написал внутренние отзывы на работу «Современная Сирия» (1973), сборник «Против колониализма и неоколониализма» (1972), на рукопись «Изменения в отраслевой структуре народного хозяйства развивающихся стран Азии» (1970), на книгу Э. Аскерова «Принципы мира, дружбы и сотрудничества СССР с народами стран Востока» и др.

Б. М. Данциг часто и весьма успешно выступал официальным оппонентом при защите докторских и кандидатских диссертаций, давая таким образом путевку в научную жизнь молодым ученым.

Под редакцией Б. М. Данцига вышло много книг; он выступал консультантом и редактором при подготовке карт по Ближнему Востоку, являлся участником многих востоковедных дискуссий, съездов, совещаний, конференций.

Борис Моисеевич Данциг прожил долгую жизнь ученого-патриота. В 20-е годы он активно участвовал в становлении торговых и экономических связей с Ираном и Турцией, в 30—40-е годы он внес большой вклад в подготовку практических востоковедов, работников внешнеэкономических организаций, востоковедов-международников и квалифицированных ученых. Вплоть до последнего дня своей жизни он успешно трудился в Институте востоковедения АН СССР, во Всесоюзном географическом обществе, в Московском Доме ученых во имя создания новых трудов по истории стран и народов Ближнего и Среднего Востока, во имя прославления русского востоковедения, во имя упрочения дружбы народов Советского Союза с народами Ближнего и Среднего Востока. Таков достойный жизненный путь востоковеда-марксиста, доктора исторических наук Бориса Моисеевича Данцига.

Г. Л. Бондаревский

ФИНАНСОВО-НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И БЮДЖЕТ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ¹

Принятый закончившейся летом 1926 г. сессией меджлиса бюджет на 1926/27 г. (с 1 июня 1926 г. по 31 мая 1927 г.) должен войти в историю турецких финансов как первый бездефицитный бюджет за последние 20 лет.

Одного этого обстоятельства было бы вполне достаточно для самого тщательного ознакомления с ним; но особый интерес вызывает то, что бюджет на 1926/27 г. построен впервые на совершенно новых принципах, что его построению предшествовал ряд сложных законодательных мероприятий, главным образом в области проведения новых налоговых законов.

Именно это обстоятельство потребовало изменения в исчислении начала бюджетного года, который до сих пор начинался 1 марта. Для проведения в жизнь новых законов потребовался значительный срок, и меджлис, приняв квартальный бюджет (март — апрель — май), постановил началом нового бюджетного года считать 1 июня, к каковому моменту и было закончено рассмотрение бюджета.

Восстановление турецкого народного хозяйства, потрясенного бесчисленными войнами последнего десятилетия, как это уже не раз отмечалось нашей прессой, идет быстрыми шагами, находя яркое отражение и в бюджете, увеличивающемся из года в год.

Бюджет последних трех лет (1924/25, 1925/26, 1926/27 гг.) в доходной части был равен соответственно: 129 214 610, 153 046 854, 190 150 854 тур. бум. лир.

Если принять за 100% доходы 1924/25 г., то мы последовательно имеем: для 1925/26 г. — 119%, для 1926/27 г. — 132%.

Рассматривая рост турецкого бюджета, надлежит, конечно, учитывать систематическое, хотя и медленное, падение курса турецкой бумажной лиры, неодинаковое в отношении отдельных видов «твердых» валют.

Курс (средний) турецкой бумажной лиры виден из следующего (в пиастрах):

	1924 г.	1925 г.	1926 г. I квартал
Фунт стерлингов	835	888,6	927
Американский доллар	185,5	182,8	190
Золотая лира	816	812,2	812

В 1925 г. по сравнению с 1924 г. курс фунта стерлингов понижался примерно на 6%, доллар же и золотая лира несколько понизились. Первые три месяца 1926 г. дают некоторое увеличение курса фунта стерлингов и доллара², однако, как это видно из приведенных данных, рост турецкого бюджета значительно обгоняет падение курса лиры (для золотой лиры нет и падения), и можно совершенно свободно говорить о его крупном реальном росте.

По сравнению с последним довоенным бюджетом мы имеем следующую картину:

	1911/12 г.	1926/27 г.
Доходы	28 612 978 зол. лир	190 150 854 бум. лиры (около 23 768 тыс. зол. лир)
Расходы	35 007 476 » »	189 407 476 бум. лир (около 14 926 тыс. зол. лир)
Дефицит	6 394 468 » »	—
Излишек доходов над расходами	—	751 090 бум. лир (около 94 тыс. зол. лир)

Нужно иметь в виду, что бюджет 1911/12 г. относится к Турции в ее довоенных границах. На долю областей, отошедших от Турции после ряда войн, приходилось около 30%, и довоенный бюджет Турции в ее современных границах выражался примерно в 20 029 079 зол. лир по доходу и в 24 505 208 зол. лир по расходу, дефицит — в 4 476 129 зол. лир. Таким образом, бюджет текущего года в своей доходной части превысил довоенный, а в расходной сравнялся с довоенным. В то же самое время бюджет построен без дефицита.

До 1925 г. бюджет Турецкой Республики сохранял в себе все старые, основные черты бюджета Османской империи. Правительству Великого национального собрания, занятому освободительной войной, было не до коренных реформ финансово-налогового законодательства. Озабоченное изысканием средств, оно шло по линии увеличения существовавших налогов. До прошлого года сохранялась главная «язва» на теле Турции — налог «ашар» (дйм), десятина на произведения почвы, в раз-
мере 12,5% с собранного продукта.

Налог этот, сдававшийся в откуп, собиравшийся самым жестоким образом — натурой, был тормозом в развитии сельского хозяйства и подрывал основной сук турецкой экономики. Правительство Турции, строящее свою политику по линии укрепления положения «хозяина» Турции — крестьянина, естественно, должно было стать на путь его отмены. Сделать это было

тем труднее, что ашар являлся наряду с таможенными пошлинами главной статьей турецкого бюджета, составив, например, в 1924/25 г. — 27,5 млн. лир, или около 22% всего бюджета. Тем не менее 17 февраля 1925 г. меджлис принял закон (№ 552) об уничтожении ашара и о введении вместо него налога на сельскохозяйственные продукты, взимаемого деньгами в размере 8—10% стоимости товара. В отличие от ашара, облагавшего и собственное потребление крестьян, сельскохозяйственный налог освобождал от обложения потребление, взимаясь лишь с продуктов, привезенных для продажи из местностей, отстоявших больше чем на 60 км от места продажи. Наряду с отменой ашара и введением сельскохозяйственного налога был увеличен в 8 раз поземельный налог, взимаемый согласно оценке 1915 г.

Отмена ашара образовала крупную брешь в бюджете 1925/26 г. Если в 1924/25 г. ашар дал 27,5 млн. лир, то введенный вместо него налог на сельскохозяйственные продукты был исчислен всего в 15 350 тыс. лир, повышение же поземельного налога дало 5,5 млн. лир.

Бюджет 1925/26 г. был сведен с дефицитом в 30 885 873 лиры, несмотря на то что в 5 раз был увеличен гербовый сбор, повышена цена на соль — с 4 до 6 пиастров за окка и введены акцизы на хлопчатобумажные и шерстяные ткани в размере ставок таможенных пошлин (закон № 575 от 3 марта 1925 г.). Меджлис, утверждая бюджет, принял постановление, обязывающее правительство сократить расходную часть бюджета на 16 980 тыс., т. е. уменьшить дефицит до 14 млн. лир.

У нас отсутствуют точные данные об исполнении бюджета истекшего года, но, поскольку не были произведены платежи по внешним займам (около 10 млн. лир) из-за неурегулированности вопроса о валюте купонов и некоторые поступления превысили сметные предположения (в частности, доходы от таможен были исчислены в 30 млн. лир, а лишь одно первое полугодие дало 26 531 тыс.), можно полагать, что в целом исполнение бюджета не слишком разошлось с проектом.

К началу занятий сессии меджлиса (осенью 1925 г.) правительство разработало ряд новых мероприятий в области налогового обложения, принятых с известными поправками меджлисом. Мероприятия эти схематично сводятся к введению новых прямых и косвенных налогов, к введению новых монополий и к полному отказу от прямого обложения сельскохозяйственной продукции. В основу построения бюджета на 1926/27 г. и легли все эти налоговые новеллы, на которых поэтому и надлежит остановиться подробнее.

В области прямого обложения были проведены законы о двух налогах: личном и подоходном.

Личный налог, принятый меджлисом 8 февраля 1926 г. (закон № 733), падает на все физические и юридические лица,

которые должны платить какой-либо прямой налог (т. е. налог на землю, строение, прибыли). Размер личного налога определяется пропорционально подлежащему уплате прямому налогу и фиксирован следующим образом (в пиастрах):

Уплачиваемый прямой налог		Уплачиваемый личный налог
От 100 до	500	50
» 501 »	1 500	100
» 1501 »	2 500	200
» 2501 »	5 000	300
» 5001 »	7 500	400
» 7501 »	10 000	500

Лица, уплачивающие прямой налог свыше 10 тыс. пиастров в год, уплачивают с каждых лишних 2500 пиастров по одной лире (100 пиастров). Исчисление суммы подлежащего уплате личного налога производится путем подачи деклараций, в которых указывается, какая сумма прямых налогов подлежит уплате. В бюджете текущего года личный налог исчислен в размере 500 тыс. лир.

Подходный налог введен вместо старого промыслового налога (теметтю), исчислявшегося ранее весьма архаическим способом (за основу принимались не реальные доходы, а стоимость платы за наем помещения).

По новому закону платят подходный налог все физические и юридические лица, имеющие самостоятельный доход, за исключением писателей, переводчиков, школьных учителей сельских местностей, землевладельцев, продающих продукты земли (но не имеющих лавок), охотников, рыболовов, домашней прислуги, виноградарей, кооперативов, не носящих торгового характера, ремесленников (не пользующихся наемным трудом), рабочих и чиновников, лиц моложе 18 и старше 65 лет, получающих пенсию, государственных фабрик и заводов. Что касается иностранцев, то применение к ним указанного закона основано на принципе взаимности. Плательщики подходного налога делятся на две категории — обязанных подачей декларации (все промышленные и торговые предприятия, банки, страховые общества и пароходные компании, лица свободных профессий) и освобожденных от таковой (мелкие ремесленники, служащие).

Ставки подходного налога установлены следующие (лиры в год):

6%	с доходов до	3 000	
7%	»	от 3 001 до	5 000
8%	»	» 5 001 »	6 000
9%	»	» 6 001 »	8 000
10%	»	» 8 001 »	10 000
11%	»	» 10 001 »	20 000
12%	»	» 20 001 »	30 000
13%	»	» 30 001 »	50 000
14%	»	свыше	50 000

Характерной чертой этого налога является отсутствие необлагаемого минимума и своеобразный «либерализм» в отношении крупных капиталов. Подоходный налог всей своей тяжестью падает на мелкую и среднюю буржуазию (крестьянство от него свободно). Достаточно отметить, что первая группа плательщиков платит 6% в пределах до 3 тыс. лир — это наиболее тяжело облагаемая группа, для которой взят очень высокий предел (одинаково платит и получающий доход в 1 тыс. и в 3 тыс. лир); следующие четыре группы облагаются 1% с каждых дополнительных 1 тыс. и 2 тыс. лир, а шестая и последующие группы (до 50 тыс.) облагаются дополнительно 1% с каждых 10 тыс. и 20 тыс. лир. Создающая свою крупную буржуазию Турция ставит крупный капитал в весьма привилегированное, в смысле обложения, положение.

Что касается служащих государственных, муниципальных и общественных учреждений, то они облагаются 3% с жалования; лица, служащие в сельскохозяйственных, промышленных или коммерческих предприятиях, принадлежащих государству или частным лицам, платят 4% с жалования, если оно не превышает 100 лир в месяц, и 5% — если жалование превышает 100 лир. Налог для этой категории лиц, конечно, исключительно обременительный. Поступления от подоходного налога, введенного в действие с 1 июня, исчислены в 9260 тыс. лир, в то время как налог теметтю (вместе с налогом на военную прибыль) исчислялся в 1925 г. в 4250 тыс. лир. Новостью в бюджете текущего года являются поступления от налога на наследство, исчисленные в 1 млн. лир, на транспорт — 700 тыс. лир и налоги на газ и электрическое освещение — 300 тыс. лир. Детали о последних налогах до настоящего времени отсутствуют. В целом прямые налоги составляют в бюджете текущего года 39 221 тыс. лир, или 21% общего бюджета. В 1924/25 г. они составляли 43 030 500 лир (34%) и в 1925/26 г. — 39 870 500 лир (26%).

Помимо перечисленных выше поступлений по прямым налогам в бюджет внесено по статье прямых налогов — 13 420 тыс. лир от поземельного налога и налога на недвижимость; за освобождение от военной и дорожной повинности — 4 млн. лир, налог на скот³ — 9451 тыс. лир, доходы от частных лесов и рудников — 550 тыс. и налог на тракторы — 30 тыс. лир.

Крупнейшей законодательной новеллой в области косвенных налогов являются законы о налогах на потребление, вступившие в силу с 1 мая текущего года. До этого времени в Турции существовали налоги на потребление, носившие довольно ограниченный характер; налоги эти взимались, согласно закону 15 марта 1335 г. (1919), с сахара, чая, кофе, керосина, риса, пряностей, маргарина, свечей, мыла и порожних мешков (т. е. исключительно с импортных товаров) при ввозе их в таможню.

Законом 15 апреля 1338 г. (1922) ставки этого налога на потребление были повышены; 3 марта 1925 г. к числу объектов обложения налогом на потребление были отнесены хлопчатобумажные и шерстяные ткани. Наряду с этим налогом на потребление существовали акцизы на карты, бильярды, спиртные напитки, папиросную бумагу, спички. В бюджеты предшествующих двух лет по статье налогов на потребление было внесено: в 1924/25 г. — 14 461 тыс. лир, в 1925/26 г. — 16 360 тыс. лир.

С 1 мая текущего года наряду со старыми налогами на потребление введены новые, универсальные налоги. Налог на общее потребление взимается, как сказано в § 1 закона, с общей суммы стоимости продажи в лавках, магазинах, торговых домах, на рудниках и фабриках, с сумм, уплаченных за изготовление или починку, с сумм, взысканных за оказанные услуги лицами, занимающимися банковскими операциями, посредничеством и другими коммерческими операциями; освобождаются от платежа налога следующие операции: продажа хлеба, монополизированных товаров, операции с валютой, плата за пищу в ресторанах и билеты в увеселительные места (последние две категории подлежат особому налогу).

Налог на потребление взимается в размере 2,5% с общей суммы, подлежащей уплате, в форме наклеивания марок, и относится за счет покупателя. Налог этот ложится тяжелым бременем на потребителя, ибо 2,5% уплачиваются при каждом переходе товара из рук в руки, и фактически равняется минимум 15%, падая главным образом на городского потребителя. Применение этого налога, начавшееся лишь 1 мая, вызвало весьма заметное вздорожание жизни, ряд нареканий и очень серьезных злоупотреблений благодаря несовершенству как методов взимания, так и форм контроля.

В прессе налог этот вызвал множество жалоб. Отнюдь не собираясь отменять этого налога, правительство, однако, собирается внести в закон ряд изменений, в частности освободить от налога сделки на экспорт. Надо отметить, что закон о налоге на потребление отменил закон о сельскохозяйственном налоге, введенный взамен ашара, в значительной мере облегчая положение крестьянства.

Одновременно с введением в действие закона о налоге на общее потребление вступил в силу закон о налоге на развлечение и о потребительском налоге, взимаемом исключительно в городах, портах, в поездах и на пароходах — с ресторанов, кафе, гостиниц и подобных учреждений. Все увеселительные заведения, рестораны, кафе и прочие разбиты на несколько категорий. Учреждения, отнесенные к высшей категории, делают надбавку к счетам (билетам) в 30%; остальные — соответственно 20, 15 и 10%. И в этом новом налоге сказалась основная тенденция правительства — перенести тяжесть обложения на городского потребителя.

Введение в жизнь и этого налога, довольно произвольное отнесение увеселительных заведений и ресторанов к той или иной категории вызвало в первые же дни резкое уменьшение их посещаемости.

По статье налогов на потребление в бюджет внесено 37 500 тыс. лир, т. е. на 20 млн. лир больше, чем в прошлом году. Можно ожидать, судя по первому месяцу, что сумма эта будет собрана, но еще большая часть налогов, взыскиваемых с потребителя, ускользает от казны и остается в карманах у купцов, зачастую «забывающих» наклеивать марки, но никогда не забывающих взыскивать с покупателя стоимость марок. Требуемое законом ведение реестра продаж тоже, конечно, весьма искусно обходится.

Следующей крупной статьей косвенных налогов является статья таможенных доходов, исчисленная в 39 750 тыс. лир вместо 25 460 тыс. лир в 1924/25 г. и 30 млн. — в 1925/26 г. Повышение по этой статье находит оправдание в весьма заметном темпе роста оборотов по внешней торговле⁴.

К остальным видам косвенных налогов бюджет относит морские и санитарные сборы и доходы от рыбной ловли и охоты: по всем этим статьям доходы исчислены в 1950 тыс. лир. Всего косвенные налоги по бюджету 1926/27 г. исчислены в размере 78 746 тыс. лир, или в 41,4% бюджета; в предшествующие годы они составляли 42 631 тыс. (33%) и 52 015 тыс. (34%).

Однако перечисленным не ограничиваются косвенные налоги; к ним в значительной степени могут быть отнесены и государственные монополии. В дополнение к существовавшим табачной, соляной и спичечной монополиям в текущем году, с января, введена сахарная и керосино-бензиновая монополия, а с 1 июня 1926 г. — и государственная спиртная монополия. Введение в действие монополии в силу старого закона от 9 апреля 1924 г. намечалось еще 1 июня 1924 г., но затем было отсрочено до 1 июня 1926 г. Спиртная монополия сдана с откупа польским концессионерам и Деловому банку Турции на следующих началах: при подписании договора вносится 1,5 млн. лир, и в течение трех месяцев выдается аванс в 40 млн. швейцарских франков. В первый год монополия уплачивает казне 7 млн. лир, во второй — 8 млн. и в третий — 9 млн. лир. Начиная с четвертого года в течение 20 лет — по 10 млн. лир.

По закону о сахарной монополии (№ 724 от 26 января 1926 г.) объявлен монопольным импорт сахара и сахарных изделий. Продажа же сахара, купленного у государственной монополии, объявлена совершенно свободной. К себестоимости сахара, закупленного государственной монополией, последняя надбавляет монопольный налог в 8 пиастров с килограмма.

На тех же началах построена и керосино-бензиновая монополия (закон № 725 от 25 января 1926 г.): монополизирован

лишь ввоз этих продуктов и введено обложение в 8 пиастров с килограмма. Обе эти монополии, по бюджетным исчислениям, должны дать 8 млн. лир дохода казне (поровну каждая).

Отсутствие опыта в деле закупок крупных партий товара и собственного распределительного аппарата вызвало резкое удорожание цен на рынке, а местами даже товарный голод. Как и все мероприятия правительства в области финансового законодательства, и эти две монополии вызвали резкие нападки в прессе, интерpellацию в парламенте о причинах вздорожания товаров и т. п. В начале июня меджлис принял решение об отмене монополии ввоза и о сохранении в силе лишь монопольного налога, который будет уплачиваться при ввозе товаров в страну; ввоз же был объявлен свободным.

В бюджете текущего года наряду с поступлениями от указанных новых монополий фигурируют еще следующие монопольные статьи: табачная монополия — 15 млн. лир⁵; соляная монополия — 8500 тыс., спичечная — 2240 тыс., спиртная — 5025 тыс., оружие и взрывчатые вещества — 700 тыс. (тоже новая монополия), почта, телеграф и телефон — 6331 тыс., монетный двор — 3 тыс. лир, а всего доходы от монополии — 45 999 тыс. лир, или 24,2% бюджета. Предшествующие годы по этой статье давали: 1924/25 г. — 16 044 тыс. лир (12,3% бюджета) и 1925/26 г. — 27 800 тыс. (18,1%). Столь крупное увеличение по сравнению с 1925 г. объясняется как введением новых монополий, так и повышением доходности от старых (на 5 млн. лир по табачной монополии, на 1 млн. лир по спичечной).

Рассматривая все эти монополии, можно сказать, что лишь две из них не подходят под категорию косвенных налогов — это монополия на оружие и почтово-телеграфно-телефонная. Исключая суммы, исчисленные по этим статьям, мы на долю монополий, относимых к косвенным налогам, получаем 38 965 тыс. лир, или около 17% бюджета; всего, таким образом, косвенные налоги составляют в турецком государственном бюджете 58%; общее же налоговое обложение вместе с прямыми налогами — 80%.

Остальные 20% бюджета составляются из доходов с различных государственных учреждений, с железных дорог, с доходов с государственных земель и фабрик, от продажи государственных ценностей — всего на 10 180 тыс. лир, доходов от гербового и регистрационного сбора — 6656 тыс. лир, разных доходов — на 9240 тыс. лир, доходов от почты, телеграфа и телефона — равно как и доходов от монопольной продажи оружия — 7033 тыс. лир.

Надлежит отметить, что в бюджете текущего года совершенно отсутствуют экстраординарные доходы: в бюджете 1924/25 г. эта статья составляла очень значительную сумму — 12 792 тыс. лир (чрезвычайные военные); в 1925/26 г. — только 2500 тыс.

Расходная часть бюджета за последние три года составлялась следующим образом (в лирах):

1924/25 г. . . .	140 433 363
1925/26 г. . . .	183 932 727*
1926/27 г. . . .	189 407 764

В предшествующие годы бюджет, как мы уже отмечали выше, сводился с дефицитом; лишь впервые в этом году бюджет сбалансирован. Однако это сбалансирование достается Турции дорогой ценой, путем отказа от самых жизненных для ее развития статей расходов.

В бюджете обращает на себя внимание совершенно исключительный темп роста расходов по национальной обороне и морскому ведомству как в абсолютных цифрах, так и по их месту в бюджете. Расходы по этим двум статьям составляли в 1924/25 г. — 33 862 тыс. лир, или около 24% всего бюджета; в 1925/26 г. — 48 369 тыс., или около 26%, и, наконец, по бюджету текущего года — 68 410 тыс. лир, или 30%.

Если учесть, что расходы на жандармерию и полицию составляют 14 403 889 лир, что на ремонт крейсера «Гебен» («Явуз») ассигновано 3500 тыс. лир, то общая доля расходов по обеспечению внешней и внутренней безопасности подымается до 44%. Для Турции в ее теперешнем положении это явление хотя и печальное, но вполне нормальное.

Чуждая стремлений к империалистическим захватам, Турция должна зорко охранять свою независимость. Восстание курдов в прошлом году; иезидское восстание в текущем году, инспирированное «третьей державой»; беспорядки, вызванные законом об отмене ношения фески, питаемые, как и предыдущие восстания, реакционными силами страны; напряженные отношения с Англией из-за Мосула; итальянская шумиха, поднятая весной этого года Муссолини и весьма недвусмысленно направленная против Турции, — все это с достаточной серьезностью оправдывает необходимость для Турции быть постоянно начеку и нести крупные расходы на армию.

Переходя к дальнейшим расходам, необходимо иметь в виду, что турецкий бюджет публикуется по министерствам, дает лишь общие итоги сметных расходов, и потому отдельные детали расходов не поддаются выявлению. Второе место в бюджете занимают расходы по министерству финансов — 24 508 150 лир; эти расходы вызывают особое внимание потому, что в прошлом году они составляли всего 11 774 057 лир. Несомненно, что расходы этого министерства должны возрасти из-за введения новых налогов и монополий, потребовавших увеличения штатов, но, возможно, что по смете этого министерства проведен ряд расходов, не связанных с увеличением аппарата и пока не поддающихся расшифровке. Поскольку в предварительно опубликованном бюджете отсутствуют расхо-

ды на пенсии, составившие в 1925 г. 13 767 694 лиры, можно полагать, что эта статья вошла в общую сумму министерства финансов.

Следующей крупной статьей расходов являются расходы по министерству общественных работ, т. е. главным образом по железнодорожному строительству, — 14 279 631 лира, или около 7% бюджета, причем по сравнению с 1925 г. расходы эти сокращены (19 667 285 лир).

Турецкому правительству все труднее становится осуществлять свою крупную железнодорожно-строительную программу за счет нормального бюджета, и недаром оппозиция в свое время требовала отказа от постройки железных дорог из сумм нормальных доходов, требуя перенесения постройки железных дорог в экстраординарный бюджет, что связано с получением Турцией внешнего займа. Правительство Исмет-паши, однако, с вызывающей изумление настойчивостью, хотя и медленным темпом, производит постройки железных дорог, сжимая все другие расходы, отчетливо сознавая, что лишь железные дороги смогут переродить всю турецкую экономику.

Наследие прошлого, от которого Турция не смогла отказаться, — платежи по долгам — составляет в бюджете текущего года 10 136 108 лир, или около 5% бюджета. В довоенное время платежи по долгам составляли около 30%, но, признав падающую на ее долю часть долгов Османской империи в сумме 84 597 495 лир, Турция категорически отказалась признать как эту сумму, так и ежегодные платежи подлежащими оплате в золоте. В дальнейшем Турция согласилась произвести уплату в золоте, но переговоры по вопросу о размере ежегодных платежей долга, которые велись в Париже, как известно, недавно оборвались, так как представители Турции не могли договориться с держателями иностранных займов.

Заканчивая наш очерк, надо сказать, что бюджет текущего года представляет из себя картину чрезвычайного напряжения платежеспособных средств страны и, несмотря на это, ряд насущнейших потребностей остается неудовлетворенным.

Перед Турцией стоят задачи дальнейшего изыскания источников доходов, над чем судорожно бьется турецкая экономическая мысль.

Ближайшее будущее покажет, удастся ли и в дальнейшем строить бюджет в значительной мере на налоговом обложении города, или же до некоторой степени придется вернуться и к обложению крестьянства в форме прямых налогов — путь, от которого турецкое правительство пока отошло.

ПУТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ

Со времени окончания войны за освобождение прошло меньше четырех лет, а со дня подписания Лозаннского договора, определяющего самостоятельное и независимое бытие Турции (24 июля 1923 г.), — всего три года.

Протекавший период, и особенно последний год, небезосновательно рассматривается турками как период «великих реформ», период реорганизации социального и правового строя и быта. Период реформ, на которых мы остановимся ниже, отражает поступательный ход национальной революции и преследует своей задачей расчистку пути зарождающейся и крепнущей анатолийской буржуазии, пришедшей на смену буржуазии интернациональной, портовой, державшей в тесном союзе с иностранным капиталом в своих руках всю Турцию.

Ликвидация халифата (3 марта 1924 г.), произведенная 16 месяцев спустя ликвидации султаната и уже после провозглашения Турции республикой (29 октября 1923 г.), от которой, собственно, исторически и начинается процесс переустройства Турции (ряд реформ в области семейного и брачного права, суда и школы, введение гражданского брака, ряд реформ в области сельского хозяйства, промышленности, железнодорожной, таможенной, налоговой политики), — таков путь реформ, заканчивающийся принятием нового гражданского кодекса (вступил в силу с октября 1925 г.), подводящего правовой базис под новые классовые отношения, складывающиеся в Турции, и завершающего превращение Турции из колонии европейских держав в самостоятельное буржуазное государство с ярко осознанной национальной политикой.

Экономическая политика правительства Великого национального собрания схематически может быть сведена к следующим основным моментам:

1. К укреплению и поднятию уровня сельского хозяйства вообще и промышленно-технических культур в особенности, к расширению его товарности. Сельское хозяйство является основным занятием подавляющей массы населения, основной базой турецкой экономики.

2. К укреплению и развитию путей и средств сообщения, так как слабо развитая сеть железных дорог, являющаяся и серьезной угрозой чисто стратегического порядка, не позволяет развиваться внутреннему обмену между отдельными населенными районами, создает отрыв крестьянского рынка от портов, мешает переброске хлеба из Анатолии к основным потребляющим центрам и вообще является серьезным препятствием эксплуатации всех природных богатств страны.

3. К развитию базирующейся на сельском хозяйстве кустарно-ремесленной промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов в полуфабрикаты и готовые изделия для внутреннего рынка и вывоза, к созданию собственной более крупной промышленности с вытекающим отсюда резко выраженным протекционизмом.

4. К максимальному сбалансированию бюджета и платежного баланса с вытекающими отсюда мероприятиями жесткого налогового режима, построенного на началах «облегчения производительных классов страны от слишком тяжелого бремени налогов», введением государственных монополий и ряда новых налогов.

Проведение в жизнь всех намеченных мероприятий — при нежелании иностранного капитала брать на себя работу в Турции на новых, для него неприемлемых и непривычных условиях (отсутствие капитуляций) и при слабости национального капитала — толкнуло турецкое правительство на путь этатизации, объединения (огосударствления) всего хозяйства, — мероприятия, оправдываемого тем, что для Турции лишь наступает эра индивидуальной экономической инициативы.

Внимание государства все больше и больше направляется в сторону чистого этатизма, носящего черты буржуазного государственного капитализма, — государство само строит дороги, порты, создает банки, заводы, эксплуатирует торговый флот, пытается руководить операциями внешней торговли, ему принадлежит инициатива кредитования и выдачи ссуд под землю и кредитование муниципального строительства¹.

Таковы основные тенденции экономической политики государства, общие вехи, от которых мы переходим к более детальному ознакомлению с основными отраслями народного хозяйства и соответствующими правительственными мероприятиями.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

«Крестьянин — хозяин Турции» — это любимое выражение Кемаль-паши; сельское хозяйство — база турецкой экономики, и как следствие этого — ряд реформ в области сельского хозяйства.

Социальной революции в области землевладения турецкое

правительство не произвело, отношения в области землепользования и землевладения остались без изменения, и, несмотря на часто повторяемое многими исследователями утверждение, что правительство секуляризировало духовные, вакуфные земли, оно формально, юридически на этот шаг не решилось и лишь в высшей степени осторожно использует средства эвафа, включив его в общегосударственный бюджет (закон 3 марта 1924 г.). В частности, средства эвафа привлечены к муниципальному строительству в Ангоре [Анкаре].

Не проводя в области землевладения никаких социальных реформ, правительство ограничилось рядом полумер, представляющих, однако, значительный интерес.

Так, еще в самом начале освободительного движения был проведен закон (1 ноября 1920 г.), по которому каждой сельской общине (коммуне), расположенной в пределах лесных вилайетов, отводили из государственных лесов участок леса в размере 18 дёнюмов на дом. В случае, если нарезка не могла быть произведена из государственных лесов, она производится из лесов частновладельческих за особую плату, определяемую специальной комиссией; законом от 18 июня 1922 г., дополненным 15 апреля 1924 г., крестьянам было предоставлено право бесплатной рубки леса на собственные нужды (не для продажи) из лесов государственных — сроком на 3 года со дня издания закона (леса эвафа не считаются лесами государственными).

Следующим весьма важным является закон (13 марта 1924 г.) о распределении покинутых собственниками земель и недвижимости (перешедших в руки государства) между лицами, потерявшими свою недвижимость в результате военных действий; характерно и чрезвычайно любопытно для общего духа турецкого законодательства, целиком буржуазного, что эмигранты-турки, въезжающие в Турцию из Греции на началах обмена, получают земли и недвижимости лишь в том случае, если они были собственниками и в Греции (закон 16 мая 1924 г.).

Идя по пути четкого укрепления прав собственности на землю, правительство в период ликвидации халифата, принимает закон (22 апреля 1924 г.) о кадастре, ставящий своей целью охрану недвижимой собственности и выявление правильности совершенных сделок, дальнейшую регистрацию всех сделок о недвижимости, съемку и разграничение земельных участков. Это позволит построить правильную систему земельного обложения.

Кадастризация земли — это был первый шаг на пути к твердому выявлению стоимости земли и к введению ее полностью в гражданский оборот, из которого, как известно, по исламскому законодательству земля в значительной степени была исключена, что лишало возможности легально кредито-

вать недвижимости, совершать ипотечные операции и в значительной степени уменьшало стоимость земли.

Принятие швейцарского гражданского кодекса полностью вводит землю в гражданский оборот, завершая реформы в области землевладения, частично начатые еще младотурками (так называемые 6 временных законов 1913 г. о регистрации собственности на недвижимость, об отмене налога гедик, о предоставлении юридическим лицам права владеть недвижимостью, о расширении права наследования недвижимости, о праве ипотеки).

Такова совершенно недвусмысленная классовая политика Великого национального собрания, устремленная на создание твердых норм владения недвижимостью.

Делая ставку на максимальное развитие сельского хозяйства, правительство с первых дней организации Великого национального собрания приняло ряд мер по оказанию ему реальной помощи, на которых необходимо остановиться. 31 октября 1921 г. был принят закон об отсрочке на 2 года уплаты долгов Сельскохозяйственному банку в местностях, освобожденных от врага или имеющих быть освобожденными, и о бесплатном распределении посевных семян на 500 тыс. лир; об освобождении от налога леса, идущего на постройку домов; о бесплатном распределении скота на 500 тыс. лир и об открытии кредита Сельскохозяйственному банку в 500 тыс. лир сроком на 3 года в целях помощи сельскому хозяйству. Законом 5 января 1922 г. было предусмотрено бесплатное распределение между крестьянами скота и перевозочных средств, негодных для дальнейшей работы в армии, и открытие новых кредитов Сельскохозяйственному банку в 900 тыс. лир (17 сентября 1923 г.).

В марте 1924 г. был реорганизован Сельскохозяйственный банк, бывший до того чисто бюрократическим учреждением при Комиссариате национальной экономии, в самостоятельное банковское учреждение.

Почти одновременно с реорганизацией банка и созданием специального Комиссариата земледелия, до того входившего в Комиссариат национальной экономии, был принят закон (21 апреля 1924 г.) о крестьянских ассоциациях сельскохозяйственного кредита с солидарной ответственностью, коим было предоставлено помимо кредитных операций право приобретения сырья, орудий и сельскохозяйственных инструментов и продажи продуктов земли, причем все операции были освобождены от налога.

Заботы правительства о развитии сельского хозяйства проявляются и в создании сети сельскохозяйственных школ, в обучении солдат в период прохождения ими службы новым методам хозяйства (закон 14 февраля 1924 г.), в мероприятиях по борьбе с вредителями, по улучшению качества культуры хлоп-

ка (закон 12 января 1925 г.), по насаждению ценных культур, для чего бесплатно раздаются семена, гrena, а крестьяне, вводящие научные способы обработки садов, виноградников, освобождаются на 10 лет от поземельного налога.

В области таможенных мероприятий надо отметить законы от 7 января 1923 г. и 20 декабря 1924 г. об освобождении от таможенных пошлин и налогов на потребление сельскохозяйственных машин и орудий, карбонатов, поташа и соды, сульфатов, серы, нефтепродуктов, идущих на топливо и смазку сельскохозяйственных машин, в тех случаях, когда перечисленные предметы ввозятся Сельскохозяйственным банком; надо отметить также закон 22 апреля 1924 г. с повышении более чем в два раза таможенного обложения муки (вместо коэффициента 5 коэффициент 12) и распоряжение об обязательной примеси при выпечке хлеба 50% отечественной муки.

Одним из крупнейших мероприятий, давших резкий толчок развитию сельского хозяйства, является отмена ашара, десятинного налога, произведенная 17 февраля 1925 г. (об этом подробно ниже).

В настоящий момент можно констатировать некоторое развитие сельского хозяйства; нескольких цифр будет достаточно для характеристики означенного положения.

Площадь обработанной земли в Анатолии составляла до войны около 6,6 млн. га, в том числе под зерновыми культурами около 5,5 млн.; в 1923 г. площадь, занятая зерновыми культурами, составляла до 2,5 млн. га, в 1924 г. — 3341 тыс., в 1925 г. — 3857 тыс. га. Довоенный урожай хлебов определяется в 5,5 млн. т; в 1924 г. — 3778 тыс. и в 1925 г. — около 5 млн. т.

Турции, особенно Константинополю (Стамбулу), до сих пор, однако, не хватает собственного хлеба, и значительные массы зерна ввозятся из-за границы. Однако рост собственного урожая наряду с отмеченными выше мероприятиями правительства значительно сократил импорт: 1923 г. — 161 тыс. т, 1924 г. — 207 тыс., 1925 г. — 137 тыс. т.

Весьма заметно и интенсивно растет табаководство: если до войны на площадь, занятую современной Турцией, падало около 25 тыс. т сбора табака, то в 1923 г. — 26 тыс., в 1924 г. — 54 тыс. и в 1925 г. — 52 тыс. т.

Экспорт табака составляет до 31% стоимости всего экспорта — в 1925 г. экспорт 34 288 т на 60 984 тыс. лир.

Наряду с табаководством растет и хлопководство. В Киликии, основном хлопководческом районе, сбор хлопка уже достиг довоенного (т. е. 120 тыс. кип по 200 кг).

Соответственно растет и экспорт хлопка, составляющий по стоимости 6% всего экспорта.

Весьма заметно развивается и садоводство — растет сбор винограда, инжира и прочих фруктов, увеличивается сбор опия.

И лишь в отношении шелководства, сбора коконов приходится констатировать весьма резкое отставание от довоенного уровня, что в значительной степени объясняется как гибелью тутовых деревьев во время войны, так и переходом населения к культуре табака.

Что касается скотоводства, то и в этой области, несомненно, наблюдается улучшение; по сравнению с послевоенными годами заметно увеличилось число голов рогатого скота, овец и особенно коз.

Весьма любопытны данные о ввозе в Турцию сельскохозяйственных машин и орудий, как показателя интенсификации сельского хозяйства: в 1923 г. на 529 тыс. лир — 1323 т, в 1924 г. на 1 815 741 лиру — 3619 т.

При этом первое место в привозе занимают тракторы и машинные плуги, затем однолемешные плуги, приходящие на смену деревянной мотыге — сабану. Несомненно, что раньше всего машины и тракторы прививаются в районах высоких культур, в частности в Аданском хлопковом районе, в областях, прилегающих к морю и железным дорогам, и что в глубине Анатолии применение орудий и машин по-прежнему неизвестно; но эти незначительные цифры характеризуют общие тенденции развития.

Машинизация сельского хозяйства — проблема, живо интересующая правительство, и не даром еще в концессию Честера был внесен пункт о поставке машин на 500 тыс. руб.; недавно промелькнул слух о соглашении с польским консорциумом на открытие в разных пунктах Анатолийской железной дороги складов сельскохозяйственных машин.

Заканчивая обзор сельского хозяйства, мы приведем данные о внешней торговле Турции, ибо они наиболее ярко характеризуют общие тенденции развития страны и, поскольку Турция — страна аграрная, в экспорте которой наибольшее место занимают сельскохозяйственные культуры, данные о внешней торговле (экспорт) характеризуют и развитие сельского хозяйства.

Динамика внешнеторгового оборота видна из следующего² (в тыс. бум. лир):

	1923 г.	%	1924 г.	%	1925 г.	%
Импорт	144 789	100	193 611	134	241 956	167
Экспорт	84 651	100	158 768	187	193 903	228

Бросается в глаза резкий рост экспорта, темп которого обгоняет рост импорта; до некоторой степени рост оборотов объясняется систематическим падением курса бумажной лиры, но падение курса значительно отстает от роста оборотов внешней торговли, так как в 1923 г. курс бумажной лиры на золото равнялся 7,2, в 1924 г. — 8,2, в 1925 г. — 8,12, т. е. падение кур-

са равно 13—14%. Несомненны общие значительные тенденции роста внешней торговли, так же как и тенденции выравнивания баланса, все же пока еще пассивного:

	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Импорт, % к обороту	63,1	55,0	55,5
Экспорт, % к обороту	36,9	45,0	45,5
% пассивности к обороту	26,0	10,0	11,0

ТРАНСПОРТ

Вторым серьезным вопросом для турецкой экономики является вопрос о ее железнодорожном строительстве и железнодорожной политике.

Длина турецкой железнодорожной сети исчисляется в 4243 км, что составляет около 0,6 км на каждые 100 кв. км площади; однако почти все железные дороги приходятся на западную часть Турции, а Центральная и Восточная Анатолия почти лишена железных дорог, если не считать участка Эски-Шеир — Ангора (263 км), Арпауай — Пертина на Кавказской границе (334 км) и новой дороги Ангора — Балишейх (114 км).

Если добавить, что сеть шоссейных дорог развита весьма слабо (2,5—3 тыс. км, из коих лишь половина в пригодном состоянии), то станет ясным, что путями сообщения в Анатолии являются ныне, как и прежде, горные тропы, малопроходимые проселки, а средствами передвижения — мулы, верблюды, ослы.

Необходимость связать восточные и центральные вилайеты железнодорожным путем с остальной Турцией, ощущавшаяся еще оттоманским правительством, весьма живо была воспринята и правительством республики.

После окончания войны с Грецией правительство в поисках средств для осуществления крупной железнодорожной программы сперва опирается на средства иностранного «нейтрального» капитала, каковым оно считало американский капитал, и заключает весной 1923 г. известный концессионный договор с Честером. Схема Честера предусматривала постройку в течение 17 лет свыше 4 тыс. км путей. Мы не будем останавливаться на этой на шумевшей концессии, оказавшейся блефом и аннулированной за невыполнением Честером принятых на себя обязательств в конце 1924 г. С этого года правительство Исмет-паши решило вступить на путь самостоятельного строительства.

В апреле 1924 г. меджлис принимает закон о выкупе Анатолийской дороги, отказываясь продолжить срок действия бывшей немецкой концессии (ныне швейцарской или, вернее, английской³), и сохраняет управление дорогой в турецких руках, ассигнуя 15 млн. лир на восстановление дороги.

23 марта 1924 г. меджлис принимает закон о постройке дороги Ангора — Муссакёй и Самсун — Сивас, ассигнуя для этой цели 65 млн. лир сроком на 5 лет, и одновременно — закон о постройке узкоколейной дороги Арада — Диарбекир — Аргана, которая должна пройти по богатому медью району, ассигнуя для этого 2738 тыс. лир (22 марта 1926 г.); проект этот изменен: решено строить ширококолейную дорогу Джейхан — Гюллер — Малатия — Аргана — Диарбекир, и открыт кредит в 45 млн. лир, и одновременно, 10 апреля 1924 г., принимается решение о производстве изысканий по постройке дороги между Трапезундом и Эрзерумом.

В бюджете 1340 г. (1 марта 1924 г. — 28 февраля 1925 г.) на общественные работы, главным образом железнодорожные, вносятся 17 385 тыс. лир (около 12% бюджета), а 5 апреля 1925 г. на постройку дороги Ангора — Цезарея — Сивас и Сивас — Самсун вносится в бюджет 11 588 тыс. лир и дороги Гераклея — Карадере — 2 млн. лир (12 декабря 1925 г. этот проект изменен: принято решение строить ширококолейную дорогу Ангора — Гераклея, которая должна оживить угольный район и связать его с Центральной Анатолией, для чего открыт кредит в 40 млн. лир сроком на 5 лет).

В апреле 1925 г. открывается кредит на постройку дороги Кутахия — Тавшанлы, и в конце 1925 г. увеличиваются кредиты на постройку дороги Ангора — Сивас.

В настоящее время интенсивно ведутся работы по постройке основной линии, станового хребта — дороги Ангора — Сивас — Самсун, на части которой открыто движение, дороги Кутахия — Тавшанлы и частной турецкой дороги Самсун — Бафра.

Проблема постройки дорог исключительно сложна: одни намеченные дороги (далеко не охватывающие всего необходимого для Турции) должны поглотить свыше 200 тыс. лир (т. е. на собственные бюджетные средства могут быть построены в 15—20 лет), но правительство до последнего времени твердо держивало намеченную линию, отклоняя предложения иностранцев на сдачу в концессию постройки дорог (в частности, итальянские проекты: Гераклея — Ангора, Кутахия — Тавшанлы, и американский: Инеболи — Кастамуни).

Именно на вопросе о железнодорожной политике наряду с другими произошли в свое время разногласия между оппозицией и правительством Исмета, ибо оппозиция настаивала на невозможности строить дороги за счет нормального бюджета и требовала привлечения иностранного капитала, но правительство Исмета с вызывающей изумление настойчивостью ведет политику самостоятельного строительства, не желая сдавать важнейший участок своей экономики иностранному капиталу⁴.

Наряду с мероприятиями в области железнодорожного строительства надлежит остановиться и на мероприятиях в области судоходства.

Согласно Лозаннскому договору иностранные державы лишились права каботаж, и лишь 9 компаниям (по 3 английских, французских и итальянских) было разрешено в течение 2 лет заниматься каботажом. 1 июля 1925 г. этот срок истек, правительство его не пролонгировало, и ныне каботаж может производиться лишь под национальным флагом.

Мероприятие это при современном состоянии собственного турецкого флота вначале несомненно ударит по интересам клиентуры, но правительство принимает ряд мер к увеличению флота, ассигновав ряд сумм полуправительственной компании «Сеири-Сефаин», разрешило компании произвести заем под гарантию правительства, освободило от пошлины на 5 лет ввозимые паровые суда, приобретенные турками (закон 20 февраля 1924 г.), и в настоящий момент тоннаж флота равен около 150 тыс. т (вместо 83 тыс. т в конце 1923 г.).

Турецкому флоту трудно полностью обслужить каботаж, фрахты поднялись (правительство намеревается регулировать ставки), в перевозке грузов происходят задержки, но правительство решило не уступать в этом вопросе.

Идя по пути создания чисто национальных предприятий в области транспорта, правительство монополизировало погрузочно-разгрузочные операции в Константинопольском и Смирненском портах, создав для этой цели анонимное общество с участием турецких банков, «Сеири-Сефаин» и др. и ассигновав 500 тыс. лир. К числу тех же ярко националистических моментов надо отнести и недавнее решение о закрытии иностранных торговых палат, встретившее резкую оппозицию иностранных представителей и быстро отмененное.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Не ограничиваясь мероприятиями в области сельского хозяйства и железнодорожного строительства — этих двух китов турецкой экономики, которым уделяется максимум внимания, правительство занимается и проблемами промышленного развития страны. Мероприятия в этой области носят ярко выраженный национально-протекционистский характер, в значительной степени, однако, смягчаемый невозможностью повышения ставок таможенного обложения, поскольку до конца 1929 г. Турция связана Лозаннским договором (торговой к нему конвенцией), закрепившим на 5 лет ставки специфического тарифа.

Ошибочно общераспространенным является в нашей литературе утверждение, что правительство республики издало закон о покровительстве промышленности. На самом же деле закон о покровительстве промышленности был издан еще младотурками (закон 1 декабря 1913 г. — 14 мухаррема 1332 г.), и правительство республики лишь полностью применяет его с некоторыми дополнениями.

По упомянутому закону под его действие подходят фабрики, как существовавшие к моменту его издания, так и те, которые должны открыться впоследствии, при наличии следующих условий: если имущество стоит не менее 1 тыс. лир, если они пользуются наемным трудом, который эквивалентен 750 рабочим дням в году, если они имеют механические двигатели не менее 5 л. с.

Льготы, предоставляемые законом, при обязательном условии, что все рабочие и служащие (кроме специалистов) — турки, сводятся к безвозмездному предоставлению 5 дёнюмов земли, к освобождению от поземельного и подоходного налогов, к освобождению от всякого рода добавочных платежей, вводимых как правительством, так и муниципалитетами, к освобождению от пошлин сырья и оборудования, материалов для построек и к некоторым другим льготам.

Дополнением к закону (закон 16 апреля 1925 г.) налоговые льготы распространены на кустарные мастерские и на кустарей, изготавливающих ковры.

В духе этого же закона, но еще на более широких основаниях, построен и изданный 5 апреля 1925 г. закон о покровительстве сахарной промышленности, по которому концессия на постройку завода выдается на 25 лет с монопольным правом постройки, с освобождением на 8 лет от налогов сахара, который будет выработан на заводе, и на 10 лет — свеклы, идущей в переработку. Угольные и лигнитные копи, обслуживающие заводы, освобождаются от налогов на 25 лет.

В порядке ревизии старого османского законодательства о недрах (закон 1906 г.) внесены изменения в положение об управлении рудниками и каменными и гранитными карьерами (закон 12 апреля 1923 г.), основным из которых является требование участия турок в размере 51% в акционерном обществе, эксплуатирующем недра, и участие государства в прибылях.

На предпоследней сессии меджлиса весной 1925 г. был принят закон о нефтяных источниках, согласно которому твердо устанавливается, что все права на производство изысканий и эксплуатацию принадлежат государству, переуступающему свои права отдельным лицам или обществам.

Проект закона фиксировал и размер долевых отчислений⁵.

В том же 1925 г. меджлис принял закон о создании специального Горнопромышленного банка, которому в качестве основного капитала был передан ряд фабрик и заводов, принадлежавших правительству, и выделены некоторые оборотные средства (основной капитал — 15 млн. лир, оборотные — 1,2 млн. лир), причем капиталы, резервы, дивиденды и недвижимости банка освобождены от всех налогов, сборов и такс.

В числе правительственных мероприятий последнего времени надлежит отметить поставленный в порядке дня вопрос о создании собственной металлургической промышленности, под-

нятый еще в 1924 г., в связи с передачей в концессию Банку национального кредита (с участием немецких банков) эксплуатации Арганских медных рудников⁶. Не ограничиваясь вопросом о меди, правительство решило приступить к созданию собственных металлургических предприятий, и 15 марта 1925 г. меджлис принял постановление об открытии для этой цели кредитов в 18 млн. лир сроком на 4 года.

Вкратце отмеченные правительственные мероприятия, участие правительства в ряде новых предприятий, несомненно, оживили до некоторой степени промышленную инициативу молодой турецкой буржуазии.

Отсутствие подробно разработанных статистических данных о количестве работающих предприятий, продукции, количестве двигателей и рабочих не позволяет дать четкой картины общего состояния промышленности, да это и не входит в задачи нашего очерка. Мы лишь отметим важнейшие моменты, характеризующие некоторое промышленное оживление. Так, например, с конца 1923 г. до начала 1925 г. зарегистрировано 68 новых предприятий, применяющих двигатели общей мощностью в 9801 л. с.

В угольном районе организовано при участии Горнопромышленного банка и пароходной компании «Сеири-Сефаин» чисто турецкое Общество угольных шахт Килимли. Закон о льготах для сахарной промышленности вызвал к жизни создание двух предприятий — компании по постройке завода в Ушаке (капитал 300 тыс. лир, участие правительства — 50 тыс. лир) и во Фракии, в Альполу, с капиталом 1200 тыс. лир — в значительной степени иностранным⁷.

Вопросом о постройке сахарных заводов в Турции заинтересовалась как Франция, так и Чехословакия.

В области ткацкой промышленности надо отметить 3 небольшие фабрики по изготовлению пряжи для ковров, созданные на правительственные средства, открытие текстильной фабрики Национально-текстильного общества в Ангоре, расширение существующих суконных фабрик; надо отметить также увеличение числа маслостружечных заводов, мельниц, рост производства обуви.

На пути развития только нарождающейся турецкой промышленности стоит ряд весьма серьезных затруднений — отсутствие достаточных капиталов, отсутствие рабочих рук, особенно квалифицированных, и бездорожье.

Национальный частный капитал, разьединенный и слабый, проявляет весьма слабую инициативу в деле создания крупной промышленности (в частности, металлургической). Иностранный капитал не идет в Турцию, выжидая, не сдаст ли турецкое правительство своих позиций, не пойдет ли оно на частичные уступки.

Несомненно, трудно ожидать быстрого и скорого расцвета в промышленности; далеко то время, когда Турция сможет удовлетворять себя своими собственными изделиями, но тенден-

ции роста в этой области налицо, и они до некоторой степени характеризуются данными о ввозе металлов за последние годы: 1923 г. — 33 992 т, 1924 г. — 40 979 т, 1925 г. — 126 570 т.

Данные о ввозе машин следующие: 1923 г. — 2638 т, 1924 г. — 8604 т, 1-е полугодие 1925 г. — 7268 т.

БАНКИ

Национальная политика, проводимая Турцией, весьма отчетливо выявляется и в области банковской.

До последнего времени Турция не имела сколько-нибудь серьезных банковских институтов, и до сих пор не имеет собственного государственного банка.

Государственным банком для Турции является Оттоманский банк, основанный по концессии 1863 г. Через этот банк, наделенный исключительными привилегиями, являвшийся одновременно и эмиссионным банком, и казначейством, и кредитным учреждением, прошли почти все займы; банк участвует в ряде концессионных предприятий.

Баланс банка на 31 декабря 1924 г. составлял 27 409 236 ф. ст. и на 31 декабря 1925 г. — 26 738 505 ф. ст. Собственный капитал банка — 10 млн. ф. ст., из коих покрыта половина. Текущие счета, привлеченные внутри страны, составляют 11 043 037 ф. ст. (понижились за год на 1 млн. ф. ст.).

Собственные средства банка помещены в наличных деньгах и ценностях (около 6,5 млн. ф. ст.); на операции с фондами и валютой обращены не только собственные средства, но и часть привлеченных средств (по учету векселей 5,5 млн. ф. ст., по онкольным операциям 6141 тыс. ф. ст.).

Счета банка показывают, что его задача сводится не к привлечению иностранных капиталов, а к аккумулярованию местных средств — и в этом его крупная роль и значение.

Кроме Оттоманского банка в Турции работает ряд отделений иностранных банков — Салоникский, Ближневосточный, Банк для внешней торговли (французские), Иониен и Коммерческий ближневосточный — английские, 4 итальянских банка, голландский, бельгийский и 2 немецких банка — Дойче банк и Дойче Ориентбанк (филиал Дрезденского банка).

Поскольку все перечисленные выше банки (кроме Салоникского) являются отделениями европейских банков, трудно судить о размере их капиталов, о характере операций на территории Турции, но несомненно, что собственные капиталы банков и часть привлеченных пассивов сосредоточиваются в операциях с фондами и валютой, активные операции производятся за счет собственно турецких средств.

Исключением является Дойче банк, пытающийся восстановить свое довоенное положение, привлекающий из-за границы

капиталы для финансирования ряда предприятий (горные, о-ва «Радио», строительство).

Турецкое правительство весьма недовольно деятельностью банков, и это недовольство нашло свое отражение в циркуляре, посланном банкам комиссаром торговли осенью 1925 г., в котором указывается: 1) что отделения банков имеют очень небольшие собственные фонды; 2) что вклады обращаются на приобретение валюты, изымаясь из оборотов страны; 3) что кредиты купцам сокращены до минимума; 4) что турецкие учреждения и банки пользуются минимальным кредитом и что банки спекулируют валютой.

Циркуляр кончается угрозой, что если отделения иностранных банков не будут помнить о своих обязанностях по отношению к турецкому населению, то вкладчики будут приглашены к изъятию вкладов. Циркуляр, запрещающий вывоз за границу вкладов, одновременно предлагает открывать турецким клиентам кредиты, равные прошлогодним, обязывает банки строгой ежемесячной отчетностью.

Если в этом циркуляре и сгущены краски, то все же общая картина нарисована верно; однако путь административного воздействия на банки, фактически примененный директором константинопольской торговой зоны, вряд ли сколько-нибудь серьезно улучшил положение, вызвав со стороны иностранного капитала еще более сдержанное отношение к операциям в Турции.

Остро чувствуемая зависимость страны от иностранных банков, колебания курса лиры, носящие часто спекулятивный характер, поставили на очередь вопрос о создании собственных банков.

Однако правительство не решилось на ликвидацию концессии Оттоманского банка, сильнейшего кредитного учреждения в стране, и продлило концессию, окончившуюся в 1925 г., еще на 10 лет, внося ряд изменений в первоначальные кабальные условия.

Соглашениями 10 мая 1924 г. и 21 марта 1925 г. предусмотрено, что турецкое правительство оставляет за собой право открытия собственного государственного банка, однако и в этом случае за Оттоманским банком сохраняется право эмиссии; за эмиссию банк платит правительству 1,5% за выпуск банкнот на сумму до 3 млн. лир и 2% — свыше этой суммы; банк лишается исключительного права на хранение всех сумм, поступающих в качестве государственных доходов (казначейские функции), что давало ему значительные беспроцентные оборотные средства. Этой оговоркой правительство вернуло себе право свободного распоряжения государственными средствами.

Кроме того, банк обязался внести на текущий счет правительства 5 млн. лир (половину — в фунтах стерлингов); на текущий счет Сельскохозяйственного банка — 2 млн. лир и для операций в Турции выделить 500 тыс. ф. ст.; помимо того, банк обя-

зался не производить от своего имени и за свой счет обмена против иностранных девиз турецких фондов, депонированных у него, обязался увеличить число служащих-турок до 60% и ввести делопроизводство на турецком языке.

Идя по пути создания собственных банковских институтов, правительство, как мы уже отмечали, реорганизовало Сельскохозяйственный банк, увеличив его капитал с 10 млн. до 19 млн. лир, организовало в августе 1924 г. Деловой банк (Ишбанкасы), тесно связанный с правящей Народной партией (банк иногда именуется банком Кемаля), которому правительство оказывает всяческую поддержку, втягивая его в разные концессии торгово-промышленного характера; в экономической политике банку отводится значительное место, по балансу банка на 1 января 1925 г., через 4 месяца по его открытию, текущие счета и вклады составляли 2 456 682 лиры.

Деятельность Банка национального кредита с капиталом в 4 млн. лир, открытого в 1917 г., развернулась лишь при правительстве Великого национального собрания, которое первоначально предполагало передать ему право эмиссии и возложить на него функции государственного банка и казначейства, однако слабость банка не позволила этого сделать. Капитал банка покрыт лишь наполовину. Баланс его составлял на 31 декабря 1924 г. 12 563 668 лир и на 31 декабря 1925 г. — 14 513 598 лир; текущие счета — 6015 тыс. лир.

Банк ведет очень осторожную политику — в наличности держится около 3 млн. лир, по учету — около 2 млн. лир и авансы под обеспечения — около 12,5 млн. лир; значительная часть баланса представляет из себя лишь оборотные средства.

Из других собственных банков надо отметить Горнопромышленный банк (о нем мы говорили выше) и Торгово-промышленный банк египетского хедива Абаса Хильми — фактически не турецкий, а французский (Ротшильд).

В настоящий момент разрабатываются проекты создания Ипотечного банка, что стоит в тесной связи с общей политикой капитализации земли, с капиталом около 20 млн. лир, для которого будут использованы Фонды сиротских касс, и Банка железнодорожных и общественных работ с капиталом в 90 млн. лир. К покрытию капитала этого банка предполагается привлечь Управление вакуфами (25 млн.), правительство и муниципалитеты.

Надо констатировать, что пока собственные банки не играют крупной роли в экономике страны.

БЮДЖЕТ И НАЛОГИ

Рассмотрев ряд отраслей турецкой народнохозяйственной жизни, мы в заключение считаем необходимым несколько остановиться на налоговой деятельности правительства и попутно ознакомимся с бюджетом⁸.

Бюджет на 1926/27 г. (с 1 июня 1926 г. по 31 мая 1927 г.) должен войти в историю турецких финансов как первый бездефицитный бюджет.

Восстановление турецкого народного хозяйства, отмеченное выше, находит свое яркое отражение и в бюджете, из года в год увеличивающемся.

Бюджет последних трех лет в доходной части выглядит следующим образом (в тур. бум. лирах):

1340 г. (март 1924 г. — февраль 1925 г.)	129 214 610
1341 г. (» 1925 г. » 1926 г.) ⁹	153 046 854
1926/27 г. (1 июня 1926 г. — 31 мая 1927 г.) . .	190 150 854

Если принять за 100% доходы 1924/25 г., то мы последовательно имеем: для 1925/26 г. — 119%, для 1926/27 г. — 132%, в то время как падение курса лиры (среднегодовое) за этот же период не превысило 7—8% в отношении фунта стерлингов; в отношении доллара и золотой лиры курс оставался почти без изменения.

До прошлого года бюджет Турецкой Республики сохранил в себе все старые, основные черты бюджета Оттоманской империи. Правительству Великого национального собрания, занятому освободительной войной, было не до коренных реформ финансово-налогового законодательства. Озабоченное изысканием средств, оно шло по линии увеличения существующих налогов в меру главным образом падения курса лиры¹⁰.

До 1925 г. сохраняло оно и основную «язву» на теле Турции, налог ашар (дим), десятину на произведения почвы, в размере 12,5% собранного продукта. Отменить его было тем труднее, что ашар являлся наряду с таможенными пошлинами главной статьей турецкого бюджета, составив, например, в 1924/25 г. 27 млн. лир, или около 22% всего бюджета. Тем не менее 17 февраля 1925 г. меджлис принял закон (№ 552) об уничтожении ашара и о введении вместо него налога на сельскохозяйственные продукты, взимаемого деньгами в размере 8—10% стоимости товара в месте доставки.

Наряду с отменой ашара и введением сельскохозяйственного налога был увеличен в 8 раз поземельный налог со стоимости земли согласно оценке 1916 г., взимавшийся до того в размере 6 pro mille. Этим повышением, в сущности, учитывалось лишь падение курса лиры.

Отмена ашара образовала крупную брешь в бюджете 1925/26 г., который был сведен с дефицитом в 30 885 873 лиры. Меджлис, утверждая бюджет, принял постановление, обязывающее правительство сократить расходную часть бюджета на 16 980 тыс. лир, т. е. уменьшить дефицит до 14 млн. лир.

К осени 1925 г. правительство разработало ряд новых мероприятий в области налогового обложения, принятых с извест-

ными поправками меджлисом. В области прямого обложения были проведены законы о двух налогах:

1. Личный налог, принятый меджлисом 8 февраля 1926 г. (закон № 733).

Налог этот падает на всех физических и юридических лиц, которые должны выплачивать какой-либо прямой налог, т. е. налог на землю, строение, прибыли.

2. Подоходный налог введен вместо взимавшегося ранее промыслового налога (теметтю), исчислявшегося ранее весьма архаическим способом (за базу принимались не реальные доходы, а стоимость платы за наем помещения).

По новому закону платят подоходный налог все физические и юридические лица, имеющие самостоятельный доход, за исключением некоторых категорий (земледельцы освобождены от его уплаты).

Характерной чертой этого налога является отсутствие необлагаемого минимума и своеобразный «либерализм» в отношении крупных капиталов. Подоходный налог всей своей тяжестью падает на мелкую и среднюю буржуазию (крестьянство от него свободно).

Создающая свою крупную буржуазию Турция ставит крупный капитал в весьма привилегированное в смысле обложения положение; в налоговой политике особенно резко сказывается классовый характер турецкой экономической политики.

Крупнейшей законодательной новеллой в области косвенных налогов являются законы о налогах на потребление, вступившие в силу с 1 мая 1926 г.

До сего времени в Турции существовали налоги на потребление, носившие довольно ограниченный характер: налоги эти взимались согласно закону 15 марта 1335 г. (1919) с сахара, чая, кофе, керосина, риса, пряностей, маргарина, свечей, мыла и порожних мешков (т. е. исключительно с импортных товаров) при ввозе их в таможенную.

Законом 15 апреля 1338 г. (1922) ставки этого налога на потребление были повышены; 3 марта 1925 г. к числу объектов обложения налогом на потребление были добавлены хлопчатобумажные и шерстяные ткани.

Наряду с этим налогом на потребление существовали акцизы на карты, бильярд, спиртные напитки, папиросную бумагу, спички.

С 1 мая 1926 г. наряду со старыми налогами на потребление введены новые, универсальные налоги на общее потребление в размере 2,5%.

Налоги эти ложатся тяжелым бременем на потребителя, ибо 2,5% уплачиваются при каждом переходе товара из рук в руки, и фактически равняются минимум 15%, падая главным образом на городского потребителя.

Применение этого налога, начавшееся лишь 1 мая, вызвало весьма заметное вздорожание жизни, ряд нареканий и очень серьезных злоупотреблений благодаря несовершенству как методов взимания, так и форм контроля и в настоящий момент заменяется налогом на оборот, фиксируемый специальной комиссией.

Одновременно с введением в действие закона о налоге на общее потребление вступил в силу закон о налоге на развлечения и потребителемском налоге, взимаемом исключительно в городах (в губернских и уездных), портах, в городах, имеющих железную дорогу, в поездах и на пароходах — с ресторанов, кафе, гостиниц и т. п. учреждений в размере от 10 до 20%. И в этом новом налоге сказалась основная тенденция правительства — перенести тяжесть обложения на городского потребителя.

Всего косвенные налоги по бюджету 1926/27 г. исчислены в размере 78 746 тыс. лир, или в 41,4% бюджета; в предшествующие годы они составляли 42 631 тыс. (33%) и 52 015 тыс. (34%).

Однако перечисленным не ограничиваются косвенные налоги; к ним в значительной степени могут быть отнесены и государственные монополии.

В дополнение к существовавшим табачной, соляной и спичечной монополиям в 1926 г. с января введены сахарная и керосино-бензиновая монополии, а с 1 июня — и государственная спиртная монополия. Эти монополии по бюджетным исчислениям должны дать 8 млн. лир дохода казне.

Отсутствие опыта в деле закупок крупных партий товара и отсутствие собственного распределительного аппарата вызвало резкое удорожание цен на рынке, а местами даже товарный голод.

Как и последние мероприятия правительства в области финансового законодательства, и эти монополии вызвали резкие нападки в прессе, интерpellацию в парламенте о причинах вздорожания товаров. В начале июня меджлис принял решение об отмене монополии ввоза и о сохранении в силе лишь монопольного налога, который будет уплачиваться при ввозе товаров в страну; 5 июня соответствующий законопроект о керосине принят меджлисом — ввоз объявлен свободным.

К этому в сущности и сводится вся монополия.

Расходная часть бюджета за последние три года составлялась следующим образом (в лирах):

1924/25 г.	140 433 363
1925/26 г.	183 932 727 ¹¹
1926/27 г.	189 407 764

В предшествующие годы бюджет, как мы уже отмечали выше, сводился с дефицитом, рост расходов превышал рост доходов, и лишь впервые в 1926 г. бюджет сбалансирован.

Однако это сбалансирование достается Турции дорогой ценой, путем отказа от самых жизненных для ее развития статей расходов.

В бюджете обращает на себя внимание совершенно исключительный темп роста расходов по национальной обороне и морскому ведомству как в абсолютных цифрах, так и по их месту в бюджете. Расходы по этим двум статьям составляли в 1924/25 г. 33 862 тыс. лир, или около 24% всего бюджета; в 1925/26 г.— 48 369 тыс. лир, или около 26%, и, наконец, по бюджету текущего года — 68 410 тыс. лир, или 36%.

Если учесть, что расходы на жандармерию и общественную безопасность (полицию) составляют 14 403 889 лир, что на ремонт крейсера «Гебен» («Явуз») ассигновано 3500 тыс. лир, то общая доля расходов по обеспечению внешней и внутренней безопасности поднимается до 44%.

Для Турции в ее теперешнем положении это явление хотя и печальное, но вполне нормальное.

Напряженные отношения с Англией из-за Мосула, итальянская шумиха, поднятая весной этого года Муссолини и вновь возобновившаяся осенью и весьма недвусмысленно направленная против Турции,— все это с достаточной серьезностью указывает на необходимость для Турции быть постоянно начеку.

Следующей крупной статьей расходов являются расходы по министерству общественных работ, т. е. главным образом по железнодорожному строительству, в 14 279 631 лиру, или около 7% бюджета. Однако по сравнению с прошлым годом расходы эти сокращены (19 667 265 лир).

Наследие прошлого, от которого Турция не отказалась,— платежи по долгам, составляет в бюджете текущего года 10 136 108 лир, или около 5% бюджета. В довоенное время платежи по долгам составляли около 30%.

Переговоры по вопросу о размере ежегодных платежей, которые велись в Париже, как известно, недавно оборвались, так как представители Турции не могли договориться с держателями иностранных займов.

Бюджет текущего года представляет из себя картину чрезвычайного напряжения платежеспособных средств страны и неудовлетворения, несмотря на это, ряда самых насущных потребностей.

Чрезвычайное напряжение финансового положения и громадные затраты на армию явились одной из крупнейших предпосылок подписания 5 июня с. г. договора о Мосуле, ликвидирующего хотя бы на ближайшее время вечную угрозу войны,— угрозу, висевшую над Турцией и мешавшую ей спокойно вести работу по восстановлению своего потрясенного бесчисленными войнами народного хозяйства.

ФИНАНСЫ ПЕРСИИ ¹

До революции 1907 г. Персия не знала сколько-нибудь организованной финансовой системы. Многообразие системы обложения, откупная система сбора налогов, произвол и хищничество губернаторов и помещиков, оставлявших громадную часть собираемых налогов в свою пользу, отсутствие централизованного управления доходами и расходами ², громадные расходы двора,— все это создавало хаотический беспорядок в финансах, вечную нужду в деньгах, пополняемую крупными займами за границей, займами, тратившимися самым непроизводительным образом; в обеспечение займов правительство отдавало доходы с таможен, рыбных промыслов, телеграфа, сдавало концессии и принимало тяжелые обязательства отказа от постройки железных дорог. Последние два десятилетия характеризуются попытками проведения коренных реформ в деле финансового управления ³. Уже первый меджлис вступает на путь финансовых реформ, сокращает расходы двора, изымает сбор десятины из рук помещиков, принимает решение о проведении кадастра. Поземельный налог, лежавший в основе персидских финансов, исчислялся на основании кадастра, составленного еще в начале XIX в., что вело к исключительным злоупотреблениям. Размер налогов, подлежащих сбору губернаторами, определялся особой инструкцией и исчислялся на основе старого кадастра. Однако губернаторы фактически значительно увеличивали сборы и излишек брали в свою пользу.

Первый меджлис повысил величину поземельного обложения, падающего на отдельные округа, учитывая этим в пользу государства ту разницу, которая шла в карман губернаторов. К эпохе первого же меджлиса относится и первая попытка создания бюджета — так называемый бюджет Насер эль-Молька, принятый в ноябре 1907 г. и сведенный с плюсом в 6 млн. фр., но вспыхнувшее контрреволюционное движение не позволило провести в жизнь ни этот бюджет, ни все другие мероприятия первого меджлиса.

Вторая попытка урегулирования финансов относится к периоду второго меджлиса, ко времени управления финансами американского советника Моргана Шустера. На реформах, наме-

ченных в этот период, следует остановиться подробнее, ибо они лежат в основе деятельности ныне работающей в Персии американской миссии, возглавляемой Мильспо.

В феврале 1911 г. меджлис принимает закон, устанавливающий обязательность ежегодного составления бюджета, порядок его прохождения и составления. В мае того же года приезжает в Персию генеральный казначей, который в течение полутора месяцев проводит два чрезвычайно важных закона — 30 мая и 13 июня 1911 г.

Согласно первому закону общий контроль над расходованием средств, представленных в виде займа Шахиншахским банком в размере 1250 тыс. ф. ст., предоставлялся министру финансов под наблюдением генерального казначея, причем до реорганизации министерства финансов создавалась временная секция контроля, подчиненная генеральному казначею.

Второй закон шел неизмеримо дальше, возлагая на Шустера прямой и фактический контроль над всеми финансовыми и фискальными операциями, включая сбор всех без исключения налогов, равно как контроль и ведение отчетности по всем расходам. На него же возлагалась организация центрального управления по сбору налогов, контролю и операциям казначейства, причем к кругу ведения этого управления относились все дела правительства с банками, все вопросы денежного обращения, все переговоры о займах, концессиях и финансовых соглашениях. Без согласия генерального казначея не мог быть произведен ни один платеж. На него же возлагалось составление бюджета, ему вменялось в обязанность соблюдение возможной экономии, и в его распоряжение были отпущены кредиты на создание специальной финансовой инспекции.

Российский посланник в Персии Поклевский-Козел отмечал, что «старший из американских советников будет пользоваться гораздо большими правами, чем не только министр финансов, но и весь кабинет министров в целом».

Попытка Шустера прибрать к рукам Таможенное управление и взять под контроль таможенные доходы, обеспечивающие русские займы, встретила резкое противодействие царской России. Нератов указал посланнику, что предоставлять американцам полное распоряжение финансами безусловно опасно. Последовавшее вскоре назначение Шустера советником по военным делам было расценено в министерстве иностранных дел как «диктатура, которую мы санкционировать никогда не согласимся», и в октябре того же 1911 г. Персии был предъявлен ультиматум об отстранении Шустера. Так неудачно закончилась вторая попытка финансовых реформ, реформ, противоречащих интересам России (и Англии).

Централизация государственного финансового аппарата, намеченная Шустером, не была осуществлена, а закон 11 марта

1915 г. еще более усилил старое, децентрализованное управление.

Следующая попытка финансовых реформ относится к периоду 1919—1920 гг., когда англичане, бывшие в тот момент господами положения, заключили свой известный договор 9 августа 1919 г., один из пунктов которого отдавал Персию под полный финансовый контроль Англии. Приглашенный для улучшения финансового положения английский чиновник Эрмитадж Смит не успел ничего сделать и уехал, после того как в 1921 г. был аннулирован этот договор.

В конце 1922 г. в Персию прибыла американская финансовая миссия, возглавляемая д-ром Мильспо, которому согласно контракту от 27 июня 1922 г. (сроком на 5 лет) предоставлены весьма значительные полномочия как по организации управления финансами, так и по сбору и расходованию денежных средств, составлению бюджета, изысканию новых источников доходов и т. д.

Права его помимо контракта четко определяются законом от 24 февраля 1923 г. (5 хута 1301 г.), по которому к генеральному администратору финансов поступают все государственные доходы как деньгами, так и натурой, равно как все средства от концессий и договоров; им же утверждаются все расходы. В своей деятельности Мильспо ответствен перед министром финансов, однако в случаях разногласия с ним он имеет право непосредственного обращения к совету министров.

В течение полутора лет Мильспо создал государственное казначейство, централизовал в руках министерства финансов все управление финансами страны, подчинив ему управление косвенными налогами и государственными землями, перешедшее было под контроль военного министерства, службу продовольственного снабжения войск, Иранский банк (бывший Учетно-ссудный банк Персии), все доходы, собираемые разными министерствами, управление таможами, доходы от Англо-персидской компании и монетный двор. В настоящий момент управление персидскими финансами представляет из себя стройную, строго централизованную систему и состоит из управления таможами, генерального казначейства, управления отчетностью внутренних доходов, продовольственного управления, монетного двора, Иранского банка и провинциальных финансовых и таможенных агентств. Во главе всех главных центральных управлений и областных стоят американцы.

В условиях персидской действительности это является колоссальным достижением и первым шагом по пути улучшения финансового положения страны, достигаемого, однако, жестким усилением налогового бремени, увеличением косвенных налогов, падающих в первую очередь на крестьянина и городского потребителя — ремесленника и чиновника. Ниже мы подробно остановимся на проведенных мероприятиях, на новых налогах, здесь

же отметим, что на пути к постройке нормального бюджета пришлось провести серьезную ломку старых методов и способов налогового обложения, аннулировать ряд архаических мелких, но бесчисленных налогов и ввести известное единообразие в налоговую систему.

От этого краткого исторического обзора реформ персидских финансов мы переходим к ознакомлению с персидскими финансами. Структура персидского бюджета за последние годы представляется в следующем виде (в кранах ⁴):

Год (по фактическому выполнению)	Доходы	Расходы	Дефицит	Излишек
1922/23 (1301)	228 714 299	255 077 911	26 373 612	—
1923/24 (1302)	231 118 597	241 310 843	10 192 246	—
1924/25 (1303)	297 499 048	234 988 177	—	2 510 871

Бюджет на 1925/26 г.⁵ был составлен в сумме 247 675 940 кранов в доходной части и в 247 159 070 кранов в расходной с превышением доходов над расходами в 516 870 кранов.

Имеющиеся уже теперь предварительные данные позволяют судить о том, что фактическое исполнение бюджета значительно превысило сметные предположения и что только за первые 3 квартала доходы выразились, по далеко не полным сводкам, в 212 977 тыс. кранов, а в IV квартале, по неполным же данным, — 79 967 434, т. е. годовое поступление выразится в сумме свыше 300 млн. кранов.

Столь крупное превышение фактических поступлений над сметными объясняется в значительной степени введением с мая 1925 г. сахарной и чайной монополии (см. ниже), а также большим, нежели это предполагалось, поступлением платежей от Англо-персидской компании, — другие же статьи доходов изменились незначительно. Так, по смете Англо-персидской компании исчислено на год 25 млн. кранов, а лишь за 9 месяцев получено 33 421 тыс. кранов.

Для страны с 10-миллионным населением бюджет очень велик, и в то же самое время темп роста доходов за время с 1922/23 по 1924/25 г. был необычно малым, составляя последовательно 100, 101,5 и 103,8%; для 1925/26 г. (по бюджетным предположениям) — 108,3%. По фактическому же выполнению 1925/26 г. даст по сравнению с 1922/23 г. около 30%, резкий скачок относится лишь к этому последнему году.

Из-за отсутствия исчерпывающих статистических данных нельзя судить об общем темпе развития персидского народного хозяйства, выяснить, в какой мере соответствует ему рост бюджета, и поневоле приходится ограничиться лишь имеющимися данными о внешней торговле, которые до некоторой степени все же характеризуют общее состояние народного хозяйства (табл. 1).

Таблица 1

Год	Экспорт (без нефтепродуктов)		Импорт	
	тыс. кранов	%	тыс. кранов	%
1913/14	438 075	—	647 150	—
1922/23	305 393	100	619 200	100
1923/24	385 495	126	694 252	113
1924/25	485 368	159	771 445	124
1925/26*	ок. 530 000	177	ок. 880 000	142

* Полных данных за 1925/26 г. еще нет. Известно, что общий экспорт, включая нефтепродукты, составил 1104 млн. кранов; в то же время известно, что за первые 9 месяцев экспорт (без нефтепродуктов) составил 393 300 тыс. кранов, т. е. на 10% выше, чем в соответствующий период предшествующего года (357 млн.), исходя из этого взято общее повышение на 10%.

Судя по темпу роста товарооборота, особенно по экспорту, наиболее характеризующему темп развития производительных сил страны, можно сделать вывод, что рост бюджета в последние годы отставал от темпа общего развития страны, лишь в последний год несколько к нему приблизившись. Это свидетельствует об известной негибкости налоговой системы, о неумении (или, вернее, нежелании) изыскать новые источники обложения, которые пали бы на те группы или на тот класс населения, который наиболее выигрывает от роста внешнеторгового оборота, извлекая из этого крупную торговую прибыль, т. е. на торговую буржуазию.

Вместе с тем, если обратиться к известному полному довоенному бюджету (1912/13 г., исчисленному в 107 346 453 крана, приводимому Demorgny в указанной выше книге), могущему служить для некоторых ориентировочных данных, то получится следующая любопытная картина: бюджет 1912/13 г.— 107 346 453 крана (100%), в 1924/25 г. он составляет 237 499 048 (221%) и в 1925/26 г. около 300 млн. кранов (280%).

В то же самое время товарооборот⁶ 1924/25 г. составляет по отношению к 1913/14 г. около 115%, а в 1925/26 г.—около 129%, т. е. налицо очень крупный рост бюджета, значительно обогнавший по темпу развитие производительных сил страны.

Объяснение этому явлению мы получим только из подробного сопоставления отдельных составных частей бюджета (в кранах), которое мы сначала произведем по отдельным, главнейшим рубрикам (табл. 2).

Таблица 2

	Фактическое выполнение		Предполагаемое выполнение 1925/26 г.	Фактическое выполнение за 9 месяцев 1925/26 г.
	1912/13 г.	1924/25 г.		
Таможенные доходы	42 889 433 40%	91 283 557 38,4%	91 350 000 37,3%	71 443 277 33,5%
Платежи Англо-персидской К°	—	17 364 964 7,3%	25 000 000 10,1%	33 421 167 15,6%
Прямые налоги . . .	37 433 615 34,8%	51 284 227 21,2%	46 079 980 18,7%	37 162 375 17,4%
Косвенные налоги	7 016 228 6,5%	30 892 177 13%	38 904 220 15,6%	38 793 953 21 484 053*
				50 278 006 23,6%
Прочие доходы . . .	20 007 177 18,7%	46 134 123 19,4%	46 341 740 18,8%	19 337 386 9%
Всего . . .	107 346 453	237 499 048	247 675 940	212 977 439

* Чайно-сахарная монополия.

Табл. 2 отчетливо выявляет все основные тенденции построения персидского бюджета — исключительный рост таможенного обложения и других косвенных налогов, значительное уменьшение роли прямых налогов при замедленном росте их в абсолютных цифрах (с тенденцией к уменьшению) и увеличению прочих видов поступлений наряду со все возрастающей долей (в процентах и в абсолютных цифрах) поступлений от Англо-персидской компании в виде 16% чистой прибыли; эта статья совершенно не зависит от персидского правительства и определяется лишь размерами ежегодно увеличивающейся добычи и получаемыми компаниями доходами.

Рост доходов в процентах виден из следующего:

	1912/13 г.	1924/25 г.
Таможенные доходы . .	100	214
Прямые налоги	100	137
Косвенные налоги . . .	100	440
Прочие доходы	100	230

Первое место в ряду доходных поступлений занимают таможенные доходы, которые в 1925/26 г., по не совсем полным данным, выразились в 93 555 563 кранах, несколько превысив сметные предположения. В 1913/14 г. доходы от таможен составили 47 402 963 крана, т. е. увеличение почти на 100%, в то время как

товарооборот увеличился примерно всего на 25—30%, т. е. это объясняется резким увеличением таможенного обложения.

В странах колониальных и полуколониальных с неналаженной финансовой организацией, с малой дифференцированностью объектов обложения таможенные доходы всюду играют крупную роль в бюджете.

История персидского таможенного тарифа в кратких чертах такова.

С 1813 г. согласно Гюлистанскому договору, подтвержденному в 1828 г. ст. 3-й Туркманчайского договора, все товары, ввозимые в Персию из России и обратно, облагались 5% *ad valorem*; согласно договорам, заключенным с другими странами по принципу наибольшего благоприятствования, и на них были распространены те же ставки, и лишь с товаров турецких взималось 6% (табак и соль — 5%). Таможенный тариф 1813—1828 гг. значительно тормозил товарооборот, будучи основан на весьма произвольной оценке товаров, что особенно имело место в сдаваемых на откуп персидских таможах. Кроме того, обложение было неравномерным — товары, привозимые непосредственно персидскими купцами, облагались всего 4%. Ряд русских товаров облагался очень высоко, и особенно чувствительной была пошлина на вывозимые из Персии в Россию товары (хлопок, шерсть, рис).

Сдача таможен на откуп лишала персидское правительство значительной доли доходов, которые составляли в 1898/99 г. всего 10 млн. кранов (нетто).

Россия была крайне заинтересована в упорядочении таможенного дела, ибо доходами с северных таможен обеспечивался платеж по первым двум займам, и в уменьшении ставок по основным статьям своего экспорта.

Реорганизация персидских таможен, отказ от сдачи таможен в откуп и организация таможенного управления (1900 г.), переданного в руки бельгийских специалистов, сразу подняли их доходы, которые в 1902/03 г. составили 23 894 268 кранов брутто (20 280 321 нетто), или 5,2% к общему обороту в 449 174 973 крана.

Одновременно с реорганизацией таможен Персия приступила к пересмотру таможенного соглашения с Россией (1900 г.), каковой пересмотр закончился подписанием 27 октября 1901 г. соглашения, изменяющего соответствующий пункт Туркманчайского договора. Обе стороны отказались от обложения ввоза и вывоза в 5% *ad valorem* и вводили специфические тарифы. Не касаясь деталей этого соглашения, отметим, что оно уменьшило обложение экспортных товаров российских, увеличило обложение (чай) английских (при ввозе в Персию) и одновременно сократило обложение экспорта, применявшееся ранее, как в России так и в Персии⁷. Соглашение это было враждебно встречено в Англии, которой, однако, ничего не оставалось делать, как под-

писать соответствующее соглашение с Персией (в начале 1903 г.), и с 1(14) февраля 1903 г. были введены в действие новые тарифы 1901—1903 гг.

Непосредственным результатом новых тарифов было резкое увеличение товарооборота, однако изменение тарифов не увеличило (относительно) доходов, извлекаемых из внешней торговли фиском.

Обычное утверждение, что тарифы 1901—1903 гг. заметно увеличили доходы, нуждается в известной поправке, как это ясно показывает следующее сопоставление (в кранах):

Год	Оборот	Таможенные доходы брутто (включая и прочие сборы)	% к обороту
1902/03	462 462 743	23 894 268	5,1
1903/04*	639 810 662	33 904 247	5,3
1904/05	597 875 953	31 687 460	5,3
1913/14	1 085 239 000	47 402 963	4,4

Таким образом, в среднем изменения, внесенные в таможенные тарифы 1903 г. по сравнению с тарифами 1813—1828 гг., не только не повысили (в процентах) обложения, но даже несколько понизили. В самой структуре таможенных доходов, однако, произошли изменения — увеличилось несколько обложение импортируемых в Персию товаров и сократилось обложение экспорта. В 1913/14 г. ввозимые пошлины (38 476 464 крана) составляли 6,3% оборота по импорту (617 500 тыс.), вывозные же пошлины (5 481 746 кранов) составили 1,3% оборота по экспорту (438 075 тыс.).

Тарифы 1901—1903 гг. просуществовали до 22 марта 1920 г., когда по соглашению с Англией были введены новые, значительно повышенные тарифы, причем особенно резко были увеличены ставки на товары, ввозимые из России и обратно, уменьшены ставки по английским товарам.

Не касаясь по-прежнему деталей этого соглашения, отметим, что оно действительно увеличило доходность не только в абсолютных цифрах, но и в относительных (за 1924/25 г. 7,2% к общему обороту), причем особенно резко увеличилось обложение импортных товаров (в кранах), составляя в среднем около 9% вместо прежних 5%:

Год	Импорт	Таможенные доходы от импорта	%
1920/21	482 351 633	43 198 255	8,9
1924/25	771 445 143	78 445 143	10,2
1925/26	880 000 000	79 958 477	9,1

(предварительно)

При этом надо иметь в виду, что на самом деле тяжесть обложения увеличилась более чем в два раза по целому ряду товаров, что благодаря удорожанию товаров импорт (в весовых

единицах) значительно еще отстают от довоенного⁹. Особенно возросло обложение сахара, за который взимается кроме повышенной пошлины еще сюртакс в размере 1 крана с батмана (9,6 крана за пуд песка вместо 0,55 крана и 11 кранов за пуд рафинада вместо 1 крана).

Что касается обложения экспорта, то в среднем оно повысилось незначительно (в кранах):

Год	Экспорт	Таможенные доходы	%
1913/14	438 875 000	5 481 746	1,3
1920/21	137 351 000	2 813 421	2,0
1924/25	485 363 000	8 584 353	1,5

Истекший 1925/26 год дал по таможенным поступлениям 93 539 848 кранов, по предварительным подсчетам, вместо исчисленных по бюджету 91 350 тыс. кранов.

Заканчивая ознакомление с основной частью бюджета, отметим, что с 1923 г. в отношении СССР восстановлено действие старых тарифов 1901—1903 гг. и СССР взаимно применяет к Персии не свой автономный тариф, а тариф 1901—1903 гг. Это обстоятельство наряду с сокращением роли СССР в товарообороте Персии по сравнению с довоенным (в 1913/14 г.—35% в импорте и 66% в экспорте; в 1924/25 г.—16,3% в импорте и 40% в экспорте) соответственно изменило доходность поступлений по отдельным таможням. Если до войны на таможни, обслуживающие торговлю с Россией, падало около 65,4% всех доходных поступлений, то ныне (в 1925/26 г.) падает всего около 26%.

Выше уже отмечалось из года в год растущее значение для персидского бюджета поступлений от Англо-персидской компании южной нефти (royalty). Royalty—это те ничтожные по сравнению с оборотами компании суммы, которые уплачиваются персидскому правительству за эксплуатацию исключительных по своему значению нефтяных месторождений.

Капитал компании из года в год увеличивается и в 1925 г. составлял 19 450 тыс. ф. ст. (на 8950 тыс. ф. ст. ординарных и 10 500 тыс. ф. ст. привилегированных акций); кроме акционерного капитала компания, по балансу на 21 марта 1926 г., располагает облигационным капиталом в 4375 тыс. ф. ст. и резервами в 6 083 125 ф. ст.

Чистый доход компании после производства крупнейших отчислений в различного рода погашения, в субсидирование новых предприятий выражался в следующих цифрах (в ф. ст.):

1921/22 г.	3 130 380
1922/23 г.	2 689 140
1923/24 г.	2 507 867
1924/25 г.	3 571 967
1925/26 г.	4 396 699

Рост добычи нефти, в последние годы искусственно сдерживаемый вследствие неприспособленности трубопроводов, виден из следующего (в тоннах):

1912/13 г.	80 800
1920/21 г.	1 743 557
1921/22 г.	2 327 221
1922/23 г.	2 959 028
1923/24 г.	3 714 216
1924/25 г.	4 333 933
1925/26 г.	4 556 157

При таком росте предприятия, естественно, растут и платежи персидскому правительству, которые, по данным финансовых отчетов, выражаются в следующих цифрах (в ф. ст.):

1913 г.	2 908
1920 г.	468 718
1921 г.	385 289
1922 г.	585 553
1923 г.	565 260
1924 г.	341 996
1925 г.	755 657
	(неполные данные ¹⁰)

Кроме того, в виде дивиденда на акции, находящиеся в руках персидского правительства, получено с 1913 по 1925 г. 80 443 ф. ст.

Суммы, поступающие в распоряжение персидского правительства, интересно сопоставить с валовой оценкой экспортированных из Персии нефтепродуктов (согласно таможенным данным) (в кранах):

Год	Экспорт	Отчисления персидскому правительству
1923/24	382 897 046	23 245 703
1924/25	514 800 950	17 364 694
1925/26	393 300 000	33 421 167
(за 9 месяцев)		

Компания, таким образом, уплачивает менее 10% стоимости продукции. При этом надо иметь в виду, что компания, мягко выражаясь, не совсем честно рассчитывается с персами, ибо чистая прибыль искусственно уменьшается за счет списания крупнейших сумм на амортизацию, на уплату налогов в Англии, на оплату фрахта, производимого собственными судами компании, на субсидирование филиалов и других концернов. Так, в 1924/25 г. списания и субвенции составили 3500 тыс. ф. ст., в 1925/26 г. — 6 млн. ф. ст. Кроме того, играя при помощи имперского банка на курсе фунта и уплачивая причитающиеся

правительству суммы небольшими авансами, компания выгадывает еще и на курсе фунта, искусственно понижает его в моменты платежей, что соответственно уменьшает крановые платежи.

Не подлежит никакому сомнению, что персидское правительство недополучает причитающихся ему законных 16% чистой прибыли, но столь же несомненно крупное значение royalty в бюджете, равно как и значение Англо-персидской компании в экономике страны. Достаточно указать, что крупные расходы компании в Персии являются очень значительной активной статьей в расчетном балансе страны (в 1924/25 г. израсходовано около 2261 тыс. ф. ст., в 1925/26 г. — около 3 млн.).

Переходя к косвенным налогам, остановимся сразу же на новом налоге, введенном 9 хордада 1304 г. (30 мая 1925 г.), на так называемой чайной и сахарной монополии. Налог этот отсутствовал в проекте бюджета на 1925/26 г., чем в значительной степени и вызвано превышение фактических поступлений над сметой.

Сахарно-чайная монополия введена в форме особого налога, взимаемого с ввозимых в страну товаров в момент их поступления на таможенную, и, таким образом, по существу является скрытым повышением таможенной пошлины. Ни ввоз, ни сбыт не монополизированы. Ставки налога весьма велики — 2 крана с батмана¹¹ сахара и 6 кранов с батмана чая.

Если исходить из данных 1924/25 г., когда было ввезено 22 761 тыс. батманов сахара и 2214 тыс. батманов чая, то налог должен был составить около 58 млн. кранов: однако резкое удорожание сахара уже в первый год сократило его ввоз¹², и надо думать, что ожидавшаяся сумма собрана не была. За первые семь месяцев (с 12 мая по 31 декабря¹³) поступления от сахарно-чайной монополии выразились в сумме 21 484 053 крана.

Налог имеет целевое назначение — постройку железных дорог — и может явиться источником обеспечения железнодорожного займа. Прочие статьи косвенных налогов складываются из обложения табака, опия, спиртных напитков и др., особо не указываемых сборов.

Общая структура косвенных налогов (кроме сахарно-чайной монополии) выглядит следующим образом (в кранах):

	1912/13 г. все косвенные налоги	1924/25 г. фактическое выполнение	1925/26 г. пред- полагаемое выполнение	Фактическое выполнение за 9 месяцев 1926 г.
Опий	} 7 080 632	14 899 611	15 180 182	10 565 000
Табак		4 022 941	11 000 000	7 874 364
Акцизы		—	4 694 826	3 092 416
Прочие		11 969 626 ¹⁴	8 029 212	7 262 163
Всего		30 892 177	39 904 220	28 703 953

Еще в 90-х годах прошлого столетия была сделана неудачная попытка ввести табачную монополию, замененную впоследствии особым налогом на табак. Законом 28 хута 1303 г. (18 марта 1925 г.) налоговые ставки на табак были сильно увеличены и в настоящее время взимаются в следующем размере: от 5 до 12 кранов за батман (в зависимости от сорта) трубочного табака и от 8 до 15 кранов за батман табака для папирос.

Повышение обложения сразу дало результаты — за первые 9 месяцев 1925/26 г. собрано на 5506734 крана больше, чем в соответствующий период предшествующего года. Экспортные табачи освобождаются от обложения. Налог на опий, выпускаемый для продажи на внутренний рынок, варьируется по отдельным районам¹⁵ в зависимости от сорта мака. В 1924/25 г. правительству удалось централизовать сбор опия. Этому предшествовала ожесточенная борьба (в 1923/24 г. попытки произвести учет посевной площади и количества собранного мака были враждебно встречены крупными помещиками и духовенством), и правительственным чиновникам приходилось даже становиться на путь соглашений с купцами о размерах подлежащего уплате налога.

Экспортный опий облагается высокой пошлиной в 20 кранов с батмана.

Прямые налоги, или *malial-e mostaqim*, в основе которых лежала свойственная всем мусульманским странам десятина¹⁶, до самого последнего времени отличались необычайным многообразием, отсутствием четко выработанных объектов и норм обложения, сохраняли в себе все архаические пережитки, давали большой простор для злоупотреблений со стороны агентов фиска. Об их многообразии достаточно ясное представление дает список налогов, недавно отмененных, приводимый нами ниже.

Американская миссия давно стремилась к внесению ясности в вопрос взимания прямых налогов и еще во время обсуждения бюджета 1923/24 г. внесла соответствующий законопроект, легший в основу закона, принятого лишь 10 января 1926 г. (20 дея 1304 г.).

По этому закону подлежат обложению все доходы, приносимые водой, землей, находящейся под сельскохозяйственными культурами и садами, в размере 3% (валовой стоимости продукции) вместо ранее взимавшихся 10%; с лесов и пастбищ — 10%; с мельниц и водяных рисовых мельниц — 5%, с ирригационных сооружений (подземных каналов — каналов) — 5%.

Со всех видов налогов, перечисленных выше, 0,5% отчисляется на нужды народного образования.

Одновременно закон устанавливает, что натурой могут вноситься лишь ячмень и пшеница, чем упраздняется множествен-

ность видов натурального налога; в то же самое время закон четко определяет, в каких случаях налоги могут вноситься натурой. Земли мечетей, святых мест, религиозных школ и лечебных учреждений, ранее освобожденные от налогов, освобождаются от налогов и далее.

В целях усиления посевов высокоценных культур закон освобождает от налогов (на 5 лет со дня посадки) культуры льна, конопли, индиго, сахарного тростника, чая, шафрана, оливок.

Вновь обработанные земли и вновь построенные ирригационные сооружения (каналы) освобождаются от налогов на 5 лет со дня первой жатвы.

Известный минимум скота в каждом хозяйстве вовсе освобождается от налогов, также освобождается от налогов рабочий скот, используемый при сельскохозяйственных работах в крестьянских хозяйствах.

Одновременно с принятием этого закона отменяются все ранее существовавшие прямые налоги на воду, земли и животных, все подушные подати¹⁷, взимавшиеся деньгами и натурой, и вообще всякие налоги и повинности, под какими бы наименованиями они ни существовали.

Законом установлено, что доходность земель, подлежащих обложению, определяется как среднее за последние 4 года.

Закону этому нельзя отказать в ясности, и после производства нового кадастра сбор прямых налогов, несомненно, получит твердую базу.

Характерной чертой закона является стремление освободить налогоплательщиков от произвола агентов фиска, создание специальных комиссий, в которые можно приносить жалобы, и предоставление министру финансов права в отдельных случаях (неурожай, уменьшение доходности земли) понижать размеры обложения.

Доходы с государственных земель (халисе) в связи с повышением арендной платы и улучшением хозяйствования на землях, эксплуатируемых государством, повысились в полтора раза, но все же они весьма незначительны.

Вопрос о необходимости продажи этих земель, сдачи их в концессию иностранцам или раздачи бесплатно крестьянам (чего требовали радикальные партии) подымался неоднократно и до настоящего времени положительного разрешения не получил.

Доходные поступления, объединенные нами в рубрике «Все прочие доходы», представлены в табл. 3 (в краях).

Всего к числу государственных доменов относится 1478 деревень, и расходы по эксплуатации съедают значительную часть доходов. Всего за первые 10 месяцев 1925/26 г. израсходовано 2 127 940 кранов.

Таблица 3

	Фактическое выполнение		Предполагаемое выполнение 1925/26 г.	Фактическое выполнение за 9 месяцев 1925/26 г.
	1912/13 г.	1924/25 г.		
Доходы с государственных земель (халисе)	6 458 588	11 292 466	10 901 090	7 453 163
Дорожные сборы	—	7 651 287	7 500 000	6 406 226
Монетный двор	691 143	1 174 388	1 500 000	—
Имперский банк	—	131 713	160 000	—
Почта, телеграф, правительственный транспорт	6 381 898	16 106 598	16 750 000	—
Все прочие доходы* . .	6 475 248**	9 867 761	9 531 000	5 497 997
Всего	20 007 577	46 134 123	46 346 740	19 337 386

* Паспортные, регистрационные, железная дорога Джульфа — Тавриз, лес, рудники, рыбные промыслы.

** Включая дорожные сборы.

Небезынтересно отметить, что в течение первых 9 месяцев 1925/26 г. поступили очень крупные платежи с государственных земель, находящихся в Хузистане, что стоит в тесной связи с ликвидацией независимости шейха Хезаля в результате подавления поднятого им в 1924 г. восстания. Так, за 9 месяцев 1925/26 г. получено 2 305 847 кранов против 18 686 кранов за этот же период прошедшего года.

Дорожные сборы, являющиеся серьезной доходной статьей, в последнее время претерпели крупные изменения. До издания 8 февраля 1926 г. нового закона, о котором речь ниже, они состояли как из городского налога (navaghel), так и из ряда местных налогов на товары, движущиеся грузы и средства передвижения и скот. К числу этих налогов относились налог на передвижение скота, за взвешивание, брокераж по опиуму, налог на пастьбу скота, всякого рода дорожные сборы и т. д., причем все эти сборы устанавливались как муниципалитетами, так и учреждениями министерства просвещения, благотворительными и лечебными. Надо отметить еще, что сборы взимались по всему пути следования груза в целом ряде промежуточных пунктов.

Все сборы не поддаются исчислению, и, конечно, в доход казны попадало далеко не все.

Идя по пути жесткой централизации всех доходов и расходов, персидское правительство и приняло закон об отмене всех дорожных сборов, как вышеперечисленных, так и вообще вся-

кого вида и наименования, и одновременно ввело так называемый дорожный налог, причем под действие этого налога попадают все импортные и экспортные товары и налог взимается в таможах в момент выпуска товаров, являясь, таким образом, как и сахаро-чайная монополия, скрытым повышением пошлины.

Ставки этого налога весьма высоки, составляя для алкоголя, парфюмерии, сигар, папирос 5 кранов с батмана, а для других — от 0,5 до 4 кранов за батман.

Экспортные товары, специально не перечисленные в законе и стоящие меньше 4 кранов за батман, уплачивают 0,1 крана с батмана (2 шаи), а экспортные товары, стоящие меньше 1,5 крана за батман, — 0,05 (1 шаи).

В настоящее время трудно учесть, сколько даст этот налог. Но самые грубые подсчеты показывают, что сумма его, вероятно, будет равна 30—40 млн. кранов. Налог этот в 2—3 раза выше всех ранее существовавших сборов.

Введение этого налога наряду с очень резким удорожанием всех товаров в значительной степени ударяет по интересам советской торговли по следующим причинам.

Дорожный налог должен исчисляться в какой-то пропорции к расстоянию, проходимому товарами по территории страны; поскольку он взимается в таможах безотносительно расстояния, за ввоз советских товаров платят (относительно) в 3 раза больше, чем за конкурентные, так как путь от Каспийского моря до Тегерана, например, много короче южных путей.

Экспорт облагается очень высоким налогом; СССР в 1924/25 г. занял 40% экспорта всех товаров (кроме нефтепродуктов), причем этот экспорт состоит из сырья и бакалей — относительно недорогих товаров. Экспортные товары, уходящие через южные порты (всего на сумму 291 309 тыс. кранов), состоят из ковров (101 880 тыс., или 21%), которые вовсе освобождаются от налогов, и опия (79 588 тыс., или 17%), который выдерживает высокое обложение; таким образом, на долю сырья и бакалейных товаров, примерно одинаковых с теми, которые экспортируются в СССР, падает всего около 20%.

И наконец, третье, весьма существенное обстоятельство: в законе есть примечание (2), что товары, экспортированные из одного персидского порта и ввезенные в другой, вовсе освобождаются от уплаты налога, т. е. керосин Англо-персидской компании при продаже внутри страны освобождается от налога, приравниваясь ко всем товарам чисто персидского происхождения (каковым он вряд ли является), в то время как советский керосин облагается налогом в 0,5 крана с батмана (2,5 крана с пуда).

Вместе с тем колоссальная экспортная масса нефтепродуктов Англо-персидской компании, вероятно, ускользнет от обложения, поскольку по концессионным договорам экспорт произ-

водится беспощадно: если же он не ускользнет от обложения, то подвергнется ему в незначительном размере, как дешевый продукт, т. е. всего по 1 шаи с батмана керосина.

Централизуя сбор дорожного налога в руках министерства финансов, закон предусматривает уплату министерством финансов муниципальным, благотворительным, учебным и санитарным учреждениям сумм, эквивалентных собранным ими по отмененным налогам в 1925/26 г., а остальная сумма должна поступить на постройку новых дорог и ремонт старых. Приходится констатировать, что этот тяжелый налог явится крупным фондом для развития дорожного строительства.

Из других доходных статей надлежит остановиться на доходах от Имперского банка (Imperial Bank of Persia), несмотря на всю незначительность сумм, поступающих от банка в доход казны. Деятельность банка интересна для ознакомления с методом хозяйничанья империалистов в Персии.

Имперский банк, организовавшийся в 1889 г. на основе концессии, выданной барону Рейтеру сроком на 60 лет, является чисто английским предприятием (формально утвержденным королевской грамотой в 1889 г.) с совершенно исключительными правами и привилегиями. Ему предоставлено право эмиссии, право монопольного ввоза серебра и чеканки кранов; он одновременно является и государственным банком и казначейством, что позволяет ему беспроцентно пользоваться деньгами персидского правительства¹⁸. Банк является мощным проводником английского влияния, основным регулятором денежного обращения, он устанавливает курс и размеры сарфа¹⁹, при его помощи устраиваются все займы правительства.

Капитал банка незначителен для тех операций, которые он производит. Установленный вначале в 4 млн. ф. ст., он в момент утверждения банка королевской грамотой определяется в 1 млн. ф. ст., а в дальнейшем в связи с падением цен на серебро и убытками, понесенными в девяностых годах, понижается до 650 тыс. ф. ст.

За свои операции банк должен уплачивать персидскому правительству 6% чистой прибыли, но не менее 4 тыс. ф. ст.

Дабы судить о характере работы банка, приводим его баланс (в ф. ст.)²⁰:

Пассив	На 20 марта 1924 г.	На 20 марта 1926 г.
Капитал	650 000	650 000
Резервы	390 000	470 000
Банкноты в обращении . .	1 060 108	1 841 420
Депозиты	4 165 428	4 842 729
Прочие пассивы	2 033 187	1 814 287
Счет прибылей и убытков	59 552	63 968
Всего	8 348 277	9 682 404

Баланс банка возрос за 2 года на 1334 тыс. ф. ст.

Надо отметить, что выведенная в балансе прибыль на самом деле значительно выше. По данным годового отчета, чистая прибыль выразилась в сумме 129 402 ф.ст. (рекордная в деятельности банка), а вместе с остатками от прошлых лет в 163 968 ф.ст., с каковой суммы в резервный фонд было отчислено 50 тыс. ф. ст. (вместо обычных 30 тыс.) и уплачен дивиденд в 50 тыс. ф.ст., после чего на балансе 1925/26 г. и появилась отмеченная выше сумма, с каковой и платится 6% в доход персидской казны.

Активные операции свои банк ведет очень осторожно, как это видно из баланса:

Актив	На 20 марта 1924 г.	На 20 марта 1926 г.
Наличие в кассах банка, в транзите и на счетах в Лондоне	2 972 083	4 243 972
Суммы, помещенные в британские, ко- лоннальные и прочие ценности . . .	1 646 324	1 653 985
Учтенные векселя, займы, авансы . . .	2 359 116	2 724 129
Векселя к получению	1 319 645	1 026 281
Движимое имущество, недвижи- мость, канцелярские принадлежности	51 106	14 037
Всего	8 348 277	9 682 404

Громадная часть активов находится в деньгах, в ценностях, а также в валютных операциях; на активные операции чисто торгового порядка падает около 12%.

В сумму займов и авансов входят долги персидского правительства. Более подробной расшифровки состояния счетов банка мы, к сожалению, дать не можем.

Размеры настоящей статьи не позволяют остановиться подробно на операциях банка по ввозу серебра, по кредитованию англо-персидской торговли, на политике сарфа, и мы считаем необходимым разобрать несколько более подробно лишь его политику в области установления курса фунта стерлингов, играющую крупную роль в деле развития англо-персидской торговли.

В то время как на мировом валютном рынке курс фунта стерлингов давно достиг своего довоенного уровня, в Персии он от него отстает.

Курс фунта на краны определяется мировой стоимостью серебра плюс расходы по доставке серебра в Персию, по чеканке и по оплате ввозной пошлины на серебро.

Исходя из этих слагаемых и должен устанавливаться нормальный курс фунта на краны; на самом же деле он значительно ниже: вместо нормального курса для Тегерана в 1925 г. — 45,6—46 кранов²¹ — банк установил курс (средний за год) в 42,4—43 крана, т. е. на 6,5—7% ниже, создавая этим крупную экспортную премию, что для Англии, имеющей с Персией резко активный баланс, является, несомненно, выгодным и способст-

вует развитию ее экспорта в Персию. Активность торгового баланса для Англии складывается в размере 360 млн. кранов (для 1924/25 г.); если учесть все средства, затраченные англичанами на уплату *royalty*, и расходы по содержанию промыслов в Персии (всего в 1925 г. около 4 млн. ф. ст. = 170 млн. кранов), то и тогда активность расчетного баланса для Англии составляет около 200 млн. кранов, на которые банк и скупает по низкому курсу фунты у персидских купцов, полученные ими в результате торговли с другими странами — в первую очередь с СССР, выгадывая около 14 млн. кранов.

Расчеты эти, конечно, страдают известной неточностью, но в целом дают представление о выгоде для Англо-банка низкого курса фунта, тем более что в моменты получения денег от персидского правительства банк всегда подымает курс.

Последние месяцы отмечены на мировой бирже резким понижением стоимости серебра (15 октября 1926 г. — 26 пенсов за унцию), каковое отразилось в Персии повышением курса фунта. Однако и сейчас Англо-банк продолжает свою старую политику; при столь низком курсе серебра фунт должен стоять в Персии 55—56 кранов, на самом же деле он котируется по 49—50 кранов.

Падение курса серебра тяжело отразится на персидском народном хозяйстве, значительно удорожит стоимость импортных товаров, сократит потребление.

Не останавливаясь на других видах доходных поступлений, отметим лишь, что монетный двор, чеканящий новую и перечекаивающий старую монету, зарабатывает на этой операции до 4—5% и что доходы от недр (кроме нефти) составляют самую ничтожную сумму (около 800 тыс. кранов за первые 3 квартала 1925/26 г.).

Расходная часть персидского бюджета обычно всегда складывалась с превышением над доходной, бюджет всегда бывал дефицитным, и для покрытия дефицита приходилось прибегать к займам, к краткосрочным авансам.

Бюджет 1925/26 г. был сведен без дефицита, даже с некоторым превышением доходов, и предварительные, неполные данные за 1925/26 г. позволяют установить, что расходы, даже значительно превысившие сметные, оказались меньше доходов, что позволило впервые не прибегать к краткосрочным займам у Англо-банка в течение всего года, и к концу года кредит счетов генерального казначейства отмечает остаток в 35 268 738 кранов.

Бюджет на 1925/26 г. был утвержден меджлисом в сумме 247 159 070 кранов, причем три статьи бюджета обращают на себя особое внимание.

Военное министерство, жандармерия и военные ученики, отправленные за границу, поглощают из бюджета 100 253 тыс. кранов, или 40%; расходы по министерству финансов исчислены

в бюджете в сумме 41 570 940 кранов (15,2%); расходы по оплате долгов — 18 761 890 кранов (6,7%); таким образом, на все прочие нужды страны остается только 38%.

В условиях консолидации персидского государства, ликвидации независимости отдельных ханств, подавления бесчисленных, вспыхивающих в отдельных местностях восстаний приходится тратить крупные средства на армию, созданную в Персии за последние годы.

Централизация же финансового управления требует значительных средств, и нам уже приходилось отмечать, что в Турции в связи с реорганизацией налоговой системы приходится тратить большие суммы на содержание аппарата министерства финансов²².

Расходы по погашению и амортизации государственных долгов, составившие в 1913/14 г. 22 797 тыс. кранов (около 20% бюджета), показывают значительное (относительное, в процентах к бюджету) понижение, причем сама структура долгов претерпела значительные изменения. На персидских долгах мы дальше остановимся подробно, пока же ограничимся приведением бюджета (в кранах) на 1925/26 г., не останавливая своего внимания на отдельных составных частях:

Двор	4 554 000
Меджлис	4 292 660
Совет министров	594 750
Военное министерство, жандармерия	100 253 000
Министерство финансов	41 870 940
» внутренних дел	15 820 000
» почт и телеграфов	16 760 000
» юстиции	6 200 000
» общественных работ	7 515 482
» иностранных дел	7 731 380
» публичного здравоохранения	1 313 700
Лица, ожидающие назначения	1 950 000
Государственный долг	18 761 570
Ежемесячный кредит правительства на непредвиденные расходы	1 650 000
Пенсии	8 000 000
Содержание американской миссии	1 550 000
Учредительное собрание	900 000
Всего	247 659 072 ²³

В настоящий момент в нашем распоряжении еще нет данных, позволяющих судить о фактическом выполнении бюджета по отдельным статьям бюджета.

Имеющиеся предварительные данные квартальных отчетов говорят, что генеральным казначейством в течение года произведено расходов на сумму 270 749 890 кранов, и, сверх того, расходы по содержанию таможен выражались в 7 909 115 кранах. В эти расходы казначейства не включены расходы по содержанию армии, производимые натурой.

Необходимо также учитывать, что фактические платежи казначейства включают, конечно, некоторые расходы по бюджету прошлых лет, что значительные суммы, проходящие по счету министерства финансов, являются суммами, переведенными в провинциальные финансовые управления для учинения расходов по сметам провинциальных учреждений различных министерств, почему мы и отказываемся от сопоставления фактических расходов казначейства со сметно-бюджетными предположениями, отметив лишь, что эти фактические расходы как в общей сумме, так и по отдельным статьям весьма расходятся с бюджетными предположениями. В целом недовыполнение по отдельным сметным статьям выражается в сумме 54 098 898 кранов и превышение по другим статьям в 77 737 718 кранов, с общим превышением в 23 638 820 кранов. Основными статьями, давшими столь крупное превышение расходов над сметой, являются расходы по министерству финансов (39 924 636), каковые при окончательном итоге распределяются по сметам отдельных министерств, и расходы по оплате государственных долгов, превысившие сметные предположения на 32 307 299 кранов и составившие по отношению к фактическим расходам 19% (51 069 119).

На этой статье расходов необходимо остановиться подробно, так как она представляет весьма крупный интерес.

Не касаясь истории образования персидского государственного долга по русским и английским авансам и займам в период с 1892 по 1914 г.²⁴, отметим, что к началу мировой войны задолженность персидского правительства выражалась в сумме 6 604 381 ф. ст., из коих на долю России приходилось 4550 тыс. ф. ст. и на долю Англии — 2 054 381 ф. ст.

Укажем также, что первоначальная сумма задолженности (6 704 281 ф. ст.) по всем займам начиная с 1900 г. к этому времени понизилась на 99 900 ф. ст.

В качестве процентов по долгам и в частичные, очень незначительные амортизации в 1913/14 г. было уплачено 22 792 526 кранов, или около 415 тыс. ф. ст.

К моменту заключения Московского договора 1921 г., по которому Советская Россия (п. VIII) отказалась от всех причитающихся сумм, одновременно передав Персии пассив и актив находящегося в Персии Учетно-ссудного банка²⁵, задолженность в отношении России определилась в сумме²⁶ (вместе с авансами военного времени и суммами, причитающимися по мораториуму) 32 799 420 руб. плюс 32 524 501 кран, а также часть авансов, причитающихся по совместным русско-английским кредитам, — около 400 тыс. ф. ст.; к этому надо прибавить задолженность персидского правительства непосредственно Учетно-ссудному банку в сумме около 87 млн. кранов, а всего около 57 млн. руб.

Что касается долга Персии Англии, то за 1915—1917 гг.

Англией совместно с Россией было выдано Персии 817 тыс. ф. ст., кроме того, еще 1 млн. кранов. В период с 1918 по 1920 г., когда Англия осталась полным хозяином в Персии, она стала усиленно кредитовать как правительство, так и отдельных феодалов, тратя одновременно большие суммы на созданный ею корпус южноперсидских стрелков, рассчитывая, что Персия покроет эти суммы из будущих займов. В частности, одним из пунктов договора 1919 г. намечалось предоставление займа в 2 млн. ф. ст. Всего, по подсчетам англичан, ими за 1918—1920 гг. выдано персам 92 500 тыс. кранов, а после перелома своей политики в Персии в 1921 г. они пытались добиться согласия персидского правительства на консолидацию этого долга из 7% годовых сроком на 20 лет, предъявив как ноту, так и соответствующий счет, опротестованный персидским правительством.

Любопытно отметить, что данные, из года в год приводимые The Statesman's Year Book, о состоянии персидской задолженности систематически расходятся с данными, приводимыми в финансовых отчетах американской миссии, и именно в части авансов, предоставленных в течение военного и послевоенного периода.

Для декабря 1923 г. мы имеем следующие данные:

The Statesman's Year Book		6-й отчет американской финансовой миссии
Долги 1910—1914 гг.	1 795 721 ф. ст.	1 795 721 ф. ст.
Авансы 1915—1917 гг.	410 000 ф. ст.	—
	1 000 000 кранов	—
» 1918—1920 гг.	92 500 000 »	—
» 1919 г.	—	4 102 379 кранов
» 1923 г.	—	10 000 000 »
		648 935 ф. ст.

Авансы 1919 и 1923 гг. представляют собой текущие, краткосрочные займы, к которым часто прибегает персидское правительство; они рассматриваются как текущий долг и в сводки долгов, приводимые английским источником, вообще не попадают. Надо отметить, что и данные англичан на конец декабря 1925 г. точно так же расходятся с данными персидскими — на те же самые суммы, т. е. отсутствуют 92 500 тыс. кранов, сумма в 648 935 ф. ст. как возмещенная платежом Англо-персидской компании, зато есть сумма в 7 млн. кранов полученного аванса 1925 г.

Ознакомление с отчетами финансовой миссии показывает, что американцы широко прибегали в течение последних лет к краткосрочным авансам банка (как это видно из следующего):

1923 г.	10 000 000 кранов (из расчета 7%)
	770 404 ф. ст. (» » 7%)
1924 г.	5 000 000 кранов (» » 7%)
	200 000 ф. ст. (» » 7%)
1925 г.	3 200 000 кранов (» » 7%)
	15 000 000 кранов (» » 9%)

Как мы увидим далее, при рассмотрении современного состояния текущего долга, все эти авансы почти полностью покрыты:

	На 8 марта 1925 г.	На 21 марта 1926 г.	Амортизировано за год
Консолидирован- ный долг . . .	1 753 213 ф. ст.	1 715 142 ф. ст.	38 071 ф. ст.
Текущий долг . .	18 200 000 кранов 604 553 ф. ст.	3 000 000 кранов —	15 200 000 кранов 604 553 ф. ст.

За год амортизировано как по текущему, так и по консолидированному долгу 642 624 ф.ст. и 15 200 тыс. кранов. Всего же уплачено в погашение и покрытие процентов: по консолидированному долгу — 5 752 851 кран, по текущему долгу — 45 306 268 кранов.

Отметим также, что за время управления финансами американских советников в счет погашения по консолидированному долгу уплачено 112 714 ф.ст. (на 30 декабря 1922 г. консолидированный долг составлял 1 827 856 ф. ст.); на эту сторону деятельности, как уже показывает изложенное, д-р Мильспо обращает серьезное внимание, сокращая даже расходы по жизненно необходимым статьям, что, конечно, весьма сочувственно расценивается европейцами.

Система краткосрочных и мелких займов изнуряет страну, не позволяет назначать их на производительные нужды, и Персия, не получая крупных займов для оздоровления своего хозяйства, прибегает к очень тяжелому налоговому обложению. Краткосрочные и мелкие займы, не могущие быть использованными на производительные нужды, идут на покрытие бюджетных прорех и весьма дорого обходятся стране; только улучшение финансового положения, очевидно, позволит отказаться от этой изнурительной системы.

Заканчивая наш затянувшийся обзор и подводя итоги, надо сделать вывод, что финансовое положение Персии, несомненно, улучшилось, но достигнуто это жестким увеличением налогового бремени и напряжением, и очень сильным, платежеспособных средств страны.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ТУРЦИИ

Соглашение об уплате оттоманского долга и выкупе Анатолийской железной дороги, подписанное в конце 1928 г., ликвидируя трения между Турцией и ее иностранными кредиторами, расчищает дорогу для проникновения в Турцию иностранного капитала, для новых инвестиций. В связи с этим представляется весьма интересным выявить размер вложенных в Турцию иностранных капиталов в настоящее время. Задача эта, однако, затрудняется отсутствием сколько-нибудь полных сведенных воедино данных по этому вопросу. До сих пор часто еще оперируют сведениями, относящимися к довоенному периоду и характеризующими положение на территории не современной Турции, а бывшей Оттоманской империи. Согласно этим довоенным данным, инвестиции иностранного капитала в Турции к началу мировой войны выражались (в тыс. фр.):

В государственных займах	2 889 499
В железных дорогах	1 131 009
В портах	79 942
В промышленности, недвижимости, банках, торговых предприятиях и страховых обществах	1 485 000
<hr/>	
Всего	5 585 450
	(или около 224 млн. ф. ст.)

Данные эти, как уже отмечалось, относятся ко всей территории бывшей Оттоманской империи, и уже по одному этому не соответствуют действительности. Наряду с этим основная сумма вложений имела место в займах, хотя на Турцию по условиям Лозаннского договора, последующего арбитража проф. Бореля и Парижского соглашения 1928 г. падает лишь часть долгов бывшей Оттоманской империи в сумме около 86 млн. зол. лир. Однако и эта сумма не может приниматься в расчет при изучении современных инвестиций иностранного капитала в Турции, поскольку почти все турецкие займы служили не для развития производительных сил страны, а для

военных целей, для покрытия дефицитов по бюджету и процентов по старым займам, для покрытия расходов двора. Иностранный капитал в турецком государственном долге представляется мертвой с точки зрения интересов народного хозяйства статьей, являя пример того, как мертвый тянет живого. Платежи по этому мертвому капиталу на протяжении десятилетий будут давить на Турцию, вырывая из ее скудного бюджета громадные суммы (от 2 млн. до 3,4 млн. зол. лир ежегодно). За исключением сумм, вложенных иностранным капиталом в займы, остаются суммы, вложенные в железнодорожное строительство, порты, торговые и финансовые институты, отдельные отрасли промышленности. К их изучению и выявлению направлен настоящий обзор, при составлении которого нам приходилось пользоваться отдельными разрозненными данными, появляющимися в турецкой экономической прессе, отчетами и балансами отдельных иностранных обществ и данными турецкого ежегодника. Не претендуя на исчерпывающую полноту, эти данные позволяют все же выявить довольно рельефную картину современного положения дел¹ в отдельных отраслях хозяйства.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Если не считать Хиджазской железной дороги, целиком построенной на турецкие средства, то все дороги Османской империи были сооружены иностранным капиталом, получившим соответствующие концессии².

Первой по времени концессией является английская концессия на Смирна-Айдинскую железную дорогу, полученная в 1855 г.; турецкое правительство приняло на себя согласно этой концессии уплату километрической гарантии в размере 6% на затраченный капитал. Срок концессии истек в 1910 г. и был продлен еще на 25 лет; одновременно была прекращена уплата гарантий. Смирна-Айдинская железная дорога с продолжением до Эгирдира и отдельными ветками составляет ныне 610 км.

Капитал дороги (английский) исчисляется в 4 587 747 зол. лир.

Доходность дороги за последние годы составляет (в бум. лирах)³:

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1-я половина 1927 г.	1-я половина 1928 г.
Чистый доход . .	300 187	1 569 816	1 540 178	1 530 220	72 267	45 866
Доход на 1 км	491	2 570	2 522	2 500	—	—

В среднем за последние годы чистая доходность не превышает 5% по отношению к капиталу дороги.

Необходимо отметить, что за последние годы дорогой совершенно не производились покупки новых материалов и подвиж-

ного состава и что расходы ограничивались лишь текущим ремонтом и эксплуатацией.

Второй по времени концессией является английская же концессия 1863 г. Смирна-Кассабской дороги, к которой в 1875 г. перешла построенная на правительственные средства дорога от Кассабы до Алашеира. В 1891 г. эта дорога перешла в руки франко-бельгийской компании (сроком на 99 лет), принявшей на себя уплату бывшим владельцам дороги просроченных правительством платежей. Протяжение дороги — 703 км.

Согласно балансу на 31 декабря 1927 г. капитал дороги состоит: из акционерного капитала — 16 млн. фр., облигаций капитала (1894/95 г.) — 115 млн. фр., довоенных вложений — 131 млн. фр., или около 5720 тыс. зол. лир; послевоенные вложения (1921 г.) составляют около 30 млн. фр.⁴, или около 450 тыс. зол. лир; весь капитал дороги определяется в 6170 тыс. зол. лир.

Доходность дороги за последние годы выражается (в бум. лирах):

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Чистый доход	530 467	1 008 588	999 484
Доход на 1 км	771	1 454	1 525

Согласно концессии 1891 г. дороге обеспечивался ежегодный доход по линии Смирна — Кассаба в 91 600 зол. лир и километрическая гарантия на вновь строящиеся линии. С 1914 г. эти платежи были фактически прекращены и общие претензии дороги к правительству по оплате просроченных платежей, равно как платежей по военным перевозкам, исчисляются на 1 января 1928 г. в 135 492 тыс. фр. Соглашение с турецким правительством об урегулировании старых долгов пока еще не достигнуто.

Дорога Мудания — Брусса (42 км) построена на турецкие средства инженером Пресселем и с 1891 г. перешла в руки бельгийской компании (сроком на 99 лет); капитал общества, согласно отчету за 1924 г., составляет 3825 тыс. фр., или около 156 тыс. зол. лир; чистая доходность дороги (в бум. лирах):

1923 г.	20 764
1924 г.	23 159
1925 г.	26 547

Останавливаясь на восточных дорогах (в Европейской Турции), следует отметить, что концессия на восточную дорогу, полученная в 1872 г. финансовой группой барона Гирша, в 1890 г. перешла под контроль «Дойче Банк»; ныне дорога находится в руках международного консорциума. По территории Турции проходит лишь южный участок дороги — 337 км;

капитал, падающий на этот отрезок дороги, определяется в 2 млн. зол. лир.

Доходность дороги за последние годы (в бум. лирах):

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Чистый доход	214 715	185 060	429 342
Доход на 1 км	638	549	1 274

Переходя к вопросу об Анатолийско-Багдадской железной дороге и дороге Мерсина—Адана, можно сказать, что оставившись на истории возникновения этих дорог—это значит говорить о всей истории последних 25 лет, предшествовавших мировой войне, на истории проникновения Германии в Турцию. Поэтому мы лишь укажем, что строительство Анатолийской дороги было начато в 1871 г., она была доведена оттоманским правительством до Исмида (99 км), в 1888 г. передана в эксплуатацию немецкому Обществу анатолийских железных дорог, во главе которого стояли «Дойче Банк» и «Ферейнс Банк»; общество в течение ряда лет получало концессии на постройку дальнейших участков дороги, обеспеченные солидной километровой гарантией. В 1898 г. дорога была доведена до Кони, откуда началась постройка Багдадской железной дороги по концессии, полученной тем же обществом. Общий размер капиталов, вложенных в обе эти дороги, определяется в 26 млн. зол. лир. Этим же обществом был построен порт Гайдар-Паша, а с 1906 г. в его руки перешла дорога Мерсина—Адана (69 км), построенная английским обществом. Общее протяжение Анатолийско-Багдадской железной дороги составляет около 2 тыс. км. В результате мировой войны все акции Анатолийско-Багдадской железной дороги перешли в руки репарационной комиссии: в дальнейшем акции Анатолийской дороги, порта Гайдар-Паша и дороги Мерсина—Адана перешли в руки швейцарского Восточного железнодорожного банка в Цюрихе (фактически—к англо-немецким группам). Вступить во владение дорогой банку не удалось: в годы освободительной войны северный участок дороги находился в зоне союзнической оккупации, центральный и восточный—в руках правительства Национального собрания, после же окончания освободительной войны в его руки перешел и северный участок дороги. По условиям концессии, предоставленной Обществу Анатолийских дорог, предусматривалась возможность ее досрочного (через 30 лет) выкупа; 24 мая 1924 г. Национальное собрание Турции приняло постановление о выкупе Анатолийской железной дороги и порта Гайдар-Паша, сохранив впредь до выкупа в своих руках эксплуатацию дороги. Переговоры о выкупе велись больше 4 лет, и, наконец, в декабре 1928 г. было подписано соглашение, по которому Турция приняла на себя обязательство уплаты в течение от 4,5 до 73 лет за Анатолий-

скую дорогу, дорогу Мерсина — Адана и порт Гайдар-Паша 528 млн. шв. фр. (в том числе за Анатолийскую дорогу около 480 млн. шв. фр.), или около 23,3 млн. зол. лир. Ежегодные платежи по выкупу составляют в первые 4,5 года 16 млн. шв. фр., в последующие 69 лет — около 7,5 млн. шв. фр., т. е. от 6,5 до 2,8 млн. бум. лир ежегодно.

За последние годы чистая доходность Анатолийско-Багдадской железной дороги составляла (в бум. лирах):

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Чистый доход	1 260 000	2 783 834	2 978 492	3 530 135
Доход на 1 км	915	2 020	2 261	2 562

Можно полагать, что начиная с 1934 г. платежи по выкупу будут покрываться из выручки дороги, в первые же годы неминуемы доплаты из бюджета.

Что касается части Багдадской дороги (от Бозанти до Нисибина), то по соглашению с французами от 9 марта и 20 октября 1921 г. им была передана концессия на эту дорогу (632 км), в течение всех последних лет являвшуюся убыточной. Капитал, вложенный в эту дорогу, как мы уже указывали выше, в большей своей части входит в состав оттоманского долга.

С известного рода натяжкой иностранные капиталы, вложенные в Анатолийско-Багдадскую железную дорогу, можно присчитывать к иностранным капиталам, ныне активно работающим в Турции; и не только по формальным моментам (т. е. выкуп) их можно было бы считать в известной степени и национальными вложениями, а потому, что за время нахождения этих дорог в руках иностранных концессий турецкое хозяйство, турецкий крестьянин заплатили им громадные суммы в виде километрических гарантий, процентов на выпускаемые займы и всяких иных «провизий». В наших руках нет исчерпывающих данных об этих суммах. Но они несомненно были весьма велики.

В послевоенные годы иностранный капитал, как известно, не инвестировался в турецкое железнодорожное хозяйство, если не считать узкоколейной железной дороги Илджа — Паламутлик, обслуживающей территорию французской свинцовой концессии Балиа-Карадин; капитал общества, вложенный в железную дорогу, вместе со стоимостью сооружения составляет около 1700 тыс. бум. лир. Суммируя воедино все иностранные капиталы в турецком железнодорожном хозяйстве, получаем следующую картину (в зол. лирах):

Смирна-Айдинская железная дорога . . .	4 587 747
Смирна-Кассабская » » . . .	6 170 000
Мудания — Брусса » » . . .	156 000
Восточная » » . . .	2 000 000

Всего 12 913 747

Если же присчитать стоимость выкупа Анатолийской железной дороги (23,25 млн. зол. лир) и вложения Багдадской (12 281 млн. зол. лир), с натяжкой могущих быть отнесенными к ныне продуктивно работающему в Турции иностранному капиталу, то общий размер капиталовложений определяется в 48 444 млн. зол. лир.

ДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В добывающей промышленности Турции иностранному капиталу издавна принадлежит весьма солидная роль.

На первом месте необходимо поставить французское общество по разработке угля в Зонгулдакском районе — Общество Гераклея, основанное в конце XIX в. (1896 г.). В руках этого предприятия находится до половины всей разработки угля Зонгулдакского бассейна. Капитал общества равен 15 млн. франц. зол. фр. (на 31 декабря 1925 г.), облигационный капитал — 12 527 тыс. зол. фр.⁵; вместе с резервами капиталы общества составляют до 30 млн. зол. фр., или 1320 тыс. зол. лир; прибыль 1925 г. — около 7 млн. бум. фр. В руках Общества Бендер-Эрегли (бывшее немецко-бельгийское, ныне фактически итальянское) находится значительная группа рудников угольного района. Капитал этого, созданного уже после войны предприятия определяется в 11 400 тыс. фр., или около 1 млн. бум. лир.

В свинцовых разработках виднейшую роль играет французское предприятие Балиа-Караидин (с 1892 г.), финансируемое французским синдикатом «S-té des mineés et minéraux». Капитал общества в 1892 г. составлял 4,5 млн. зол. фр., с 1920 по 1927 г. в дело вложено еще 26 млн. бум. фр. (около 3 млн. бум. лир). Прибыль 1926 г. — 64 тыс. лир, в 1927 г. убыток — 146 тыс. лир.

Разработка борацита (борокальцит, или пандермит, по имени г. Пандермы, вблизи которого находятся разработки) с 1899 г. находится в руках английского общества «Society Berax Consolidated Ltd». Имеются сведения, что в делах этого предприятия принимают ныне участие и американцы. Сведения о капиталах этого общества чрезвычайно разноречивы; капитал его определяется и в 350 тыс. зол. фр. и в 6 млн. фр. Нет данных и о капиталах, вложенных в наждачные копи английской фирмы Патерсона и хромовые рудники Аткинсона.

Из образовавшихся в последние годы предприятий с иностранным капиталом можно, по имеющимся сведениям, отметить Булгардагские серебряно-свинцовые рудники, в разработке которых принимает участие немецкая группа «Metallgesellschaft» (участие немецкой группы — 500 тыс. бум. лир) и Общество по разработке медных копей Аргана, в котором принима-

ет участие «Дойче Банк» и группа Гольцмана — с капиталом в 1,5 млн. бум. лир. После перехода к Турции части Батумского округа к ней перешли и медные рудники Сименса.

В целом участие иностранного капитала в горной промышленности определяется:

Гераклея	1 320 000 зол. лир = 11 220 000 бум. лир
Бендер-Эрегли	1 000 000 » »
Балиа-Караидин	{ 198 000 зол. лир = 1 584 000 » »
	{ 28 000 000 фр. = 3 000 000 » »
Булгардагские и Арганские рудники	2 000 000 » »
<hr/>	
Всего	18 804 000 бум. лир (2 224 000 зол. лир)

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В обрабатывающей промышленности иностранный капитал принимает участие в следующих промышленных предприятиях: 1) В ковровом деле — английская фирма «The Oriental Carpet Manufactures Ltd», имеющая свои собственные фабрики и наряду с этим занимающаяся скупкой ковров. Капитал ее равен 1250 тыс. ф. ст.; однако, поскольку общество имеет свои предприятия и вне Турции (Персия, Индия), трудно выявить размер капитала, вложенного в турецкие дела; прибыль общества в 1925 г. выражалась в 102 151 ф. ст. 2) В выработке экстракта из солодкового корня (реглис) — Смирнское промышленное общество; капитал общества равен 4 млн. зол. фр. (176 тыс. зол. лир). 3) В выработке дубильного экстракта из валонии — смирнское общество Валекс с капиталом 240 тыс. ф. ст. 4) В переработке и упаковке фиг — «Smugna Fig Packers Ltd», больше торговое, нежели промышленное предприятие; с капиталом в 600 тыс. ф. ст., из коего покрыто лишь 250 тыс. 5) В цементном предприятии Арслан и Эски Гиссар (греко-итальянское общество); капитал общества невелик — 367 500 бум. лир и резервы — 132 400 лир. Общество является одним из самых доходных в Турции: чистый доход 1925 г. — 288 тыс. лир, 1927 г. — 241 тыс. лир, т. е. около 80% на капитал. Столь высокая доходность объясняется покровительственными пошлинами на цемент (7,5 лиры на тонну). 6) В пивоваренном заводе Бомонти (швейцарское предприятие); капитал его равен 6 млн. шв. фр. 7) В сахарных предприятиях в Альполу и Ушаке, возникших в 1926 г. при общем капитале предприятий до 3 млн. бум. лир, участие иностранного капитала определяется в 1,5 млн. бум. лир. 8) В центральном аптечном производстве («Droguerie Central») — английском пред-

приятни, имеющем свои собственные предприятия по выработке парфюмерии, с капиталом в 200 тыс. лир. 9) В Национальном обществе торговли, промышленности и сельского хозяйства — комбинате, не играющем сколько-нибудь серьезной роли; капитал общества по балансу на 31 декабря 1927 г. составлял 200 тыс. лир, из коих не покрыто только 70 497 лир. 10) В Хлопковом обществе Смирны — предприятии по очистке и переработке хлопка (в котором участвуют наряду с французами и англичанами — Жиро, Виталь — также и турки); капитал общества по балансу на 31 декабря 1927 г. — 100 тыс. бум. лир; резервы — около 300 тыс. лир; прибыль 1927 г. — 55 тыс. лир. 11) В Объединенном предприятии, изготовляющем консервы («Ermys Confiance Cartal»), принимает значительное участие греческий капитал; капитал общества — 150 тыс. лир. 12) В Промышленном обществе Леванта («C-ie industrielle du Levant») — бельгийском обществе, занятом главным образом очисткой хлопка; капитал общества на 31 декабря 1927 г. — 500 тыс. бум. лир.

Подытоживая все вышеперечисленные предприятия с участием иностранного капитала, мы определяем инвестиции в обрабатывающей промышленности в следующих цифрах (в бум. лирах по курсу конца 1928 г.):

1. „The Oriental Carpet Manufactures Ltd“	1 250 000	12 250 000
2. Смирнское промышленное общество	176 000 зол. лир	1 496 000
3. „Валекс“	240 000	2 352 000
4. „Смугна Fig Packers Ltd“	250 000 ф. ст.	2 450 000
5. Арслан и Эски Гиссар	—	367 000
6. Бомонти	6 000 000 шв. фр.	2 400 000
7. Сахарные предприятия	—	1 500 000
8. „Droguerie Central“	—	200 000
9. Национальное общество торговли и сельского хозяйства	—	200 000
10. Хлопковое общество Смирны	—	100 000
11. „Ermys Confiance Cartal“	—	150 000
12. Промышленное общество Леванта	—	500 000
Всего		24 145 000
	(около 2 840 000 зол. лир)	

В целом в отдельные отрасли промышленности вложены весьма незначительные суммы, а в такие отрасли промышленности, как изготовление хлопчатобумажных и шерстяных тканей, иностранный капитал вовсе не инвестируется, устремляясь лишь в те отрасли, которые не составляют конкуренции для изделий европейской промышленности.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

К числу муниципальных предприятий, куда охотно устремляется иностранный капитал, относится ряд компаний по электрическому и газовому освещению, водоснабжению, городскому транспорту, канализации, телефонной сети, в том числе:

1) Английское общество телефонов в Константинополе, организованное в 1911 г. Акционерный капитал общества на 31 декабря 1927 г. составлял 273 724 зол. лир. Облигационный капитал — 262 756 зол. лир; кроме того, были выпущены 6-процентные сертификаты на сумму 125 636 зол. лир; всего, таким образом, капитал составляет 662 116 зол. лир (5 327 986 бум. лир). 2) Бельгийское трамвайное общество в Константинополе, организованное в 1869 г.; капитал общества равен 27 млн. шв. фр., резервный фонд — 405 811 шв. фр., фонд восстановления — 6 897 248 шв. фр. — всего около 35 млн. шв. фр. (14 млн. бум. лир); чистые доходы за 1927 г. составили 994 709 шв. фр. Стоимость сети и подвижного состава составляет около 40 млн. шв. фр. 3) Метрополитен между Пера и Галата в Константинополе (1911 г.) — бельгийское предприятие с капиталом в 165 тыс. зол. лир и облигационным капиталом в 147 825 бум. лир (на 31 декабря 1927 г.); стоимость сооружений и инвентаря определяется по балансу в 473 434 бум. лиры. 4) Общество электрического и газового освещения Константинополя (1911 г.) — бельгийское предприятие с капиталом в 35 млн. шв. фр., резервным фондом в 252 тыс. шв. фр., фондом восстановления в 5052 тыс. шв. фр.; фондом амортизации в 463 тыс. шв. фр. — всего около 41 млн. шв. фр. Стоимость инвентаря на 31 декабря 1927 г. определяется в 56 164 038 шв. фр. 5) Общество водоснабжения Константинополя — французское предприятие (1882 г.); капитал на 31 декабря 1927 г. — 880 тыс. лир; облигационный капитал — 155 279 лир; всего 1035 тыс. лир; чистая прибыль — 81 753 лиры. 6) Общество электрического освещения и трамвая Смирны — бельгийское предприятие (1885 г.) с капиталом в 1700 тыс. зол. фр., или 74 800 зол. лир (635 800 бум. лир). 7) Общество водоснабжения Смирны — бельгийское предприятие (1895 г.) с капиталом в 3750 тыс. зол. фр., или 165 тыс. зол. лир (1 402 500 бум. лир). 8) Общество водоснабжения Скутари — швейцарское предприятие с капиталом в 75 тыс. лир. 9) Кадикейское (пригород Константинополя) газовое общество — бельгийское предприятие (1889 г.); имущество его расценивается в 11 500 тыс. фр., или 506 тыс. зол. лир (4301 тыс. бум. лир). 10) Общество газового освещения Смирны — французское предприятие (1862 г.) с капиталом в 100 тыс. фр. (980 тыс. бум. лир). 11) Компания освещения и транспорта Бруссы — французское предприятие с капиталом в 50 тыс. зол. лир (725 тыс. бум. лир.).

Всего в муниципальные предприятия вложено 45 566 тыс. бум. лир.

ПОРТОВЫЕ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

К числу этого рода предприятий относятся:

1) Общество набережных, доков и складов в Константинополе — французское довоенное предприятие, располагающее концессией на пристани, причалы, транзитные склады в порту. Капитал общества на 31 декабря 1927 г. составляет 23 875 тыс. фр.; облигационный капитал — 13 908 500 фр. — всего 37 783 500 фр.; кроме того, имобилизованные доходы предшествующих лет в размере 7 547 580 фр.; стоимость имущества определяется в 43 666 тыс. фр. Таким образом, вложенный еще в довоенное время капитал исчисляется в 1 921 304 зол. лиры (16 330 тыс. бум. лир). Чистая доходность предприятия весьма невысока — составила за 1927 г. 807 198 бум. фр., или 64 575 бум. лир.

2) Доки верхнего Босфора — французское общество с капиталом в 264 тыс. зол. лир (2244 тыс. бум. лир).

3) Концессия Виккерс-Армстронга (1913—1914 гг.) — монополия на верфи, судостроительные заводы, доки и военные арсеналы (Императорское оттоманское общество) с капиталом в 1485 тыс. фр. — частично входящая акционером во французское общество. Во время войны предприятие перешло в руки турецких военных властей. Концессия была аннулирована. Согласно ст. 2 специального протокола о концессиях к Лозаннскому договору концессия признана прекратившей свое существование, однако турецкое правительство обязалось предоставить Обществу Виккерс новую концессию и таким образом его компенсировать. Предприятие ныне находится в руках морского министерства. Размер капитала неизвестен.

4) Константинопольское общество недвижимых имуществ — французское предприятие, которое помимо эксплуатации различного рода недвижимых имуществ осуществляет строительные мостовые и канализационные работы. Покрытый капитал составляет 480 тыс. зол. лир (4 080 000 тыс. бум. лир). Прибыль 1927 г. — 39 578 бум. лир; в 1926 г. имело убыток в 5854 лиры.

5) Строительная концессия Люма — швейцарское предприятие, организованное в 1924 г. («Syndicat d'Entreprises en Orient»), осуществляющее ряд строительных работ для константинопольского муниципалитета. Капитал общества равен 20 млн. фр. (1600 тыс. бум. лир).

Весь инвестированный капитал по группе промышленных и строительных предприятий исчисляется в 24 250 тыс. бум. лир, или 2853 тыс. зол. лир.

БАНКИ

В Турции работает до 20 иностранных банков (так называемых отделений) различной национальности. Поскольку не публикуются балансы отделений, а лишь сводные балансы банков, невозможно выявить ни капитала, вложенного

в турецкие отделения, ни размера, ни характера оборотов. К числу банков, имеющих свои правления в Турции или созданных специально для работы в Турции, относятся лишь следующие банки: 1) Оттоманский банк — англо-французское предприятие, созданное по концессии 1863 г., важнейший финансовый институт страны. Концессия его в 1925 г. продлена на 10 лет. Капитал банка по балансу на 31 декабря 1927 г. составляет 5 млн. ф. ст., уставные резервы — 1250 тыс.; привлеченные средства выражаются в сумме около 13 млн. ф. ст. Банк работает не только в Турции, но и на территории всей бывшей Оттоманской империи, в Греции, на Кипре, в Персии и Египте. Нет возможности выявить его чисто турецкие операции. 2) Салоникский банк (франко-греческий) — с правлением в Константинополе, работающий и в Греции; капитал его равен 2884 тыс. лир. 3) Французский банк для восточных стран («Banque française de Pays d'Orient»), работа которого ограничивается только Турцией. Создан в 1921 г. Капитал его равен (покрытый) около 15 млн. фр., или 1200 тыс. бум. лир. 4) «National Bank of Turkey» — английский банк, основанный в 1909 г., с покрытым капиталом в 1100 тыс. бум. лир; работает последние годы с убытками (убытки прошлых лет на балансе — 973 тыс. лир).

Размеры средств, вложенных в Турцию отделениями иностранных банков, не поддаются никакому выявлению, но они несомненно весьма велики; при незначительности капиталов и привлеченных средств собственно турецких банков (без Сельскохозяйственного банка и Горно-промышленного банка, имеющих специальное назначение, капиталы турецких банков равны 6,5 млн. бум. лир, а привлеченные средства — 23 млн.) почти все финансирование внутреннего и внешнего оборота страны находится в руках иностранных банков, что, естественно, давит на всю экономику страны.

По подсчетам, произведенным в 1925 г., капиталы этих отделений исчисляются весьма приблизительно в 10 млн. ф. ст. (около 100 млн. лир).

ТОРГОВЛЯ

Размер иностранных капиталовложений в торговлю, равно как и в банки, не поддается исчислению. Иностранные общества зачастую скрываются и под фирмой турецких анонимных обществ; в Турции на конец 1927 г., по данным «Annuaire Statistique», насчитывалось 40 анонимных турецких торговых обществ с капиталом в 9065 тыс. лир и 3750 тыс. фр. В числе этих обществ имеется и некоторое количество иностранных. Наряду с этим зарегистрировано на конец 1927 г. (без подразделения по видам деятельности) 120 различных иностран-

ных обществ (без страховых обществ). Капитал этих обществ не может быть выявлен, ибо «Ежегодник» приводит лишь уставные капиталы всех этих учреждений⁶, не выделяя капиталов, вложенных в турецкие отделения и дела.

Можно, однако, без ошибки считать, что вложения в торговые операции весьма велики, что в руках иностранных фирм находится значительная часть операций по внешней торговле. По далеко не полным и частичным данным в торговые предприятия вложено до 30—35 млн. бум. лир (около 4 млн. зол. лир); несомненно, эта цифра является преуменьшенной.

В руках иностранных предприятий находятся все основные отрасли турецкого экспорта: табак, фиги, сухие фрукты, хлопок, шерсть; все это, как правило, продается турками фоб, скупается на местах иностранными торговыми предприятиями, держащими в своей экономической зависимости ряд перекупщиков (или авансируемых), связанных непосредственно с производителями.

Закупки табака находятся главным образом в руках американских фирм «Америкен Табако Компани», «Ольдстон Табако Компани», голландской фирмы «Табакус», английской фирмы «Мейланд» — и ряда других фирм, диктующих свои условия турецкому рынку. На мировой табачной бирже — в Амстердаме — турецкие фирмы не выступают.

Экспорт хлопка находится также в руках ряда иностранных фирм — Банка Алькадеф, итальянских фирм «Сигмат», «Брацифоли», Бельгийского общества. Экспортом селедки заняты только две фирмы — Американское общество «Форбес» и вышеупомянутое Промышленное т-во.

Экспорт изюма и инжира находится в руках иностранных фирм «Алиоти», «Жиро», «Таронто», «Пагис Солати», а экспорт сезама — в руках фирм «Шишти», «Сикмат», «Канелетти».

Вся экспортная торговля зависит от иностранных фирм: турецкие купцы являются только собирателями экспортных товаров; они установили связи с внутренним рынком, но не связались с внешним рынком. В пользу иностранных посредников остается значительная часть выручаемых ими сумм.

Иностранные компрадорские фирмы финансируют обычно турецких перекупщиков, которые от себя кредитуют производителей; хотя нередко случаи кредитования иностранными фирмами (табак, инжир) и непосредственно производителей.

В области импортной торговли деятельность иностранного капитала несколько слабее — проводниками иностранных товаров являются местные фирмы, работающие на определенных кредитных условиях. Однако продажа нефтепродуктов (Стан-

дарт, Стеа, Романа, Вакуум), угля, сельскохозяйственных машин, автомобилей почти полностью находится в руках представительств иностранных компаний, которые сами завозят свои товары и уже на месте продают их турецким фирмам. Что касается сбыта хлопчатобумажных тканей (36% всего импорта), то здесь активность национальных фирм значительнее — они имеют своих представителей за границей.

Приведенными выше данными не исчерпывается деятельность иностранного капитала в Турции.

В руках иностранного капитала находилась в течение трех лет спичечная монополия (Бельгийское общество с капиталом в 600 тыс. лир), ликвидированная после скандальной постройки спичечной фабрики в Синопе. Около года в руках польской компании находилась спиртная монополия, тоже ликвидированная. В руках французской компании находится монополия по изготовлению пороха и оружия, за предоставление каковой компания уплатила 1500 тыс. лир. Немецкая компания «Тюркише Верке» (капитал — 500 тыс. лир) эксплуатирует старые металло-механические предприятия военного ведомства в Зейтун-Бурну, немецкая компания «Юнкерс» обслуживает воздушное сообщение с Килем и строит фабрику в Цезарее, французское общество в 1925/26 г. оборудовало станции беспроволочного телеграфа в Анкаре и Стамбуле, австрийское предприятие «Wiener Rumpel Werke» строит водопровод в Стамбуле и центральную электрическую станцию, немецкая фирма «Шомотт» (Штеттин) заключила в 1927 г. контракт сроком на десять лет на постройку и эксплуатацию освещения в Анкаре, доки и верфи Исмида сданы германской фирме «Фландер»; постройки электрической станции и трамвая от Трапезунда до Платаны производятся французским обществом, немецкое общество «Вейс» строит канализацию в Константинополе. Таков, несомненно, неполный список ныне действующих иностранных предприятий в Турции. К этому списку надо добавить участие шведских и немецких групп в железнодорожном строительстве и недавно сданную Форду концессию на постройку автомобильного завода.

По приведенным выше неполным данным, общие инвестиции иностранного капитала в Турции определяются (в зол. лирах):

В железные дороги (без Анатолийско-Багдадской)	12 914 747
В добывающую промышленность . . .	2 224 000
В обрабатывающую промышленность . . .	2 840 000
В муниципальные предприятия	5 360 000
В портовые строительные предприятия . . .	2 583 000
В банки	10 000 000
В торговые предприятия	4 000 000

Суммы эти несомненно являются преуменьшенными.

Как бы ни расценивать Анатолийскую железную дорогу, как турецкое или иностранное предприятие, но одно бесспорно, что принятые на себя обязательства Турции по выкупу этой дороги у ее иностранных владельцев усиливают интересы иностранного капитала в Турции; если же учесть и признанные внешние долги Турции, то общая сумма интересов иностранного капитала в Турции определяется в настоящее время следующим образом (в зол. лирах):

Активно работающий капитал	40 191 000	
Анатолийская железная дорога	23 250 000	
Внешний долг	85 000 000	
<hr/>		
Всего	148 441 000	(или
	1 211 748 000	бум. лир)

Иностранный капитал крепко врос в отдельные отрасли народного хозяйства страны.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ В ОБСТАНОВКЕ ВОЙНЫ

В экономической жизни Турции внешняя торговля всегда играла исключительно большую роль. Несмотря на создание новых отраслей промышленности (сахарная, спичечная, бумажная, стекольная, химическая), довольно значительное расширение старых (хлопчатобумажная, шерстоткацкая) и ввод в эксплуатацию первой очереди металлургического комбината, Турция продолжает нуждаться во ввозе большого количества товаров — металлов, машин, хлопчатобумажных тканей, бумаги, химикалий — не говоря уже о нефтепродуктах. В 1938 г., последнем довоенном году, до 65% ввоза (в стоимостном выражении) приходилось на следующие товары: уголь и нефтепродукты — 4,5%, машины — 15,3, черные металлы — 18,4, хлопчатобумажные изделия — 15, шерстяные изделия — 4,7, бумага — 3, сахар — 2,7%. В то же время турецкое сельское хозяйство — основа всей экономики страны — весьма зависит от экспорта, ибо вследствие невысокого уровня развития производительных сил и узости рынка, обусловленной сохранением полукрепостнической эксплуатации в деревне, значительная часть продукции хлопка, шерсти, табака и фруктов не находит сбыта внутри страны.

За последние годы получила большое развитие добыча металлических руд, в первую очередь хромовой руды, причем эта отрасль промышленности почти целиком работает на экспорт. До 85% экспорта приходится на продукцию сельского хозяйства, около 5% — на вывоз металлических руд. Так, в 1938 г. вывоз табака составил 27% стоимости всего экспорта, хлопка — 7, сушеного винограда, инжира и орехов — 22, шерсти — 4,6, пшеницы — 3,8 и руд — 4,7%.

Во внешней торговле Турции принимает участие свыше 20 стран, но основное место в товарообороте занимали в течение нескольких лет перед войной лишь четыре из них — Германия, США, Италия и Великобритания. Их удельный вес представлен в табл. 1.

Таблица 1

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ТУРЦИИ, %

Страна	Экспорт			Импорт		
	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Германия	36,5	42,9	37,3	42,1	47,0	50,9
США	13,9	12,2	14,3	15,1	10,5	9,9
Великобритания	7,1	3,4	5,7	6,2	11,2	6,2
Италия	5,3	10,1	10,0	5,3	4,7	8,5

Германия держала в своих руках на протяжении ряда лет до половины всего внешнеторгового оборота. К началу войны в Европе окончился срок действия германо-турецкого договора (31 августа 1939 г.). Этот договор Турцией возобновлен не был.

Связанная союзным договором с Англией и Францией (пакт о взаимопомощи от 19 октября 1939 г.), Турция начинает ориентироваться в своей торгово-экономической политике на союзников, перед которыми, в свою очередь, стояла серьезная задача — усилить торговые и экономические связи с Турцией. Одновременно с подписанием пакта о взаимопомощи было заключено специальное соглашение между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Турцией — с другой. Это соглашение предусматривало: открытие Турции кредита в 25 млн. ф. ст. на приобретение вооружений, с погашением в 20 лет из 3%; предоставление 3,5 млн. ф. ст. на освобождение блокированных по клиринговым расчетам сумм английских и французских граждан. Тем же соглашением были предусмотрены поставки вооружения.

В развитие этого соглашения 8 января 1940 г. в Париже был подписан ряд документов о формах и методах расчетов, а также специальное соглашение с Великобританией в дополнение к существовавшему торговому договору и клиринговому соглашению от 2 сентября 1931 г.¹.

Вся система этих соглашений должна была способствовать расширению экономических связей между Турцией и ее союзниками.

Имеющиеся данные о внешней торговле Турции показывают, что в 1940 г. произошло общее снижение товарооборота, особенно по импорту; что касается 1941 г. (мы имеем данные лишь за первые 5 месяцев, так как в дальнейшем публикация отчетов о внешней торговле была прекращена), то можно думать, что товарооборот в этом году несколько увеличился (в тыс. лир):

Год	Импорт	Экспорт
1938	140 837	144 947
1939	118 246	123 389
1940	68 922	111 446
1941 (5 месяцев)	32 848	73 921

Более поздних данных о внешнеторговом обороте не имеется. Можно лишь проследить экономические отношения с отдельными странами, в первую очередь с Великобританией. В 1940 г. была создана Коммерческая корпорация Соединенного королевства (United Kingdom Commercial Corporation) — государственная организация, на которую была возложена задача расширения торговых связей.

В течение последних лет внешнеторговые обороты между Турцией и Великобританией значительно увеличились. До 1940 г. включительно, по официальным данным турецкой таможенной статистики, они выражались в следующих цифрах (в тыс. лир):

Год	Импорт в Турцию	Экспорт из Турции
1938	16 794	4 942
1939	7 388	7 302
1940	9 665	11 551

По неполным данным, уже в 1941 г. Великобритания экспортировала в Турцию товаров на сумму в 36 млн. лир и импортировала — 34 млн.

По данным, опубликованным Британской торговой палатой в Стамбуле², только Коммерческая корпорация ввезла в 1942 г. в Турцию товаров на сумму 1 855 220 ф. ст. (около 10 млн. лир) и вывезла товаров на 46 млн. лир. В частности, Корпорация вывезла (в тоннах):

Шерсть, мохер	5 300
Валония (дубители) . . .	10 000
Валекс	3 000
Сушеный виноград	15 000
Кожи	2 500
Наждачный камень	6 141
Лен	800
Пенька	2000

Судя по данным, опубликованным «L'Economiste d'Orient» (10.XII.1943), к концу 1943 г. были закончены переговоры о закупке Корпорацией 23 тыс. т сушеного винограда и 7 тыс. т инжира, т. е. значительной части урожая.

Что касается ввоза в Турцию, то, по тем же данным, Корпорация в течение 1942 г. ввезла: хлопчатобумажных изделий — на 296 200 ф. ст., шерстяных изделий — на 596 500, то-

варных вагонов — на 297 500, красителей — на 37 500, меди — на 66 тыс., химико-фармацевтических товаров — на 76 тыс. ф. ст. и т. д.

Из Англии в числе разных товаров было ввезено значительное количество зернопродуктов, в которых Турция в последние годы ощущала серьезный недостаток. В 1942 г. было ввезено 13 тыс. т муки, 40 тыс. т ячменя, 69 тыс. т пшеницы и 5 тыс. т кукурузы. Ввоз пшеницы продолжался и в 1943 г., составляя в среднем 10 тыс. т в месяц.

Отчет Торговой палаты отмечает, что развитие торговых отношений между обеими странами лимитируется транспортом и существующими в Великобритании рестрикциями по экспорту. Отчет указывает также на наличие огромных трудностей в перевозках грузов по территории Турции из портов Мерсин и Александретта (Искендерон) в Стамбул: эти перевозки занимают больше времени, чем транспортировка грузов из Великобритании в порты Средиземного моря.

Вместе с тем отчет отмечает сокращение ввоза в Турцию хлопчатобумажных и шерстяных тканей, а также некоторых других товаров, в которых испытывает нужду сама Великобритания; в отчете сообщается о создании в Анкаре англо-американского комитета по координации, на который возложена задача разрешений на вывоз грузов в Турцию.

Товарооборот между обеими странами, как показывают выше перечисленные данные, значительно увеличился. В результате встречи между Черчиллем и Исметом Инёню в Адане в начале 1943 г. Англия усилила свои поставки вооружения и военного имущества Турции. В течение 1941 и 1942 гг. Англия в силу особого соглашения с Турцией являлась монопольным покупателем хромовой руды, причем две трети своих закупок этой руды она передавала Соединенным Штатам Америки.

Данные о размерах торгово-экономических отношений с Соединенными Штатами Америки не публикуются. Шюкрю Сараджоглу 21 февраля 1943 г. заявил: «США помогали нам в течение многих месяцев при посредничестве Англии, и военные материалы поступали к нам по английским каналам. Но в течение последних месяцев США решили предоставить нам непосредственную помощь на основе закона о поставках в кредит, и мы ее с удовлетворением принимаем».

Взаимоотношения с США регулируются торговым договором от 1 апреля 1939 г., заключенным на неопределенный срок. Договор может быть денонсирован через 6 месяцев после предупреждения.

Торговые взаимоотношения с Германией характеризуются данными о вывозе из Турции в Германию и об удельном весе Германии в вывозе важнейших турецких товаров до войны (табл. 2).

Таблица 2

ВЫВОЗ В ГЕРМАНИЮ,
тыс. т.

	Табак		Орехи очищенные		Сушеный виноград		Инжир		Хромовая руда		Хлопок		Мохер	
	1938 г.	1939 г.	1938 г.	1939 г.	1938 г.	1939 г.	1938 г.	1939 г.	1938 г.	1939 г.	1938 г.	1939 г.	1938 г.	1939 г.
Общий вывоз из Турции	42,0	44,3	22,6	16,8	82,9	38,9	41,3	28,7	20,8	192,8	26,2	9,2	2,9	7,0
В том числе в Германию	15,7	20,1	14,9	2,7	66,5	9,6	22,0	33,5	68,4	105,3	6,4	1,9	1,3	4,6

Как уже выше сообщалось, Турция отказалась в сентябре 1939 г. возобновить торговый договор с Германией, что привело в 1940 г. к резкому сокращению товарооборота, как это видно из следующих данных (в тыс. лир):

Год	Импорт в Турцию из Германии	Экспорт из Турции в Германию
1937	48 132	50 411
1938	70 410	62 209
1939	60 142	47 504
1940	8 083	9 686

Что касается удельного веса Германии, то он составил в 1940 г. лишь 8,2% турецкого экспорта и 11,7% импорта. Однако в дальнейшем он стал резко увеличиваться.

В январе 1940 г. между Турцией и Германией было заключено временное торговое соглашение, ограничившее оборот незначительной суммой — в 7,5 млн. лир. 18 июля 1940 г., после капитуляции Франции, было подписано новое соглашение с Германией сроком на один год, предусматривающее товарообмен на началах клиринга на общую сумму в 21 млн. лир. Турецкая газета «Тан» (27. VII. 1940) писала по этому поводу: «Мы не могли допустить полного прекращения нашей торговли с государством, являющимся хозяином Европы. В конце концов мы нужны Германии, Германия нужна нам».

После заключения германо-турецкого договора о дружбе от 18 июня 1941 г. торговое соглашение 1940 г. было пролонгировано до 9 октября 1941 г., когда было подписано новое торговое соглашение на срок до 31 марта 1943 г. Последнее предусматривало вывоз каждой страной товаров на сумму 100 млн. лир. В счет этой суммы закупки на 55 млн. лир должны были производиться турецким правительством, а на остальную сумму — частными лицами.

7 января 1943 г. кончался срок соглашения с Англией по вопросу о поставках хромовой руды. В связи с этим весной 1942 г., как сообщил «*Journal de Genève*», Турция заключила соглашение с Германией о поставке в первом триместре 1943 г. 45 тыс. т хромовой руды в обмен на военные материалы на общую сумму в 18 млн. лир. Соглашение обязывало Турцию поставить Германии в течение 1943 г. еще 45 тыс. т и в 1944 г. — 90 тыс. т, а всего за два года — 180 тыс. т. По другим данным, соглашение о поставке хромовой руды было достигнуто немцами еще осенью 1941 г., во время переговоров германского представителя Клодиуса о торговом договоре.

По поводу поставок хромовой руды Германии Шюкрю Сараджоглу в беседе с корреспондентом газеты «*Times*» заявил следующее: «Существуют многочисленные комментарии по вопросу о хrome. Турция, пролонгировав в прошлом году свое соглашение с Великобританией о поставках ей хрома еще на один год, выполнила в отношении ее все свои обязательства. Не следует критиковать Турцию за то, что это соглашение не было продлено. Турция готова оказать помощь Великобритании в пределах своих возможностей при условии уважения к обязательствам, принятым ею в отношении Германии»³.

Германо-турецкое торговое соглашение 1941 г. было дополнено 12 июня 1942 г. соглашением о ценах, по которым должны совершаться поставки. Цены на все турецкие товары были строго фиксированы; что же касается германских товаров, то они должны были поставляться на базе цен 1938/39 г., причем в отношении отдельных групп товаров устанавливалось повышение цен от 25 до 300%. В среднем цены на все германские товары по этому договору фактически были повышены примерно на 60%⁴. Исходя из этого и принимая во внимание довоенные цены, можно считать, что этим соглашением товарооборот с Германией установлен примерно на уровне 1939 г.

В ходе неоднократно происходивших германо-турецких встреч и переговоров был поставлен вопрос об открытии Турцией кредита на приобретение вооружений. Договоренность по этому вопросу была достигнута еще осенью 1938 г., во время пребывания в Турции министра хозяйства Германии Функа. В январе 1939 г. было подписано соглашение о предоставлении кредита в 150 млн. марок для оплаты промышленного транспортного оборудования и военных заказов. Однако это соглашение проведено в жизнь не было. 31 декабря 1942 г. в Берлине было подписано новое соглашение (ратифицированное турецким парламентом 16 апреля 1943 г.) о предоставлении Турции кредита в 100 млн. марок на приобретение военных материалов и вооружения.

По этому соглашению⁵ германское правительство взяло на себя обязательство принять все меры, обеспечивающие поставки военных материалов специально созданному для торговли с Тур-

цией консорциуму германских фирм. В консорциум вошли следующие фирмы: «Даймлер — Бенц» (Берлин — Мариенфельд), «Фокке-Вульф» («Флугцейгбау» — Бремен), «Фридрих Крупп» (Эссен), «Марта-Верке» (Франкфурт-на-Майне), «Рейниш-вестфелише Шпренгштофф» (Нюрнберг), «Рейнметалл-Борзиг» (Берлин), «Вихманн» (Берлин), «Карл Цейсс» (Йена).

В соглашении оговорено, что все поставленные материалы должны быть обязательно «немецкого происхождения, новыми и идентичными с современными материалами, применяемыми в германской армии».

Вся техническая приемка материалов от фирм производится приемщиками германской армии на тех же началах и теми же методами, которые применяются при приемке материалов для нужд германской армии.

Сверх уплаты за стоимость материалов турецкое правительство покрывает расходы консорциума по упаковке, транспорту и страхованию в сумме 7250 тыс. марок. Германское правительство открыло 15 мая 1943 г. Турции кредит в 100 млн. марок для расчетов с фирмами. Кредит должен быть покрыт Турцией в течение 10 лет двадцатью полугодовыми равными платежами, каждый из которых представляет собой 6% с лишним всего кредита (включая капитал и проценты). Таким образом, за 10 лет Турция уплатит 126 250 тыс. марок. Платежи Турции должна была начать с 15 ноября 1943 г. В обеспечение платежей Турция выпускает казначейские боны — в марках, причем все расчеты ведутся по клирингу и суммы, выплачиваемые Турцией Германии, обращаются на покупку турецких товаров по ранее фиксированным ценам сверх количеств, обусловленных торговым соглашением.

Спустя два дня после ратификации турецким парламентом указанного кредитного соглашения, 18 апреля 1943 г., в Анкаре был подписан новый торговый договор между Турцией и Германией. Переговоры со стороны Германии снова вела миссия во главе с Клодиусом, а со стороны Турции — председатель Комитета торговых и финансовых соглашений Бурхан Зина Синус. По соглашению от 18 апреля 1943 г. (которое вступило в силу с 1 апреля) обе стороны обязались поставить друг другу до 31 мая 1944 г. товаров на сумму 62 млн. лир каждая.

Германия, как и раньше, обязалась поставлять Турции промышленные товары, представляющие для последней особый интерес, а Турция — сырье, в поставках которого Германия нуждается. По этому соглашению Германия ввозит в Турцию военные материалы, машины, транспортные средства, сельскохозяйственные машины, некоторые виды оборудования для текстильной и химической промышленности, рельсы, запасные части. Турция поставляет табак, орехи, масличные семена, хлопок, рыбу, изюм, медь, кожу и шерсть, лен и коноплю, опиум, дубители др.

По данным журнала «L'Economiste d'Orient», Турция получила от Германии в 1943 г. 45 паровозов и 400 вагонов, 14 тыс. т. различных товаров, в том числе фабричное оборудование, запасные части, сельскохозяйственные машины, 5 тыс. т рельсов и 30 автобусов. Наряду с этим Германия поставляла Турции военное снаряжение. В свою очередь, Турция вывезла в Германию в 1943 г. орехи, рыбу, семена клещевины, изюм, инжир, хлопок, табак и др. Одновременно Турция вывозила в Германию и хромовую руду.

Все имеющиеся материалы дают основание утверждать, что в начале 1944 г. Германия вновь стала играть на турецком рынке активную роль. Журнал «L'Economiste d'Orient» (10. I. 1944) указывает: «Экономические отношения с Германией сейчас активнее, чем когда-либо».

По договору 1943 г. все операции с Германией разбиты на две группы: на 40 млн. лир совершают сделки правительственные органы, на 22 млн. — частные коммерсанты. По данным, относящимся к декабрю 1943 г., почти все обязательства по торговому договору Турцией были выполнены.

Точных данных о вывозе хромовой руды в Германию не имеется, но, судя по некоторым материалам, можно считать, что в отдельные месяцы вывозилось до 8 тыс. т. Поставки хромовой руды из Турции покрывали до половины потребности Германии в этом важном виде сырья.

В начале апреля 1944 г. Англия и Соединенные Штаты Америки послали Турции ноты, требуя прекращения поставок хромовой руды Германии. В связи с этими нотами последовало решение турецкого правительства о прекращении с 21 апреля экспорта хромовой руды в Германию и страны, являющиеся ее союзниками.

Накануне осуществления этой меры министр иностранных дел Турции Менеменджиоглу, касаясь нот английского и американского правительств, протестовавших против поставок хрома в Германию, заявил: «Мы ответили положительным образом, заявив, что для нас сотрудничество с нашим союзником — Великобританией и ее союзниками является естественной необходимостью нашей внешней политики и что мы по мере наших материальных возможностей благоприятно отнесемся к поставленным перед нами требованиям... Турецкое правительство изучило положение в соответствии со своим союзным договором, поскольку требования союзников не могли рассматриваться под углом зрения прав нейтральной страны. В результате этого рассмотрения турецкое правительство решило прекратить с 19 часов 21 апреля поставки хрома в Германию и страны оси»⁶. Поставки хрома союзникам Турции будут продолжены.

Запрещение экспорта хрома в Германию не распространяется на другие материалы, и, таким образом, поставки меди, хлопка, шерсти, кожи, табака и др. продолжают.

За годы войны серьезным участником во внешней торговле Турции стала Румыния. Удельный вес Румынии в турецкой торговле до 1939 г. включительно был весьма невелик и составлял не выше 2% в экспорте и импорте. В 1940 г. удельный вес Румынии поднялся до 10,8 во всем экспорте и 15,7% в импорте (табл. 3):

Т а б л и ц а 3
ТОРГОВЛЯ ТУРЦИИ С РУМЫНИЕЙ

Год	Импорт в Турцию из Румынии		Экспорт из Турции в Румынию	
	тыс. лир.	%	тыс. лир.	%
1937	1 576	1,4	1 025	0,7
1938	1 720	1,1	3 293	2,3
1939	2 344	1,9	1 789	1,4
1940	10 806	15,7	11 987	10,8

Торговые отношения с Румынией регулировались в течение всей войны установленным 9 ноября 1939 г. *modus vivendi* сроком на один год и подписанным 12 декабря 1941 г. торговым соглашением и соглашением о платежах — тоже на один год (впоследствии пролонгированными). 25 февраля 1943 г. в Анкаре был подписан новый торговый договор, базирующийся на обмене товарами. Румыния поставляет Турции 20 тыс. т бензина для автотранспорта (60-октановый), 10 тыс. т керосина и 23 тыс. т газойля и различных масел. В обмен на равную сумму по стоимости Турция поставляет Румынии хлопок, медь, валонию и валекс (дубители), мохер (шерсть анкарских коз), оливковое масло, рыбий жир и др. Сделки в основном совершаются между государственными органами, но частным лицам они также разрешаются при условии одобрения каждой операции соответствующими органами. За получаемые из Румынии нефтепродукты Турция расплачивается наличной свободной валютой (не связанной с клиринговыми расчетами). Нефть и нефтепродукты являются основной статьей ввоза из Румынии, в которой Турция весьма заинтересована.

Заслуживает упоминания сделка, заключенная в 1941 г., о поставке Решитскими заводами 1136 т бандажей для локомотивов и трамваев в обмен на 6298 т чугуна турецкого происхождения. Проведение этой сделки встретило значительные затруднения. В обмен на 510 т бандажей Турция поставила 2500 т чугуна, а от поставки остального количества отказалась, ссылаясь на транспортные затруднения, и стоимость оставшихся 626 т бандажей покрыла 100 т меди сверх 1000 т, поставленной по договору 1941 г.

Болгария до войны играла очень незначительную роль в товарообмене Турции (около 0,5%), и в ходе войны товарооборот этот не получил сколько-нибудь серьезного развития. 27 марта 1942 г. был заключен торговый договор сроком на один год. Заслуживает упоминания специальное соглашение о переработке на болгарских хлопкопрядильных фабриках турецкого хлопка.

За годы войны усилилась связь Турции с Венгрией. Уже в 1940 г. удельный вес Венгрии в экспорте поднялся до 6% против 1,2% и почти до 3% в импорте против 0,9% в довоенное время.

В мае 1941 г. и затем в феврале 1943 г. были заключены торговые договоры с Венгрией на базе компенсации и клиринга. Венгрия интересуется Турцию как поставщик сахара, хлопчатобумажных изделий и сельскохозяйственных машин. Турция, в свою очередь, поставляет ей хлопок. Одной из отличительных особенностей договора является обязательство Венгрии переработать на своих фабриках турецкие железо и хлопок и поставлять Турции соответствующие фабрикаты в готовом виде.

Хлопок является серьезной статьей вывоза Турции в европейские страны. По соглашению со Словакией, подписанному в начале 1943 г., Турция в обмен на 2500 т сахара поставляет 1000 т мерсинского хлопка. Турецкое сырье привлекает и Финляндию. В течение 1941 г. наблюдалось некоторое развитие товарооборота между этими странами. По сообщению журнала «L'Economiste d'Orient» (10.IV. 1943), Финляндия экспортировала в Турцию в 1940 г. товаров на 19,7 млн. марок, в 1941 г. — на 52,7 млн., соответственно импортировав в 1940 г. на 27,9 млн. марок, в 1941 г. на 68,1 млн. В 1942 г. оборот удержался, как отмечает журнал, на уровне предыдущего года.

3 апреля 1943 г. был подписан новый торговый договор с Финляндией. Закупая в Турции табак и сушеные фрукты, Финляндия поставляет ей изделия из дерева, бумагу и картон.

9 декабря 1942 г. был заключен торговый договор между Швейцарией и Турцией. Турция должна была поставить Швейцарии в течение года различных товаров на 52 млн. шв. фр. (т. е. на 15 млн. лир). Перед войной товарооборот со Швейцарией не превышал 4 млн. лир (1—1,5% всего оборота). Турция поставляет Швейцарии хлопок, шерсть, кожи, коконы, сталь, чугун, медь, табак, сушеные фрукты и орехи, получая в обмен различные оговоренные в специальном списке машины⁷.

Торговые отношения с Италией в ходе войны характеризовались значительным увеличением оборотов в 1940 и 1941 гг. и повышением удельного веса Италии в торговле (табл. 4).

Торговый договор, заключенный 29 декабря 1936 г. сроком на 18 месяцев, был неоднократно пролонгирован вплоть до 31 декабря 1941 г. Судя по имеющимся материалам, в 1942 г. уже произошло значительное уменьшение товарооборота, продолжавшееся в силу военных и политических событий в Италии и далее.

Т а б л и ц а 4
ТОРГОВЛЯ ТУРЦИИ С ИТАЛИЕЙ

Год	Импорт в Турцию из Италии		Экспорт из Турции в Италию	
	тыс. лир.	%	тыс. лир.	%
1938	7 119	4,75	14 562	10,05
1939	10 023	8,48	12 753	10,17
1940	11 224	11,29	17 951	16,11

Торговые отношения с Индией за время войны укрепились в связи с усилением закупок индийских товаров (хлопчатобумажные ткани, джутовые мешки). В 1943 г. из Турции в Индию выехала специальная комиссия для производства закупок.

Несмотря на трудности, созданные войной, Турция поддерживает внешнеторговые операции на довольно высоком уровне. Однако если учесть значительное повышение цен, то окажется что товарооборот в целом находится на более низком уровне, чем до войны. Снижение импорта резко сказывается на рынке, что создает крупные затруднения для турецкой экономики.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА В ТУРЦИИ

11 июня 1945 г. турецкий парламент принял закон об аграрной реформе. Более 25 лет прошло со дня начала национально-освободительной борьбы 1919—1922 гг., и почти 23 года — со времени ее окончания. И только сейчас турецкая буржуазия решилась на проведение этой крайне ограниченной, в достаточной мере куцей и реакционной, как мы увидим далее, реформы.

Национально-освободительное движение в Турции, известное под названием кемалистской революции, было движением верхушечным, направленным против иностранных интервентов. Оно не разрешило задач буржуазно-демократической революции.

Крестьянство было основной движущей силой национально-освободительной борьбы, но крестьянское движение не превратилось в мощную аграрную революцию. Слабость пролетариата, отсутствие пролетарского руководства позволили буржуазии подчинить своему влиянию крестьянство и направить движение только по линии борьбы с чужеземными империалистами.

Турция — страна крупного помещичьего землевладения и мелкого землепользования. Сельскохозяйственная перепись 1913 г. выявила достаточно полно картину распределения земли перед первой мировой войной. В момент переписи в Турции имелось 93 млн. дёнюмов (1 дёнюм = 0,1 га) обрабатываемой площади. Переписью была охвачена территория в 77 млн. дёнюмов, которая распределялась следующим образом:

	Млн. дёнюмов	%
Крупные землевладельцы	30	39,3
Деревенская верхушка . .	20	26,2
Вся остальная крестьян- ская масса	27	34,5

«5% дворов принадлежало 65,6% земли, а 87% дворов — всего лишь 31,4% земли; 8% дворов совсем не имели земли»¹.

Современная турецкая статистика сознательно затушевывает вопрос о распределении земли между отдельными категориями землевладельцев.

В анкеты сельскохозяйственной переписи 1927 г. был включен вопрос о количестве земли, принадлежащей каждому хозяйству, но в опубликованных результатах переписи ответа на этот вопрос не имелось. Тогдашний руководитель статистического ведомства проф. Жаккар в сводном обзоре результатов переписи писал: «При переписи были поставлены вопросы для определения размеров землевладения, но полученные ответы нельзя было рассматривать как достаточно точные для их статистической обработки».

Правящая верхушка Турции долгое время отрицала наличие в стране аграрного вопроса. Она не хотела признать существование крупного помещичьего землевладения и отрицала факт борьбы крестьян за землю.

Отрицание существования в Турции аграрного вопроса обычно сопровождалось известными соображениями идеологического порядка о «своеобразии» развития Турции, об отсутствии якобы в Турции классов и классовой борьбы. Программа правящей Народно-республиканской партии, принятая III конгрессом этой партии в 1931 г., включает следующий пункт: «Мы рассматриваем народ Турецкой Республики не как совокупность отдельных классов, а как единое целое... Мелкие земледельцы, мелкие кустари и ремесленники, рабочие, лица свободных профессий, промышленники, владельцы крупных поместий и предприятий и коммерсанты являются главными трудовыми группами, составляющими турецкое общество. Труд каждой из этих групп необходим для существования и счастья другой группы и всего общества».

Лишь в 1937 г. правящие круги вынуждены были, наконец, признать тот факт, что в Турции имеется крупное землевладение и что значительная часть крестьян лишена земли. Так, Исмет Инёню, бывший в то время премьер-министром, в своем выступлении от 29 декабря 1936 г. на заседании фракции Народно-республиканской партии заявил: «Земля может давать наибольшую продукцию лишь при условии, если она будет собственностью лиц, обрабатывающих ее. Число безземельных крестьян в нашей стране больше, чем можно предположить. Даже в местах, где производился раздел земли и где почва наиболее плодородна, половина крестьян не имеет земли»².

В начале 1937 г. турецкое правительство внесло в парламент законопроект об изменении ст. 7 конституции, предоставлявшей правительству право выкупать землю у помещиков для наделения ею крестьян. Эта статья гласила: «Никто не может быть лишен своего имущества путем конфискации или принудительного отчуждения иначе, как в целях общественной пользы, должным образом установленной, и в соответствии с особыми законами и с выплатой надлежащей суммы наличными». В эту статью согласно закону № 3115, принятому 5 февраля 1937 г., было внесено следующее дополнение: «Будут определены осо-

бым законом суммы и способы выплаты этих сумм за земли и леса, которые будут экспроприированы государством в целях наделения нуждающихся крестьян землей и в целях установления государственного управления лесами».

Цель принятия закона была ясно определена докладчиком, министром внутренних дел и генеральным секретарем партии Шюкрю Кайя, заявившим: «Нужно освободить крестьянина от работы на чужой земле, нужно следить, чтобы он был хозяином своей собственной земли».

Однако, хотя с момента принятия поправки к конституции прошло восемь лет, реально для ее проведения в жизнь ничего не сделано и к выкупу земли не приступали. За время с 1937 по 1945 г. специально выделенные комиссии обследовали 37 вилайетов, 200 каза (уездов) и 16 839 деревень, т. е. примерно 43% территории страны. Вот что показали результаты обследования: в 37 вилайетах имеется 64 840 855 дёнюмов земли (очевидно, годной для обработки), из которой не обрабатывается 4 910 831 дёнюм. На этой же территории насчитывается 1098,9 тыс. крестьянских семей. О распределении земли см. таблицу.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ В ТУРЦИИ

Количество земли, дёнюмы	Число семей	
	тыс.	%
—	61,1	5,5
1—10	244,8	22,6
10—20	161,2	14,5
20—30	124,5	11,2
30—40	92,2	8,3
40—50	75,3	6,8
50—75	112,7	10,0
75—100	74,9	6,7
100—200	88,4	8,0
200—500	31,8	2,7
500—1000	40,1	3,6
1000 и более	1,9	0,17
Всего	1108,9	100

К сожалению, отсутствуют данные об общем количестве земли в каждой группе владений. Но и приведенные цифры весьма показательны — 5,5% крестьянских семей вовсе не имеют земли, 48,3% имеют до 30 дёнюмов (3 га), 31,8% — от 30 до 100 дёнюмов (3—10 га), 14,3% — от 100 до 1000 дёнюмов (10—100 га) и 0,17% — 1000 дёнюмов (100 га) и более. Если

исходить из того, что для прокормления семьи в пять человек необходимо минимум 50 дёнюмов (это голодная для Турции норма), то даже из приведенных неполных данных можно сделать вывод, что 63% крестьянских семей не имеют минимальной нормы земли.

Наряду с этим существуют крупные помещики, владеющие тысячами гектаров земли. На это неоднократно указывала турецкая печать.

Указанная газетой цифра — 33 тыс. помещиков — не раз и раньше фигурировала на страницах турецкой печати. Поскольку средний размер владений этих 33 тыс. семей составляет около 240 га, а с другой стороны, поскольку известно, что многие помещики владеют несколькими тысячами гектаров, то можно думать, что в это число включены и кулацкие хозяйства.

Еще большего внимания заслуживают данные, приведенные депутатом от Анкары Хифзи Огузом Бекетой в его речи от 17 мая 1945 г. Он заявил, что 80% землевладельцев, существование которых зависит от земли, являются рабочими и слугами 6182 земельных собственников³.

Особенно резко деградировало сельское хозяйство «нейтральной» Турции во время второй мировой войны. Это было обусловлено не только призывом в армию около 1 млн. взрослого работоспособного и самого активного мужского населения, но и в еще большей мере сохранением крепостнических отношений в деревне, давших себя особенно остро почувствовать во время второй мировой войны. Эта деградация и особенно соображения политического порядка обусловили внесение на рассмотрение парламента (Великого национального собрания) проекта аграрной реформы.

В момент краха фашистской Германии выявилось стремление турецкой руководящей верхушки отмежеваться от нее, показать, что Турция является демократической страной. Надо было успокоить крестьянство, на которое произвели большое впечатление сведения об аграрных реформах в странах Юго-Восточной Европы. Поэтому нельзя было больше медлить с вынесением проекта аграрной реформы, о которой разговоры шли свыше двух десятков лет. «Ататюрк и Инёню, — писал в периодической статье газеты „La République“ (16.V.1945) Надир Нади, — в течение ряда лет занимались разработкой этой реформы, прилагая все усилия для разрешения этой проблемы, имеющей своей задачей создание лучших условий для турецкого народа. Отсрочка проведения аграрной реформы до настоящего времени произошла не вследствие отсутствия интереса к ней, а, наоборот, вследствие того, что она представляет особенно большой интерес: реформа, так тесно связанная с экономической и социальной структурой турецкого народа, не должна увидеть свет иначе, как в лучшем виде, в наиболее положительной форме, позволяющей достигнуть удовлетворительных ре-

зультатов. Все это не может быть сделано быстро. Необходимо было изучить вопрос глубоко и со всех сторон». Его и «изучали» два десятка лет, пока, наконец, не вынесли на обсуждение парламента 14 мая 1945 г. Министр земледелия Шевкет Рашид Хатипоглу в своей речи указал, что «закон, внесенный на утверждение Собрания, является одним из законов, которых народ и парламент ждали в течение ряда лет», и подчеркнул те благотворительные последствия, которые он будет иметь, в частности, в отношении прироста населения⁴.

Президент республики Исмет Инёню, не раз выступавший по вопросу об аграрной реформе, в своей речи 19 мая 1945 г., обращенной к молодежи, также коснулся этого вопроса. Он указал, что принятый законопроект открывает перед безземельным крестьянином перспективу стать собственником обрабатываемой им земли, «в связи с чем все плоды работы крестьянина пойдут на удовлетворение нужд его семьи, а это, в свою очередь, сделает землю продуктивной и процветающей». Исмет Инёню отметил, что законопроект об аграрной реформе является «одним из самых блестящих среди всех реформ, осуществленных за последние 20 лет». «Земельный режим — результат порочных вековых традиций — находится на пути превращения в современную и передовую систему, достойную свободного человека»⁵. Как мы увидим дальше, при ознакомлении с законом, он в действительности совершенно не соответствует этим оценкам.

Законопроект обсуждался в Великом национальном собрании в течение целого месяца (с перерывами). Он был принят 11 июня 1945 г. после чрезвычайно оживленной дискуссии.

В ст. 1 закона определены следующие его основные цели:

а) предоставить землю безземельным или малоземельным лицам, а также лицам, имеющим намерение заниматься сельским хозяйством, в таком размере, чтобы они могли совместно со своими семьями существовать за ее счет и увеличивать производительность своего хозяйства;

б) лицам, которые получают землю, и земледельцам, не имеющим достаточных средств производства, предоставить капитал для постройки или ремонта жилищ, а также инвентарь и тягловую силу;

в) добиться постоянной обработки всех земель.

Земельные владения по размеру площади делятся на три группы: малоземельные владения площадью не выше 500 дёнюмов (50 га), средние земельные владения площадью от 501 до 5000 дёнюмов (от 51 до 500 га) и крупные земельные владения, площадь которых превышает 5 тыс. дёнюмов (свыше 500 га)⁶.

Распределению среди лиц, нуждающихся в земле, подлежат:

1) земли государственные или частновладельческие, не используемые для общественных целей; 2) излишки земель,

принадлежащие деревням, местечкам или городам, превышающие их потребности; 3) земли, не имеющие владельцев; 4) земли, которые в дальнейшем в результате осушки болот, озер и засыпки речных ложбин будут пригодны для использования; 5) земли, которые будут отчуждены согласно данному закону.

Эта последняя категория, естественно, представляет наибольший интерес, ибо при существующем положении в руках государства находится меньшая часть годных для обработки земель.

Отчуждению подлежат все вакуфные, т. е. церковные, земли, которыми управляет главная дирекция вакуфов (по существу эта категория земель является государственной); земли, принадлежащие муниципалитетам, не используемые для общественных целей, и, наконец, владения свыше 5 тыс. дёнумов (500 га), принадлежащие физическим и частным юридическим лицам. В районах, которые будут признаны не обеспеченными землей, может быть отчужден избыток средних владений площадью свыше 2 тыс. дёнумов (200 га) ⁷.

Таким образом, закон оставляет в руках крупных землевладельцев в зависимости от района земельные наделы размером от 200 до 500 га. Однако закон предусматривает исключения в отношении изъятия излишков земли у крупных землевладельцев, указывая, что изъятия «не распространяются на средние владения, которые имеют необходимые сооружения и оснащение, соответствующие местным условиям и особенностям, и обрабатываются надлежащим образом».

Само собой понятно, что «надлежащим образом» эксплуатируются крупные кулацкие и помещичьи хозяйства, и эта статья закона позволяет такого рода крупным хозяйствам избегнуть отчуждения.

Подлежат также отчуждению земли, которые не будут обрабатываться после того, как закон об аграрной реформе войдет в силу, а также все земли, приобретенные после октября 1944 г. путем дробления земель, подлежащих отчуждению согласно настоящему закону, и не обрабатываемые их новыми владельцами.

Наряду с указанными основными положениями об отчуждении земли в закон включена особая статья (17-я), которая даже может создать впечатление, будто закон направлен против крепостнической эксплуатации. Статья эта гласит: «Земли, обрабатываемые безземельными или малоземельными издольщиками, арендаторами или сельскохозяйственными рабочими, могут быть отчуждены с целью передачи их вышеуказанным земледельцам и рабочим при том условии, что владельцам будет оставлено в три раза большее количество земли, чем норма, подлежащая распределению в данном районе (но не менее 5 га). Это положение не может быть применено к сезонным

рабочим. Является ли тот или иной рабочий сезонником, определяет министерство земледелия». Изъятие излишков у землевладельцев, подпадающих под действие этой статьи, производится, согласно точному указанию закона, вне зависимости от размеров принадлежащей им земли. По смыслу указанной статьи земли, эксплуатируемые при помощи найма батраков (сезонной рабочей силы), не подлежат отчуждению. Таким образом, крупные, капиталистические хозяйства (свыше 200—501 га, в зависимости от района), бесспорно, не подпадают под действие названной статьи. Статья лишь угрожает изъятием земли у лиц, эксплуатирующих ее при помощи издольщиков и арендаторов, и то не в обязательном порядке. Соответствующий параграф говорит только о том, что такие земли «могут» быть изъяты. Статья 17 вызвала острые возражения при обсуждении законопроекта в парламенте.

Не подлежат отчуждению в обязательном порядке земли, используемые для общественных целей, принадлежащие государственным хозяйственным обществам и учреждениям, а также тем товариществам, капитал которых более чем на 50% принадлежит государству, даже в том случае, если их площадь превышает 500 га. Не подлежат отчуждению сады и виноградники.

Таким образом, даже согласно закону весьма значительная часть земель не подлежит отчуждению, на практике же еще большее количество крупных землевладельцев не подпадает под действие нового закона.

Закон предусматривает возмещение стоимости отчуждаемой земли. Сумма, подлежащая выплате, определяется следующим образом: для участков, превышающих 500 га, — стоимость, равная налогу за землю за 1944 г., для участков менее 500 га — та же стоимость, увеличенная вдвое, и для участков менее 200 га — увеличенная втрое. Стоимость отчуждаемой собственности оплачивается 4-процентными казначейскими облигациями, так называемыми земельными облигациями. Эти облигации должны быть оплачены в течение 20 лет равными частями начиная со следующего за отчуждением года.

На лиц, получивших землю согласно данному закону, возлагается уплата стоимости полученной ими земли и находящихся на ней зданий и сооружений в течение 20 лет начиная с января шестого года со дня принятия ими соответствующего долгового обязательства.

Закон не предусматривает того минимума земли, который должен быть предоставлен. Земля будет дана лицам, совершенно ее не имеющим, в количестве до 50 га (малый надел), в зависимости от района, вида и производительности сельского хозяйства. Такой надел должен обеспечить, согласно закону, существование земледельца и увеличить производительность труда членов его семьи. Соответственно должно быть произве-

дено и увеличение надела лицам, которые имеют землю в недостаточном количестве.

Закон, говоря о малом наделе, предусматривает предоставление земли безземельным в количестве до 50 га как максимума, не определяя, однако, минимума. Проект закона указывал и минимальную цифру в 30 дёнюмов, т. е. 3 га.

В соответствии с законом земля предоставляется главам семей в следующей очередности:

1) лицам, совершенно не имеющим земли и работающим исполу на землях, принадлежащих другим, или снимающим их в арендѹ; 2) земледельцам, не имеющим достаточного количества земли; 3) лицам, не имеющим совершенно земли, но в течение длительного времени занимающимся сельским хозяйством в данном районе; 4) кочевникам и переселенцам-землевладельцам; 5) лицам, отделившимся от семьи; 6) детям земледельцев, прошедшим военную службу; 7) лицам, окончившим сельскохозяйственные школы либо известные министерству курсы, но не имеющим земли; 8) лицам, не имевшим ранее земли, но намеревающимся заняться сельским хозяйством в случае, если они получают землю. Преимущество предоставляется лицам, имеющим детей, затем следуют лица, имеющие дом и достаточное количество средств производства, третью категорию составляют лица, имеющие дом, но не имеющие средств производства, и, наконец, к четвертой категории относятся лица, имеющие достаточное количество средств производства, но не имеющие дома.

Для получения земли необходимо быть турецким подданным, не быть лишенным гражданских прав, а для мужчин обязательно отбыть воинскую повинность или иметь отсрочку.

Лица, получившие землю, обязаны обрабатывать ее лично. Закон запрещает сдачу полученной земли в арендѹ без уважительных причин и эксплуатацию ее на началах издольщины.

Следует также отметить, что, по существу, не определяются сроки проведения закона в жизнь. Раньше всего должно быть произведено обследование с целью определения обеспеченности или необеспеченности землей того или иного района (вилайет или отдельный уезд). Отчуждение и распределение земли не может быть начато до окончания обследования. Обследование возложено на министерство земледелия, причем закон не указывает ни сроков начала работ, ни сроков их окончания.

Что касается работы по определению подлежащей отчуждению земли, то она должна быть завершена в течение не более чем пяти лет со дня окончания обследования.

Таково содержание этого куцега аграрного закона, который не может быть отнесен к числу мероприятий демократического порядка.

Возлагая на крестьян тяжелое бремя выкупных платежей, закон вместе с тем сохраняет в руках крупных земельных соб-

ственников значительные земельные наделы, сохраняет возможности дальнейшей эксплуатации крестьянства, не затрагивает серьезно материальной основы политического господства помещичьей верхушки, не ликвидирует феодально-крепостнических пережитков.

Турецкая газета «Тан» писала 31 марта 1945 г. о проекте закона:

«В проекте земельного закона указано: необходимо обеспечить земледельца достаточным количеством земли, т. е. таким, которое обеспечило бы ему безбедное существование. Но, спрашивается, возможно ли это при сегодняшних условиях в Турции? В качестве минимума, обеспечивающего существование крестьянской семьи из 5 человек, закон принимает 30 дёнюмов земли, а в качестве максимума — 5 тыс. дёнюмов. Такая огромная разница — 30 дёнюмов и 5 тыс. дёнюмов — не соответствует требованиям справедливости и противоречит провозглашенному принципу — предоставить достаточное количество земли всем крестьянам». Газета указывает, что в настоящее время в Турции имеется 15 млн. крестьян и земледельцев, причем лишь 7% владеет количеством земли, достаточным для обеспеченного существования; 5 млн. крестьян совершенно не имеют земли, у остальных ее недостаточно. По расчетам газеты, если всю обрабатываемую землю (120 млн. дёнюмов) справедливо распределить между земледельцами, то на семью в 5 человек требуется самое меньшее 200 дёнюмов, а при условии применения разных технических усовершенствований эта цифра может быть снижена до 150 дёнюмов.

В заключение газета отмечает: «При таком положении нам совершенно непонятно, как же думают составители законопроекта совместить цифры 30 и 5 тыс. дёнюмов. Тем, кто не знает реального положения вещей, эти цифры, может быть, и не покажутся удивительными, но человеку, хоть немного знакомому с действительностью, никогда не постигнуть, как можно предоставить «достаточное количество» земли крестьянам, если за счет общей земли создаются большие государственные и частные поместья площадью до 5 тыс. дёнюмов. Очень сомнительно, чтобы миллионам безземельных крестьян досталось «достаточное количество» земли».

«Проект закона, — отмечает газета, — нам кажется, не разрешил двух основных вопросов: во-первых, 30 дёнюмов не является достаточным количеством земли на семью; во-вторых, если максимальной цифрой считать 5 тыс. дёнюмов, то надо сказать, что миллионы крестьян, несомненно, останутся без земли». Эта трезвая оценка законопроекта турецкой газетой правильно характеризует также существо принятого турецким парламентом аграрного закона.

Если к тому же учесть недавнее сообщение агентства Франс Пресс о том, что, «согласно разъяснению компетентных кругов,

осуществление аграрной реформы будет проводиться постепенно и может продлиться 20 лет», то станет ясным, что проведение аграрной реформы в Турции является лишь своеобразной «данью времени», мероприятием, рассчитанным на определенный, пусть даже временный, политический эффект. Следует также отметить, что для проведения в жизнь указанного закона должна быть создана особая организация при Сельскохозяйственном банке и что, следовательно, закон будет проводиться сугубо бюрократическими методами. В законе содержится ряд таких оговорок, которые дают возможность использовать его прежде всего в интересах помещиков и кулацкой верхушки деревни, занимающих господствующее положение в государственной и общественной жизни Турции.

Закон не разрешает острой нужды крестьянства в земле. За истекшие 23 года турецкая правящая верхушка, тесно сросшаяся с помещиками и кулаками, ясно показала свое неумение и главным образом нежелание разрешить аграрный вопрос, удовлетворить вековые чаяния крестьянства, предоставив ему землю. Турецкая буржуазия показала, что она не желает посягать на права крупных землевладельцев, затронуть их интересы.

Однако вовсе отмахнуться от аграрной реформы было невозможно, и на протяжении ряда лет были проведены отдельные мероприятия, имевшие своей задачей паллиативное разрешение аграрного вопроса, частичное удовлетворение нужд крестьянства.

Одним из наиболее крупных мероприятий явилась отмена в 1925 г. средневекового натурального десятинного налога — ашар, фактически изымавшего 30—50% продукции у производителя, налога, являвшегося огромным тормозом в деле расширения товарности сельского хозяйства, в деле развития товарных отношений в деревне.

Вторым мероприятием, также не затрагивавшим помещичье-го землевладения, явилась продажа земли, принадлежащей государству, предусмотренная бюджетным законом 1925/26 г. (№ 627) и дополнительными к нему инструкциями. Этот закон предусматривал продажу земли нуждающимся земледельцам с рассрочкой платежа на 10 лет. Продажа производилась с таким расчетом, чтобы общая площадь, приобретенная в результате покупки государственных земель, не превышала 20 га. Однако наиболее ценные участки, как виноградники, сады, орешники и оливковые насаждения, подлежали продаже с торгов и продавались лицам, предложившим наибольшую сумму, без ограничения площади.

Всего с 1930 по 1940 г. было продано земли 161 223 га на сумму 4040 тыс. лир, что составляло 20% государственного фонда⁸. В основном эта земля попала в руки кулацкой верхушки.

Для характеристики отношений турецких правящих кругов к крупному землевладению достаточно указать, что когда

по обстоятельствам политического порядка было признано необходимым в 1927 г. (закон № 1097 от 19 июня) выселить крупных курдских феодалов из восточных районов страны на запад, то за всеми выселяемыми (среди которых имелось 80 семей участников восстаний) было сохранено право собственности на принадлежащее им движимое имущество. Им была предоставлена возможность ликвидировать принадлежащую им землю. Курдским феодалам полностью была выплачена стоимость изъятой у них земли (всего было изъято около 10 тыс. га). Характерно также, что в свое время турецкая буржуазия не решилась посягнуть на имущественные права членов бывшей императорской османской династии, высланных из Турции. Согласно закону № 431 от 3 марта 1924 г. им была предоставлена возможность ликвидировать всю принадлежащую им недвижимость. Принятая, как уже отмечалось выше, в 1937 г. поправка к конституции предусматривала изъятие земли у помещиков на началах выкупа; и по новому закону помещики получают крупное возмещение.

Новый аграрный закон носит половинчатый характер. Он весьма далек от прогрессивного разрешения аграрного вопроса и является антидемократическим, реакционным мероприятием. Если к тому же учесть, что этот закон будет проводиться в жизнь бюрократическим путем, сверху, постепенно, то становится ясным, что турецкому крестьянину долго еще придется ждать, пока он получит землю — даже в рамках принятого закона. В конце 1945 г., спустя полгода после того, как был принят закон, в печати появились сведения о том, что в 1946 г. намечено провести реформу — в виде опыта — всего в двух-трех вилайетах Западной Анатолии. Турецкие правящие круги делают все возможное для того, чтобы ослабить действие этого куцега закона и затормозить его проведение в жизнь.

ЭТАТИЗМ, ЕГО СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ В ЭКОНОМИКЕ ТУРЦИИ

Турция была первой страной, которая после победы Великого Октября в России добилась в результате героической национально-освободительной борьбы, поддержанной советским народом, ликвидации своего полуколониального положения и признания политической независимости. Задача укрепления политической независимости требовала проведения мероприятий, направленных на достижение экономической независимости, преодоление вековой отсталости.

В ходе национально-освободительной борьбы Турция сбросила путы капитуляционного режима, мешавшие развитию ее производительных сил. Ослабили позиции иностранного капитала в стране. Был ликвидирован один из остатков средневековья — абсолютизм. Однако помещичье землевладение, феодальные и полуфеодальные отношения в деревне не были уничтожены и тормозили развитие капитализма в Турции.

В наследие от Османской империи Турецкая Республика получила крайне ограниченную сеть железных дорог — около 4 тыс. км. Промышленность была развита слабо, сельское хозяйство разрушено войнами. Лишь один банк — Сельскохозяйственный — принадлежал национальному капиталу. Капитализм развивался крайне медленно, накопленных средств было недостаточно.

Постройка железных дорог, диктовавшаяся экономическими и стратегическими соображениями, создание современных промышленных предприятий, строительство ирригационных сооружений — все это требовало значительных вложений. Они могли бы быть сделаны иностранным или национальным (частным или государственным) капиталом. Надежды турецкой буржуазии на приток иностранного капитала, как это показали первые годы после Лозанны, не оправдались.

Инонациональная буржуазия, занимавшая сильные позиции в экономике Османской империи, была в основном компрадорской и выступала как агентура иностранного капитала, особенно французского, английского и немецкого. После младотурецкой революции появилась прослойка турецкой национальной

буржуазии, по преимуществу торговой. Именно ее представители входили в состав партии «Единение и прогресс»; но и эта турецкая национальная буржуазия была в значительной части тесно связана с иностранным, главным образом немецким, капиталом.

В годы первой мировой войны турецкая торговая буржуазия значительно выросла и окрепла. Одни ее слои богатели на грабеже армян (подвергшихся преследованиям и вынужденных бросить свое хозяйство), а также на подрядах и поставках правительству и армии, другие — на спекуляции продовольствием и прочими товарами.

Ознакомление с балансами банков за первые послевоенные годы позволяет сделать вывод, что в руках у буржуазии были свободные денежные средства. Вклады в турецких банках увеличились с 13 157 тыс. лир в 1924 г. до 77 923 тыс. лир в 1928 г.¹ Только в Османском банке вклады на 31 декабря 1928 г. составляли 3064 тыс. ф. ст., т. е. около 30 млн. лир по тогдашнему курсу².

Но в целом турецкие капиталисты были слабы, неопытны и не привыкли к работе в иных областях экономики, кроме торговли. Сохранение феодальных пережитков в деревне, связанная с этим возможность широкой ростовщической деятельности, узость внутреннего рынка — все это не стимулировало помещения средств в промышленность. К этому надо добавить, что у отдельных турецких капиталистов не было достаточных капиталов для помещения их в крупную промышленность и транспорт. Единственным средством для преодоления слабости отечественного частного капитала и для укрепления экономической, а следовательно, и политической независимости был государственный капитализм.

Общая экономическая отсталость Турции, небольшой объем производства промышленных товаров, зависимость от импорта, нежелание турецкой буржуазии вкладывать капиталы в промышленность, а также международное положение Турции в тот период — все это и определило политику государственного капитализма, степень участия правительства в хозяйственной жизни страны, в первую очередь в строительстве железных дорог и промышленных предприятий. Эта политика получила название этатистской³ политики (по-турецки — девлетчилик).

Государственный капитализм — явление отнюдь не новое, существовавшее в ряде стран уже в эпоху монополистического капитализма. Характерная черта государственного капитализма (этатизма) в Турции состояла в том, что он зародился и развился в стране, добившейся политической самостоятельности в эпоху империализма, и был направлен на укрепление экономической (и политической) независимости.

При слабости капитализма в Турции непосредственное учас-

тие государства в создании промышленности ускоряло экономическое развитие страны. Государство выступало как бы в роли ускорителя процессов первоначального накопления. Оно приступило к созданию банков на средства бюджета, т. е. за счет налогоплательщиков. Было начато транспортное и промышленное строительство, которое финансировалось при помощи внутренних и отчасти внешних займов.

Проведение этатистской политики избавляло турецкую буржуазию от вложения средств в такие отрасли хозяйства, которые на первое время не сулили высоких прибылей и к тому же требовали длительного омертвления капитала.

Турецкая официальная пропаганда изображала этатизм как явление якобы специфически турецкое, направленное на пользу всей нации. Такая оценка государственного капитализма в Турции не соответствует действительности. Этатистские предприятия являются государственными капиталистическими предприятиями; в некоторых отраслях они преобладают, контролируют сбыт всей или подавляющей части производимой продукции. Принадлежность тех или иных предприятий государству не меняет их капиталистического характера.

В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику государственному капитализму в обществе, в котором власть принадлежит капиталу: «В капиталистическом государстве государственный капитализм означает, что он признается государством и контролируется им на пользу буржуазии и против пролетариата»⁴ «Государственный капитализм, по всей литературе экономической, — это тот капитализм, который бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо подчиняет себе те или иные капиталистические предприятия»⁵.

* * *

Политика государственного капитализма в Турции, способствуя обогащению буржуазии, обеспечила вместе с тем известное развитие промышленности и ослабление зависимости от иностранного капитала.

Напомним, что немногочисленные государственно-капиталистические промышленные предприятия существовали в Турции задолго до проведения политики этатизма, уже в середине прошлого столетия, например угольные шахты в районе Эрегли, текстильная фабрика в Бакыркёе (Стамбул), коженно-обувная фабрика в Бейкозе, несколько военных предприятий в Стамбуле. В 70-х годах прошлого столетия правительство построило железную дорогу Касаба—Алашехир, дорогу Муданья—Бурса (1874), железную дорогу Хайдарпаша—Измит. Государству же принадлежали пароходная компания «Сеири-Сефаин» и Сельскохозяйственный банк, основанный в 1888 г. Таким образом, к республиканскому правительству

перешло по наследству от Османской империи несколько предприятий, принадлежавших государству.

Едва ли не впервые лозунг этатизма был провозглашен в программной речи Мустафы Кемалья 1 марта 1922 г., когда он заявил: «Одной из целей нашей экономической политики является этатизация хозяйственных учреждений и предприятий, имеющих общегосударственное значение, поскольку это позволяют наши финансовые и технические силы. Между прочим, только при этатизации возможна будет эксплуатация наших природных богатств в пользу нации»⁶.

Таким образом, Мустафа Кемаль ставил в то время еще ограниченные задачи — этатизацию некоторых предприятий, имеющих общегосударственное значение. Речь шла о железных дорогах, горнопромышленных и других предприятиях, находившихся в руках иностранного капитала. Только они и были этатизированы путем выкупа. Национализация этих предприятий способствовала ослаблению позиций иностранного капитала, укреплению позиций национальной буржуазии и экономической независимости страны. Что касается участия турецкого государства в создании новых промышленных и других предприятий, то это имело место в первую очередь в железнодорожном строительстве.

Комментируя правительственные мероприятия по этатизации предприятий, нашедшие отражение в специальных законах в 1925 г., орган Стамбульской торгово-промышленной палаты писал: «Совокупность всех этих законов представляет собой подобие экономической программы правительства. Таковая направляется по линии государственного капитализма»⁷.

К этому же периоду относится и вложение государственных средств в некоторые, главным образом иностранные и смешанные, общества. Турецкое государство в них принимало участие в качестве одного из крупных акционеров (немецко-турецкие предприятия по эксплуатации медных рудников в Эргани, свинцовых рудников в Нигде, сахарного завода в Ушаке). Для руководства всеми принадлежавшими государству промышленными предприятиями, а также для финансирования нового строительства горных разработок и т. д. в апреле 1925 г. был создан Промышленный горнозаводский банк⁸.

Наряду с ограниченным, но все же непосредственным участием турецкого правительства в промышленном строительстве широкое распространение приобрели чисто поощрительные, покровительственные меры. Принятый еще при младотурках закон о покровительстве промышленности (от 1 декабря 1913 г., или 14 мухаррама 1332 г.)⁹ впоследствии получил расширенное толкование. Был издан специальный закон о сахарной промышленности (закон № 601), и, наконец, 28 мая 1927 г. принят новый закон о покровительстве промышленности (закон № 1055) сроком на 15 лет¹⁰. К моменту издания этого закона участие

государства в промышленности было невелико, а сумма государственных капиталовложений не превышала 6,6 млн. лир.

Закон о покровительстве промышленности, а также введение в 1929 г. высоких таможенных пошлин вполне отвечали в тот период интересам молодой промышленной буржуазии Турции.

Правительство Турции одно время рассчитывало привлечь к участию в промышленном строительстве, торговле, земледелии, транспорте как национальный, так и иностранный капитал.

Лишь постепенно убеждаясь в том, что эти расчеты оправдываются в незначительной степени, оно стало усиливать свое непосредственное участие в промышленном строительстве.

В то же время мероприятия турецкого правительства не только способствовали развитию государственно-капиталистической промышленности, транспорта и банков, но и вовлекали в хозяйственный оборот частный капитал. Правительство отнюдь не ограничивало частной инициативы. Признание ценности частной инициативы мы находим в программе Народно-республиканской партии и в выступлениях государственных деятелей Турции.

Однако широкого участия национального частного капитала в промышленном строительстве правительство Турции в тот период не могло добиться.

Внимательный советский наблюдатель, отмечая в 1926 г., что иностранный капитал не хочет работать в Турции в новых условиях, указывал одновременно на пассивность национального турецкого капитала: «Что касается национального капитала, то... его представители все же оказались неспособными к самоорганизации, предпочитая выступать разрозненно... Ни в промышленность, ни в железнодорожную работу национальный капитал не захотел пойти, несмотря на целый ряд покровительственных законов, принятых Ангорой (Анкарой. — *Ред.*)... Ни банков, ни сколь-нибудь крупных предприятий не только торгово-промышленного, но и сельскохозяйственного характера национальный капитал не создал. В этих условиях... стали все в более яркой степени выявляться тенденции прибрать к рукам государства все отрасли экономики...»¹¹.

Мировой экономический кризис 1929—1932 гг. способствовал расширению этатистской политики и усилению вмешательства государства в экономическую жизнь. Правительство Турции пыталось ослабить кризис различными мероприятиями в области регулирования внешней торговли и валютных операций. Вместе с тем усилилась деятельность государства и в области промышленного строительства. Последнее преследовало создание таких отраслей производства, которые способствовали бы ослаблению зависимости страны от импорта и обеспечивали бы сбыт на внутреннем рынке отечественного сельскохозяйственного сырья. В 1931 г. в программу Народно-республиканской

партии, правившей монопольно с 1923 по 1950 г., был внесен пункт, провозглашавший этатизм одним из шести основных принципов политики партии. Народно-республиканская партия, говорилось в программе, является этатистской. «Наряду с признанием принципа частной инициативы и деятельности одним из важнейших наших принципов является стимулирование активного участия государства в предприятиях, в особенности в экономической области, вызываемых к жизни высокой их полезностью для всей нации, с целью в наикратчайшее возможный срок привести нацию к благосостоянию и преуспеванию», — гласит соответствующий пункт программы Народно-республиканской партии ¹².

Характеризуя причины, обусловившие принятие государством этатистской политики, тогдашний премьер-министр Исмет Инёню говорил, что этатистская политика в вопросах экономических появилась в результате необходимости, для того чтобы создать прочное государство, способное сопротивляться жестким условиям современности, а также способное возместить ущерб, возникший в результате многовекового небрежения и нерадения... Только наивные люди могут думать, заявил он, что можно создать промышленность без помощи и зачастую без прямого участия государства ¹³.

Этатистская политика в Турции отражала и защищала интересы подавляющей части торговой и промышленной буржуазии, помещиков и кулачества. Строительство железных дорог облегчало развитие всетурецкого рынка, обеспечивая связь отдаленных сельскохозяйственных районов с основными потребляющими центрами. С развитием внутреннего рынка росло богатство сельской и торговой буржуазии. Железнодорожное строительство, таким образом, было выгодно помещикам и кулакам, а также торговой буржуазии. Транспортное и промышленное строительство способствовало повышению товарности сельского хозяйства Турции, обеспечивая таким отраслям, как садоводство, виноградарство, свекловодство, табаководство, более или менее устойчивый сбыт на внутреннем рынке.

Строительство крупных, по турецким масштабам, промышленных предприятий одновременно давало некоторый толчок развитию ремесленного производства, так как мелкие производители привлекались в качестве поставщиков полуфабрикатов в порядке кооперирования.

Само по себе строительство дорог, фабрик и т. д. создавало условия для обогащения различного рода маклеров, подрядчиков, поставщиков строительных материалов.

Нельзя забывать и политической стороны этатистской политики, о которой в свое время писал в журнале «Кадр» турецкий экономист Исмаил Хусрев: «С созданием государственной промышленности меняется также и форма отношений между работодателями и рабочими... В настоящее время в националь-

ной промышленности существует еще допотопная форма отношений между патроном и рабочими. Эти отношения в любое время могут привести к такому результату, который взорвет целостность нации»¹⁴. Исмаил Хусрев выражал надежду, что этатизм приведет к «классовой гармонии», что эта форма эксплуатации народа господствующим классом не будет бросаться в глаза, прикрытая ширмой «бесклассового государства», хотя, разумеется, на государственно-капиталистических предприятиях эксплуатация рабочих и извлечение прибавочной стоимости имеет место так же, как и на частнокапиталистических.

Следует отметить и то, что этатистская политика в значительной степени способствовала обогащению наиболее близких к турецкой правящей верхушке групп и лиц как путем оптовой продажи им товаров, производимых государственными фабриками, так и предоставлением различных подрядов, выдачей авансов, предоставлением мест в многочисленных наблюдательных и административных советах, в руководстве предприятиями и т. д. Например, журнал «L'Economiste d'Orient» писал 10 февраля 1939 г., что премьер-министр Турции имеет «многочисленные фабрики, заводы и предприятия, управление которыми он поручил... своим друзьям и лицам, рекомендованным этими друзьями... Правительство назначило туда администраторов исключительно для того, чтобы обеспечить им некоторые доходы, но отнюдь не заботясь о том, чтобы контролировать нормальное развитие дела».

Период до второй мировой войны наряду с проведением политики этатизма характеризуется весьма сдержанным отношением правящих кругов Турции к привлечению иностранного капитала. Хотя турецкая буржуазия никогда не занимала отрицательного отношения к участию иностранного капитала в экономической жизни страны, но она готова была его допустить лишь на определенных ограниченных условиях, не затрагивающих национальной независимости. В свою очередь, иностранный монополистический капитал в то время враждебно относился к этатизму.

Проведение этатистской политики встречало и встречает противодействие и со стороны некоторых кругов турецкой буржуазии. В 20-е годы противником этатизма была торговая буржуазия, главным образом портовых городов, тесно связанная с иностранным капиталом, с внешней торговлей. Создание национальной промышленности влекло за собой уменьшение импорта, а следовательно, сокращение операций этих кругов турецкой буржуазии. В дальнейшем против политики этатизма стала выступать часть промышленной буржуазии.

Поскольку с классовой точки зрения этатистская политика была средством обогащения некоторых прослоек турецкой буржуазии, одним из способов капиталистического накопления в современных турецких условиях, постольку возражения про-

тив этатизма в известной мере отражали недовольство тех кругов буржуазии, которые оказались в стороне и не пользовались преимуществами, вытекавшими из этой политики.

* * *

Широкое участие государства в промышленном строительстве в Турции началось с 1932—1934 гг., после посещения турецкой правительственной делегации СССР и получения кредита в 8 млн. долл. В 1934 г. совет министров Турции утвердил первый пятилетний план, предусматривавший ассигнование 43 453 тыс. лир на строительство промышленных предприятий. Около трети этой суммы составили советские кредиты, за счет которых Туркстрой построил текстильные комбинаты в Кайсери и Назили. В 1937 г. был принят новый, так называемый трехлетний план развития горнодобывающей промышленности и строительства электростанций. В 1939 г. был принят еще один план, предусматривавший как постройку промышленных предприятий, так и сооружение портов, парома на Босфоре, строительство или покупку 28 морских судов¹⁵.

Органами, непосредственно руководившими финансированием, строительством и управлением всеми государственными промышленными предприятиями, были правительственный Сумербанк¹⁶, созданный в 1933 г. из бывшего Горнопромышленного банка, и Этибанк, созданный в 1935 г.¹⁷, которому подчинены предприятия добывающей промышленности и электростанции. Эти банки осуществляли и осуществляют политику турецкого правительства в области производства, цен и т. д. Они частично берут на себя также закупку сырья, оптовую, а иногда и розничную продажу продукции, производимой подчиненными им компаниями и предприятиями. Каждое из подчиненных предприятий имеет свой баланс и свой счет прибылей и убытков; прибыли поступают в распоряжение Сумербанка и Этибанка.

Согласно существующим законам Сумербанк имеет право выпускать процентные и беспроцентные облигации. Банк имеет право продавать частным лицам акции старых предприятий, переданных ему при основании, но не может продавать акции построенных им предприятий. На продажу акций необходимо согласие правительства.

Как Сумербанк, так и Этибанк со всеми принадлежащими им предприятиями являются чисто государственными. Прибыли их обращаются на увеличение капитала.

Следует остановиться на структуре различных государственных предприятий Турции. Предприятия железнодорожного (до 1953 г.), морского и воздушного транспорта, предприятия связи, государственные леса, а также управления бывшими вакуфными землями не имеют собственных оборотных средств. Они действуют на основании утверждаемых ежегодно меджлисом так

называемых добавочных, или присоединенных, бюджетов, не входящих в общегосударственный бюджет, и покрывают свои расходы собственными доходами. Обычно эти предприятия не отчисляют средств в общегосударственный бюджет, а порой они получают дотации из государственного бюджета.

К этим предприятиям не относятся, хотя и близки к ним, государственные, в основном фискальные монополии — табачная, спиртовая, соляная, производство взрывчатых веществ, игральные карты и (до июня 1952 г.) спичечная монополия. Монополии имеют выделенные им оборотные средства, свои промышленные предприятия. Разница между доходами и расходами вносится в общегосударственный бюджет, в котором эти поступления, являющиеся по сути дела косвенными налогами, играют заметную роль.

Другими государственными предприятиями согласно закону № 3462 от 1938 г. являются так называемые коммерческие предприятия. К их числу относятся Сумербанк и Этибанк, в руках которых сосредоточено управление почти всей государственной промышленностью, Общество машиностроительной и химической промышленности, Сельскохозяйственный банк, Управление заготовок сельскохозяйственной продукции, Акционерное общество сахарных заводов¹⁸, Управление государственными имениями и государственный цементный завод в Анкаре. С 1953 г. к ним относятся и железные дороги (закон от 29 июля 1953 г.), а также Морской банк¹⁹.

Эти предприятия располагают своим капиталом, складывающимся как из бюджетных ассигнований, так и из обращенных на увеличение капитала чистых прибылей. Они уплачивают налоги и обязаны публично отчитываться; прибыли их после отчислений в резервные фонды, в фонды покрытия возможных убытков и выплаты наградных персоналу обращаются на увеличение основного капитала или могут быть направлены решением правительства на какие-либо другие цели.

Руководящий состав наиболее важных предприятий назначается решением совета министров. Управляют предприятиями общее собрание (Генеральная ассамблея), Административный совет и Ревизионная комиссия. Во главе их стоит директор, назначаемый советом министров. Служащие этих предприятий приравниваются к государственным служащим.

Наряду с этими предприятиями, имущество которых полностью принадлежит государству, существуют смешанные предприятия. В них государство участвует, внося часть капитала, непосредственно через казначейство или через государственные коммерческие предприятия. Кроме казначейства широкое участие в различных предприятиях, главным образом коммунальных, принимают управления вилайетов и муниципалитеты. Прибыль смешанных предприятий распределяется соответственно доле участия.

Одним из важнейших институтов, играющих решающую роль во всей финансовой и экономической жизни Турции, является Центральный (эмиссионный) банк республики с капиталом в 15 млн. лир. Его пайщики — это казначейство (акционеры группы А), национальные и иностранные банки и предприятия (группы В и С) и частные лица (группа D). Из общего количества акций (150 тыс. в 1956 г.) государству принадлежало 36 697, 26 акционеров групп В и С имели 66 283 акции и в руках 7188 индивидуальных акционеров находилось 47 020 акций²⁰. Подавляющее большинство этих последних владеет одной-двумя акциями, но есть и крупные акционеры. Так, 33 акционера, имеющие более 200 акций каждый, держат в своих руках 22 093 акции²¹. Правительство через своих представителей в правлении банка оказывает решающее влияние на его политику. Банк является высокодоходным предприятием. Его прибыли в 1950 г. составили 8,6 млн. лир, в 1951 г. — 9,8 млн., в 1952 г. — 10,2 млн., в 1953 г. — 12,9 млн., в 1954 г. — 13,9 млн., в 1955 г. — 48,5 млн., в 1956 г. — 63,3 млн. лир. После уплаты налогов, отчислений в резервный фонд и т. д. акционерам в 1956 г. было выплачено по 12 лир на каждую акцию в 100 лир²².

К этой же группе предприятий относятся Банк земельного кредита, Банк табачников Акхисара, Коммерческий банк и некоторые другие кредитные учреждения и страховые общества.

Особо надо остановиться на Деловом банке. Этот банк в свое время в Турции называли банком Народно-республиканской партии или банком Кемаля (Ататюрка). В нем Кемаль держал свои капиталы. Он завещал нажитое им состояние Народно-республиканской партии при условии, что партия будет пользоваться только процентами с капитала²³. Капитал банка первоначально составлял 1 млн. лир, из которых 680 тыс. лир принадлежало государству. Впоследствии, однако, удельный вес государственной доли резко уменьшился вследствие общего увеличения капитала в 1956 г. до 10 млн. лир и некоторого уменьшения государственных вложений.

Деловой банк является одним из крупнейших банковских институтов страны. Он играет важную роль в товарообороте, в коммерческой и финансовой жизни и располагает большими привлеченными средствами. Он участвует своими капиталами в нескольких смешанных промышленных и коммерческих акционерных компаниях. Кроме участия в акционерном обществе сахарных заводов он является пайщиком в строительстве новых сахарных заводов, цементного завода в Анкаре, в Нефтяном турецком обществе, в текстильных и других предприятиях. Наконец, Деловому банку принадлежит часть акций Банка промышленного развития, созданного Международным банком реконструкции и развития. Вложения банка в промышленные и дру-

гие предприятия в несколько раз превышают его собственный капитал. По данным на конец 1956 г., его вложения в различные промышленные предприятия составляли 70,4 млн. лир²⁴.

Деловой банк обеспечивает акционерам высокую прибыль: только распределенный дивиденд 1956 г. составил 7,76 лиры на каждую акцию стоимостью в 10 лир и по 223,3 лиры на каждую учредительную акцию.

Акционерами смешанных компаний нередко выступают Сумербанк, Этибанк и Сельскохозяйственный банк. Так, Сумербанк помимо Акционерного общества сахарных заводов является пайщиком текстильных предприятий в Малатье и Адане, рисоочистительного завода, цементного завода в Анкаре, Нефтяного турецкого общества. Этибанк участвует в эксплуатации серных рудников, медеплавильного завода и т. д.

Однако роль Сумербанка и Этибанка в первую очередь определяется их непосредственной деятельностью в области строительства и управления собственными промышленными предприятиями. Об этом убедительно говорят данные о помещении капиталов этих банков в промышленные предприятия на конец 1956 г. (в тыс. лир)²⁵:

	В собствен- ные пред- приятия	В другие про- мышленные предприятия
Сумербанк	237 500	88 114
Этибанк	254 000	12 579

Как видно из вышеизложенного, формы и деятельность государственного капитала в Турции весьма разнообразны. Этатистская политика укрепила позиции турецких капиталистов и обеспечила накопление значительных капиталов.

* * *

Как известно, вопрос об этатизме и отношении к нему со стороны различных классов и классовых прослоек не раз был предметом острых разногласий. В свое время противником этатизма выступила, как указывалось выше, та часть буржуазии, которая была тесно связана с крупной посреднической торговлей, с внешнеторговыми операциями. Ныне в рядах противников этатизма можно видеть и некоторые слои промышленной буржуазии. Закон о покровительстве промышленности, принятый в 1927 г., прекратил свое действие в 1942 г. и не был возобновлен. Это лишило частных предпринимателей значительных налоговых льгот и премий, ослабило их конкурентоспособность в борьбе с государственными предприятиями.

Со стороны некоторой части окрепшей за последние 20 лет турецкой буржуазии наблюдается стремление ограничить роль государства в промышленном строительстве. Буржуазия не прочь приобрести на выгодных условиях построенные государ-

ством за счет налогоплательщиков предприятия, требуя одновременно, чтобы государство и впредь оказывало поддержку частной инициативе, чтобы частные предприниматели шире привлекались к строительству новых предприятий.

Эта тенденция проявилась уже в 1946 г. на конгрессе промышленников в Измире. Газета «Джумхуриет» писала тогда, что основные выступления на конгрессе сводились к требованию разграничить сферы деятельности между государством и частной инициативой, передать частным лицам те отрасли промышленности, «которые без ущерба могут быть изъяты из ведения государства», и оставить в руках правительства лишь предприятия крупной промышленности, например Карабюкский металлургический комбинат, так как «частному капиталу не справиться с такими предприятиями»²⁶.

Растущая оппозиция этатизму нашла яркое отражение и в опубликованной в начале 1946 г. программе Демократической партии. Программа включает принцип этатизма, однако вкладывает в него несколько иное содержание: «Этатизм должен поднять уровень жизни и благосостояния граждан, расширить объем дел, обязывая государство принимать непосредственное участие в экономических предприятиях или помогать и покровительствовать тому, чтобы инициатива и капитал были использованы наиболее подходящим образом с точки зрения общих интересов. Государственная регламентация частной инициативы и движения капиталов и сбережений вытекает из необходимости сочетать частные интересы с общими. Наш этатизм представляет собой путь, созданный нашими экономическими условиями и нашими нуждами»²⁷.

В специальном разделе о промышленности программа идет гораздо дальше, требуя создания необходимых условий для развития частной инициативы в области промышленности и ограничения деятельности государства только теми отраслями хозяйства, в которых частный капитал не может получить немедленной выгоды, но которые необходимы с точки зрения интересов страны и военного ведомства (большие электростанции, железные дороги, порты, горнопромышленные предприятия и т. д.). В отношении же существующих государственных предприятий, если ведение их частными предпринимателями может оказаться более рентабельным, программа требует передачи их частному капиталу, подчеркивая вместе с тем необходимость увеличения доходов и уменьшения расходов на государственные предприятия.

Состоявшийся в ноябре 1947 г. съезд Народно-республиканской партии признал необходимым наметить «границы этатизма». В программе партии, принятой в 1947 г. и опубликованной в газете «Улус», указывалось: «Государство в целях обеспечения общих нужд принимает на себя такие отрасли, как разработка крупных шахт, большие энергоцентралы, тяжелая про-

мышленность, а также предприятия общественного пользования — пути сообщения и средства связи. Все прочие отрасли предоставляются частной инициативе... Частная промышленность, в рамках ей отводимых, будет пользоваться покровительством и помощью правительства».

Как сообщала газета «Репюблик» 11 января 1948 г., правительство Народно-республиканской партии уже тогда приступило к разработке программы передачи частному капиталу промышленных предприятий, эксплуатируемых государством, и в частности текстильных предприятий. Совет Народно-республиканской партии принял в 1948 г. решение о выработке программы, которая позволит частному капиталу «работать в полном спокойствии» и определит вместе с тем области строительства, в которых будет принимать участие государство.

Однако дальше декларативных заявлений Народно-республиканская партия в области отмены этатизма все же не пошла. По сути дела не пошла до сих пор на ликвидацию этатистских предприятий и Демократическая партия, которая, придя в 1950 г. к власти, обещала передать государственные предприятия в руки частного капитала. Премьер-министр Турции Аднан Мендерес в беседе с корреспондентом «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт» подчеркивал, что программа Демократической партии предусматривает «предоставление частной инициативе самых широких возможностей», в том числе передачу частному капиталу промышленных предприятий, находящихся в руках государства, которые мы используем, собственно говоря, лишь в силу необходимости»²⁸.

В начале сентября 1952 г. в турецкой²⁹ печати сообщалось, что правительственная комиссия закончила изучение вопроса о передаче государственных фабрик частным лицам и пришла к выводу, что 19 предприятий могут быть проданы частным лицам путем выпуска акций, котирующихся на бирже, и образования акционерных компаний.

Однако это мероприятие не было проведено в жизнь.

Несмотря на известные успехи, достигнутые в развитии промышленности, Турция продолжает оставаться слаборазвитой в промышленном отношении страной. В общей массе производимой продукции на долю промышленности приходится лишь 25%. Согласно данным промышленной переписи 1950 г., в обрабатывающей промышленности Турции на долю металлургии приходилось лишь 2,89% (82% продукции производилось в государственном секторе), на металлообработку — 4,14% (38% продукции производилось в государственном секторе), на машинное оборудование — 2,12% (51,4% продукции производилось в государственном секторе).

В период с 1940 по 1956 г. во все отрасли народного хозяйства по линии государственных ассигнований было направлено 3851 млн. лир, в том числе в сооружение дорог — 1399 млн. лир,

в строительство плотин и оросительных сооружений — 657 млн., в строительство портов и складов — 227 млн. лир.

В промышленность было направлено 1568 млн. лир, или 40,7% всех ассигнований. Основная часть этих средств направлялась в горнодобывающую промышленность, энергетику, легкую промышленность и др. Следующие данные показывают, каким отраслям турецкое правительство отдавало предпочтение при расходовании государственных средств на развитие промышленности в 1950—1956 гг.³⁰:

	Млн. лир	%
Этибанк (горнодобывающая промышленность и энергетика) . .	830,2	53,0
Сумарбанк (легкая промышленность)	174,8	11,1
Военная промышленность (машиностроительная и химическая)	33,5	2,1
Сахарная	208,0	13,3
Цементная	98,9	5,3
Химическая (производство азота)	24,9	1,6
Нефтяная	98,8	6,3
Металлургическая	68,8	4,4
Целлюлозно-бумажная	30,3	1,9
Всего	1568,2	100

Приведенные данные свидетельствуют о том, что политика этатизма, проводившаяся в Турции до 1950 г., не обеспечила создания отраслей тяжелой промышленности — подлинной основы индустриализации страны. Направление капиталовложений в 1950—1956 гг. также не способствовало развитию металлургии и машиностроения. Упор делался на развитие энергетики, горнодобывающей, сахарной и цементной промышленности.

В послевоенное время из года в год уменьшается роль государственного сектора в отдельных отраслях турецкой промышленности. По сравнению с 1950 г. доля государственного сектора в 1956 г. уменьшилась в добыче lignита с 80 до 71%, хрома — с 43 до 33%, железной руды — со 100 до 48%. Резко сократилась роль государственного сектора в потреблении хлопка — с 48 до 32,5%, в производстве хлопчатобумажных тканей — с 48 до 25,5%; уменьшился удельный вес государственного сектора и в производстве сахара³¹.

Несмотря на уменьшение удельного веса государственного сектора в промышленности Турции, факты свидетельствуют о том, что турецкое правительство не передало государственные предприятия в руки частного капитала; оно было вынуждено вкладывать государственные средства в промышленность. Очевидно, у частного турецкого капитала не оказалось достаточно средств для выкупа крупных предприятий, принадлежащих государству. В то же время ликвидации этатистских предприятий

оказала противодействие та часть национальной буржуазии, для которой эти предприятия являются источником обогащения.

Противодействие ликвидации этатистских предприятий отражает также противоречия между определенными кругами турецкой буржуазии и американскими империалистами, выдающими в сохранении таких предприятий преграду экспансии монополий США. Именно поэтому американский журнал «Форчун» писал с явным раздражением: «Гигантская бюрократия не имеет, по-видимому, ни малейшего намерения помочь своей собственной ликвидации... Государственные предприятия продолжают расти и вновь вкладывать получаемые прибыли в расширение производства»³².

В отличие от довоенного периода, когда деятельности иностранного капитала ставились определенные преграды, после второй мировой войны обстановка решительно изменилась. Уже во время войны усилилось проникновение в Турцию американского капитала. После войны Турция заняла видное место в экспансионистских планах США. Турции была предоставлена «помощь» по доктрине Трумэна (соглашение от 12 июля 1947 г.) и плану Маршалла (соглашение от 4 июля 1948 г.), в дальнейшем замененному соглашением о взаимном обеспечении безопасности. Общая сумма, предоставленная Соединенными Штатами Турции с 1948 до середины 1957 г., составила 2,5 млрд. долл. Из этой суммы на чисто военные цели было ассигновано около 1,94 млрд. долл.

Частный капитал США и других западных стран в первые послевоенные годы неохотно направлялся в Турцию, добиваясь изменения турецкого законодательства, создания более благоприятных условий для деятельности иностранных предпринимателей. Американские монополии требовали ликвидации политики этатизма, усматривая в ней препятствие для себя. В 1947 г. американская экономическая миссия во главе с Торнбергом настаивала перед турецким правительством на замене принципа этатизма принципом «частной инициативы», а также на применении в Турции принципа равных возможностей в отношении американского капитала³³.

Уже в 1951 г. в Турции был принят закон о поощрении иностранных капиталовложений. В 1954 г. был издан второй закон, предоставивший иностранному капиталу еще большие возможности деятельности во всех областях экономики наряду с национальным капиталом. В том же году был издан закон о предоставлении иностранным монополиям права эксплуатации нефтяных месторождений (ранее это право принадлежало исключительно государству).

В выработке этих законов непосредственное участие принимали американский специалист по нефтяным делам Макс Болл и глава американской миссии, посетившей Турцию в 1953 г., Рендолл. Последний настойчиво рекомендовал турецкому пра-

вительству ограничить роль государства в экономике, установить, что принцип свободной конкуренции в одинаковой мере будет распространяться на государственные и частные предприятия как национальные, так и иностранные. Вместе с тем Рендолл настойчиво рекомендовал ограничить и ясно обозначить сферу деятельности государственного капитала.

Надежды на большой приток в Турцию частного иностранного капитала оправдались лишь в незначительной степени, несмотря на исключительно благоприятные условия, созданные для него турецким законодательством. За последние шесть лет было выдано разрешений на иностранные инвестиции всего в размере 220 млн. лир, т. е. 78,6 млн. долл.³⁴ Эта сумма составляет несколько больше 3% тех сумм, которые Турция получила от правительства Соединенных Штатов в виде «помощи» и дотаций. Да и из этой суммы фактически было реализовано лишь 50 млн. лир.

Что касается привлечения частного турецкого капитала, то в этом отношении были достигнуты заметные результаты, обусловленные в первую очередь ограничением сфер приложения государственного капитала. В 1949 г. частные капиталовложения в промышленность, по данным министра промышленности Турции С. Агаоглу, составляли 600 млн. лир (кроме горнодобывающей), а к концу 1957 г. они увеличились до 5 млрд. лир. Количество рабочих в частном секторе за этот период возросло в 4 раза³⁵. С 1950 по 1956 г. капиталовложения в промышленность по линии государственного сектора выразились в сумме 1568 млн. лир, в том числе было получено из-за границы по различным каналам 541,2 млн. лир, т. е. около одной трети³⁶.

Частные капиталовложения за шесть лет в три с лишним раза превысили капиталовложения в государственный промышленный сектор. Это изменило удельный вес обоих секторов в промышленности.

По промышленной переписи 1950 г., стоимость оборудования и зданий промышленных предприятий оценивалась в 910 млн. лир³⁷. Учитывая средства, вложенные в отрасли, не охваченные переписью (энергетическая, горнодобывающая, строительная промышленность, выработка светильного газа и т. д.), общая сумма капиталовложений в промышленность к 1950 г. составила 1200 млн. лир, причем на долю государственного сектора приходилось около 50%. К 1957 г. общие капиталовложения в промышленность определялись суммой в 7168 млн. лир, доля государственных капиталовложений в промышленность понизилась до 31%.

Приводя данные о росте частных инвестиций, министр промышленности Турции С. Агаоглу подчеркивал, что во главу угла своей промышленной практики правительство ставило поощрение развития частной промышленности. По его же словам, объем промышленной продукции частного сектора с 1949 по 1957 г.

увеличился в 9 раз, в то время как объем продукции государственного сектора возрос лишь в 2,5—3 раза.

Однако, несмотря на увеличение роли частного сектора в экономической жизни Турции, государственный сектор продолжает занимать в ней большое место. В руках государства находится весь железнодорожный транспорт, средства связи, значительная часть морского транспорта, ряд коммунальных и промышленных предприятий, банки. В бюджете 1955 г. поступления от государственных предприятий и владений (без фискальных монополий) составили 161 296 тыс. лир, т. е. около 5,4% всей доходной части бюджета³⁸. В эту сумму входят поступления от эксплуатации радио, доходы от национальной лотереи, продажи движимого и недвижимого имущества и др.

* * *

Несмотря на натиск со стороны иностранного (американского) капитала, в Турции не только не были ликвидированы ранее созданные государственные предприятия, но и создан ряд новых. Было бы, конечно, неверным не видеть, что этатизм в значительной мере утратил те черты, которые в нем развивал в свое время выдающийся государственный деятель Турции Ататюрк; он усматривал в этатизме форму защиты от иностранного капитала и придавал этатистской политике антиколониальный и антиимпериалистический характер.

Правящие круги Турции, являющиеся сторонниками империалистических держав, пытаются ныне поставить этатизм на службу агрессивным военным блокам и пактам. Однако это наталкивается на противодействие тех кругов турецкой национальной буржуазии, которые видят в политике государственного капитализма (этатизма) средство развития экономики Турции и защиты ее экономической самостоятельности и независимости.

РЕЦЕНЗИЯ НА РАБОТЫ:

А. Д. Новичев. КРЕСТЬЯНСТВО ТУРЦИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ
(М., 1959) и П. П. Моисеев. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ (М., 1960)

Излишне доказывать, что аграрно-крестьянский вопрос имел и имеет огромное значение в политической и экономической жизни Турции. Аграрный вопрос издавна привлекал внимание советских туркологов. Если в русской дореволюционной литературе о Турции ему посвящено лишь несколько статей, то в советской литературе — десятки статей¹, не говоря уже о том, что нет ни одной книги по истории и экономике Турции, в которой в той или иной мере не рассматривалась бы эта проблема. Однако капитальных монографических исследований, посвященных аграрно-крестьянскому вопросу, у нас до последнего времени не было. Следует поэтому приветствовать инициативу Издательства восточной литературы, выпустившего две большие, взаимно дополняющие друг друга работы по аграрно-крестьянскому вопросу в Турции.

Структурно они построены по-разному. В основу книги А. Д. Новичева положены как тематически проблемный, так и хронологический принципы. Работа состоит (кроме введения и заключения) из девяти глав. В первых пяти главах рассматриваются аграрные отношения и положение крестьянства в периоды 1918—1923, 1923—1929, 1929—1933, 1934—1939 гг. В пятой главе подводятся итоги всего довоенного периода эволюции аграрных отношений в Турции. Шестая глава посвящена характеристике положения крестьянства в годы второй мировой войны, восьмая — после войны. В седьмой главе анализируется аграрная реформа 1945—1950 гг., а девятая глава знакомит читателя с отношением политических партий Турции к крестьянскому вопросу в послевоенные годы.

Книга П. П. Моисеева построена иначе. Она состоит (кроме введения и заключения) из пяти глав: 1) землевладение, 2) землепользование, 3) аграрная политика турецкого правительства, 4) положение крестьянства, 5) сельскохозяйственное производство. Книга П. П. Моисеева носит более статичный характер, каждая глава посвящена отдельной проблеме, а внутри

главы автор ведет изложение в определенных хронологических рамках.

Нам представляется, что принятое А. Д. Новичевым изложение в хронологической последовательности удачно отвечает задачам исторического исследования. Этот метод автор, однако, не выдержал до конца. Шесть глав посвящены историческим периодам, а три — отдельным проблемам, что не могло не привести к повторениям.

Оба автора привлекли для написания своих работ значительную литературу и источники на русском, западноевропейских и турецком языках. Можно упрекнуть авторов в том, что в списке литературы они в некоторых случаях относят к числу источников работы, которые, в сущности, таковыми не являются. В то же время у обоих авторов в библиографии отсутствует ряд немаловажных, на наш взгляд, работ.

Центральным вопросом при изучении аграрных отношений и положения крестьянства в Турции является, бесспорно, вопрос об их эволюции после победы национально-буржуазной революции, вопрос о развитии капитализма в турецкой деревне. А. Д. Новичев правильно отмечает: «Сущность процесса, происходящего в аграрных отношениях в Турции после победы национально-буржуазной революции, заключается в борьбе между пережитками» (стр. 141). В монографии П. П. Моисеева исследуются «особенности развития капиталистических отношений в турецкой деревне» (стр. 3).

Исследуя эволюцию аграрных отношений в Турции, А. Д. Новичев особенно подробно анализирует период 1923—1939 гг. Эволюция аграрных отношений в послевоенное время, когда развитие капиталистических отношений в турецкой деревне развернулось еще более быстрыми темпами, рассматривается не концентрированно, а в нескольких главах, что рассеивает внимание.

К каким же выводам приходит А. Д. Новичев? Он пишет: «Итак, можно констатировать, что к 1939 г. сельское хозяйство Турции прочно встало на капиталистический путь развития... Вместе с тем, капитализм развивался в сельском хозяйстве крайне медленно, и в Турции по-прежнему продолжали господствовать полуфеодальные отношения» (стр. 173). Для периода 1923—1939 гг. этот вывод представляется нам правильным. Однако указанное положение автора находится в некотором противоречии с другим его утверждением, сделанным в той же главе. «Капиталистический путь развития стал ведущим в экономике страны в целом, включая и сельское хозяйство. Но степень этого развития не могла быть высокой, ибо она находилась в прямой зависимости от политики кулаков аграрных мероприятий, которую проводили правящие круги Турции» (стр. 156—157).

Нам кажется неправомерным говорить, что к 1939 г. капита-

листический путь стал ведущим в сельском хозяйстве; более правильным представляется нам первый вывод автора.

Анализируя эволюцию аграрных отношений в послевоенный период, А. Д. Новичев приходит к правильному, на наш взгляд, выводу: «Итоги аграрных преобразований сводятся к следующему: значительно большее развитие по сравнению с довоенным временем получили в деревне капиталистические отношения, сузилась сфера применения издольщины. В целом по всей Турции издольщина перестала быть господствующей формой эксплуатации крестьян, хотя в ряде районов Центральной и Восточной Анатолии она еще преобладает» (стр. 275). Но далее А. Д. Новичев пишет: «Хотя издольщина и потеряла свое господствующее значение, капиталистические формы эксплуатации еще не стали основными» (стр. 276).

Для читателя так, собственно, и останется неясным, какая же форма эксплуатации стала господствующей.

Не дает определенного ответа на этот вопрос и П. П. Моисеев. Он пишет: «Изучение аграрных отношений в Турции показывает, что сельское хозяйство этой страны за последнюю четверть века сделало крупный шаг по пути капиталистической эволюции. ...В результате этой эволюции значительно сократилась сфера феодальной эксплуатации. Место старого противоречия между помещиком-полуфеодалом и закабаленным крестьянином-арендатором постепенно занимают противоречия, свойственные капиталистическому способу производства. В частности, все более обостряется противоположность интересов кулацкой прослойки и трудящегося крестьянина. Большой остроты достигло противоречие между капиталистическими помещиками и сельскохозяйственным пролетариатом. Таким образом, капитализм постепенно становится господствующим укладом в сельском хозяйстве Турции» (стр. 197).

Итак, капитализм лишь «становится господствующим укладом», но еще не стал таковым. Представляется, что, несмотря на все хорошо понятные нам трудности в определении господствующей ныне в турецкой деревне формы эксплуатации, господствующего уклада, авторам все-таки следовало высказать свою точку зрения по этому вопросу, пусть и спорную.

Авторы обоих исследований посвятили специальные разделы анализу аграрной реформы 1945—1950 гг. Принятый в 1945 г. закон предусматривал наделение крестьян землей, как принадлежавшей государству, так и отчуждаемой у помещиков за определенную выкупную плату. Практически помещичья земля не только до 1950 г., но даже до настоящего времени не подвергалась отчуждению. Утверждение П. П. Моисеева о полной неприкосновенности помещичьих земель противоречит как самому тексту закона 1945 г., так и приводимой им инструкции от 1957 г. о наделении крестьян землей (стр. 124), предусматри-

вающей возможность, по крайней мере формальную, отчуждения частных владений.

Поправка к закону 1945 г. отменила ст. 17, которая, хотя и с оговорками, допускала возможность передачи издольщикам арендуемой ими земли. А. Д. Новичев и П. П. Моисеев правильно отмечают, что указанная статья была в основном направлена против главного феодального пережитка, затрагивала именно тех помещиков, которые не вели хозяйства на капиталистических началах. Именно поэтому ст. 17 встретила ожесточенное сопротивление со стороны крупных помещиков, таких, как Аднан Мендерес. На практике ст. 17 также не была применена. Нам представляется, что само включение ее в закон 1945 г. носило чисто показной, демагогический характер, что авторы законопроекта 1945 г. никогда всерьез не думали о применении этой статьи.

Из приводимых П. П. Моисеевым данных явствует, что за 14 лет (1945—1958), истекших с момента принятия закона об аграрной реформе, крестьянам было продано в рассрочку на 20 лет 1686 тыс. га пахотных земель и 1047,5 тыс. га пастбищ из числа ранее пустовавших государственных и бесхозных земель (стр. 125). Они были переданы 335 тыс. семей, составляющих около 12% всех семей, занимающихся земледелием. Между тем, согласно материалам переписи 1952 г., число крестьян, совсем не имевших земли или располагавших участками до 5 га, превышало две трети крестьянского населения. Аграрная реформа, давшая некоторый толчок развитию производительных сил, не разрешила аграрного вопроса. Основное требование турецкого крестьянства — конфискация помещичьих земель и передача их без всяких выкупов и компенсаций тем, кто их обрабатывает, — остается в силе и по сей день (стр. 128). К тому же выводу приходит и А. Д. Новичев: «Противоречия между всем крестьянством и помещиками усилились в процессе послевоенных аграрных преобразований и имеют тенденцию к еще большему обострению» (стр. 275).

Работы А. Д. Новичева и П. П. Моисеева представляют собой серьезные научные исследования, которые с пользой будут прочитаны всеми, кто интересуется аграрными отношениями и положением крестьянства в Турции.

АРАБЫ ИРАКА

Арабы составляют основное население государства Ирак, образовавшегося после первой мировой империалистической войны в результате раздела Османской империи.

Территория Ирака — свыше 435,4 тыс. кв. км, численность населения — 4871 тыс. Точные данные о национальном составе населения отсутствуют. Наряду с арабами в Ираке проживают курды, айсоры, турки, персы, армяне.

Согласно официальному справочнику¹, в 1936 г. арабы составляли 79% населения, курды — 16, персы — 2,75, турки — 2,25%. Для того чтобы преуменьшить цифры, характеризующие численность национальных меньшинств, официальная статистика исключила из подсчетов айсоров, армян, «черкесов», евреев. Арабы населяют главным образом южные и центральные районы страны, где они составляют 92—98% всего населения. Напротив, в курдских районах Северного Ирака арабское население не превышает 20%.

Итак, древняя Месопотамия лежит в бассейне двух крупнейших рек Передней Азии — Тигра и Евфрата. Значение их для географической характеристики страны и в жизни её населения аналогично значению Нила в Египте, Инда и Ганга в Индии, Хуанхэ в Китае.

В физико-географическом отношении в Ираке отчетливо выделяются три района.

[1.] Горная часть, занятая отрогами Армянского Тавра и Загроса. Высота гор с юга на север увеличивается с 500 до 2000 м и на северо-востоке достигает до 2000 м. Это — Иракский Курдистан.

[2.] Равнинная часть, лежащая по среднему течению Тигра и Евфрата, так называемая Верхняя Месопотамия, или Джазира («остров»). Это ровное плато, перерезанное невысокими горными хребтами Джебель-Синджар и Джебель-Хамрин и почти на всем своем протяжении покрытое песками и гравием. На западе, за Евфратом, оно переходит в такое же пустынное плато,

являющееся частью Сирийской пустыни и пустыни Большой Нефуд.

[3]. Начинаясь несколько севернее Багдада низменность Южной Месопотамии, или Арабского Ирака, образованная плодородными наносами обеих рек на месте занимавшего ее некогда Персидского залива. Тигр и Евфрат текут здесь медленно, в пологих берегах, образуя бесчисленные рукава и порой теряясь в болотах. Подле Гурны реки сливаются и образуют мощный поток Шатт-эль-Араб, впадающий в Персидский залив. Разливы Тигра и Евфрата, охватывающие огромные пространства, а также перемещения русла рек способствовали образованию в низменной части страны многочисленных болот и озер: Хаббания, на Евфрате — озера Бахр-и-Неджеф и Хаммар, болота Джезаир-Мунтефик, сливающиеся на востоке с болотами Хор-Амара, покрывающими правый берег Тигра. Весь Южный Ирак представляет собой огромное болотистое пространство. Обилие воды, столь редкое в других странах Передней Азии, здесь становится настоящим бедствием и требует проведения сложных мелиоративных работ.

Большая часть территории Ирака находится в зоне субтропического климата — с теплой зимой, сухим и теплым летом. В Багдаде сухой период продолжается 220 дней — с апреля по ноябрь. В южной части Джазир и Арабском Ираке климат тропический. Летние температуры здесь одни из самых высоких на земном шаре; в районе Басры не менее 120 дней в году держится температура свыше 39°, а в отдельные дни достигает до 56°. Лишь со второй половины октября температура начинает спадать, и ночи становятся прохладнее.

Древнейшее население появилось на территории Ирака в эпоху позднего неолита. За 4500—4000 лет до н. э. в южной части Месопотамии жили шумеры — первые известные нам насельники страны. Позднее, около середины IV тысячелетия до н. э., северную часть Двуречья заняли пришедшие из Аравии племена аккадийцев, говорившие на языках семитской группы.

Основной хозяйственной деятельностью древнего населения Месопотамии, первоначально занимавшегося охотой и рыболовством, вскоре стало земледелие. Но земледелие требовало искусственного орошения: в то время как в Египте разливы Нила заканчиваются в ноябре, обеспечивая зимние культуры достаточным количеством влаги, в Ираке разлив рек наступает слишком поздно для зимних культур и слишком рано для летних. Разливы заканчиваются в мае, т. е. в начале жаркого и сухого периода. Необходимо было обеспечить водоснабжение во время засухи, предотвратить разрушения от разливов, отвести излишки воды из одних мест и оросить другие. Человек должен был вложить огромный труд, чтобы создать ту сеть оросительных каналов, которая уже в глубокой древности покрывала тысячи километров.

Следы этой оросительной системы сохранились до сих пор; археологически установлено, что древнейшие каналы относятся к концу V — началу IV тысячелетия до н. э.

Развитие земледелия и скотоводства, возникновение металлургии, распространение меновой торговли и создание крупных ирригационных сооружений — все это влекло за собой потребность в увеличении числа рабочих рук. Возник институт рабства, родовой строй быстро разлагался. В то же время необходимость устройства и поддержания оросительных сооружений требовала объединения мелких общин, «вмешательства централизующей власти правительства»². Уже к началу III тысячелетия до н. э. в Двуречье существовало свыше 20 государственных образований, большая часть которых к началу XIX в. до н. э. объединилась в крупное раннерабовладельческое государство Вавилон. К этому времени семитское население Месопотамии уже полностью успело растворить в себе шумеров, а вместе с тем приняло новые волны переселенцев и завоевателей — горцев гутеев, кочевые племена амореев.

В вавилонскую эпоху достигла высокого развития рабовладельческая культура, преемственно развивающаяся с шумеро-аккадийских времен. Раскопки в городах Двуречья обнаружили огромные архитектурные комплексы, в состав которых наряду с монументальными дворцами и храмами входили характерные для Месопотамии семиступенные башни — зиккураты. Эти храмовые башни служили обсерваториями — одними из первых в мире. Кроме астрономии, развитие которой вызывалось необходимостью заранее точно знать время очередных разливов Тигра и Евфрата, в Вавилонии были заложены основы арифметических и геометрических знаний, появились начатки медицины и филологии. Уже в начале IV тысячелетия шумерами была создана картинная письменность, позднее развившаяся в упрощенное клинообразное письмо. До нас дошли многочисленные глиняные таблички с клинописными произведениями древневавилонской науки и литературы; в числе последних много произведений религиозно-философской, мифической и эпической поэзии. Особенный интерес представляет замечательная поэма о Гильгамеше, в которой смело поставлен вопрос о смысле человеческой жизни; здесь же впервые в литературе дан образ первобытного человека — Энкиду.

Около 1400 г. до н. э. в северной части Месопотамии укрепилось влияние Ассирии — государства, возникшего на рубеже III и II тысячелетий по среднему течению Тигра. Ассирийцы, близко родственные аккадийцам и испытавшие сильнейшее влияние вавилонской культуры, в VIII в. до н. э. основали крупнейшую военно-рабовладельческую державу, простиравшуюся от Аравии до Закавказья. После распада разгромленной в 612—605 гг. до н. э. Ассирии Месопотамия последовательно объединялась в составе Ново-Вавилонского царства и ахеменидского Ирана, в

336 г. до н. э. она вошла в состав империи Александра Македонского, а затем эллинистической империи Селевкидов. Все эти завоевания сыграли известную роль в этногенезе народов Месопотамии и формировании их культуры; впрочем, влияние эллинизма здесь было значительно слабее, чем в западных областях Передней Азии.

В III в. н. э. Южная Месопотамия вошла в состав иранского государства Сасанидов, в то время как Северная стала ареной длительной борьбы между Ираном и Римом, а затем Византией. Такое положение сохранялось вплоть до арабского завоевания.

Арабизация прилегающих к Аравийскому полуострову районов Месопотамии началась задолго до завоевания. Уже с середины I тысячелетия до н. э. началось проникновение арабов за пределы Аравии. Непосредственно на территории Ирака, на нижнем течении Евфрата, существовало арабское княжество Лахмидов, образованное здесь Сасанидами для охраны границ государства. Ко времени завоевания в Ираке имелось значительное арабское население.

В 30-х годах VII в. в страну хлынуло большое количество арабов, преимущественно кочевых племен, переходивших к оседлости. Завоеватели стали смешиваться с коренным населением страны, воспринимая его древнюю высокую культуру и, в свою очередь, распространяя ислам и арабский язык, родственный арамейскому языку коренного населения. Арабизации способствовала и налоговая политика первых халифов, облагавших немусульманское население дополнительными тяжелыми поборами. В последующие столетия в страну еще не раз откочевывали арабские племена полуострова, ускоряя процесс формирования в Ираке арабской народности. Арабское завоевание ускорило развитие феодализма, начавшееся уже в сасанидское время. К VIII в., когда Ирак стал провинцией Аббасидского халифата, феодальный строй стал господствующим.

Ведущее положение страны среди областей халифата и ее расположение на пересечении торговых путей из Северной Африки и Европы в Иран и Индию способствовали экономическому и культурному развитию раннесредневекового Ирака и его столицы — Багдада. Арабские географы оставили подробные описания мощной ирригационной системы, развитой городской жизни и обширных торговых связей аббасидского времени. В Багдаде встречались купцы из Китая, Испании, Африки, славянских земель. «Русские из племени славян,— писал географ IX в. Ибн Хордадбех,— вывозят меха бобров и черно-бурых лисиц из самых отдаленных краев славянской земли... Иногда случается, что они везут свои товары из Джурджана через Итиль³ в Багдад».

Хозяйственное развитие халифата стимулировало интерес к точным наукам, географии, истории. Басра, Куфа и особенно

Багдад превратились в крупнейшие научные центры, где работали ученые арабы, персы, таджики, сирийцы и др. Ко времени Багдадского халифата относится перевод на арабский язык трудов Галена, Гиппократ, Эвклида, Платона, Аристотеля, многих античных и индо-иранских математиков, астрономов, историков. В это же время были созданы исторические своды Табри и Масуди, географические работы Ибн Хордадбега и Ибн Хаукаля, труды математика Абульвафа, химика Ибн Хайяна, астронома ас-Суфи. Подъем литературы нашел выражение в творчестве Абу-Новаса, Ибн аль-Мутазза и других поэтов, расцвет искусства — в монументальных дворцовых постройках и мечетях, в XIII в. разрушенных монголами.

Экономический и культурный расцвет аббасидского Ирака основывался на жесточайшей эксплуатации феодально-зависимых крестьян, рабов и ремесленников. На этой почве возникали массовые движения, в которых классовая борьба переплеталась с освободительным движением покоренных народов. Народные восстания расшатывали Багдадский халифат; одновременно его ослаблял рост крупного феодального землевладения и феодальной раздробленности. К середине X в. аббасидские халифы владели одним Ираком, а вскоре их господство было ограничено Багдадом и его округой.

В XI в. Ирак был захвачен тюрками-сельджуками, а два века спустя подвергся монгольскому завоеванию. Нашествие монголов в еще большей степени, чем вторжение сельджуков, способствовало разрушению земледельческой и городской культуры Месопотамии. Ирригационные сооружения, заботливо поддерживавшиеся арабами, были разрушены, культурные ценности уничтожены. Начавшееся запустение было усилено нашествием Тимура (XIV в.) и в особенности османским завоеванием (конец XVI — начало XVII в.) после ожесточенной борьбы за Ирак между османами и сефевидским Ираном.

Четыре столетия турецкого господства были для Ирака тяжелым временем экономического упадка, жестокого национального гнета и культурного застоя. Турки душили арабскую культуру, закрывали арабские школы, пытались ассимилировать арабское население. Стремясь обеспечить господство над племенами, турецкие паши натравливали их друг на друга, привлекали на свою сторону шейхов, способствовали их превращению в феодальных помещиков. Ответом были многочисленные восстания арабских племен против турецких захватчиков.

Уже с XVI в. тяжелый гнет турецких и собственных феодалов дополнился начавшейся экспансией европейской держав. Португальцы и голландцы подорвали морскую торговлю арабов, а в 1581 г. в Багдаде открыла свои фактории английская «Турецко-levantийская компания». После длительной борьбы с Францией Англия утвердилась в Ираке, превратив его в середине XIX в. в своего колониального поставщика ячменя, пше-

ницы, шерсти, фиников и в рынок сбыта английских товаров. Это привело к усилению феодальной эксплуатации крестьянства, разорению ремесленников, к консервации феодальной отсталости страны. На Ирак как на составную часть Османской империи полностью распространялись капитуляционный режим, деятельность администрации Управления оттоманского долга и Оттоманского банка.

С конца XIX в. Ирак стал ареной борьбы между английским и германским империализмом. Открытие в конце XIX в. богатейших нефтяных месторождений в районе Мосула, а также предпринятое германскими империалистами строительство Багдадской железной дороги обострили империалистические противоречия на Ближнем Востоке и послужили одной из причин, вызвавших первую мировую войну. В период войны территория Ирака была важным театром военных действий Англии против Турции, выступившей на стороне германской коалиции; английские империалисты стремились использовать для захвата страны турецко-арабские противоречия, в первую очередь освободительную борьбу арабов против турецкого гнета.

В 1917—1918 гг. английские колонизаторы оккупировали большую часть Месопотамии, но, не решаясь в условиях подъема национально-освободительного движения открыто установить колониальный режим, в 1920 г. оформили мандат на вновь образованное государство Ирак, включившее в себя Багдадский, Бассорский и Мосульский вилайеты бывшей Османской империи. Турецкая нефтяная компания, образованная английскими и немецкими капиталистами накануне первой мировой войны, была переименована в «Ирак Петролеум Компани» и реконструирована; однако распределение акций по-прежнему обеспечивало преобладание английских монополий, которые вследствие политического господства Англии в Ираке оказались решающей силой. Для того чтобы привлечь на свою сторону арабскую феодальную верхушку и компрадорскую буржуазию, англичане допустили их к управлению страной; в августе 1921 г. Ирак был провозглашен конституционной монархией, во главе которой был поставлен Англией эмир Фейсал, сын шерифа Мекки — Хусейна.

В 1922, 1923 и 1926 гг. Англия навязала Ираку ряд договоров и соглашений, закрепивших колониальную по существу зависимость страны в экономическом, военном и внешнеполитическом отношении. Так как Англию стеснял мандат, обязывавший предоставить равные права концессионного соискательства всем странам — членам Лиги наций и США, она добилась формальной отмены мандатного режима. Ирак стал суверенным государством, «добровольно» предоставившим Англии важнейшие экономические и политические позиции в стране. Это положение закрепил договор 1930 г., вошедший в силу с 1932 г. и заклю-

ченный сроком на 25 лет. Договор 1930 г. поставил вооруженные силы Ирака под контроль Великобритании, разрешил последней держать на территории страны свои войска, сохранил колониальную зависимость иракской экономики от английских монополий.

Накануне и во время второй мировой войны в Ираке активизировалась гитлеровская агентура, опиравшаяся на профашистски настроенные феодальные группировки. Но подрывная работа фашистских элементов была ликвидирована, и в 1943 г. правительство Ирака объявило державам «оси» войну, воздержавшись, однако, от участия в военных действиях. В годы войны усилилась колониальная зависимость Ирака от английского империализма, в частности вырос долг Англии — один из рычагов давления английских империалистов на иракскую буржуазию и помещиков.

В послевоенные годы английские монополии сохранили господствующее положение в экономической и политической жизни страны, продолжая контролировать нефтяную промышленность, транспорт, внешнюю торговлю и финансы Ирака. В то же время началось усиленное проникновение в Ирак американских монополий. В 1951 г. США навязали Ираку договоры о технической и военной «помощи»; наряду с английскими в стране появились американские «эксперты».

Ирак стал объектом борьбы между английскими и американскими монополиями.

Современный Ирак — конституционное королевство. Во главе Ирака стоит король из династии Хашимитов. Парламент состоит из двух палат: назначаемого королем сената и выборного меджлиса. Имущественный и возрастной цензы, ценз оседлости, существующий при наличии многочисленных кочевых и полукочевых племен, отсутствие избирательных прав у женщин и т. п. лишают подавляющее большинство населения возможности участвовать в выборах.

Территория Ирака разделена на 14 областей (лива), которые распадаются на округа (када) и районы (нахия). Мелкие административные деления частично совпадают с границами расселения арабских племен Ирака — мунтефик, дулайм, акейдат и др.; феодальные вожди этих племен нередко являются начальниками округов и районов.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС

Ирак — отсталая страна, со слабо развитой промышленностью. Выросшая за последние 20 лет в районах Киркука — Мосула и Басры крупная нефтедобывающая промышленность, насажденная сверху иностранным империализмом и локально

ограниченная, не внесла сколько-нибудь серьезных изменений в отсталую многоукладную экономику страны. В целом Ирак продолжает оставаться государством, где в деревне господствуют феодальные отношения, переплетенные с остатками патриархальных отношений, где капитализм является лишь одним из укладов.

Главными занятиями населения Ирака остаются земледелие и скотоводство. Сельскохозяйственной деятельностью занято не менее 75% населения Ирака; половину его составляют полуседлые племена, 8—10% — кочевники-бедуины.

Земледелие. Земледелие, пришедшее в упадок в результате многочисленных нашествий и четырехвекового турецкого ига, в условиях империалистического гнета развивается очень медленно. В современном Ираке сохранилась лишь незначительная часть некогда грандиозной ирригационной системы. На огромной площади Ирака, составляющей 435,4 тыс. кв. км, пригодными для обработки принято считать около 9 млн. га, но обрабатывается фактически меньше. По данным Организации Объединенных Наций, в 1951—1952 гг. общая площадь обработанных земель составляла около 3 млн. га, из которых под орошением находилось лишь 1750 тыс. га⁴.

Культивируют главным образом зерновые — пшеницу и ячмень, а также рис, просо, кукурузу; второе место занимает финиковая пальма, третье — хлопок. В южных районах страны значительную роль играет садоводство (кроме фиников персики, абрикосы, сливы, фисташки, миндаль). Повсеместно распространены бахчевые и огородные культуры.

Уровень развития сельского хозяйства Ирака низок, техника примитивна, урожайность очень мала. Деревянный плуг с железным лемехом, мотыга, серп, молотильное бревно, униланное острыми камнями или кусками железа, каменная ручная мельница — таков ассортимент сельскохозяйственных орудий в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств Ирака. Техника орошения не отличается от уже описанной в предыдущих главах.

Аграрные отношения в иракской деревне носят феодальный характер. Основная масса земель страны принадлежит немногим крупным землевладельцам. Чудовищное безземелье и малоземелье иракских феллахов уже не раз отмечалось в литературе. Так, например, орган государственного департамента США отмечает, что «в Ираке имеется более 2 млн. безземельных крестьян, являющихся арендаторами»⁵.

Характеризуя существующие в стране формы землевладения, иракский исследователь Джафар Хайят указывает, что «большая часть сельскохозяйственных земель, особенно на юге и в центре страны, оказалась во власти шейхов, ага, богатых городских семей, крупных помещиков. Земельные владения некоторых из них достигают более полумиллиона мушаров...

Пользуясь безземельем крестьян, крупные помещики превращают многих из них в феодальных рабов...»⁶.

Повсеместное распространение получила аренда на началах издольщины — не менее трех пятых урожая феллах отдает владельцу земли. Урожай делят на пять равных частей, именуемых кумат или фардаш. Одна часть передается землевладельцу для уплаты правительственного налога, две части идут в уплату за аренду, две остаются феллаху. Из своей доли феллах уплачивает еще посреднику между землевладельцем и крестьянином, доверенному лицу землевладельца — саркалу.

На юге, в районах финиковых плантаций, распространена форма эксплуатации, известная во всех арабских странах под названием мугараса. Крестьянин своими руками расчищает земельный участок, проводит каналы и обрабатывает засаженный им пальмами участок обычно в течение семи лет, до тех пор, пока пальмы не начнут плодоносить. В вознаграждение феллах в течение этих лет оставляет себе урожай посевов, сделанных им между саженцами. По истечении семи лет превращенный трудами феллаха в пальмовую плантацию пустырь переходит к землевладельцу, который по обычаю должен либо уплатить феллаху определенную сумму за каждую возвращенную им пальму, либо передать в его собственность от четверти до половины всей плантации. Однако практически к окончанию семилетнего срока крестьянин оказывается настолько задолжавшим владельцу земли, что, как правило, ничего не получает.

Дополнительная эксплуатация крестьянства определяется феодальной монополией на средства орошения, так как периферийные каналы целиком или у входов находятся в руках помещиков.

Капиталистические отношения проникают в иракскую деревню очень медленно. Они получили некоторое развитие в районах, где для орошения применяются работающие на нефтяном топливе механические насосы⁷, требующие применения наемной рабочей силы. В районах финиковых плантаций практикуется наем сезонных рабочих для сбора фиников; здесь особенно широко эксплуатируется женский и детский труд. О слабости развития капиталистических отношений свидетельствует, в частности, ничтожное количество сельскохозяйственных машин в иракской деревне; так, в 1949 г. в стране имелось 450 тракторов, в 1951 г. — 662⁸. Все же на почве развития товарных культур и насосного орошения усиливается дифференциация крестьянства, происходит выделение кулацкой верхушки при обнищании основной массы крестьянства.

После окончания второй мировой войны, в период подъема национально-освободительного демократического движения, правительство Ирака, для того чтобы, с одной стороны, обмануть крестьянство, а с другой — насадить преданные правительству кулацкие хозяйства, сделало некоторые, более чем

скромные шаги для разрешения аграрного вопроса. В 1945 г. был принят закон о распределении земли в районе Дуджейла, где на вновь орошенной при помощи механических насосов площади 30 тыс. га 1200 семейств получили земельные участки размером в 13 га. Позже было распределено 9 тыс. га между 360 семьями в районе Сулеймания и 1 тыс. га между 250 семьями в районе Киркука⁹. Только 70% лиц, получивших землю в районе Дуджейла, были феллахами; остальные — это лица, отслужившие пять лет в полиции и армии или же «грамотные горожане». Получившие землю в районе Дуджейла и других районах обязывались: не заниматься посторонней работой, построить дом, засеять землю определенными культурами по указанию администрации. Вся производимая ими сельскохозяйственная продукция должна реализовываться через особый «кооператив», члены которого обязаны сделать крупные вступительные взносы.

Полукочевые и кочевые племена. Как уже отмечалось, около половины сельского населения Ирака составляют полукочевые и кочевые племена. В хозяйстве арабских полукочевников наряду с земледелием важную роль играет отгонное скотоводство, основную отрасль которого составляет разведение мелкого рогатого скота — овец и коз. В Южном Ираке в большом количестве разводят буйволов. Верблюдоводством занимаются главным образом кочевые бедуинские племена. В 1949/50 г. в Ираке насчитывалось 7420 тыс. овец, около 2 млн. коз, 1062 тыс. голов крупного рогатого скота, 170 тыс. буйволов и около 300 тыс. верблюдов¹⁰.

В Ираке обитает более ста полукочевых арабских племен. Крупнейшие из них: мунтефик, хазайль, фатла, джанбийин, зувайя, дулайм, акейдат на Евфрате; бени малик, абу мухаммед, бени лям, шаммар-рабиа, шаммар-тога, джабур, тайй, убейд и азза на нижнем Тигре и в округе Диала. Наиболее крупные кочевые племена принадлежат к объединениям шаммар и аназа, кочующим также в Саудовской Аравии и Сирии.

В своем большинстве полукочевые и кочевые племена Ирака — выходцы с Аравийского полуострова. Процесс откочевки аравийских племен на территории Сирии и Ирака длился в течение веков и даже тысячелетий. Отдельные переселения аравийских племен, в частности шаммаров, на территорию Ирака происходили еще в XIX и даже в XX в. Кочевые племена Аравии, вторгаясь в пределы Ирака, постепенно оттесняли ранее переселившиеся сюда племена на север, захватывали их земли и переходили от кочевого верблюдоводства к полуседлому овцеводству, совмещая его с возделыванием первоначально очень небольших участков земли.

Оседание кочевников на землю происходило медленно, проходя через ряд промежуточных стадий. Так, в начале XX в. русский исследователь А. Адамов писал, что переход на осед-

лость коснулся племен Арабского Ирака «пока лишь в сравнительно небольшой их части, чем объясняется подразделение каждого из них на четыре переходные ступени: 1) бедауи, или бедуины, — кочевники... 2) шауййэ, или рассеянные, разводящие крупный и мелкий скот, продолжающие кочевать со своими стадами, но ограничивающие свои передвижения небольшим приречным районом; 3) махдон, или обитатели болот и тростниковых зарослей, посвятившие себя буйволоводству и разведению риса, и 4) феллахи, или земледельцы, осевшие на обрабатываемых землях»¹¹.

Переход кочевников и полукочевников к оседлости усилился после первой мировой войны в связи с кризисом кочевого скотоводства... Однако возникшая в эти годы тяга разоренных скотоводов к оседлому земледелию натолкнулась на отсутствие пригодных для этого земель. В свое время пастбищные территории племен были их коллективной собственностью и обрабатываемые участки находились лишь в пользовании тех членов племени, которые их возделывали. За годы турецкого владычества вожди племен, шейхи, овладели большей частью плодородных земель и в ряде случаев, как, например, в племени мунтефик в Южном Ираке, приобрели на них право официальных владельцев. Тем самым шейхи превратились в крупных феодальных собственников. Английские оккупанты, проведя кадастризацию, закрепили большую часть пригодных для обработки земель за шейхами племен и английскими концессионными фирмами. Процесс захвата племенных земель еще более усилился с появлением в некоторых районах механических насосов, владельцам которых — феодалам и городским купцам — власти отдали отобранные у кочевников пастбищные территории.

В полукочевом и кочевом скотоводческом хозяйстве господствуют те же отношения феодальной издольщины, что и в земледелии. Сосредоточивая в своих руках владение стадами, пастбищами, оросительными сооружениями и орошенными землями, шейхи и разбогатевшие члены племен превратили рядовых соплеменников в своих пастухов и арендаторов-земледельцев. Кочевники, не имеющие скота или имеющие его в недостаточном количестве, вынуждены выпасать овец, коз, верблюдов, принадлежащих шейхам и городским купцам; за это они пользуются молочными продуктами или же получают небольшую часть приплода. Другие кочевники на аналогичных условиях издольной аренды садятся на землю, принадлежащую племенной знати или же городским купцам.

Сильные еще среди полукочевых племен Ирака пережитки патриархально-родовых отношений, с одной стороны, служат прикрытием феодальной эксплуатации, с другой — нередко эту эксплуатацию усиливают. Так, например, во многих племенах арабы должны делать своим феодалам-шейхам особые «тради-

ционные» подношения для шейхского писца, для каведжи (слуги, подающего гостям кофе) и т. п.

Таким образом, положение основной массы арабов Ирака — оседлых и полуоседлых крестьян — характеризуется безземельем, массовым обнищанием, жестокой феодальной эксплуатацией. Господствующие классы Ирака всячески противятся демократическому разрешению аграрного вопроса, надеясь отдельными мелкими мероприятиями успокоить и обмануть народные массы.

Рыболовство и морские промыслы. Часть населения Южного Ирака занята рыболовством, главным образом в болотистых протоках на Шатт-эль-Арабе и на побережье Персидского залива. Рыбаки сами строят лодки, ставят запруды, плетут сети. Большинство рыболовов объединено в артели, во главе которых стоят старосты — шейхи, получающие львиную долю улова; обычно члены артели, кроме того, закабалены городскими скупщиками. На побережье Персидского залива несколько десятков тысяч человек занято также ловлей жемчуга; организация этого промысла в основном та же, что и на восточном побережье Аравии.

Для рыбной ловли, а также для транспортных целей¹² на Евфрате и Тигре применяются лодки различных видов и размеров. Наиболее распространены лодки машхуф, заим и гуффа. Машхуф — узкая лодка с заостренными носом и кормой, сшитая из досок и покрытая снаружи асфальтом. Такая же, но более легкая лодка из связок тростника носит название заим. На мелководье, в тростниковых зарослях и каналах, лодки передвигаются при помощи длинных бамбуковых шестов; в глубоких водах гребут короткими лопатообразными веслами. Гуффа — это круглое, похожее на корзину судно, 3—4 м в диаметре, с плоским дном и выгнутыми наружу стенками. Остов ее плетут из пальмовых листьев и покрывают сверху слоем асфальта. При транспортировке грузов в гуффу иногда впрягают лошадь. Наряду с лодками, главным образом для переезда на короткие расстояния и переправы через реку, широко распространены плоты келек, сделанные из надутых воздухом бурдюков и связок тростника.

Промышленность и рабочий класс. Несмотря на полуколониальное положение страны и многочисленные остатки феодализма, в Ираке за последние 20—25 лет выросла некоторая промышленность. В первую очередь это созданная иностранным капиталом крупная нефтедобывающая и частично нефтеобрабатывающая промышленность (имеется нефтеперегонный завод). Другие отрасли промышленности представлены первичной переработкой сырья, производством некоторых предметов питания и товаров широкого потребления. В Ираке насчитывается 30 кирпичных заводов, 8 табачных и 5 обувных

фабрик, 3 хлопкоочистительных, 11 хлопкопрядильных и 9 мыловаренных предприятий, около 1 тыс. мельниц и т. п. Полностью отсутствуют машиностроение и химическая промышленность, не получила развития текстильная промышленность, хотя Ирак располагает своим сырьем — хлопком и шерстью. В иракской промышленности преобладает ручной труд. Многие предприятия, по существу, представляют собою крупные ремесленные мастерские. Немало и мелких ремесленных мастерских, являющихся одновременно лавками и обычно расположенных на базарах. Наиболее распространенные ремесла — производство шелковых, бумажных и шерстяных тканей, гончарство, выделка медной посуды и кожаных изделий, строительство лодок, производство дешевой парфюмерии и дешевых ювелирных изделий. Этими же ремеслами довольно широко занимаются и сельские жители.

По имеющимся данным, в различных сферах хозяйства и управления (кроме сельского хозяйства) занято 450 тыс. человек, в том числе торговцев — 110 тыс., государственных чиновников и служащих частных предприятий — 125 тыс., ремесленников — 45 тыс., рабочих — 60 тыс. (в нефтяной промышленности — 14 тыс.)¹³. Если к этому числу добавить рабочих железнодорожного и речного транспорта, портовых грузчиков, упаковщиков и т. п., то общая численность рабочих превысит 100 тыс.

Эта цифра значительно увеличится, если присоединить сюда многотысячную армию безземельных крестьян, бежавших в города, особенно в Багдад и Басру, а также безработных горожан и перебивающихся различными случайными заработками поденщиков.

В печать редко попадают сведения, характеризующие положение рабочего класса, но и то немногое, что имеется, свидетельствует о жестокой эксплуатации пролетариата. В 1936 г., после ряда забастовок в различных отраслях промышленности, в Ираке был принят закон об охране труда, содержащий статьи о восьмичасовом рабочем дне, равной оплате женского и мужского труда, социальном страховании и т. п.; в то же время закон допускает труд малолетних. Вынужденное сделать уступку рабочему классу, правительство всячески ограничило сферу применения закона, распространяя его лишь на предприятия, где занято более десяти рабочих. Закон формально введен в действие лишь с 1942 г., но фактически не выполняется владельцами предприятий и в настоящее время. Требование, чтобы закон 1936 г. применялся на практике, остается неизменным при всех рабочих забастовках и демонстрациях. Правительство ограничило право создания профсоюзов, поставив их под контроль министерства внутренних дел. Политическая деятельность профсоюзов преследуется, рабочим организациям разрешено заниматься лишь бытовыми вопросами.

Жилище. Современные иракские города отчасти застраиваются зданиями, близкими по своим архитектурным формам к европейским городским постройкам или английским коттеджам. Иракская деревня по своему внешнему облику остается такой же, какой она была в эпоху Багдадского халифата.

В центральных районах Ирака преобладают глинобитные дома, в южных — дома строят из тростника и циновок, иногда обмазывая их глиной. Деревня представляет собой беспорядочное скопление хижин с плоской кровлей и низкой деревянной дверью, служащей одновременно и окном. Внутреннее убранство этого в большинстве случаев однокомнатного жилища говорит о крайней бедности его владельца: земляной пол, несколько циновок, на которых сидят и спят, глиняный очаг, глиняная посуда; тут же хранят сельскохозяйственный инвентарь и держат молодняк домашнего скота, а иногда и осла.

Жители озер и болот, так называемые маеди, строят хижины из тростника и циновок (сарифа). Для этого в землю двумя параллельными рядами вкапывают толстые пучки камыша приблизительно на расстоянии 1 м один от другого. Концы противостоящих пучков каждого ряда сводят вместе и связывают, так что они образуют полукруглый или овальный свод. Сверху кладут большие циновки, сплетенные из расщепленного тростника, затем слой тростника, затем снова циновки. Все это скрепляется большими деревянными иглами. Одна из боковых сторон хижины остается открытой, другая закрывается тростниковой стенкой. В жаркое время эту стенку удаляют, чтобы создать движение воздуха. Зимой сарифа водонепроницаема и благодаря своей эластичности хорошо противостоит бурям. Иногда сарифы сооружают на воде, на плотках, переплетенных тростником.

Из циновок, тростника, ветвей финиковой пальмы возводят временные жилища — шалаши и сараи (чардаг) в финиковых рощах, куда переселяется в конце лета значительное число жителей Южного Ирака, нанимаясь для сбора, сортировки и упаковки фиников. Такие жилища иногда покрывают листьями финиковой пальмы.

Кочевники круглый год, а полуоседлые племена обычно только во время кочевков пользуются шерстяными палатками, не отличающимися от аравийских. Палатки шейхов тех крупных полуоседлых племен Ирака, в которых социально-экономическая дифференциация особенно глубока, иногда достигают размеров большого дома. В этих же племенах среди бедноты наряду с обычными шерстяными палатками широко распространены всякого рода комбинированные сооружения из шерстяных полотнищ, циновок и сооружения просто хвороста и колочек.

Советский эпидемиолог Ф. Талызин, видевший подобное сооружение в разгар летней жары, описывает его следующим образом: «Чтобы умерить жару, стенка шалаша с наветренной стороны была сделана из толстого слоя колючек, другие стенки обтягивала материя. Время от времени арабы поливали стенку с колючками водой. Горячий ветер, пройдя сквозь колючки с осевшими на них многочисленными капельками воды, заставлял влагу испаряться. Благодаря этому приспособлению внутри шалаша создавалась температура на 10 градусов ниже, чем на открытом месте»¹⁴.

Зажиточная часть сельского населения, а также горожане живут в домах, сложенных из необожженного кирпича, высушенного на солнце. Обычно это дома средиземноморского типа: внутри помещается четырехугольный или продолговатый двор, в который выходит одна или несколько (в зависимости от достатка хозяина) комнат и служебные помещения. Дома богаче имеют два этажа. Комнаты верхнего этажа соединены крытой галереей; они служат для жилья, нижний этаж отведен под служебные помещения — кухню, кладовую; имеется сардаб — полуподвальное помещение, в котором семья проводит часы полуденного зноя. В богатых домах в сардабах устроен небольшой бассейн с фонтаном, освежающим воздух. Вдоль стен тянутся широкие глиняные лежанки, покрытые циновками или коврами. С закатом солнца обитатели домов стремятся выбраться на плоские крыши, где совершается вечерняя трапеза и где устраиваются на ночь, так как нагретые солнцем стены домов пышут жаром и в комнате уснуть трудно.

Жилищные условия трудящихся в городах очень тяжелы. В крупнейшем городе страны — ее столице Багдаде — наряду с благоустроенными, фешенебельными кварталами богачей сохраняются узкие, кривые и грязные улицы, вдоль которых лепятся полуразвалившиеся глинобитные дома бедноты. Узкие, кривые улочки и переулки, горы мусора и отбросов, в которых копошатся полуголые дети, — таков вид той части города, где ютится городская беднота¹⁵. Багдадская газета «Аль-Истикляль» писала 25 августа 1950 г. о впечатлении, производимом привокзальной частью города на приезжающего в Багдад по железной дороге из Киркука: «Люди и скот помещаются в одном и том же помещении, окруженном нездоровыми прудами, и эти люди могут считаться привилегированными по сравнению с теми безработными, которые находят себе приют только на тротуарах».

Одежда. Одежда арабов Ирака не вполне одинакова в различных районах страны, но ввиду того, что большинство населения Ирака составляют кочевые племена, в то или иное время перешедшие к оседлости, традиционная одежда бедуина, несколько видоизмененная в деревне в связи с условиями крестьянской жизни, наиболее распространена во всем Сред-

нем и Южном Ираке. Это длинная и широкая рубаша из небеленой бязи, миткаля или иной белой хлопчатобумажной ткани, стянутая кожаным поясом. Над поясом делается напуск, так как за пазухой обычно носят различные мелкие предметы. На ногах легкие сандалии из сыромятной кожи или из пальмовых волокон, на голове — общеарабского типа куфия, схваченная черным либо белым жгутом из верблюжьей или козьей шерсти. Иногда крестьяне вместо платка носят круглую белую шапочку, обернутую легкой материей. Зимой надевают плащ — аба. Более состоятельные поверх рубахи надевают еще длинный полосатый халат из цветной бумажной или шерстяной, шелковой материи. Костюм оседлого крестьянина дополняют штаны — обычно белого цвета и доходящие до лодыжек, где они сужаются.

В городах брюки и пиджак обычного европейского типа все больше вытесняют национальную одежду, но нередко они различным образом с ней сочетаются. Представители городской интеллигенции, чиновничества, купечества носят на голове сидара — черную шерстяную шапочку, по форме напоминающую пилотку или головной убор шотландских горцев. Сидара была введена Фейсалом, первым королем хашимитской династии; поэтому ее иногда называют фейсалие.

Основные элементы национального женского костюма — цветная рубаша с узкими рукавами, доходящая до щиколоток, и пестрые шаровары. Поверх рубахи женщины обычно носят такой халат и аба, как и мужчины. Ноги босы, голова покрыта бумажным или шелковым платком различных цветов и оттенков в зависимости от района и племени. Пожилые женщины предпочитают темные цвета, вплоть до черного, молодые — более яркие. Среди городской интеллигенции и купечества старинный женский костюм тоже постепенно вытесняется европейским платьем, однако, выходя на улицу, горожанка еще накидывает черное покрывало и закрывает лицо волосистой сеткой или густой вуалью. Крестьянки, бедуинки, а нередко и горожанки, принадлежащие к бедным слоям населения, лица не закрывают.

И бедуинки и крестьянки в большом числе носят всевозможные украшения: запястья, ножные кольца, ожерелья, серьги, носовые броши и большие носовые кольца, иногда доходящие до подбородка. В зависимости от имущественного положения все это делается из самых дешевых или же, наоборот, дорогих материалов: от простой глины или стекла до серебра и золота. Наряду с украшениями широко распространены амулеты и талисманы: голубые бусы, предохраняющие, по народным поверьям, от сглаза и несчастья, можно увидеть на шее женщин и детей из всех слоев и групп населения. Распространена татуировка, покрывающая руки до кончиков пальцев, лоб, нос, шею, грудь и т.п.

Пища. Повседневная пища иракского феллаха состоит из ячменного или пшеничного хлеба, выпекаемого в виде круглых или овальных пресных лепешек, фиников, чая, на обед — бургуля, или овощной похлебки, забеленной кислым молоком. Столь же однообразна пища городской бедноты: главное место занимают в ней хлеб, чай, финики, овощи, арбузы. Мясо, рис, фрукты доступны преимущественно зажиточным слоям населения; мясные блюда очень редки даже за столом скотоводов, питающихся преимущественно ячменными лепешками, финиками и кислым молоком.

По подсчетам экспертов Организации Объединенных Наций, отнюдь не склонных к приукрашиванию картины, средняя суточная калорийность питания в Ираке, составлявшая в 1934—1938 гг. всего 2224 калории (т. е. по крайней мере в полтора раза ниже нормы), упала в 1946—1949 гг. до 1942 калорий, причем в обоих случаях количество животных белков в пище не превышало 9,9%¹⁶.

Из национальных блюд арабов Ирака следует отметить айэш — пшеничные лепешки, замешенные на кислом молоке, плов из баранины и риса, в который обычно добавляют изюм, инжир и миндаль; яхни — подобие рагу с острыми приправами; различные сладкие блюда из муки, сахара и фруктов (халва, цукаты, сладкие лепешки и т. д.). Едят саранчу, которую варят в рассоле, а затем сушат и жарят в масле. Из напитков в ходу черный кофе, который почти всегда пьют без сахара, но с добавлением шафрана и мускатного ореха, чай, разбавленное водой кислое молоко. С раннего возраста распространено курение табака.

Духовная культура. Литературный язык, принятый в делопроизводстве, школьном обучении, литературной и научной жизни, плохо понятен широким слоям народа, ибо Ирак — страна массовой неграмотности. Не случайно официальная перепись населения обходит молчанием вопрос о числе грамотных. В 1946 г. багдадская газета «Аль-Биляд» утверждала, что с 1917 по 1946 г. в школах Ирака получило образование лишь 75 тыс. человек, и определяла общее число грамотных в стране лишь в 2% всего населения. Сейчас число грамотных в Ираке обычно приблизительно оценивается в 5%. Народное образование продолжает находиться на очень низком уровне. Формально в стране существует обязательное начальное обучение для детей в возрасте 6—12 лет, однако в 1951/52 г. из 750 тыс. детей школьного возраста в начальных школах обучалось всего 164 тыс. мальчиков и 50 тыс. девочек. В Ираке сохраняется много религиозных школ, где детей обучают лишь чтению Корана, молитвам, начаткам письма и счета. В немногочисленных высших учебных заведениях страны обучается около 4 тыс. студентов и менее 1 тыс. студенток¹⁷. Университета в Ираке до сих пор нет. Ряд предме-

тов в высших учебных заведениях читается на английском языке преподавателями-иностранцами.

Арабская литература Ирака имеет богатые традиции. В эпоху Багдадского халифата Ирак был центром арабской классической литературы. Однако с разгромом страны сельджуками, а затем монголами литературная жизнь в стране замерла и почти прекратилась; в период турецкого владычества лишь в отдельных городах (Кербела, Неджеф) сохраняются незначительные местные школы архаической поэзии, черпающие свой материал в бедуинском фольклоре. Этот фольклор, занимающий видное место и в современной духовной культуре арабов Ирака, изучен плохо. Распространены сказки, песни — серхи, короткие импровизации — ахда. Обычные темы — военная героика, история отдельных племен, любовная лирика. Выделяются своеобразным ритмом монотонные песни, исполняемые во время езды на верблюде. Кроме племенных певцов-сказителей (кассадов) имеются профессиональные бродячие певцы, принадлежащие к племени сулайб, или слейб. Песни исполняются под аккомпанемент рабабы.

Литературное возрождение, неразрывно связанное с развитием в арабских странах национального движения, началось в Ираке столетием позже, чем в Сирии, но в короткое время достигло значительного размаха. Развертывание в Передней Азии борьбы за национальную независимость, движение народов Ирака за изгнание английских оккупантов, восстания 1920—1930-х годов — все это ознаменовалось появлением талантливых публицистов и поэтов — борцов за независимость Ирака. В памфлетах, статьях и стихотворениях аш-Ширази, Махди аль-Халиси, аш-Шабиби нашел выражение протест против иноземного гнета и внутренней реакции.

Среди представителей публицистической и художественной литературы современного Ирака видное место занимают Исмаил Абдуль Кадыр и Назым аз-Захави, переведшие на арабский язык ряд произведений основоположников марксизма-ленинизма, и передовой писатель Юсуф Матти. Прогрессивные, демократические идеи отражены в новеллах Ибрахима Абдулфаттах, автора книг «На пути в Индию» и «Реакционная сущность фашизма», и Зу-н-Нуна Айюба, которому принадлежит ряд очерков из жизни крестьян и перевод на арабский язык произведения А. М. Горького «Мать».

Хотя в области художественной прозы Ирак все еще значительно отстает от Сирии и Ливана, в области поэзии он занимает ведущее место среди стран Арабского Востока. Широкой известностью пользуются Джамиль Сидки аз-Захави, Мааруф ар-Русафи и ученик последнего Мухаммед Махди аль-Джавахири. Поэт и философ-просветитель аз-Захави (1863—1936) непримиримо бичевал режим турецких захватчиков и пришедших им на смену английских оккупантов. Эпи-

ческий поэт и лирик Мааруф ар-Русафи (1875—1945) — автор поэм «Тюрьма в Багдаде», «Нищета Башира», «Сирота в праздничный день» и «Мать сироты», в которых звучит острый социальный протест против нищеты и бесправия трудового народа Ирака. В сборниках стихов Мухаммеда Махди аль-Джавахир, вышедших в 1940 и 1949—1950 гг., найдено выражение борьбы иракского народа против турецкого, а затем английского гнета и сил внутренней реакции. В 1942—1943 гг. Джавахир написал оды «Севастополь» и «Сталинград», в которых прославил героизм советского народа в его борьбе против фашизма, в 1945 г. — поэму о падении гитлеровского Берлина.

Среди передовой интеллигенции Ирака усиливается стремление к развитию национальной культуры — литературы, театра, музыки, живописи. Это заметно в творчестве композитора Альберта Шафу, недавно умершего художника Абдулькерима. Однако это стремление не находит поддержки у правящих кругов страны. В Ираке до сих пор нет национального театра; имеется лишь несколько небольших эстрадных трупп (в Багдаде).

Национальная интеллигенция Ирака пока еще численно невелика, а прогрессивная интеллигенция еще более малочисленна. И все же в творчестве передовых деятелей современной арабской культуры Ирака демократическая идеология противостоит реакционной идеологии, находящей выражение в буржуазно-помещичьей прессе, литературе, религиозной пропаганде и т. п.

Религия. Арабы Ирака исповедуют ислам обоих основных направлений — суннитского и шиитского. Среди населения Ирака — арабского и курдского — большинство составляют сунниты, но в южных, арабских, районах страны подавляющее большинство населения — шииты. Суннизм среди арабов Ирака исповедуют главным образом горожане и частично представители феодальной верхушки племен.

В Ираке, завоеванном в XVI—XVII вв. суннитами-турками, борьба шиизма с суннизмом отражала борьбу покоренного народа с захватчиками. В прошлом сунниты Ирака были тесно связаны с правящей верхушкой Османской империи. При турецком владычестве арабы-сунниты пользовались особым покровительством. И сейчас по большей части именно сунниты занимают важнейшие посты в правительстве, административном аппарате и армии. В то же время подавляющая масса крестьянства бывших Багдадского и Бассорского вилайетов — шииты. Вот почему религиозная рознь в Ираке переплетается с классовой борьбой, а крестьянские выступления порой еще облечены в средневековую религиозную форму.

На территории Ирака, в Кербеле и Неджефе, расположены гробницы шиитских «имамов-мучеников»: в Неджефе — Али,

а в Кербеле — Хусейна. Паломничество шиитов к этим «святым местам» приносит значительный доход казне, духовенству, а в известной степени и самим жителям.

По религиозным представлениям шиитов погребение в одном из этих городов, рядом с могилами святых, служит гарантией того, что душа умершего попадет в рай. Поэтому богатые шииты Ирака, Ирана, Индии нередко завещают, чтобы их тела были похоронены в Неджефе или Кербеле. На этой почве сложился специфический «похоронный промысел». К «святым местам» тянулись многочисленные караваны, перевозившие останки умерших. Это давало доход и государству, облагавшему трупы пошлиной, и духовенству, обслуживавшему этот промысел, и лицам, занимавшимся перевозкой. В 1934 г. перевозка трупов, являющихся источником заразы, была официально запрещена, но фактически она продолжается и сейчас. Для этого выдаются специальные разрешения, легко добываемые за соответствующую мзду, причем далеко не всегда принимаются меры для борьбы с завозом умерших от заразных болезней.

Здравоохранение. Санитарное состояние страны находится на весьма низком уровне. Медицинское обслуживание населения достаточно характеризуется, например, тем, что в 1949 г. в Ираке имелось всего 797 врачей, из которых 419 практиковали в ливе Багдадской и около 200 — в других ливах Ирака¹⁸; таким образом, один врач приходился на 6,3 тыс. человек, а если исключить Багдад, то на 11,9 тыс. человек. Иными словами, медицинская помощь практически неизвестна основной массе населения, которое «в большинстве случаев при заболевании прибегает к амулетам и колдунам»¹⁹.

Не удивительно, что в Ираке очень распространены различные тяжелые заболевания. Огромные заболоченные пространства по нижнему течению Тигра и Евфрата являются очагами малярии. Не менее распространены тяжелые желудочные заболевания, в значительной мере вызванные тем, что жители вынуждены пользоваться загрязненной водой каналов, рек и болот. В южной части страны нередки эпидемии чумы. Из 40 чумных эпидемий, зарегистрированных в прошлом столетии, 22 возникли или особенно свирепствовали в Ираке: последняя вспышка чумы в Ираке отмечена в 1940 г. В стране распространены многочисленные виды кожных заболеваний, рикettsиоз, тиф, наконец, трахома, которая, как и малярия, является настоящим бичом населения. Это наряду с общими тяжелыми условиями жизни трудящегося населения объясняет чудовищно высокий процент смертности, в особенности детской. Весьма далекий от желания сгущать краски английский колониальный деятель, директор центра снабжения на Среднем Востоке в годы второй мировой войны, Уортингтон писал в 1946 г.:

«Считается, что каждая мать рождает пять-шесть детей, но из них более половины умирает, не достигнув и пятилетнего возраста. Детская смертность превышает в Ираке 60% (35% умирает в возрасте до 1 года и 25% — до 5 лет); детская смертность в Ираке выше, чем в любой другой стране... Средняя продолжительность жизни не превышает 26—27 лет»²⁰.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Арабское национальное движение, возникшее в последние десятилетия XIX в., захватило и Месопотамию, хотя и не получило здесь особенно большого развития. В отличие от Сирии и Ливана с их относительно развитой буржуазией в Ираке буржуазия была слаба, и руководство антитурецким движением оказалось в руках феодальных элементов, что с самого начала ограничило его размах и задачи и, в частности, облегчило английскому империализму использование антитурецкого движения для захвата страны.

Английская оккупация и установление мандатного режима вызвали волну возмущения народных масс Ирака, воодушевленных в своей борьбе против колониального гнета победой Великой Октябрьской социалистической революции в России. Уже в конце октября 1917 г. в Неджефе произошло первое восстание против оккупантов; в 1920 г. в Ираке вспыхнуло новое мощное восстание, с трудом подавленное английскими властями. Не прекращавшиеся и в последующие годы волнения вынудили англичан и их ставленника короля Фейсала прибегнуть к политике маневрирования. В октябре 1922 г. между Англией и Ираком был заключен договор, закрепляющий полуколониальное положение Ирака и мандатный режим, однако без упоминания слова «мандат» в самом договоре. В 1924 г. была принята выработанная в Англии конституция Ирака, маскировавшая полуколониальный режим внешними парламентарными формами. Таким же маневром империализма, имевшим целью путем незначительных уступок удержать важнейшие позиции, был и договор 1930 г., провозглашавший независимость Ирака.

Однако народное движение в стране продолжало усиливаться. Гнет английских колонизаторов и их феодально-компрадорской агентуры, обезземеление крестьян, угнетение национальных меньшинств, в первую очередь курдов, — все это послужило причиной крупных восстаний арабских и курдских племен в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Основной движущей силой всех этих восстаний были феллахи и кочевники, но руководство находилось в руках отдельных представителей феодальных и связанных с ними буржуазных группировок.

Рабочий класс в то время был еще недостаточно организован, но и он уже вступал на политическую арену. В 1930 г. возник первый профсоюз — «Общество ремесленных и промышленных рабочих». В 1930—1931 гг. по стране прокатилась волна стачек: бастовали рабочие железнодорожных мастерских; рабочие Багдада и Басры совместно с ремесленниками выступили против новых муниципальных тарифов. В 1935 г. в Багдаде и других городах прошли забастовки протеста против высоких тарифов, которые были установлены электрической компанией. В 1936 г. под давлением рабочего класса правительство вынуждено было формально принять закон о труде.

В 1932 г. была образована Коммунистическая партия Ирака, вскоре после этого распавшаяся на отдельные коммунистические группы, которые объединились вновь только в 1940 г. Тем не менее появление в стране коммунистических организаций повело к объединению рабочего и крестьянского движения, что нашло отражение в восстании 1935 г. Это восстание началось среди племен Евфрата, и первоначально его возглавили племенные вожди, придавшие ему форму религиозного движения шиитов против правящей верхушки. Вскоре, однако, восстание переросло в широкое народное движение против английского империализма и его агентуры. Феодалные вожди племен, добившись удовлетворения своих требований, пошли на сговор с англичанами, и руководство восстанием перешло в руки образовавшегося в ходе борьбы Центрального комитета антиимпериалистического фронта, видную роль в котором играли коммунистические группы. Комитет потребовал пересмотра договора 1930 г. и соглашений с нефтяными компаниями, ликвидации английских военных баз, аннулирования крестьянской задолженности, распределения государственных земель среди безземельных и малоземельных крестьян, введения прямых и свободных выборов. В конце 1935 г. восстание было подавлено, но в 1936 г. оно вспыхнуло вновь, перекинувшись с юга на север и охватив районы, населенные в основном курдами. В разгроме повстанцев самое активное участие приняли английские авиационные соединения.

В период второй мировой войны и в послевоенные годы положение народных масс Ирака резко ухудшилось. В стране усилилась инфляция; цены, даже по официальным, преуменьшенным данным, возросли более чем в 10 раз. Положение крестьянства особенно ухудшилось в связи с введением правительственной монополии на закупки сельскохозяйственных продуктов. К английскому гнету добавилась гнет вторгшихся в страну американских империалистов. Но усилилось и национально-освободительное движение народов Ирака, развернувшееся с новой силой в новой исторической обстановке, сложившейся после второй мировой войны. Важнейшая черта

национально-освободительного движения арабов Ирака в послевоенный период — выдвижение рабочего класса и Коммунистической партии как авангардной силы. Новой чертой явились также совместные действия арабов и курдов, что ведет к их сближению и сглаживанию национальных противоречий, на которых играли правящая верхушка и английские империалисты.

Основным содержанием антиимпериалистического движения было требование отмены кабального договора 1930 г. В 1946 г. премьер-министр Сувейди заявил о пересмотре договора 1930 г., но под давлением Англии получил отставку. Заявление правительства о том, что оно не намерено пересматривать договор, вызвало в том же 1946 г. ряд забастовок и демонстраций, прошедших под лозунгами борьбы за подлинную независимость Ирака и проведение социальных реформ. Для борьбы с национально-освободительным движением в Иране и Ираке англичане в августе 1946 г. высадили в Басре пять дивизий. Началась расправа с деятелями антиимпериалистического демократического движения; были ликвидированы рабочие союзы, закрыто 20 прогрессивных газет и журналов, в 1947 г. разгромлена Коммунистическая партия Ирака, а ее руководитель Юсуф Салман (Фахид) приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Десятки прогрессивных деятелей Ирака были присуждены к длительному тюремному заключению и каторжным работам.

В 1948 г. был заключен новый иракско-английский договор, по которому территория Ирака оставалась базой английских вооруженных сил, а иракское правительство не получало самостоятельности в своей внешней политике. Подписание этого договора вызвало возмущение в Ираке и других арабских странах. В течение нескольких месяцев проходили забастовки и антиимпериалистические демонстрации, в некоторых городах Ирака — столкновения с полицией. Стачечное движение достигло небывалых размеров: бастовали железнодорожники, нефтяники, рабочие ряда других отраслей промышленности. Под давлением народных масс правительство Ирака заявило о своем отказе ратифицировать договор.

В то же время усилилось наступление на демократические силы страны. В феврале 1949 г. без суда были повешены руководители Коммунистической партии Юсуф Салман, Заки Мухаммед аль-Бассам, Ибрахим Садык и Хусейн Мухаммед аш-Шабиби. Тысячи патриотов были брошены в концентрационные лагеря или уничтожены в лагере смерти в Нукрат-ас-Сальмоне²¹.

Террор использовался англо-американскими империалистами для осуществления своих агрессивных планов на Ближнем Востоке — усиленного строительства аэродромов, казарм, стратегических дорог и т. п.

Однако народ Ирака решительно воспротивился развязыванию новой войны. Несмотря на все репрессии, в стране получило широкое развитие движение борцов за мир. В Багдаде создан Временный национальный комитет сторонников мира. К 1952 г. под Стокгольмским воззванием подписалось 20 тыс. человек; среди них наряду с рабочими, крестьянами, учащейся молодежью лидеры буржуазной Национально-демократической партии, депутаты парламента, профессора, некоторые видные представители духовенства.

Мощный отклик получило в Ираке движение за национализацию нефтяной промышленности в Иране. Трудящиеся выступили с требованием национализации предприятий «Ирак Петролеум Компани». Однако компания, договорившись с правительством Ирака о некотором повышении концессионных платежей, сохранила в своих руках все права на дальнейшую эксплуатацию нефтяных богатств страны. Подписание этого соглашения вызвало массовое возмущение и многочисленные забастовки протеста, обострило внутривнутриполитическое положение.

В ноябре 1952 г. в связи с подготовкой очередных парламентских выборов в Ираке усилилось демократическое движение, проходившее под лозунгами изменения избирательного закона и изгнания из страны империалистов. Правительство вынуждено было ввести прямые выборы, но усилило репрессии. В 1953 г. в Багдаде и ряде других городов вновь прошли массовые забастовки и демонстрации рабочих, студентов, интеллигенции²², не прекращались они и в последующие годы, несмотря на жестокие репрессии правительства Нури Саида, связавшего себя с англо-американскими империалистическими кругами.

Разрыв в 1955 г. правительством Нури Саида дипломатических отношений с Советским Союзом и последующее включение Ирака в агрессивный Багдадский блок создали в стране особенно тяжелую политическую обстановку. Произведены массовые аресты, тысячи патриотов томятся в тюрьмах, в Ираке свирепствует террор, затрудняющий развертывание демократического антиимпериалистического движения. Но и в этих условиях прогрессивные силы иракского народа продолжают вести мужественную борьбу за национальную независимость своей страны, против ее экономического и военно-политического закабаления империалистами. Антиимпериалистическое движение в современном Ираке ведет к созданию широкого национального фронта, включающего самые различные слои общества. В ноябре 1955 г. лидеры ряда распушенных правительством оппозиционных партий («Истикляль», Народно-демократическая партия и др.) заявили протест против установившегося в стране режима и внешней политики правительства Нури Саида, создавшей угрозу изоляции Ирака от других арабских стран. В январе 1956 г. группа видных иракских политических деятелей направила королю Фейсалу петицию с требованием отказа от участия в

Багдадском пакте, отставки правительства Нури Саида и восстановления в стране демократических свобод²³. Движение в стране особенно усилилось осенью и зимой 1956 г. в связи с англо-франко-израильским нападением на Египет. В Багдаде, Мосуле, Неджефе, Кербеле и других городах прошла всеобщая забастовка, состоялись массовые демонстрации, участники которых требовали немедленной отставки правительства и выхода Ирака из агрессивного Багдадского блока²⁴. Народное движение не прекратилось и после формирования в 1957 г. нового правительства, возглавленного Али Джавдатом Айюби — сторонником проимпериалистической, особенно проамериканской, ориентации. [...]

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Марокко издавна привлекало к себе внимание ряда государств, неоднократно пытавшихся покорить эту страну.

В упорной борьбе против турецких завоевателей марокканскому народу удалось сохранить свою независимость. Менее успешным было сопротивление проникновению европейских держав. Испанцы захватили марокканские порты Сеуту, Мелилью и Алусемас, французы и голландцы навязали Марокко неравноправные договоры.

В Архиве внешней политики России хранятся документы, освещающие интересный эпизод из истории русско-марокканских отношений последней четверти XVIII в.— попытку марокканского султана заключить торговый договор с Россией¹. События, о которых идет речь в этих документах, связаны прежде всего с Архипелагской экспедицией русского флота.

В начальный период войны с Турцией (1768—1774) Россия в помощь своим сухопутным армиям направила из Балтийского в Средиземное море эскадры Свиридова, Эльфинстона и Арфа. При этом эскадрам предписывалось избегать сражений с кораблями Алжира и Туниса², хотя последние были вассалами Турции.

В связи с нуждами Архипелагской экспедиции обязанности русского консула в Гибралтаре исполнял с 1769 г. англичанин Лидс Бут, который оказывал помощь русским эскадрам, а также подробно информировал русское правительство о наиболее важных событиях в бассейне Средиземного моря³. В донесениях Лидса Бута встречается ряд сведений о политическом положении в Марокко, о сношениях марокканцев с иностранными державами и т. д. В «Санкт-Петербургских ведомостях» появлялись на основании этих донесений заметки о Марокко, что свидетельствовало об интересе, проявлявшемся в России к Марокко.

Одержанная Россией победа над Турцией способствовала росту международного авторитета и популярности России в странах Африки и Азии.

К сближению с Россией стало стремиться и марокканское правительство. 10 октября 1777 г. Лидс Бут писал в своем до-
несении, что султан Марокко «обнародовал указ, полученный
здесь сего утра из Тангира, изъявляющий Его намерение иметь
вечный мир как с королем Гишпанским, так и с другими християнскими державами, к которым он хочет послать по сему делу
объявление. Ея Императорское Величество (Екатерина II.—
Авт.) включена между прочими упомянутыми в списке»⁴. 16 марта 1778 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась следующая заметка: «Африка. Из Мекинеца⁵ от 22 декабря. Марокканский владделец разослал циркулярные письма к находящимся в Сале, Танжере [Танжере] и Магадоре консулам, такого содержания, что впредь все Российские, Неаполитанские, Мальтийские, Немецкие, Прусские, Тосканские, Генуэзские, Венгерские, Сардинские и Американские корабли могут свободно входить в его гавани и пользоваться там всеми привилегиями, данными другим народам, пребывающим с сим владельцем в мире».

23 декабря 1777 г. российский консул в Тоскане Моцениго в депеше вице-канцлеру И. А. Остерману сообщал о прибытии в Ливорно к великому герцогу тосканскому губернатора г. Мармара⁶ Мухаммеда бен Абдель Малека, чрезвычайного посланника Марокканской империи для заключения мирного договора с Тосканой. Местные консулы нанесли марокканцу визиты. Моцениго от визита воздержался, поскольку между Россией и Марокко не было никаких сношений, и просил соответствующих указаний по этому поводу⁷.

Были ли им получены таковые, нам неизвестно.

В сношение с марокканским посланником вступил по собственной инициативе капитан 2-го ранга Козлянинов⁸, под командованием которого в 1776 г. в Средиземное море было послано несколько русских судов. 29 марта 1778 г. Козлянинов писал вице-президенту Адмиралтейской коллегии Чернышову, что, застав в Ливорно Мухаммеда бен Абдель Малека, он нанес ему визит и сообщил о повелении Екатерины II дружественно относиться к марокканским судам. Марокканский посланник, в свою очередь, заявил Козлянинову о решении султана открыть для русских судов, как для судов дружеского народа, порты Марокко⁹.

Спустя несколько дней состоялся обмен письмами между марокканским посланником и Козляниновым. Марокканский посланник уведомлял о предоставлении права входить в марокканские порты военным и торговым кораблям, плавающим под российским флагом, наравне с судами других европейских государств¹⁰. В письме отмечалось, что желание марокканского султана «есть благо, любовь и всеобщий мир со всеми нациями, а в особенности с государствами Европы, чтобы его подданные находились в состоянии дружбы с подданными других правите-

лей и чтобы между ними существовали сношения как по морю, так и по суше вместе со свободой передвижения». Посол заканчивал свое письмо следующими словами: «Я написал тебе это словесное разъяснение, чтобы ты был спокоен духом и чтобы эти слова дошли до царицы России, дабы она была осведомлена обо всех делах и были бы между нею и нашим государем только благо и приязнь»¹¹.

Капитан Козлянинов сообщал в своем письме о полученном им повелении, «чтобы в случае встречи моей с судами Мароккской империи не только не оказывать им себя неприязнующим, но паче стараться наблюдать миролюбие и дружбу, вспоминая оным в случае какой-либо их надобности»¹².

Оба указанных документа имеют большую историческую ценность. Это первые официальные документы по истории русско-марокканских отношений. Они свидетельствуют о взаимном желании обоих государств установить дружественные отношения. Вскоре после обмена письмами Козлянинов по просьбе марокканского посла предоставил в его распоряжение два русских фрегата — «Павел» и «Констанция» — под общей командой капитана Скуратова¹³ для возвращения со свитой из Ливорно в Танжер. В письме И. Г. Чернышову Козлянинов писал, что он взял на себя эту смелость принять подобное решение «как в заключение сих уверительных о взаимном дружестве писем, так и в показание сему народу ласковости отвозом помянутого их посланника на нашем фрегате. Причина, побудившая меня к сему, была та, что как Мароккская империя имеет порты свои на пути нашего в Медитеранию плавания, то не токмо оныя могут служить в случае надобности пристанищем для наших судов, но и начинающейся коммерции нашей быть весьма полезными по изобилию многих продуктов своих, так и по лучшей удобности для нас в продолжении столь дальнего путешествия»¹⁴.

25 мая 1778 г. «Санкт-Петербургские ведомости» писали об отъезде марокканского посланника из Ливорно, а спустя некоторое время поместили сообщение из Гибралтара: «Оба российских фрегата, на которых отправился из Ливорны марокканский посланник, прибыли в Танжер и приняты там с наивеличайшими почестями»¹⁵. Сообщение сопровождалось краткой заметкой о местоположении Танжера, с характеристикой производительных сил страны и ее природных ресурсов.

Уезжая из Танжера в г. Марокко для доклада султану, марокканский посол прислал Скуратова задержаться до получения депеш к Екатерине II и Чернышову. О пребывании русских фрегатов в Танжере и оказанных им «учтивостях» дважды писал из Танжера английский чиновник Симон Люкас. Он отмечал желание марокканского султана заключить с Россией трактат о мире и торговле¹⁶. Далее Люкас сообщал, что 30 июля в Танжер были доставлены письма марокканского султана на имя Екатерины II и Чернышова, а также письмо Мухаммеда бен Абдель

Малека Козлянинову. Все эти письма были отправлены со Скуратовым. В них говорилось о стремлении Марокко поддерживать дружественные отношения с Россией, о желании заключить с ней торговый договор и выражалась признательность за предупредительное отношение к марокканскому послу¹⁷.

В письме на имя капитана Козлянинова марокканский посол сердечно благодарит за внимание, оказанное ему во время переезда со стороны капитана Скуратова и русских офицеров, сообщает о благоприятном впечатлении, которое произвел его доклад императору о переговорах с Козляниновым. Одновременно он указывает, что император марокканский хотел бы получать из России все необходимое для оснащения судов, особенно канаты, веревки и парусную ткань, а также все виды военного снаряжения для сухопутных войск, включая пушки и мортиры¹⁸.

В письме И. Г. Чернышову Мухаммед бен Абдель Малек писал о дружественном отношении марокканского императора к России и о готовности его принять российского посла. «И кого бы Ея Величество ни изволила от себя послать в высокую и державную моего Государя резиденцию, то мир будет заключен и Ея Величества подданным оказываны будут наивеличайшие знаки дружбы, предпочитая их всем прочим народам, находящимся в мире с моим Государем»¹⁹.

Марокканский султан Мухаммед писал Екатерине II и завещал о «мире на земле и море», указывая: «Когда Ваш посол придет в наши области, мы тогда заключим и подтвердим мирные статьи... и ежели которые ваши суда заблагорассудят приезжать в порты нашего владычества, то будут как приятели приняты, по верности нашего императорского слова, вследствие чего и отравили мы уже наши императорские указы во все наши порты»²⁰.

Среди известных нам архивных документов и в литературе нет сведений о том, как реагировали в Петербурге на письма, полученные из Марокко. Есть основания предполагать, что этот вопрос не получил развития вплоть до 1782 г. Однако интерес к Марокко, и в частности к личности бывшего марокканского посла в Тоскане, бесспорно, существовал. В этом убеждает, в частности, опубликованная «Санкт-Петербургскими ведомостями» заметка из Танжера от 13 июля 1782 г. по поводу намерения султана отправить «губернатора Бен Абдель Мелика послом к Тосканскому и Венскому дворам»²¹. Несомненно, что газету, которая, как правило, не давала информации о приездах тех или иных послов к граничным дворам, Абдель Малек интересовал именно в связи с той ролью, которую он играл в русско-марокканских делах. Позднее появились сообщения о прибытии «посла от владельца марокканского к Флоренцскому и Венскому дворам»²², о том, что посланник «Магомет бен Абдель Малек прибыл 1 января из Ливорно в Пизу и принят герцогом Тосканским»²³, и другие информации.

12 (23) декабря Моцениго довел до сведения Остермана о прибытии марокканского посла в Тоскану и его просьбе ускорить отправку привезенных им писем султана Екатерине II²⁴. Письма были отправлены через российское посольство в Вене. 29 декабря 1782 г. марокканский посол также направил письмо Остерману. В письме содержалось предложение заключить договор, аналогичный договорам с другими европейскими государствами. В своем послании на имя Екатерины II от 22 июля 1782 г. султан не ставил вопрос о заключении договора и лишь подтверждал достигнутую «через нашего верного последователя и посла при христианских державах Мугамед бен Абд-Малека» договоренность о сохранении мира и дружбы. В послании подтверждалось также право свободного посещения русскими кораблями и купцами портов Марокко²⁵.

В ответном письме, направленном султану через Моцениго в мае 1783 г., Екатерина II с удовлетворением приняла к сведению дружественные заявления султана Марокко. Одновременно она сообщала, что на началах взаимности «равные права будут предоставлены марокканским подданным»²⁶.

Обмен письмами, несомненно, создавал условия для некоторого развития торговых отношений между двумя странами.

Известный русский писатель и экономист М. Д. Чулков писал: «Город Ливорна всей Италии магазейн, ибо от всех портов Леванта корабли туда приходят... через него можно российским купцам производить коммерцию в Венецию, Гишпанию, Португалию, в Тарбар... а в Барбарию (Северную Африку) отпускать от нас железо и всякия железные мелочи, красную юфть, стекла и стеклянную, деревянную посуду»²⁷.

Дальнейшему развитию отношений между Россией и Марокко временно помешала вторая русско-турецкая война 1787—1791 гг. Но уже в мае 1791 г., т. е. еще до подписания предварительных условий мирного договора в Галаце (31 июля 1791 г.), консул в Гибралтаре Симпсон в своем донесении Остерману от 23 мая 1791 г. писал: «Проявляемое сейчас императором Марокко стремление поддерживать доброе согласие со всеми державами Европы кажется мне наиболее благоприятной возможностью, которая только может представиться для заключения договора между Его Императорским величеством и принцем»²⁸.

Нам не удалось обнаружить документы о заключении договора между Россией и Марокко. Между тем Уляницкий, большой знаток русских архивов, приводит выписку: «От Симсона донесение²⁹ к гр. А. Р. Воронцову о заключении дружеского трактата с владельцем африканским для предохранения российского флота от опасностей, которым он ныне от барбарских морских разбойников подвержен». Следовательно, можно предположить, что трактат (или обмен письмами на месте), о котором он сообщает, мог быть заключен в конце 1791 — начале 1792 г., после подписания мирного договора в Яссах.

Имеющийся материал ярко характеризует дружественные отношения между Россией и Марокко в последней четверти XVIII в.

Ниже приводятся отдельные упомянутые документы³⁰ в переводах, сделанных в Коллегии иностранных дел России.

№ 1

ПИСЬМО МАРОККАНСКОГО СУЛТАНА РУССКОЙ ИМПЕРАТРИЦЕ

2 июля 1778 г.

Во имя Бога несть ни власти, ни крепости, кроме Бога, Великого Бога, от того, кто есть раб божий и управляем святою его волею и раздает его веления силою и споспешеством Всемогущего — Могамет Бен Абдалах Бен Измаель Шериф, слуга божий, которого Бог да упрочит и да споспешествует своему слуге, аминь.

Екатерине Алексеевне II, Великой и сильной надо всю Москву, здравствовать ходящими в путех божних.

Мы уведомились о происходившем между вашим комендантом Козляниновым и нашим слугою Бен Абдел Мелеком и из того усматриваем вашу к нам дружбу (превознесенную по власти божией), что подало нам великое удовольствие, и по доношению нашего реченного слуги мы посылаем к вам нашу Императорскую грамоту, во уверение вас о нашем мире и дружбе на земли и на море, и когда ваш посол приедет в наши области, мы тогда заключим и подтвердим мирные статьи (с помощью божиею). И ежели которые ваши суда заблагорассудят приезжать в порты нашего владычества, то будут как приятели приняты, по верности нашего императорского слова, в следствие чего и отправили мы уже наши императорские указы во все наши порты.

АВПР, ф. Внутренние коллежские дела,

1778 г., д. 726, л. 1.

Копия с перевода.

№ 2

ГРАМОТА МАРОККАНСКОГО СУЛТАНА ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ АДМИРАЛТЕЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ И. Г. ЧЕРНЫШОВУ

14 июля 1778 г.

Во имя Бога и проч.

Графу Чернышову, первому Министру Высокой и Державной Императрицы Московской, здравствовать ходящим в путех божних.

Мы писали Грамоту к вашей Императрице, уверяя Ее о нашем мире и дружбе на земли и на море, — а по прибытии вашего посла в наши области заключим тогда и подтвердим статьи мирные.

АВПР, ф. Внутренние коллежские дела,

1778 г., д. 726, л. 1 об.

Копия с перевода.

ПИСЬМО МАРОККАНСКОГО СУЛТАНА
РУССКОЙ ИМПЕРАТРИЦЕ

22 июля 1782 г.

Во имя всевышнего и милосердаго Бога, коего в руке вся сила и помощь.
От раба Божияго на господа уповающего Мугамад-Бен-Абд-Алла.

Пресветлейшей Императрице Всероссийской Екатерине Алексеевне мир и благоденствие последователей истинне и свету.

Да будете посему Ваше Императорское Величество известны, что мы всегда рачительно и твердо сохраняем искренний мир и дружбу, в прошлое время между нами и Вашим Императорским Величеством заключенную чрез нашего верного последователя и посла при христианских державах Мугамад-Бен-Абд-Малека. Мы, вознамерясь его отправить в помянутыя страны, а именно к Римскому Императору Иосифу II и к его королевскому высочеству Светлейшему Герцогу Тосканскому, брату его, почли за благо написать сию грамоту к Вашему Императорскому Величеству и отдать оную вышереченному послу для надежного к вам доставления, и дабы из того Ваше Императорское Величество усмотрели нашу искренность и точность в соблюдении постановленного.

Что ж касается до всего того, в чем ваши корабли, приходящие в наши порты, будут иметь нужду, и до их удовольствования, то наказали мы всем Градоначальникам и приставам помянутых портов, дабы никто не дерзал препятствовать вашим кораблям брать и запасаться всем тем, в чем им случится надобность. Равномерно, какой купец из вашей империи ни прибудет в реченные наши порты и города, будет он нами как в приезде, так и в отъезде отличаем и предпочитаем всякому народу. Я в прочем Вашему Императорскому Величеству желаю всякаго благополучия.

Верно

*АВПР, ф. Сношения России с Турцией,
1778—1782 гг., д. 131,
л. 14—15. Перевод.*

К ВОПРОСУ О КАПИТУЛЯЦИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Во французской историографии издавна укрепилось мнение, что «особые права» на Ближнем Востоке, на которые Франция некоторое время претендовала и частично на короткий срок приобрела, имеют своим историческим обоснованием договоры и соглашения, восходящие чуть ли не ко временам Каролингов. В этой связи и в западноевропейской и в русской исторической литературе давно возник спор по вопросу о так называемом обмене посольствами между Карлом и Харун ар-Рашидом и о тех исключительных правах, которые якобы были предоставлены Карлу. Уже в 1833 г. Ф. Пукевиль заявил, что, несмотря на бесспорно существовавшие торговые отношения между Каролингами и государством халифов, нельзя говорить об обмене посольствами. Он назвал все эти рассказы «легендой, которой не должно быть в серьезных исторических трудах»¹. Но и после Ф. Пукевиля некоторые историки продолжали придерживаться отвергнутой им версии, как, например, французские ученые М. Рено (1836), А. Теуле (1840), итальянец О. Бертолини и др. Известный исследователь торговли Леванта в средние века В. Хейд утверждал, будто послы Карла при дворе халифа вели переговоры относительно святых мест и о покровительстве паломникам, а с того момента, как Карл стал императором, он начал рассматривать себя как покровителя (точнее, главу) христианства и интересоваться судьбой христиан на Востоке и паломниками. В 799 г., пишет В. Хейд, «патриарх Иерусалима признал за ним некоторое подобие права покровительства над христианами, и спустя некоторое время это было санкционировано халифом»².

Точку зрения Ф. Пукевиля поддержал В. В. Бартольд, который также высказал сомнение в достоверности утверждения, что халиф якобы подчинил власти Карла местонахождение гроба господня³.

Мнение В. В. Бартольда встретило резкие возражения со стороны византиниста А. А. Васильева, по мнению которого, Карл с разрешения халифа получил право покровительства палестин-

ским христианам. Он усматривал в этом начало установления французского протектората над христианами, живущими в мусульманских владениях на Востоке. А. А. Васильев полагал, будто можно выявить историческую связь между этим протекторатом и теми капитуляциями, которые Франция заключила с Османской империей в XVI—XVII вв.⁴ По существу А. А. Васильев поддерживал империалистические притязания Франции.

Не соглашаясь с точкой зрения А. А. Васильева, В. В. Бартольд еще раз вернулся к вопросу о франко-мусульманских отношениях. Он считал, что лишь предрассудком объясняются попытки ученых (и по их примеру А. А. Васильева) провести аналогию между мнимыми уступками халифа Карлу и теми капитуляциями, которые Франция заключила с Османской империей в XVI—XVII вв. В. В. Бартольд совершенно правильно опроверг явно неверное утверждение некоторых французских историков о получении Францией протектората над христианами уже при Карле. Он подверг критике всю систему аргументации А. А. Васильева. Арабские авторы (современники) не были осведомлены о существовании франкского императора Карла. В свою очередь, во франкских хрониках утверждается, будто халиф Харун ар-Рашид подарил Карлу своего единственного (!) слона. Это показывает крайне низкий культурный уровень хронистов и их неосведомленность об арабском мире. «По сравнению со средневековым Востоком, христианским и мусульманским, Западная Европа того времени была такой же отсталой страной, как теперь Восток по сравнению с Западной Европой... Для многих, если не для всех, христианских подданных абассидских и фатимидских халифов установление протекторатов франкского или византийского было бы настоящим бедствием — и уже поэтому такое событие должно было бы оставить след в восточнохристианских источниках», — сделал вывод В. В. Бартольд⁵.

Более достоверные сведения о договорно-правовых отношениях европейцев и жителей Леванта относятся к началу VIII в. Провансальцы, генуэзцы, пизанцы, флорентийцы и жители Амальфи получили от арабских халифов ряд привилегий в Палестине, венецианцы имели ряд льгот в Византийской империи⁶. Эти льготы заключались в том, что сначала Амальфи, затем Пиза, еще позже Венеция и Генуя получили от византийских императоров право свободной торговли в пределах империи⁷. Юридическими постановлениями, носившими в основном характер односторонних льгот, предоставленных императорами Византии итальянским городам, регулировались отношения между христианскими государствами. В создавшихся после крестовых походов христианских государствах Леванта ряд итальянских торговых городов, а также городов Прованса получил право организации на территории Сирии консульств, которым были предоставлены широкие права как торгового,

так и политического характера, в общем аналогичные вышеуказанным. Колонии марсельцев просуществовали до окончательного изгнания христиан из Леванта в 1291 г. Прекращение господства крестоносцев в Сирии и Палестине повлекло за собой уничтожение привилегий и ограничение прав марсельских консулов⁸. Следует отметить, что французское (франкское) государство не было юридическим субъектом этой системы международно-правовых связей.

Однако во французской литературе в XIX и XX вв. не раз встречались попытки доказать наличие каких-то особых прав Франции на покровительство христианам на Востоке, и особенно права покровительства маронитам в Ливане, якобы восходящего именно к правам французских королей, приобретенным еще во времена крестовых походов. Надо сказать, что сплошь и рядом французские короли самочинно присваивали себе те или иные права. В этом отношении внимания заслуживает документ, опубликованный бароном де Теста в его известном собрании договоров, заключенных Оттоманской Портой. Речь идет о письме Людовика IX Святого, в царствование которого (1215—1270) Франция вела оживленную торговлю с Ближним Востоком. В письме от 21 мая 1250 г., адресованном миру маронитов в горы Ливана, Людовик IX писал: «Мы убеждены, что нация, которую мы рассматриваем как созданную по имени святого Марона, составляет часть французской нации, так как ее дружелюбность в отношении французов напоминает дружелюбность, которую французы испытывают в отношении маронитов. В результате этого совершенно естественно, что вы и все марониты выиграете от покровительства, которое французы получают с нашей стороны, и что вы также будете пользоваться этим покровительством, равно как и французы... Мы и все, кто наследует нам на французском престоле, обещаем вам и вашему народу покровительство, которым пользуются французы, и сделаем со своей стороны все необходимое для вашего благополучия»⁹. Этот любопытный документ представляет собой одностороннее волеизъявление французского короля, провозглашавшее протекторат над маронитами. Между тем в источниках нет никаких данных о том, как население и власти Леванта отнеслись к заявлению Людовика IX. Однако даже в последние годы нередко можно встретить ссылки именно на это письмо как на правооснование для последующего покровительства Франции маронитам¹⁰.

Появление на мировой сцене вместо одряхлевшей Византийской империи молодого феодального Османского государства открывает новые страницы в истории отношений стран Европы с Востоком.

Еще до заключения политического союза с Портой торговые интересы Франции в Египте заставили ее войти в соглашение с турецким султаном Сулейманом для возобновления прав

и преимуществ, которыми пользовались французские подданные и консулы. Действительно, в 1528 г. был подписан трактат, предоставляющий французским и каталонским консулам в Египте все права, признанные за ними прежними правителями этой страны. «Эта капитуляция, — писал Ф. Мартенс, — как по форме, так и по содержанию тесно связана с... актами, заключенными в течение средних веков с мусульманскими народами. В 1528 г. отношения между Францией и Портой были только в зародыше, и рассмотренная капитуляция представляется, по внешней форме, жалованной грамотой турецкого султана, обеспечивающей за французскими консулами известные права, исключительно в Египте».

Ф. Мартенс давно уже отмечал, что в отличие от односторонних, жалованных грамот турецкого султана договор 1535 г. «считается французскими учеными первую капитуляцией между Францией и Османской империей, потому что он удовлетворяет всем существенным условиям современных международных трактатов, являясь двусторонним договором, и устанавливает между договаривающимися сторонами взаимность прав и обязанностей»¹¹. Этой же точки зрения придерживался и В. Грабарь: «Капитуляция 1535 г. — первая по времени, имеющая характер двустороннего обязательства, а не жалованной грамоты»¹². Совершенно правильно утверждение Ф. Мартенса и В. Грабаря, что трактат 1535 г. является двусторонним договором, однако никак нельзя согласиться с мнением «о взаимности прав и обязанностей договаривающихся сторон». Хотя отдельные статьи договора и позволяют говорить о взаимности, но они носят исключительно формальный характер. И конечно, турки практически никогда не могли пользоваться теми правами, которыми пользовались французы.

К сожалению, в советской литературе в общем отсутствуют специальные исследования, посвященные юридическому анализу капитуляций. Обычно все советские авторы, писавшие об этом вопросе (С. В. Бахрушин, С. Д. Сказкин, Н. А. Смирнов, Б. М. Данциг, Б. А. Дранов и др.), только ограничиваются характеристикой, данной в свое время К. Марксом. Приведем ее в выдержках:

«Капитуляции — это имперские дипломы, грамоты о привилегиях, выданные Портой различным европейским государствам и разрешающие подданным этих государств беспрепятственно въезжать в магометанские земли, заниматься там своими делами и совершать богослужение по своему обряду. От договоров они отличаются той существенной чертой, что не являются актами, основанными на взаимности, не обсуждаются совместно заинтересованными сторонами и не утверждаются ими на основе взаимных выгод и уступок. Наоборот, капитуляции являются льготами, односторонне дарованными правительством, которое, следовательно, может по своему усмотрению отменить их...

Именно от этих капитуляций ведет свое начало право *протектората* иностранных держав не над христианскими подданными Порты — райей, а над своими единоверцами, посещающими Турцию или поселившимися там в качестве иностранцев. Первой державой, добившейся такого протектората, была Франция. Капитуляции, заключенные между Францией и Оттоманской Портой в 1535 г. при Сулеймане Великом и Франциске I, в 1604 г. при Ахмеди I и Генрихе IV и в 1673 г. при Мехмеди IV и Людовике XIV, были в 1740 г. возобновлены, подтверждены, повторены и дополнены в сборнике, носившем заглавие: «Старые и новые капитуляции и договоры между французским двором и Оттоманской Портой, возобновленные и дополненные в 1740 г. н. э. и 1153 г. хиджры, переведенные» (первый официальный перевод, санкционированный Портой) «в Константинополе г-ном Девалем, секретарем-переводчиком короля и его первым переводчиком при оттоманском дворе». Статья 32 этого соглашения закрепляет право Франции распространить свой протекторат на все монастыри, в которых исповедуются «франкская» религия, независимо от того, какому бы государству эти монастыри ни принадлежали, а также на всех франкских паломников к святым местам»¹³.

Таким образом, ясно: односторонне дарованные льготы заключались в целом ряде актов, имевших место задолго до договора 1535 г., т. е. в актах, восходящих еще к временам Византии, к отношениям между Византией и итальянскими республиками, к отношениям между христианскими государствами Европы и крестоносными государствами Сирии и Палестины и, наконец, к актам, изданным мусульманскими властями Сирии и Египта после падения крестоносных государств, а также турецкими султанами в отношении итальянских республик, а вовсе не из каких-то исторических прерогатив французской короны.

Дата рассматриваемой капитуляции, которая во всех известных нам источниках определяется как февраль 1535 г. (25 месяца шабана 941 г. х.), вызвала сомнение уже более ста лет тому назад у И. Хаммера. Изучив ряд турецких и венецианских источников, он пришел к заключению, что этот договор был заключен в феврале 1536 г., поскольку в 1535 г. ни турецкого султана, ни его великого везира Ибрагима не было в Константинополе¹⁴. Отметим при этом, что в 1536 г. между Турцией и Францией был заключен и другой договор (секретный) о союзе¹⁵.

Ни в дореволюционной русской, ни в советской литературе не имеется до сих пор полного перевода текста договора 1535 г. Очень неполный перевод сделан по М. Флассану Н. А. Смирновым¹⁶.

В нашем распоряжении нет текста договора, основанного на аутентичном источнике. Как это утверждали в прошлом столетии французские исследователи, а ныне и турецкие, ни

в Турции, ни во Франции нет подлинника этого договора. Так, например, турецкий историк Данишменд пишет, что у турецких авторов того времени о нем вообще нет никаких данных¹⁷. По мнению М. Бэлена, этот документ, обычно именуемый первой капитуляцией между Францией и Турцией, отличается от последующих договоров. Содержание его основано на взаимности для обеих договаривающихся сторон. М. Бэлен обращает внимание на факт подписания уполномоченными обоих суверенных владетелей Жаном де ля Форэ и Ибрагим-пашой этого договора¹⁸. Текст памятника, опубликованный во французских и английских изданиях, не дает возможности установить, были ли на нем соответствующие подписи. Но из опубликованного текста договора, находящегося в собрании актов Турецкой империи, видно, что он обсуждался ля Форэ и Ибрагимом¹⁹.

Ряд положений этого договора, состоящего из 18 непронумерованных статей, внешне, бесспорно, носит характер основанного на взаимности. Хотя данный договор с Францией был заключен на десять лет позже, однако дружеские отношения между обоими государствами уже существовали. К 1525 г. они обменивались между собой письмами и послами. И. Хаммер называет имена послов, отправленных Франциском I к Сулейману, — Франчипан Рицон и, наконец, ля Форэ, заключивший указанный договор²⁰.

В сборнике договоров Османской империи, опубликованном де Теста, имеется следующее утверждение: «Подлинный текст договора на турецком языке утерян: это относится также к различным письмам-патентам, касающимся капитуляции»²¹. Текст договора 1535 г. (1536) публиковался неоднократно полностью или в отдельных выдержках. Содержание договора, его основные положения публиковались неоднократно, но ни в одном из опубликованных текстов не содержится статей, говорящих о правах Франции на покровительство католикам или вообще христианам. Французская литература, касающаяся данного вопроса, традиционно утверждает, будто право покровительства католикам в Турции якобы принадлежит Франции именно начиная с договора 1535 г. Ливанский историк Адель Исмаил придерживается несколько другой точки зрения: «Французская политика капитуляций имела счастливые последствия для восточных христиан, которые во многих случаях находили во Франции свою заступницу перед султаном. Однако, бесспорно, при этом обычно игнорируется тот факт, что ни договор о союзе, заключенный между Франциском I и султаном Сулейманом, ни последующие капитуляции, заключенные их наследниками в XVI—XVIII вв., не имели на самом деле своей целью покровительство христианам Востока. Эти договоры, по точному смыслу в них заключенному, касались исключительно интересов миссионеров и западных паломников и особенно вопросов, относившихся к европейской торговле под французским

флагом. Однако на самом деле нельзя не учитывать того, что восточные христиане извлекали косвенным путем немедленно и позже весьма большие выгоды из этих капитуляций»²². Как правильно отмечают некоторые исследователи, например Хура-ни, право покровительства христианам-католикам толковалось очень распространено и далеко не всегда базировалось на формальных основаниях²³.

Как ни странно, никто из советских ученых, включая автора настоящей статьи, ни разу не обращался к книге Деваля, которой пользовался К. Маркс и на которую он ссылаясь. Книга эта хранится в Музее редкой книги Библиотеки им. Ленина. В предисловии переводчик отмечает, что его переводы сделаны исключительно с турецкого языка, с документов, находящихся во французском посольстве в Константинополе. Отдельные статьи договора не были пронумерованы, а только отделены друг от друга тремя золотыми точками. «Я счел своей обязанностью пронумеровать статьи в своем переводе», — писал он. И далее: «Франциск I был первым из наших королей, который заключил договор с Турцией. Он получил в 1535 г. от Сулеймана Законодателя первые капитуляции, благоприятствовавшие торговле, католической религии в государствах Великого Государя (султана. — Б. Д.). В 1604 г. Генрих IV получил от султана Ахмеда возобновление капитуляций с некоторыми добавлениями. В 1673 г. они были возобновлены, увеличены в царствование султана Махмуда V по требованию Людовика XIV. Наконец, в 1740 г. король (т. е. Людовик XV. — Б. Д.) получил от султана возобновление капитуляций, значительно дополненных и составляющих сегодня половину статей этого договора»²⁴. Текст капитуляций, опубликованных Дева-лем в 1771 г., представляет собой текст договора 1740 г., включающий и отдельные статьи, составившие часть предшествующих договоров, причем переводчик не всегда указывает, были ли те или иные статьи в более ранних договорах или включены вновь. Индекс к книге содержит четыре раздела, в которых приводятся номера статей договора, затрагивающих определенные вопросы. Интересующие нас статьи включены в четвертый раздел, носящий название: *Renouvellement Articles concernant du Evêque, Religion, Eglise*; в нем указаны статьи 1, 32, 33, 34, 35, 36, 82²⁵. Статья 32, на которую ссылается К. Маркс, имеет на стр. 19 звездочку и сноску: «*Renouvellement additions accordés par Sultan Mehemet V. à M. de Louis XIV. 1673*». Перед нами явное доказательство того, что широкие права протектората были предоставлены капитуляцией 1673 г. и еще более расширены в договоре 1740 г. Именно об этом и пишет К. Маркс. Нет буквально никаких оснований утверждать, что К. Маркс относил возникновение указанной статьи к договору 1535 г.

Книга Деваля — это договор 1740 г., включающий в себя

85 статей в отличие от договора 1535 г., в котором было всего 18 статей.

Норандунгиан, говоря о договоре 1740 г., прямо указывает, что он приводит текст по переводу, сделанному Девалем на французском языке²⁶.

Что касается ст. 32 договора, на которую ссылается К. Маркс, то ее текст представляет собой соответствующую статью договора 1740 г. и в договоре 1535 г. ее нет, поскольку весь договор состоит лишь из 18 статей.

Мураджа Д'Оссон²⁷ следующим образом пересказывал договор 1535 г., не приводя его текста: «1. Французский посол будет находиться в Константинополе и консул — в Александрии; 2. Французские купцы платят за свои товары пошлины не свыше 5%; 3. Они будут освобождены от уплаты всех налогов в течение первых десяти лет своего пребывания в Османских государствах, но после этого срока будут уплачивать подушный налог (харадж) и другие обычные налоги; 4. Другие европейские нации, такие, как англичане, каталонцы, рагузцы, сицилийцы, генуэзцы, португальцы и др., правительство которых не связано с Портой договорами дружбы, могут плавать под французским флагом и торговать под протекторатом Франции во всех областях, находящихся под господством оттоманов; 5. Французы могут свободно исповедовать свою религию, они будут охранять святыне места Палестины, принадлежащие католической религии. Но в соответствии с мусульманским законом будет запрещено всем французам, всем монастырям, всем латинским церквям владеть недвижимым имуществом в Османском государстве»²⁸.

Трудно сказать, на чем основано приводимое изложение Д'Оссона (оно отсутствует в опубликованных текстах договора). Можно высказать предположение, что Д'Оссон произвольно истолковывает договор 1535 г., исходя из положений последующих договоров, преследуя при этом политические цели, так же как он сделал это с постановкой вопроса о присвоении себе султаном Турции титула халифа, о чем в свое время писал В. В. Бартольд.

Как мы уже указывали, в работе М. Флассана²⁹ приведено лишь несколько статей из договора 1535 г., а именно статьи от первой до десятой, и ни в одной из приведенных статей ничего не упоминается о религиозном протекторате Франции. Ф. Пукевиль отмечал, что договор 1535 г. предоставлял Франции доминирующее политическое положение в Турции; он не приводит текста договора, говоря лишь о праве консульской юрисдикции. В известных нам текстах договора или изложениях важнейших положений нигде нет упоминания о тех специфических правах, о которых говорит Д'Оссон.

Вообще в опубликованных текстах рассматриваемого договора имеется лишь одна статья, трактующая вопросы религии

(условно ее можно считать шестой по порядку): «Было точно обещано (*promis*), что заключено и согласовано, что указанные купцы, и все их агенты и слуги, и все другие подданные короля не будут ни притесняться, ни быть судимыми кадиями, санджакбеями, субаши, никем другим, кроме как Блистательной Портой, и что они не могут быть обращены в веру турок (*ne puissent être faits ni tenus turcs*), если они этого сами не пожелают и не признают этого вслух без принуждения, но что им предоставляется право исповедовать свою религию»³⁰.

Ф. Мартенс писал: «Остальные статьи этой капитуляции относятся к свободе религии и богослужения, неприкосновенности имущества французов и др. Наконец, Франция, желая играть роль посредницы и покровительницы, выговаривает в рассматриваемом трактате римскому папе, королю английскому и шотландскому право присоединиться к изложенным постановлениям»³¹. Как мы видим, Ф. Мартенс никак не акцентирует своего внимания на специфических правах Франции в области протектората над католиками и каких-либо прав по охране святых мест в Иерусалиме, как это делает Д'Оссон.

Ф. Мартенс, рассматривая капитуляцию 1673 г. и сравнивая ее с капитуляцией 1604 г., правильно писал: «В рассматриваемом акте (т. е. в договоре 1673 г. — *Б. Д.*) помещено только несколько новых статей, имеющих назначением выставить роль Франции как первой покровительницы св. мест в Иерусалиме, духовных лиц и пилигримов, их посещающих (ст. 40—42) и принадлежащих, само собой разумеется, к римско-католической церкви»³². Французские капитуляции послужили образцом для всех других европейских держав.

Из средневековых правовых актов, регулирующих взаимоотношения торговцев различного вероисповедания, они превратились в орудие колониального порабощения Турции, в тормоз ее социального прогресса. Первым международным договором, фиксировавшим отмену капитуляций Турции, был советско-турецкий договор 1921 г. В Лозаннском договоре 1923 г. ликвидацию капитуляций признали и страны Антанты.

РУССКО-СИРИЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Знакомство русских людей с Сирией (или, точнее, если говорить о территориях, ныне входящих в состав независимых Сирии и Ливана), как и со всей огромной территорией Ближнего Востока, уходит в очень далекое прошлое. Ведь уже в таком древнем памятнике русской литературы, как «Повесть временных лет», запечатлевшем события из истории нашей Родины до 1100 г., имеются упоминания о Сирии и Финикии.

В первом дошедшем до нас письменном памятнике о посещении русскими людьми территории Ближнего Востока, «Житъе и хождение Даниила, русской земли игумена», относящемся к 1106—1107 г., т. е. 860 лет назад, упоминается ряд приморских сирийских городов — Тир, Сайда, Триполи. Рассказывается о посещении Антиохии, упоминается путь к Дамаску. И позже, на протяжении нескольких веков вплоть до XVIII в., ряд русских духовных лиц и купцов посещали на пути в Палестину города Сирии и не только упоминали о Тире, Бейруте, Сайде, Алеппо (Халеб), Дамаске (Шам), но и рассказывали о природе посещенных ими городов, населении, памятниках архитектуры. В рамках настоящей небольшой статьи, естественно, нет возможности останавливаться на этих путешествиях. Надо отметить, что не только русские люди бывали в Сирии, но и уроженцы Сирии бывали не раз в России (Москве). При царе Федоре Иоанновиче в Москву приезжал антиохийский патриарх Иоахил Доу — араб по национальности. Он совершал путешествие через Малую Азию, Молдавию, Валахию и Украину. В Москве он пробыл с 17 июня по 11 августа 1586 г. Довольно долго пробыл он во Львове. До нас не дошло описание его путешествия. При патриархе Евфимии (1635—1648) был направлен в Россию (при Михаиле Федоровиче) митрополит Иеремия, уроженец Алеппо. Особо надо остановиться на путешествии в Москву патриарха антиохийского Макария (Макарийус ибн За'ил), который дважды приезжал в Москву при царе Алексее Михайловиче: в 1654—1656 и в 1666—1668 гг. Описание его первого путешествия под названием «Рихмат Макарийус» («Путешествие Макария») со-

хранилось в отдельной книге, составленной не им самим, а его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским.

Незадолго до поездки Макария в Москву в Дамаске и Алеппо побывал известный русский духовный деятель Арсений Суханов, который, вероятно, беседовал с Макарием. Через два месяца после этой встречи Макарий и начал свое затянувшееся на семь лет путешествие. Мы не будем останавливаться на этом хорошо известном и в России и в Сирии путешествии, описание которого является памятником выдающегося значения.

На русский язык его перевел русский арабист, уроженец Дамаска, Г. А. Муркос. Перевод был сделан по новым спискам середины XIX в. Предполагалось, что оригинал погиб, однако позже крупнейший русский и советский арабист И. Ю. Крачковский установил, что антиохийский патриарх Григорий аль-Хадед привез в подарок русскому царю Николаю II в 1913 г. более четырех десятков манускриптов восточных рукописей, среди которых оказался список путешествия Макария 1700 г., считавшийся сгоревшим. Стоит упомянуть, что Г. А. Муркос (1846—1911), получивший высшее образование на факультете восточных языков Петербургского университета, трудился над осуществлением своего перевода, состоящего из пяти томов, более четверти века. Заслуга Муркоса и перед своей родиной и перед нашей наукой очень велика.

В деле ознакомления русских людей с Сирией (как вообще с Ближним Востоком) большое значение имела записка русского путешественника Василия Григоровича-Барского, который провел на Ближнем Востоке около 25 лет, с 1723 по 1747 г., неоднократно побывал в Сирии — в Антиохии, Триполе, Сайде, Бейруте, Хаме, Дамаске. Он оставил подробное описание Дамаска, который поразил Барского обилием садов, разнообразием в них деревьев, пышной растительностью. Он подробно описал фонтаны, бассейны, водоснабжение Дамаска, уделил большое внимание населению страны, его быту и одежде, нравам разных народов.

В первой четверти XIX в. огромное значение в истории русской арабистики сыграл возглавивший кафедру в Петербургском университете молодой, 22-летний профессор О. И. Сенковский. По окончании в 1819 г. Виленского университета он отправился в путешествие по Востоку. Семь месяцев прожил в одном из лекронитских монастырей в Сирии. Его «Воспоминания о Сирии» до сих пор читаются с большим интересом. Сенковский был человек очень живой; единственный из всех современных ему профессоров восточных языков, он побывал на Арабском Востоке и хорошо знал его по личным впечатлениям. Он возглавлял кафедру в течение 25 лет — до 1848 г. Нелишне указать, что Сенковский в Сирии занимался у известного ученого А. Арыды.

Известный русский религиозный писатель А. П. Муравьев во время своего путешествия на Восток в 1849 г. посетил Ливан и Сирию. Большого внимания заслуживает его письмо от 9 декабря 1849 г., в котором рассказывается о путешествии по Сирии и Ливану, дается описание Баальбека, великолепной необозримой Дамасской равнины. До настоящего времени представляется интерес работа русского дипломата и писателя К. М. Базили. Он учился вместе с Н. В. Гоголем в Нежинском лицее, в 1839—1853 гг. был консулом, а позже генеральным консулом в Сирии и Ливане, долго жил в Бейруте. Н. В. Гоголь познакомился с книгой Базили «Сирия и Ливан» еще в рукописи в 1848 г., во время своего пребывания на Востоке, и отметил, что Базили написал преудивительную книгу, которая покажет Европе Восток в его настоящем виде. Книга Базили включает краткий очерк истории Сирии со времен арабского завоевания и в основном отражает историю Сирии со второй половины XVIII в. до конца 40-х годов XIX в. Это важный документ по истории второй турецко-египетской войны. Значительный интерес представляют «Статистические заметки о племенах сирийских в духовном их управлении», где сообщаются сведения о численности населения, экономическом положении и взаимоотношениях племен, их расселении и управлении. В них говорится о бедуинах, курдах, туркменах, горцах, оседлых жителях равнины.

Книга Базили была издана в 1862 г. Ценность книги заключается для современного читателя в богатом и конкретном материале о значительном периоде в истории Сирии и Палестины. В 1912 г. историческая часть труда Базили была переиздана в Москве под названием «Сирия и Палестина».

Внимание русских исследователей и впредь привлекала экономика Сирии и Ливана. Долгое время на посту генерального консула в Бейруте пребывал К. Петкович. Он прекрасно изучил край, собрал ценные статистические материалы и написал в 1885 г. книгу под названием «Ливан и Ливанул». По существу это была первая монография русского автора о Ливане. В ней приводятся очерки о природе, сельском хозяйстве, промышленности, населении. В работе рассматриваются вопросы торговли, политического устройства, финансов, народного образования. Экономическому положению Сирии и Палестины посвящена небольшая работа А. М. Беркенгейма, изданная в 1897 г. Она не потеряла своего значения и сейчас. Она может служить полезным источником для изучения эволюции земельной собственности в Сирии. В 1908—1910 гг. Петербургский университет командировал после окончания восточного факультета в Сирию и Египет молодого в то время ученого И. Ю. Крачковского (1883—1951), ставшего выдающимся советским ученым-арабистом, академиком с мировым именем. В Сирию он был командирован с целью изучения живых арабских диалектов и современной арабской литературы.

В своей получившей мировую известность автобиографической книге «Над арабскими рукописями», вышедшей в 1945 г., в разделе «Из скитаний по Востоку» он рассказывает о том, что провел две зимы в Бейруте, посетил Дамаск, Триполи, Алеппо, Хомс, Хаму, Баальбек, позже Палестину, Кипр, Александрию. Он всюду изучал рукописные собрания, познакомился с представителями науки, литературы, с самыми различными представителями общества. Он встречался с арабским романистом, историком и журналистом Ж. Зейданом (1861—1914), сиро-американским писателем Амини ар-Рейхани, скромным учителем Константином Яона, Мухаммедом Курд Али (1876—1953), ставшим после первой мировой войны президентом Арабской академии наук в Дамаске.

И. Ю. Крачковский и впоследствии поддерживал прочные связи с арабскими писателями.

В истории советско-арабских культурных связей И. Ю. Крачковскому, главе советских арабистов, ученому с мировым именем, принадлежит первое место.

О деятельности советских арабистов, о их культурных связях с современным Арабским Востоком надлежит рассказать особо, в специальном обзоре.

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

К рассматриваемому периоду относится ряд работ и несколько русских путешествий, представляющих значительный интерес.

Одним из таких путешествий является предпринятое в 1804—1805 гг. путешествие в Иерусалим калужских дворян И. И. и В. И. Вешняковых и медынского купца М. Л. Новикова¹.

Путешествие началось 29 августа из Одессы. На неаполитанском купеческом судне путешественники отправились в Константинополь и прибыли туда 4 декабря. Поселившись в доме российского посольства, они осмотрели достопримечательности Константинополя (Ипподром, Египетский обелиск, древнее подземное византийское водохранилище), затем отплыли в Яффу.

Описывая кратко Константинополь, авторы особо отмечают продажу в Константинополе «горскими татарами или черкесами» мальчиков и девочек, похищенных в Грузии и на Кавказе. На азиатском берегу Дарданелл в Чанак-Кале наблюдательные путешественники обратили внимание на гончарные заводы, «на коих делается очень хорошая муравленная разноцветная с простой позолотой посуда», отметили также, что видели «много ткачей из турок и греков, упражняющихся в приготовлении бумажных полотен... Женщины греческие в каждом доме продают виноградную водку, перегоняемую из виноградных вин через сухой изюм кубами; а хлебных вин и водки во всей Турции не знают. Мужчины занимаются работой в садах и земледелием»².

На Родосе путешественники посетили рынок.

Некоторое время путешественники жили на Кипре. Их интересовала хозяйственная деятельность его жителей: «Хлеб бел чрезвычайно; в мясные ряды пригоняют из селений овец и коз много; кипрские по деревням христиане разводят довольно и свиней, чего им турки не возбраняют, потому чтоб не воз-

высилась цена на баранину; однако внутри городов и в селениях, в коих живут и турки, запрещено строго продавать свинину, а позволяется производить, то вне оных или на берегах моря...»³. «Киприяне отпускают в другие места много пшеницы, соли, разных жизненных припасов, хлопчатой бумаги, выбоек, одеял и прочего, а особенно превосходных вин»⁴. Любопытны и их замечания и описания монастырского быта на Кипре.

По всей Сирии и Палестине они видели, что «народ Арабский Турок терпеть не может и ненавидит тяжелый турецкий гнет, навязанный ему Селимом Султаном турецким в 1517 году; а потому все главные чиновники бывают из природных Арабов...»⁵.

«В бытность нашу в Яффе, — пишут они, — довольно число было европейских разных наций и турецких судов купеческих, кои нагружались одной хлопчатой бумагой, других же товаров мы не видели. Из Сирии и Палестины беспрестанно приходят караваны верблюдов с навьюченною бумагой»⁶.

Под турецкой охраной с караваном в 150 паломников Вешняковы из Яффы поехали в Иерусалим через Лидду и Рамле.

Отметим некоторые замечания путешественников хозяйственного и бытового порядка: «Земля их (арабов), обрабатываемая для посева пшеницы, обыкновенно по дважды в год, следовательно никогда праздной не бывает... Арабы — трудолюбивый народ, столь нужный обществу по его хлебопашеству»⁷. «Сады большей частью состоят из египетской смоковницы; потом через ровные поля, имеющие грунт земли хоть и песковатый, но посеянная пшеница доказывает тучностью своею, что хлебородная земля; по местам масличные рощи еще более делают сим ровным полям красоты; видали много пасущегося рогатого скота»⁸.

«В самом Иерусалиме продаются хлеб и разные жизненные потребности умеренною ценою; свежей рыбы нет вовсе, потому что не находится рек в близости; говядина и баранина хуже, нежели в других турецких городах, по причине нетучных паств и безводия... Напитки состоят в виноградной водке... и белом вине...

Масло деревянное по множеству садов и лесов масличных очень дешевое, но горьковато... Главнейшие жители Иерусалима суть арабы магометанской веры... Турок нет почти вовсе жителей... Арабский народ терпеть их не может... Евреи составляют довольно число жителей...»

Подробно описывается одежда местного населения; интересуют автора и вопросы языка:

«...у жителей всех тех стран один арабский язык с некоторым изменением в наречиях.

Произношение арабского языка трудно очень для европейца, потому что многие слова выговариваются гортанью».

Вешняковы отмечают, что кроме нескольких русских духовных лиц, постоянно живущих в Иерусалиме, они встретили еще четырех человек из России, в том числе двух казанских купцов и татар, вернувшихся из Мекки.

По возвращении в Константинополь Вешняковы встретили в Галате русского купца Владимира Поликарповича Клепова, который вел оживленную торговлю с Архипелагом и Россией, постоянно проживая в Константинополе. В августе 1805 г. путники выехали в Одессу. Вешняковы и Новиков по просьбе российского посланника А. Я. Италинского были снабжены султанским фирманом, облегчавшим их поездку.

В 1805 г., в период второй Архипелагской войны, с целью борьбы с Наполеоном в Средиземном море из Балтийского была отправлена эскадра под командованием вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. В 1798 г. как командир корабля «Св. Петр» Сенявин участвовал в экспедиции вице-адмирала Ушакова.

В январе 1806 г. эскадра достигла Корфу. Среди главных задач, поставленных перед Сенявиным, было упрочение русского влияния среди славянского населения Балканского полуострова, главным образом черногорцев.

Борьба с французами привела его во враждебные отношения с Али-пашой Янинским. Когда Турция объявила войну России, в конце 1806 г. эскадра Д. Н. Сенявина, до этого действовавшая в Адриатическом море, перенесла свои действия в Архипелаг.

Интересным памятником этого похода являются «Записки морского офицера» Броневского⁹. Мы остановимся на этих «Записках» лишь в части, касающейся пребывания флота в Архипелаге в 1807 г. (3-я часть «Записок»), где наряду с описанием военных действий даны разнообразные и заслуживающие внимания сведения об Архипелаге.

Русская эскадра у Тенедоса соединилась в начале февраля 1807 г. с английской, прорвавшейся в Дарданеллы и с трудом оттуда ушедшей обратно с серьезными повреждениями. Адмирал Декуорт отказался от совместных с русским флотом действий против Дарданелл и ушел, покинув союзника. На русский флот выпала задача взятия Тенедоса и блокирования входа в Дарданеллы. Блокада входа в Дарданеллы была весьма эффективной: «Со времени прибытия нашего флота в Архипелаг, не только судно, ниже одна лодка не осмеливались приблизиться к Дарданеллам...»¹⁰.

«Записки» Броневского дают четкое представление о природе Архипелага, его климате, хозяйстве, населении, взаимоотношениях между греками и турками. Заслуживает особого упоминания характеристика турок, их личных качеств, которые наблюдал Броневский в продолжение долгой службы на Черном и Средиземном морях.

«Личная храбрость, величие души, мужество суть свойства турок... Характер тихий, задумчивый и благородный, возмущаемый иногда страстями, делает турок подозрительными и противу врага жестокими. При всем том они не мстительны и обиды охотно забывают... Они хорошие хозяева, умеренны, терпеливы и набожны. Скупость и жадность к приобретению богатств... существует только между вельможами.. Честность турок заслуживает особенного внимания... Турецкие законы очень строги и точны: разбирательство, решение суда и исполнение по оному оканчиваются весьма скоро»¹¹.

Турецкий флот был разбит в сражении под Афоном 19 июня 1807 г.; из 20 кораблей в Дарданеллы вернулись восемь: «Капитан паша обещал султану привезти голову Сенявина, но сам потерял руку».

Действия русского флота в Архипелаге получили свое отражение и у другого участника экспедиции — дипломатического чиновника на эскадре, писателя и журналиста, впоследствии издателя «Отечественных записок», Павла Петровича Свиньина¹². Свиньин подробно освещает военные действия. Со слов турецкого очевидца он приводит рассказ о низвержении султана Селима III, замененного Мустафой, а затем Махмудом II.

«Тесная блокада Дарданелл произвела в Константинополе чувствительный недостаток в съестных припасах, следствием которого был бунт: султан Селим свержен янычарами с престола, а новый Мустафа решился взятием Тенедоса удалить нас от Дарданелл»¹³.

Характеризуя неудачную операцию английского адмирала Декуорта, Свиньин пишет: «Признаюсь, что мы все радовались неудаче англичан, но не по одной ревности, а видя всем достойное наказание излишней их алчности к славе, самонадеяннее»¹⁴.

27 января 1807 г. у берегов Албании затонул русский корвет «Флора», вся команда которого (два человека утонуло) попала в плен к туркам, а вернее, к албанцам. Пребывание команды в плену было описано одним из офицеров — Н. Клементом¹⁵.

В плен попало около 150 человек. Пленники сначала были доставлены в Берат (место пребывания албанского наместника Ибрагим-паши), а оттуда в Константинополь.

По прибытии в Константинополь пленников привели на двор к великому везиру, где они были свидетелями казни 50 пленных сербов. Затем русские военнопленные, скованные попарно, были посажены на каторжный двор.

Пленники оказались свидетелями событий, приведших к низложению султана Селима III: «В одну ночь 40 тысяч человек янычар, недовольных султаном Селимом за то, что он хотел преобразовать на европейский образец свои войска и уничтожить янычар, решились предупредить его намерение. Они собрались из Дарданелльских крепостей на батареи в Топ Хане

против сераля и требовали выдачи министров. Эти батареи находились возле нас». Бытовые наблюдения, сделанные Клементом в Константинополе, очень ограничены.

Эпизод гибели «Флоры» и бедствий ее экипажа освещен и в неопубликованном дневнике мичмана-художника В. А. Сафонова, офицера «Флоры»¹⁶.

Сафонов рассказывает: «Варварский сей народ встречал нас еще за 300 шагов от врат и сопровождал нас до самой квартиры с руганием и бросали в нас камнями и грязью»¹⁷.

Зато болгарское население встречало русских пленников приветливо: в Прилепе «встретили нас с неожиданной радостью, чего никак мы не ожидали. Хотя квартира была нам сарай, но мы были очень довольны. Сии добрые жители брали в нас большое участие»¹⁸.

По улицам Константинополя партию пленных провели в такой обстановке: «Нас разделили попарно, у каждой пары по четыре янычара и одного вперед Адабаши, т. е. сержанта, и таким образом растянули линию... дабы уверить народ, что взяли много, и даже старались разгласить ложно, будто взяли нас как сопротивляющихся в Албании, которую хотели покорить»¹⁹.

Как и Клемент, Сафонов касается янычарского бунта.

Записки Сафонова не закончены, не доведены до освобождения. Они охватывают время с сентября 1806 по март 1807 г.

К рассматриваемому же периоду относятся любопытные неопубликованные записки генерал-майора князя Василия Васильевича Вяземского²⁰. 20 мая 1804 г. он с частями Сибирского гренадерского полка на корабле «Азия» был отправлен в Турцию, в то время союзницу России. 29 мая «Азия» прибыла в Босфор, а затем присоединилась к турецкому флоту.

Посетив 8 июня на Тенедосе турецкого капудан-пашу, Вяземский записал: «В каюте капитан-паши... везде краски, везде парча, везде шитье, везде золото... здесь богатое невежество, лень и позолоченная глупость»²¹.

Вяземский описывает не только острова Средиземного моря (в частности, Корфу), но и отдельные военные действия. В мае 1807 г. войска под командованием Вяземского через Италию и Венгрию вернулись в Молдавию.

Выше мы несколько раз отмечали сообщения о низвержении султана Селима III. Нам уже приходилось упоминать о реформах Селима III, об оценке их М. И. Кутузовым, а также о неблагоприятном отношении к ним в Турции. Реформы эти не встречали, в частности, поддержки в восстановленном Селимом старинном институте «Мушавере» («Совет»), состоявшем из 300 духовных и светских лиц.

Как известно, пребывание М. И. Кутузова относится к начальному периоду царствования Селима III. Оценку более позднего периода царствования Селима III мы находим в донесениях российских послов В. С. Тамары и А. Я. Италинского.

Так, например, Тамара отметил в 1801 г. появление новых идей среди представителей светской знати: «Просвещенные министры ее (Порты), признавая уже торговлю прямым источником богатства нации, при восстановлении общей тишины помышляют распространить оную»²².

Период царствования Селима III характеризуется, как известно, многочисленными восстаниями национально-освободительного и сепаратистского характера (национально-освободительная борьба сербов, восстание Пазвандоглу, ваххабитское движение и др.). Характеризуя положение, Тамара писал А. Р. Воронцову 1 (12) апреля 1799 г.: «Правление наполнено негодованием к французам и благонамерением в рассуждении общих дел. Неверность и непослушание начальствующих в провинциях тому мешают и перемены оных не вовсе во власти проявления состоит»²³.

Весьма интересно сообщение Тамары об отношении Селима III к русско-турецкому союзу, обеспечившему Турции помощь России. Тамара рассказывает, что Селим III был огорчен и обеспокоен смертью Павла I. «Порта, — по словам фаворита Селима Юсуф-аги, — могла только радоваться отношению к ней со стороны Павла. Она никогда не забудет, что Павел впервые установил счастливые узы, соединившие обе империи...»²⁴.

Италинский, характеризуя положение Турции, в мае 1803 г. писал: «Ромелия находится в обстоятельствах, угрожающих столицу сию величайшими опасностями. Вегаби (ваххабиты), бунтующие в Аравии, составляют и проповедыванием новой веры и числом своим весьма опасного неприятеля. Египет состоит ныне во владении бунтовщиков»²⁵.

Италинский же отмечал тяжелое положение народных масс, рост цен. Он же писал в июне 1803 г. о положении Порты: «Все европейские провинции наполнены бунтовщиками, весь народ весьма худо расположен к султану по причине бездействия его и слабости. Здесь министры турецкие в превеликом между собою разногласии и все почти заняты собственными своими интересами»²⁶.

Селим III был свергнут 29 мая 1807 г. Новая попытка реформ связана с именем Мустафа-паши Байрактара, правителя Дунайской провинции, ставшего великим везиром 28 июля 1808 г. и убитого в середине ноября того же года восставшими янычарами.

Очевидцем этих событий оказался капитан Апшеронского мушкетерского полка Александр Григорьевич Краснокутский²⁷. Он писал в письме другу (4. IX. 1809), при отсылке записок: «В них замечал я просто все то, что видел, что слышал, и все то, что говорил по времени, обстоятельствам и по сердечным чувствам моим».

Проф. А. Ф. Миллер так оценивает записки Краснокутского: «Как это явствует из неопубликованных архивных документов,

А. Г. Краснокутский, по сути дела, лишь отредактировал и сократил свой отчет, написанный во время самой поездки в Константинополь и затем представленный фельдмаршалу Прозоровскому... Эта книга полезнее других еще и потому, что ее автор не страдал и претенциозностью, писал бесхитростно, и по преимуществу о том, что видел собственными глазами»²⁸.

23 октября 1808 г. А. Г. Краснокутский по распоряжению главнокомандующего, фельдмаршала А. А. Прозоровского, был отправлен из Бухареста в Константинополь к верховному везиру Мустафа-паше Байрактару. После переправы через Дунай у Рушука он совершил путь верхом (через Разград, Джуму, Осман-Пазар, Сливны, Адрианополь, Бургаз, Чорлу, Селиври), отмечая расстояния (в часах) между отдельными пунктами. «На дороге ничего не видел примечательного, кроме частых и прекрасных водометов, изобилующих прозрачной водой». Подробно описан двухдневный переход через Балканский хребет (между Осман-Пазаром и Сливнами): «По каменным скалам едва можно ехать верхом... около 20 верст пробирался я узкою тропинкою...»

В Константинополь Краснокутский прибыл 30 октября, и на другой день был принят Мустафа-пашой. В ночь со 2 на 3 ноября вспыхнуло возмущение янычар против великого везира, подробно описанное Краснокутским²⁹. Обратный путь ввиду волнений в Румелии Краснокутский совершил через Селиври-Родосто по берегу Мраморного моря и далее через Розлог, Филиппополь, Казанлык. Ему принадлежит первое известное нам в русской литературе описание впоследствии знаменитой Шипки³⁰.

Заслуживают внимания записи, относящиеся к войне 1806—1812 гг. И. П. Котляревского, известного украинского писателя, автора переложенной на украинский язык «Энеиды» и пьесы «Наталка-Полтавка»³¹. В начале войны И. П. Котляревский состоял адъютантом командира 2-го корпуса Мейендорфа. Одним из важных поручений чисто дипломатического характера, возложенных на Котляревского, являлось привлечение на сторону России мусульманского населения Буджака, так называемых буджакских татар, проживавших в Аккерманском и Бендерском районах Бессарабии. Эти действия облегчались гуманным отношением к населению со стороны русского командования. После занятия 30 ноября 1806 г. Бендер и производства переписи населения («магометанского исповедания 5981, да других наций и исповеданий 1900») «командующий объявил туркам, чтобы они ни мало не тревожились и не взирали бы с худой стороны на перепись, им сделанную, что сие есть порядок; полиция и караул при арсенале — взаимная безопасность. Командующий уверил их, что препятствий не будет им ни в отправлении религии их и обычаев, торгу, промысла, рукоделия, и чтобы они, почитая россиян своими защитниками, остались

спокойными»³². После этого Котляревскому и бригадиру Катаржи было поручено «убеждать татарских старшин к принятию миролюбивых предложений, обещая им дружбу и самые выгоды от российских войск, если они останутся приятными России и пребудут спокойными при переходе войск через их земли». В целом это и удалось, и немалую роль здесь сыграли разнесшиеся слухи о гуманном обращении русских с местным населением Бендер.

Рассмотрение всех материалов, касающихся войны 1806 — 1812 гг. и написанных очевидцами, естественно, не входит в наши задачи. Среди них мы отметим коротко записки графа Ланжерона, француза по происхождению, сорок лет прослужившего на русской военной службе. Они интересны подробным описанием театра военных действий, а также некоторыми политическими наблюдениями в Молдавии и Валахии. Однако записки отталкивают читателя враждебным и предвзятым отношением к М. И. Кутузову³³.

Как известно, назначение М. И. Кутузова — героя Измаила, Мачина, Бабадага — в марте 1811 г. главнокомандующим Дунайской армии позволило быстро закончить затянувшуюся войну, разрешить задачи, которые оказались не под силу его предшественникам, закончить войну перед началом надвигающейся войны с Наполеоном, заключить почетный для России мир. М. И. Кутузов блестяще выполнил возложенные на него военные и дипломатические задачи.

«Дипломатический талант Кутузова привел к успешному заключению Бухарестского мира, по которому Бессарабия была освобождена от турецкого ига и присоединена к России. Отныне также было положено начало освобождению от турецкой зависимости Сербии и Болгарии»³⁴.

Отметим также представляющее большой интерес путешествие, начатое в 1808 г. крестьянином Рязанской губернии Деметрием Ивановичем Цикулиным, который, отправившись по делам в Персию, решил поклониться «святým местам» в Палестине и претерпел много приключений. В его книге³⁵ много фантастического и ошибок в географических описаниях и названиях, но все же он отметил и искусственное орошение и описал пищу, одежду, вид построек.

Цикулин рассказывает, как по дороге из Персии в Багдад он сначала был ограблен разбойниками, захвачен керманшахским ханом, а затем курдскими разбойниками, с неприятными приключениями дошел до Багдада, а затем был привезен к губернатору, известному Давид-паше, грузину по происхождению, а затем в Басру, посетил Иерусалим и где-то в Палестине встретился с английским капитаном, который заманил его на свой корабль. С этим кораблем Цикулин побывал в Египте, Индии, Англии и вернулся в Россию лишь после тринадцати лет странствий.

Ряд примечаний к похождениям Цикулина принадлежит А. С. Грибоедову³⁶. Можно с уверенностью сказать, что в целом Грибоедов не сомневался в их достоверности. Любопытное примечание сделано Грибоедовым в отношении упомянутого Цикулиным паши Багдадского (Давид-паши, Давуда): «Давид-паша три года назад прислал своего поверенного в Грузию, чтобы позволено было его матери прибыть к нему в Багдад. Но она, крепостная князей Орбелиановых, решительно отказалась от путешествия в мусульманскую землю и предпочла свое состояние в православном отечестве той пышной жизни, которая ее ожидала в Багдаде»³⁷.

Серьезное изучение зарубежных стран предпринимается после окончания Отечественной войны 1812 г., причем большую роль в этом изучении играет русский генеральный штаб. На этой деятельности генерального штаба надлежит остановиться особо. Она связана с именем фактического основателя русского генерального штаба князя Петра Михайловича Волконского. В 1810 г. он был назначен генерал-квартирмейстером, в 1813 г. — начальником штаба Кутузова и затем Александра I, а в 1816 г. — начальником в «главном штабе его императорского величества». Еще в 1811 г. в канцелярии Управляющего квартирмейстерской частью под руководством Толя было составлено «Руководство к отправлению службы чиновникам дивизионного генерального штаба»³⁸, в котором обращалось особое внимание на то, чтобы офицеры квартирмейстерской части обладали обширными сведениями по топографии и статистике³⁹.

Состоящее в ведении генерал-квартирмейстера армии управление включало в свой состав отделение, задачей которого являлось «собрание всех сведений о театре войны». При этом отделении «состояла чертежная и походное тиснение карт». Задачи в области изучения зарубежных стран чинами военного ведомства нашли свое отражение в «Памятной книжке для военных людей». В разделе VII правил указывалось: «Иметь познание и делать разведывания о стране: 1) посредством хорографии (описание какой-либо области); 2) посредством топографии (описание особенного какого-то места); 3) посредством гидрографии (водописание); 4) касательно плодородия оной; 5) к кому привержены жители; 6) какой образ правления; 7) сколь велико могущество и силы неприятеля; а также сколь далеко может распространяться»⁴⁰.

В 1818 г. Волконский возложил на квартирмейстерских офицеров составление общего свода сведений о военных силах европейских государств, включающего два раздела — крепости и войска, в том числе о Турции. Описание каждого государства должно было представлять особую статью таким образом, чтобы можно было имеющиеся сведения дополнять вновь полученными из-за границы. К разделу о крепостях следовало прилагать опись всех сочинений и статей, в которых

описывались осады этих крепостей. Была проделана капитальная работа по описанию всех войн, происходивших со времен Петра Великого между Россией и Турцией. Первоначальный почин в этом деле принадлежит начальнику штаба 2-й армии генерал-адъютанту П. Д. Киселеву⁴¹, который «предпринял в 1816 г. составление» Полного исторического начертания всех с турецкою державою военных действий от времен Петра Великого до последнего мира» (Бухарестский мир, 1812 г.).

Мысль составить историю войн с турками занимала П. Д. Киселева еще до назначения начальником штаба, до прибытия в Тульчин. По прибытии в Тульчин он приступил к исполнению задуманного им мероприятия. По выработанной им программе труд этот должен был заключать в себе следующее: статистическое описание края, в которое должны были входить также и военно-топографические сведения о нем; способы продовольствия при начале каждого похода и в продолжение его; сборные места на границах; движение колонн с описанием как препятствий, встречававшихся им, так и средств к их преодолению; встречи с неприятелем, сражения и последствия оных; осада крепостей.

План был утвержден князем Волконским, разрешившим Киселеву обращаться за необходимыми материалами во все архивы Петербурга, Москвы и южнорусских крепостей. В течение нескольких лет до 1822 г. были пересмотрены и разобраны архивы Измаила, Бендер, Хотина, Херсона, Николаева, Перекопа, получены сведения от консулов в Турции и др.

Известно, что, не будучи членом тайного общества, П. Д. Киселев был близок со служившими под его началом будущими декабристами — И. Г. Бурцевым, Н. В. Басаргиным, П. И. Пестелем, принимавшими участие в указанном труде. В частности, пользуясь пребыванием в Петербурге Пестеля (в конце 1819 — начале 1820 г.), Киселев просил его прислать ему каталог книг, относящихся к войнам в Турции. Пестель выслал ему каталоги книг на французском, немецком, русском, латинском и итальянском языках; он писал ему 3 января 1820 г.: «Я весьма буду польщен всяким поручением вашим, в особенности по этому предмету, ибо я нахожу, что выбор работы, нами сделанный, превосходит во всех отношениях. Во время мира нет для военного человека ничего почетнее, похвальнее и приличнее, как свободное от службы время посвятить занятию научными предметами, такими, как история войн, столь интересная и столь близко относящаяся к военному искусству»⁴².

Начатая работа полностью осуществлена не была главным образом, очевидно, потому, что Киселев встретил противодействие в главном штабе в Петербурге, где отчасти велись аналогичные работы.

Так, один из ближайших помощников князя Волконского,

барон Толь, письмом от 26 ноября 1822 г. известил Киселева, что предположение последнего относительно описания походов «России против Порты» приводится и отчасти уже приведено в исполнение в Петербурге, а именно:

«1) Сочиняется на 24 листах генеральная карта театра войны всех турецких владений с прилежащими к ним землями, составляемая из новейших достоверных сведений и карт российских и иностранных, и основанная на астрономических наблюдениях с 1816 по 1821 год.

2) Сочиняется топографическая карта частей Бессарабии, Молдавии, Валахии и Булгарии на 22 листах, составленная из военных обозрений, произведенных офицерами квартирмейстерской части в течение последней Турецкой войны. Одиннадцать листов этой карты были уже готовы и в десяти экземплярах тогда же посланы Киселеву.

3) Окончены и в печати военно-топографические описания дорог от берегов Дуная в Константинополь, а именно: дороги от Рушука через Шумлу и Адрианополь и от Галаца через Праводы и Арабургас на основании сведений, доставленных полковником Леном, сопровождавшим в 1792 г. наше посольство в Турцию, и исправленных по новейшим материалам, а дороги от Исакии через Бабадаг, Варну, Бургас и Мидию, по описанию, доставленному гвардейского генерального штаба капитаном Бергом во время обратного пути из Константинополя в Измаил, в 1819 г.

4) Окончено и в печати краткое описание всех походов, бывших против Порты Оттоманской с 1769 по 1812 год, составленное флигель-адъютантом полковником Бутурлиным»⁴³.

П. Д. Киселев представил в 1820 г. записку «О необходимости и возможности в мирное время собрать топографические сведения о турецких районах»⁴⁴. В этой записке Киселев, между прочим, писал: «Не входя в дальнейшие рассуждения о необходимости иметь точные понятия о театре войны, скажу, что в мирное только время сведения сии приобретать можно». Киселев предлагал: 1) отправлять офицеров квартирмейстерской части, особенно из греков и молдаван, с купеческими караванами, следующими из Бухареста; 2) отправлять курьерами в Константинополь квартирмейстерских офицеров, «коим поставить в обязанности в оба пути составлять замечания свои и секретные маршруты; 3) при министре в Константинополе иметь квартирмейстерского офицера для собирания топографических материалов; 4) увеличить в Европейской Турции число консулов и вице-консулов и предпочтительно назначать на эти должности офицеров как квартирмейстерских, так и инженерных».

С начала греческого восстания внимание Киселева привлекло положение в Молдавии и Валахии. С целью изучения положения в Скуляны был командирован П. И. Пестель.

Пестель разделял общее всем членам тайного общества сочувствие грекам. Он считал, что активное и притом незамедлительное вмешательство России в балканские дела диктуется не только обязательствами ее по договорам, но и собственными ее интересами. «Правительство и народ Турции, — писал Пестель Киселеву, — находятся в состоянии расслабленности и полного истощения. Роскошь, чувственность убивают энергию правящего класса. Произвол власти, постоянная опасность лишиться имущества и жизни приводят к тому, что все живут за день»⁴⁵.

Революционное решение балканской проблемы представляет так называемый «Греческий проект Пестеля», вошедший в программу Южного общества⁴⁶.

По мысли Пестеля, послереволюционная Россия должна была от завоевательной политики царей перейти к политике покровительственной. В 1824 г. он говорил Поджио именно в связи с планами освободительной войны против Турции о создании «федерации освобожденных от турецкого ига балканских народов»⁴⁷.

П. Д. Киселев высоко ценил ум и способности Пестеля. Во время пребывания в Бессарабии Пестель собрал сведения о том, что происходило в Европейской Турции, — о восстании Владимиреско и вторжении в Молдавию Ипсиланти. Он подробно описал обстановку в княжествах, указав, что «тогдашние события, в то время еще только любопытные, могут иметь важные последствия. Если существует 800 т. итальянских карбонариев, то, может быть, еще более существует греков, соединенных политической целью»⁴⁸.

Киселев с напряженным вниманием следил за всеми событиями, происходившими в княжествах, являясь сторонником вмешательства России и оказания помощи восставшим грекам. Он писал генералу Закревскому 12 апреля 1826 г.: «Надо здесь жить, чтобы знать, в каком унижении находятся подданные турецкого правительства и сколь так называемое возмущение греков законно»⁴⁹.

В период с 1819 по 1824 г. были составлены топографические карты главнейших дорог в Валахии, Румелии и Болгарии и топографическая карта Европейской Турции. Киселев же организовал и сбор статистических сведений о Турции.

Александр I, поначалу отрицательно относившийся к возможности вмешательства России в греческий вопрос, к концу своего царствования изменил точку зрения. Подготовительным шагом к активному вмешательству явилось подписание в 1826 г. Аккерманской конвенции с Турцией, ослабившей господство Турции на Балканах. Подписание конвенции восстановило прерванные дипломатические отношения с Турцией (1821—1826).

С направляющимся в Константинополь новым послом Риббьером Киселев отправил подполковника генерального шта-

ба Руге с поручением при переезде в оба конца проверить карту Турции, составленную в штабе 2-й армии. Вместе с тем Киселев обращает внимание на усиление сбора сведений о положении дел в княжествах и вообще в Европейской Турции.

П. Д. Киселев принимал непосредственное участие как в обсуждении плана кампании, так и в руководстве военными действиями 1828—1829 гг., сначала в качестве начальника штаба 2-й армии, затем командира корпуса и, наконец, командующего войсками на левом берегу Дуная. Он лично руководил успешной переправой войск через Дунай у Сатунова в мае 1828 г. Хорошее предварительное изучение обстановки, естественно, весьма пригодились П. Д. Киселеву.

С изучением будущего театра военных действий была связана и деятельность миссии графа Ф. Ф. Берга, мало освещенная в широкой литературе.

В 1819 г. капитан генерального штаба Ф. Ф. Берг, совершая поездку из Константинополя в Измаил, дал описание пути от Исакии через Бабадаг, Варну, Бургас и Мидию⁵⁰. В 1826 г. Берг был включен в состав русского посольства в Константинополе. На него, имеющего теперь гражданский чин статского советника, было возложено руководство военной миссией при посольстве. Перед Бергом была поставлена широкая задача собрать сведения о состоянии и вооружении дунайских и задунайских крепостей⁵¹.

В результате командировки Берга были собраны детальные сведения об указанных районах, были сняты топографические маршруты по главным дорогам Европейской Турции. Была подробно описана дорога от Буюк-дере через Мидию, Бургас, Варну, Бабадаг и Исакии, подробно описаны крепости Варна, Тульча и Исакии.

О деятельности миссии Берга дает представление принимавший в ней участие А. О. Дюгамель:

«Я был назначен вторым секретарем при военном отделении русского посольства в Константинополе, начальником которого был полковник Берг, в звании советника посольства... дабы не смущать турок, для виду, всем нам дали статские чины, соответствующие нашим военным чинам...

Берг и Рибовер не особенно ладили между собой, так как сего последнего обижало почти независимое положение, которое занимал Берг...»⁵²

Н. Глиноецкий, говоря о миссии Берга, указывает, что членами ее были собраны многие сведения о вооружении Турции и в особенности о местности между Дунаем, Черным и Мраморным морями.

Еще до миссии Берга на основании собранных сведений, преимущественно проверенных на местах, в штабе 2-й армии по поручению П. Д. Киселева были составлены карта Европейской Турции, карта Дуная от Журжи до Галаца и от Рени до

Черного моря, карта течения Прута, записка о запорожцах, живущих на Дунае (некрасовцы), и краткое обозрение Молдавии и Валахии⁵³.

Перед началом войны всем обер- и дивизионным квартирмейстерам была разослана топографическая карта Молдавии, Валахии и Болгарии, а также копии с маршрутов, снятых в Турции в 1827 г.⁵⁴.

Берг и вся военная миссия, как нами уже указывалось, находились в составе российского посольства, во главе которого стоял граф Александр Иванович Рибопьер. Назначенный чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополе еще 15 августа 1824 г., он выехал к месту своего назначения лишь в 1826 г. и пробыл в Стамбуле до начала декабря 1827 г., вынужденный уехать после Наваринского сражения. Он принимал участие в конференции по греческому вопросу, в Турцию вернулся уже после Адрианопольского мира. Он добился признания Турцией решения Лондонской конференции держав о независимости Греции, а также возвращения Турцией Сербии захваченных округов, равно как и признания административной независимости Сербии. Эти дипломатические успехи, обусловленные победой русского оружия, вскружили голову Рибопьеру, приписавшему их всецело своим талантам, что нашло отражение в его «Записках»⁵⁵. С Бергом он был на ножах.

Рибопьер мало рассказывает о событиях в Турции перед и после Наваринской битвы, но зато подчеркивает: «Второе мое пребывание в Константинополе было для меня рядом успехов и торжеств...» Он забавно описывает, как Махмуд II, давая обед всему дипломатическому корпусу, одолжил в российском посольстве серебряную посуду. Рибопьер через А. Н. Муравьева (см. дальше) приобрел в Египте двух сфинксов из Фив, и поныне украшающих набережную на Васильевском острове в Ленинграде.

Свидетелем некоторых событий, связанных с греческим восстанием, был русский путешественник, крестьянин графа Шереметева Кир Бронников, посетивший в 1820—1821 гг. Иерусалим, Египет, Синай, Афон⁵⁶.

В обращении к читателю Бронников пишет, что перед его отъездом близкие просили записывать впечатления и сам он имел это намерение с тем, чтобы, возвратясь в отечество, «не остаться безгласным»; правда, указывает, что все им виденное должен описать человек образованный и хорошо знающий языки, «а не мне, который все, что видел и слышал, может выразить одним простонародным, сельскому жителю свойственным наречием». Но тем интереснее его впечатления.

Из села Павлова через Москву (18 июля 1820 г.) Бронников выехал в Одессу, откуда на итальянском корабле отбыл в Константинополь и 25 сентября прибыл в Иерусалим. Из

Иерусалима с караваном Бронников прошел на Синайскую гору. С ним было еще шесть человек из России, в том числе конногвардейский офицер из Петербурга Егор Михайлович Бессарович, хорошо владевший турецким языком. Из Синая путешественники направились в Каир. Поднимался Бронников и на пирамиды. Затем через Газу вернулся в Иерусалим и 21 апреля из Яффы выехал на Афон.

До Яффы к тому времени уже дошли какие-то смутные слухи о греческом восстании: турецкие власти отбирали у христиан всякое оружие — от пистолета до пика. О восстании узнал Бронников на о-ве Патнос; на Инсаре узнали о событиях в Константинополе и об убийстве патриарха Григория. Прибыв на Афон, Бронников застал там большое беспокойство в связи с греко-турецкими отношениями и опасением нападения со стороны турок. Через Шкопель и Яффу он поспешил уехать с Афона на Корфу.

По словам Бронникова, на о-ве Шкопель жители, встречаясь с ним и другими русскими, со вздохом сквозь слезы говорили: «Если не поможет нам Россия, то мы, греки, все пропали»⁵⁷. Путешественник дал интересное описание хозяйства на Афоне⁵⁸. С Корфу на австрийском корабле Бронников отправился в Триест.

С путешествием Кира Бронникова по Палестине и Греции (август — сентябрь 1820 г. до начала греческого восстания) совпадает поездка второго советника российского посольства в Константинополе — Дмитрия Васильевича Дашкова⁵⁹, хорошо знавшего Восток. Он пробыл в Константинополе при российской миссии четыре года. Изучив хорошо греческий язык, много времени посвятил розыску в различных книгохранилищах древних рукописей. В момент избиения греков в Константинополе, когда был повешен патриарх Григорий, Дашков сумел спасти не одно греческое семейство от гибели. Его перу принадлежит несколько работ, относящихся к пребыванию на Востоке⁶⁰.

Дашков, посетивший Яффу, рассказал о деятельности акрского паши Абдуллы, «коего незаконное самовластие и свирепство грозили Палестине вторым Джеззиром»⁶¹. Остановился он и на распрях между представителями духовенства отдельных христианских исповеданий, закоренелой ненависти, как он пишет, «каждого исповедания к другому», стремлении «каждого овладеть „святыми местами“», указал, что турецкие власти непрестанно «питают между христианами вражду, для собственных выгод... радуются умножению жалоб и доносов»⁶².

«Время прибытия поклонников в Иерусалим,— пишет он,— есть время жатвы для тамошних жителей. Сим единственно оживляется страна, давно уже не кипящая млеком и медом, где земледелие в упадке и нет промышленности, где народ предан в жертву грабительству и насилиям всякого рода...»⁶³

Вместе с Д. В. Дашковым посетил Палестину художник, акад. М. В. Воробьев, известный сделанными там рисунками.

Особо надо остановиться на путешествии О. И. Сенковского. Посещение Сенковским Ближнего Востока совпало с началом греческого восстания против турецкого владычества. В Египте он находился в период правления Мухаммеда Али. Его впечатления о правлении этого реформатора, с которым он вдобавок лично встретился, заслуживают внимания.

Сенковский правильно оценивает роль французов в Египте в правление Мухаммеда Али, отмечает англо-французское соперничество.

Он делает характерное замечание:

«Нынешний египетский Паша в шесть месяцев провел канал из Александрии в Нил длиной в 14 французских миль и в 144 фута ширины с соразмерной глубиной. Он приказал собрать для этой работы 300 000 арабов, из коих 17 500 человек погибло в канале от усталости, голода, непогоды и других неизвестных случаев. Таким же образом построены пирамиды...

Мы знаем из Геродота, что Хеопс, построивший большую пирамиду... столько же был любим египтянами, как и нынешний Мехмед Али, проводивший канал для провоза из Александрии бобов и пшеницы, отнимаемых у бедных жителей»⁶⁴.

Наблюдательный путешественник сделал ряд зарисовок географического, этнографического, археологического и экономического порядка. Вот, например, описание деревни Коштамбе: «Коштамбе — довольно обширная деревня, она имеет около 120 душ жителей. Дома или землянки нубийцев столь низки, что в них нельзя иначе поместиться, как сидя... Малые круглые землянки окружают их жилища: в них держат кур, голубей и сберегают малое количество хлеба. Все их имущество составляют две или три коровы и пара волов, несколько коз или овец... Достаточные люди имеют иногда осла или верблюда... Всю одежду девушек составляет пояс из кожаной густой бахромы... Молодые люди и все вообще мужчины ходят нагие и носят только передники из белого полотна»⁶⁵.

Заслуживают внимания и заметки Сенковского о греческом восстании и состоянии флота Мухаммеда Али⁶⁶.

Переходя к изучению Турции в период войны 1828—1829 гг., надлежит отметить, что П. Д. Киселев еще до начала военных действий обеспечил создание специальных отрядов для составления астрономических и барометрических наблюдений и производства съемок в Османской империи. Так был сформирован геодезический отряд под начальством полковника генерального штаба Дитмарса.

Война предоставила возможность серьезного изучения и производства ряда инструментальных съемок в Европейской и Азиатской Турции. Астрономические работы в Европейской

Турции, Малой Азии и на Кавказе были начаты в 1828 г. и продолжались во время войны и после заключения мира, были закончены в 1832 г. Наблюдения, производившиеся офицерами генерального штаба Бардиным, Эссенем, Ортенбергом, Вронченко и др., представляют превосходный материал для определения географического положения ряда мест⁶⁷. Эти наблюдения (1828—1832) были собраны и обработаны в 1845 г. акад. В. Я. Струве) («*Astronomische Ortbestimmungen in der Europäischen Türkei... und Klein Asia*»⁶⁸. Одновременно с астрономическими делались и барометрические наблюдения (1830—1832), определено возвышение над морским горизонтом 80 точек Европейской Турции⁶⁹.

Комиссия под председательством директора корпуса топографов генерала Шуберта составила подробное описание дунайских княжеств. Шуберт исследовал Дунай на всем его протяжении — от Орсовы до Черного моря⁷⁰.

Составленная Шубертом рукопись «Статистические сведения о Молдавии и Валахии» была использована в топографической части через 50 лет, в войну 1877—1878 гг.

На Кавказском фронте по поручению главнокомандующего князя Паскевича было произведено описание занятых пашалыков: Карсского, Баязедского, Ахалцихского и Эрзурумского. Некоторые офицеры участвовали в доставлении сведений об отдельных районах Азиатской Турции, ими посещенных⁷¹.

Нет ни возможности, ни необходимости останавливаться на довольно многочисленных записках и воспоминаниях участников войны. Мы отметим лишь немногие из них, представляющие, на наш взгляд, особый интерес.

Полковник Радожицкий⁷² дает подробное описание Байбурта, долины Чороха, медного завода в Мургуле. Он отмечает положение крестьян: «Произведения земли не составляют собственности поселян, но принадлежат владельцу деревни или округа, а посему засев, жатва, молотба производятся общиною, за что работники получают из всего десятую долю. Поселяне не имеют побуждения улучшать земледелие потому, что для них тогда более было бы работы, более требовалось бы с них податей»⁷³.

Радожицкий упоминает о доблести азербайджанцев в рядах русских войск: «Должно отдать справедливость, что карабахские татары, при всякой встрече с турками, были впереди первые и храбро дрались со своими единоверцами»⁷⁴.

Много любопытных бытового порядка деталей, в частности касающихся турецкой армии, приводит в своих записках побывавший в турецком плену капитан А. Розеллион-Сошальский⁷⁵. Он отмечает, в частности, существовавший в турецкой армии обычай отрезать уши у убитых врагов, солить их и отправлять в Константинополь «для удостоверения о победе... Этих ушей стояло тут несколько бочонков»⁷⁶.

Во время войны упоминавшийся нами выше Дюгамель находился в действующей армии; в один из боев в мае 1829 г. он, будучи ошеломлен сабельным ударом по голове, попал в плен. В конце июля он был обменян на одного турецкого пленного. Записки его, к этому периоду относящиеся, особого интереса не представляют.

После подписания Адрианопольского договора и ратификации его Махмудом II Дюгамель выехал на Малоазиатский фронт (16 сентября 1829 г.) с письмом к князю Паскевичу о заключении мира. Его путь проходил из Скутари через Мерзифон до Самсуна и далее морем до Трабзона.

«Проехав большую часть Малой Азии по направлению с запада на восток,— пишет Дюгамель,— я имел возможность убедиться в совершенном упадке духа во всех слоях местного населения...

Все слои общества были здесь подавлены не столько нововведениями султана, сколько чрезмерностью всяких поборов, которые раздражали население и возбуждали его против правительства. Если к этому прибавить злоупотребления от целой стаи чиновников, которые все только и жили, что грабежом и притеснением жителей, то будет легко составить себе понятие о повсеместно господствовавшем неудовольствии»⁷⁷.

Из лагеря Паскевича Дюгамель выехал (13/25 октября) в Константинополь: «Желая посмотреть внутренность Малой Азии, которую во время моего пути из Константинополя в Трeпизонд мне не удалось видеть, я решил ехать прямо в Токат и таким образом проехаться поперек всей страны»⁷⁸.

Далее Дюгамель проехал Амасью, Мерзифон, Османджик, Тосью, Коджигиссар, Болу, Изник—до Скутари. Он был одним из первых русских, проехавших Малую Азию с востока на запад. Дюгамель подчеркивает, что во все время пребывания войск в Румелии между турками и русскими солдатами существовали наилучшие отношения.

После окончания войны 1828—1829 гг. совершил путешествие в Палестину известный впоследствии религиозный писатель, в то время чиновник по дипломатической части при штабе 2-й армии, Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874), сын основателя учебного заведения в Москве для колонновожатых, брат Муравьева-Карского и Муравьева-Виленского⁷⁹.

Как пишет А. Н. Муравьев, путешествие было предпринято с религиозной целью, и вся книга его в значительной части, особенно том II, является книгой духовного содержания, наполненной описанием посещенных им святых мест, в которой он, по выражению В. Н. Хитрово, «литературным языком первый описал то, что до него составляло достояние далеко не грамотных паломников-писателей, его предшественников»⁸⁰. Книга А. Н. Муравьева представляет интерес своей «гражданской» стороной.

Муравьев описывает Адрианополь в 1829 г., после занятия его русскими войсками и трехмесячного их там пребывания. «В течение трех месяцев ни малейшая распря не вспыхнула между ними (русскими и турками), никакая черта безначалия и буйства не уронила характера русского. Необычайность сего состояния, невольно поражающая на каждом шагу иностранцев... начинала под конец казаться делом совершенно естественным»⁸¹. Он описывает и парад русских войск в Адрианополе, который пожелали посмотреть турецкие сановники, подробно описывает Константинополь и выезд Махмуда II.

Из Константинополя Муравьев направился в Египет, где посетил Александрию, Каир, побывал на пирамидах. Первое его впечатление от Александрии: «Бледные и изможденные лица ее жителей, скитающихся как тени в белых или синих рубищах по грязным и тесным базарам, заставленным тощими верблюдами и ослиами. Все носит отпечаток крайней нищеты и угнетения...»⁸². По пути в Каир, едучи по Нилу и каналу Махмудие, он снова отмечает: «Между тем нищета жителей так велика, что по всей дороге, на расстоянии двух часов до Нила, беспрестанно встречаются женщины и дети, жадно собирающие в корзины рассыпавшуюся из кулей чечевицу (перевозимую к каналу на осликах.— Б. Д.), и во многих местах Египта повторяются подобные явления»⁸³.

После посещения пирамид и Мемфиса А. Н. Муравьев на верблюде через Синайскую пустыню выехал с караваном в Палестину.

Дважды принятый Мухаммедом Али, очарованный оказанным ему приемом, называя его «знаменитым старцем, гением в своем краю и народе, каких еще немного являлось в Египте»⁸⁴, он все же пишет: «Уважаемый в Сирии, грозный в Аравии и покоренной Африке, Мегемет Али высоко стоит между владыками Востока и стал бы еще выше, если бы угнетенный трудами, налогами народ не стонал под игом жестокой монополии, обогащающей одну только казну Паши, недостаточную для его исполинских желаний»⁸⁵.

Путешествию А. Н. Муравьева посвятил несколько слов А. С. Пушкин в своей незаконченной рецензии на его книгу: «С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г-на Муравьева... Он traverse Грецию... Он не останавливается, он спешит, он беседует с странным преобразователем Египта, проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в обетованную землю и наконец с высоты вдруг видит Иерусалим»⁸⁶.

Н. Г. Чернышевский писал: «„Путешествие ко святым местам“ было прочитано с удовольствием, как отчет в благочестивых впечатлениях образованного русского писателя, воз-

вышающегося часто в благоговении своем до истинного красно-речия»⁸⁷.

Как известно, пальмовая ветка, привезенная Муравьевым, вызвала у М. Ю. Лермонтова проникновенные стихи «Скажи мне, ветка Палестины».

Второе путешествие А. Н. Муравьев совершил через 20 лет, в 1849—1850 гг.⁸⁸ Тогда он посетил Константинополь, Принцес-вы острова, Бруссу, Афон, Салоники, Афины, о-в Родос, затем Бейрут, путешествовал по Сирии и Палестине и через Константинополь вернулся в Россию.

При посещении о-ва Халки он отметил могилу русских воинов, умерших в плену во время войны 1828—1829 гг., дал очень живописное описание Турции, значительную часть своих писем посвятил описанию монастырей Афона, святынь Иерусалима. С точки зрения географической заслуживает внимания описание путешествия по Ливану, Баальбеку и Дамаску. В целом второе путешествие в значительно большей степени, чем первое, отражает религиозно-мистические настроения автора и его 20-летнее занятие историей церкви.

Отметим мимоходом, что Муравьев вместе с поэтом Вяземским в марте 1850 г. был представлен российским посланником султану Абдул Меджиду.

Подробное описание ряда городов Фракии, Адрианополя, Киркилисе и др., а также Балканского хребта оставил полковник Энегольм⁸⁹. Им дается также общее описание Фракии, входившей в состав Румелии.

Во время войны 1828—1829 гг. велась запись действий Черноморского флота⁹⁰. Она интересна для нас с точки зрения описания действий у Анапы, под Варной, описания крепости, «прикрывавшей дорогу через Балканы в Константинополь». Описана зимняя кампания Черноморского флота, кампания 1829 г. и др. В течение кампании и после ее окончания, до отплытия флота в Севастополь, производилась опись берегов.

Хорошо известно, что во время этой же войны в 1829 г. совершил свое знаменитое путешествие в Арзрум А. С. Пушкин⁹¹. Сохранился в копии, сделанной рукой Дельвига (следовательно, еще в 1830 г.), маршрут его путешествия от Тифлиса до Арзрума и в писарской копии, включенной Пушкиным в состав примечаний к «Путешествию в Арзрум» с указанием расстояний между отдельными пунктами⁹².

О посещении Карса Пушкин писал: «Осматривая укрепления и цитадель, выстроенный на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом»⁹³.

От Карса до лагеря, расположенного на берегу Карс-чая, Пушкин «ехал по земле, везде засеянной хлебом; кругом видны были деревни, но они были пусты; жители разбежались. Дорога была прекрасна и в топких местах вымощена — через ручьи выстроены были каменные мосты. Земля приметно воз-

вышалась, передовые холмы хребта Саган-лу, древнего Тавра, начинали появляться»⁹⁴.

Описывая военные действия, Пушкин отметил, что первыми в преследовании турок «были наши татарские полки» (азербайджанцы.— *Б. Д.*). Отмечая наличие в русских войсках народов закавказских областей, Пушкин «с любопытством смотрел» на язидов, слышущих на востоке дьяволопоклонниками (отметил 300 семейств, обитающих у подножия Арарата). Пушкин беседовал с их предводителем, стараясь узнать правду об их вероисповедании.

По дороге к Эрзуруму в 15 верстах от Гасан-Кале Пушкин заметил мост через Аракс. Подробно дается описание самого Эрзурума:

«...мы въехали в город, представлявший удивительную картину. Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах...

Улицы города тесны и кривы. Дома довольно высоки. Народу множество...

Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции. В нем считалось до 100 000 жителей, но, кажется, число сие слишком увеличено. Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востоком производится через Арзрум. Но товаров в нем продается мало; их здесь не выкладывают...

Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов... Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч. ...»⁹⁵.

В своем известном стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят» Пушкин называет Эрзурум «нагорный, многодорожный наш Арзрум».

Для отдельного издания «Путешествия в Арзрум» Пушкин приготовил «„Заметку о иезидах“, принадлежащую миссионеру Маурицио Гардзони (приложена к книге Ж.-Ж. Руссо „Описание Багдадского Пашалыка“)» (1809)⁹⁶.

Об участии А. С. Пушкина в перестрелке рассказывает Ушаков в своей книге, вышедшей в 1836 г.⁹⁷ «Перестрелка 14 июля 1829 г. замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш Александр Сергеевич Пушкин... Поэт, в первый раз услышав около себя близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма... Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва достигнул его и вывел из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагой, столь свойственной новобранцу воину, схватил пику после одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников».

Ю. Тынянов в статье «О „Путешествии в Арзрум” Пушкина» отмечает: «Его точность, иногда несколько нарочитая, подчеркивающая фактический научный характер сведений... Пушкиным использована довольно большая и притом новая научная литература». Ю. Тынянов правильно указывает на книгу Потоцкого о путешествии по Астраханским степям и Кавказу, книгу Гамба, книгу Гардзони⁹⁸, вышедшие на французском языке в Париже.

В. Потто в своей книге «Кавказская война» писал: «Война в Азиатской Турции, составляя громкую эпопею в ряду наших кавказских войн, необыкновенно богата славными подвигами и блещет именами, достойными занять место в истории. Но среди громких имен этих воинов, увенчанных кровавыми лаврами, встречается дорогое для России имя ее величайшего поэта Александра Сергеевича Пушкина...»⁹⁹

«Муза Пушкина, — говорит В. Г. Белинский, — как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем, купленным драгоценной кровью сынов ее и подвигами ее героев».

К. В. Айвазян в статье «О „Путешествии в Арзрум” Пушкина» («Пушкин и Армения»)¹⁰⁰ правильно, на наш взгляд, объясняет поездку не личными мотивами, а тем, что «освобождение народов Закавказья» от ига персидской и турецкой тирании не могло пройти незамеченным и не вызвать патриотического отклика, патриотической гордости за Россию у великого гения русского народа. Великим патриотом, а не «нейтральным» наблюдателем выступил Пушкин в своем «Путешествии». Он нарисовал исторически верную картину войны, показал ее подлинных героев, отдал дань восхищения героическим действиям не только русской армии, но и местных жителей — армян, грузин, азербайджанцев. Пушкин сумел понять отношения закавказских народов к России, дать объективно верную оценку такого важного исторического события, как присоединение Армении к России в 1828 г.

Сама поездка на Кавказ, в Армению, где уже много лет доблестно сражалась русская армия, отнюдь не носила случайного характера, она стояла в общем плане творческих интересов Пушкина¹⁰¹. Акад. И. Ю. Крачковский отмечает: «Отзыв Пушкина о „Витязе буланого коня” едва ли случаен; он стоит в связи со все сильнее пробуждавшимся в нем в эти годы интересом к Востоку. Интерес питается не только пребыванием на юге России, но и всей тенденцией развития современной ему литературы. Как раз к началу 20-х годов „восточный стиль”, как бы отражающий мировоззрение Востока, начинает играть у нас очень важную роль: постепенно он превращается в моду и увлечение, которое в первую очередь поддерживается стихотворцами. Это увлечение захватывает, однако, и ориенталистов...»¹⁰²

«Ориентальная» тематика в творчестве А. С. Пушкина является особой темой, давно привлекавшей внимание исследователей. Конечно, это дело специалистов-литературоведов, пушкинистов. Мы же отметим лишь работу Д. И. Белкина¹⁰³, который выделяет «девять ориентальных регионов, которые в разные периоды привлекали к себе творческое внимание Пушкина»¹⁰⁴.

Среди этих девяти регионов Д. И. Белкин тематически выделяет (по интересующим нас темам) «Арабский Восток в стихах Пушкина» и «Тему Турции в творчестве Пушкина». К теме Турции помимо «Путешествия в Арзрум» относятся такие известные произведения, как «Подражание Турецкому», «Стамбул гяуры нынче славят». К теме ислама — «Подражания Корану», «Изречения из Корана»; Аравии и Персии — стихотворения «Подражание Арабскому», «Из Гафиза» и др.

Интерес А. С. Пушкина к Востоку, в частности к Арабскому Востоку, исследован в ряде работ как советских, так и дореволюционных русских ученых. Не останавливаясь на них, мы упомянем опять-таки (на этот раз другую) работу Д. И. Белкина¹⁰⁵: статью «Тема зарубежного Востока в творчестве Пушкина»¹⁰⁶, а также статью И. С. Брагинского «Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина»¹⁰⁷.

Среди неопубликованных текстов А. С. Пушкина известен перевод некоторых турецких слов, запись еврейского алфавита¹⁰⁸. Все это — свидетельство интереса к Востоку.

Особое место в творчестве Пушкина занимает русский Восток (цикл стихов о Грузии, Армении, стихотворения, посвященные Крыму, Молдавии).

Тема Востока занимала особое место и в творчестве М. Ю. Лермонтова¹⁰⁹. Специальная работа об этом написана Гроссманом¹¹⁰. Он писал: «Колыбель человечества, Азия, и особенно юго-западная часть древнего материка, а с нею и весь бассейн средиземноморской культуры не раз привлекали внимание Лермонтова. Недаром его Печорин мечтает о путешествии в Индию и Аравию, а перед смертью едет в Персию. В „Споре“ Лермонтов в нескольких строфах охватывает тысячелетние эпохи разноплеменных культур на обширном географическом поле от Кавказского хребта до Персидского залива и от Иранского плоскогорья до Гибралтара — Колхида... Персидская монархия, сменившая воинскую мощь и волю к мировому господству на прохладу и наслаждения, гробницы фараонов — пирамиды в раскаленных песках Египта, бескрайние равнины Аравии, Сирии и Африки... все это незабываемыми чертами запечатлено в поразительном монологе „угрюмого“ Казбека, в знаменитом стихотворении „Спор“»¹¹¹.

«Как удалось Лермонтову несколькими словами воссоздать эту пластическую и красочную картину античных культур, погрузившихся в дремотные сумерки государственного упадка? Обращался ли он к историкам и географам древности —

Геродоту, Страбону, Птолемию? Читал ли он новейших исследователей... Знал ли труды русских ученых...

Во всяком случае несомненно одно: его гениальная интуиция прошлого питалась текстами и картами, преображая археологические реликвии всемирной истории в жемчужины мировой поэзии.

Для верной интерпретации этих строк Лермонтова их следует рассматривать на фоне того обширного научного и художественного движения начала XIX века, которое называют иногда „ренессансом Востока в Европе”. В эти годы развернулась новая отрасль культурно-исторических знаний — ориентализм»¹¹².

Интерес М. Ю. Лермонтова к Востоку зародился еще в юношеские годы. Исторические его познания расширились в Московском университете, где он слушал А. В. Болдырева и М. А. Коркунова. Бесспорно его знакомство с географией Востока, с «ориентализмом» европейских писателей (Гёте, Гюго), многочисленными работами русских и европейских путешествий по Востоку¹¹³.

Нельзя обойти молчанием и интерес, проявляемый к Востоку Н. В. Гоголем, который вообще уделял большое внимание как отечественной, так и всеобщей истории¹¹⁴. Известна его статья «Преподавание всеобщей истории», в которой он, между прочим, писал: «Я должен изобразить Восток с его древними патриархальными царствами, с религиями, облаченными в глубокую таинственность, так непонятную для простого народа... как вся Европа, двинувшись с мест, валится в Азию, Восток сшибается с Западом, и две грозные силы — христианство с магометанством»¹¹⁵.

«Не мешает сделать обзор каждой части света... во-первых, об Азии... Эта часть света есть земля разительных противоположностей и какого-то великого беспорядка: еще один народ кочует беззаботно в необозримом многолюдстве с необозримыми табунами, а между тем на другом конце, где-нибудь в пустыне, иступленный изувер, изнуряя себя бесконечными постами, замышляет новую религию, которая впоследствии охватит всю Азию...»¹¹⁶

В статье «Ал Мамун» он дает характеристику арабского халифа X в. и его царствования: «Грозный калифат величественно возвышался на классической земле древнего мира. Он обнимал на востоке всю цветущую Юго-Западную Азию, замыкался Индией, на западе он простирался по берегам Африки до Гибралтара. Сильный флот покрывал Средиземное море; Багдад, столица этого нового чудесного мира, видел повеления свои исполняющимися в отдаленных краях провинций... Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и араб уже думал, как бы осуществить на земле рай Магомета, создавал водопроводы, дворцы,

целые леса пальм, где сладостно били фонтаны и дымились благовония Востока»¹¹⁷.

Восточные мотивы в русской литературе первой половины прошлого столетия — в виде непосредственных переводов с арабского или персидского наряду с переводами с французского — надлежит отметить также в хрестоматиях А. Болдырева, журнале «Азиатский вестник», издававшемся с 1825 по 1827 г. Григорием Спасским и в котором сотрудничали ученик О. И. Сенковского И. Ботвянов (первый переводчик муаллаки Лебида), Ознобишин, В. А. Жуковский¹¹⁸.

Пожалуй, одной из самых существенных черт русского востоковедения XIX в. является то обстоятельство, что в его рядах как нигде на Западе, произошло идейное размежевание: в нем столкнулись две струи — реакционная и прогрессивная. Обе эти струи иногда переплетались довольно своеобразно у одних и тех же представителей литературы или науки. В развитии прогрессивных сторон русского востоковедения XIX в. огромную роль сыграло влияние революционно-демократической мысли России (В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского).

Революционные демократы проявляли непосредственный и постоянный интерес к Востоку. Для них характерны были чувства глубокой симпатии к порабощенным народам Востока и резко отрицательное отношение к колонизаторам. Они внимательно изучали и давали глубокий анализ историческим событиям в восточных странах. В. Г. Белинский, например, решительно возражал против отнесения Китая и Индии к «неисторическим странам» по причине якобы «их совершенно изолированного развития». Он доказывал, что Азия является колыбелью человеческой культуры, восторгался богатством искусством азиатских и африканских народов. «Индия, — писал он, — страна, где впервые пробудилось в людях стремление к осознанию абсолютной истины... В Египте искусство сделало уже большой шаг, приблизившись несколько к простоте и природе... Огромность архитектурных зданий, колоссальность статуй индийских — явно отражение гигантской природы страны Гималаев»¹¹⁹. Белинский был глубоко убежден в том, что отсталость народов Востока, то, что они остались в стороне от общего прогресса, — результат тяжелых условий их существования. Он не был согласен с мнением тех западных историков, которые утверждали, что страны Азии не имеют будущего¹²⁰. Белинский включал разбор русских востоковедных работ в свои обзоры русской литературы. Так, например, известны рецензии на работы М. П. Вронченко.

Н. А. Добролюбов в своей замечательной статье, посвященной восстанию в Индии, — «Взгляд на Италию и современное состояние Ост-Индии» заклеил английских колонизаторов, которые оправдывали свою жестокость, проявленную при по-

давлении индийского восстания 1857 г. Добролюбов показал, что в отношении Индии «у Англии... конечной целью была государственная и частная корысть, а не дело цивилизации»¹²¹. Причиной восстания Добролюбов считал английский способ приложения европейской цивилизации к Индии, в результате которого все, что веками накопилось в груди несчастных поколений, служивших жертвою высших классов, поднялось теперь и вырвалось наружу¹²². Н. А. Добролюбов рассматривал это восстание как результат английского колониального режима в Индии.

Огромное внимание востоковедению уделял Н. Г. Чернышевский, изучавший восточные языки, поддерживавший связь с известным арабистом Г. С. Саблуковым. В годы руководства журналом «Современник» (1853—1862) и «Военным сборником» (1858) Н. Г. Чернышевский уделял постоянное внимание восточному вопросу, а также вообще литературе, посвященной Востоку. Им были написаны рецензии на книги А. С. Норова, он касается путешествий Василия Григоровича-Барского, Мелетия, писал о О. И. Сенковском, о путешествии А. Н. Муравьева, книге М. П. Вронченко, Н. С. Всевожского, об очерке И. Н. Березина «Езиды», о «Негриции» Е. П. Ковалевского и др. Н. Г. Чернышевский интересовался также вопросами арабистики и изучения санскрита в России.

«При исторически обусловленной ограниченности ряда научных оценок великие русские революционные демократы создали работы по вопросам востоковедения, являющиеся в методологическом отношении лучшими во всей домарксистской литературе. В большей или меньшей мере их воздействие испытали на себе многие выдающиеся деятели русского востоковедения»¹²³.

К периоду войны 1828—1829 гг. и ему предшествовавшему относятся и работы И. П. Липранди об изучении Турции. В свое время А. С. Пушкин писал князю П. А. Вяземскому: «Липранди берется доставить тебе мою прозу... Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и в свою очередь не любит его».

Как известно, Пушкин ошибался. Уже в период пребывания русских войск в Париже Липранди возглавил военную полицию. Привлеченный по делу декабристов, он доказал свою невиновность¹²⁴. Но в 20-х годах прошлого столетия он был человеком с еще не запятнанной предательством репутацией¹²⁵.

Позже И. П. Липранди получил печальную известность, занимаясь делом петрашевцев. Именно он в течение года руководил деятельностью провокатора студента Антонелли, втершегося в доверие к Буташевичу-Петрашевскому, а представленная Липранди записка по делу (мнение), как сам Липранди впоследствии заявлял, способствовала вынесению сурового приговора над петрашевцами.

Мы не считаем, однако, возможным обойти работы Липранди по изучению Востока, которому он посвятил много лет.

П. Бартенев, называя Липранди в числе более или менее близких знакомых Пушкина в Кишиневе¹²⁶, указывал, что Пушкин чаще всего брал книги у Липранди, «владевшего в то время отличным собранием разных этнографических и географических книг»¹²⁷. По словам самого Липранди, у него в библиотеке не было никаких других книг, «кроме тех, которые говорили о крае с самой глубокой древности; я тогда занимался некоторыми изысканиями и сводом повествований разных историков древних и им последовавших, вообще о пространстве, занимающем Европейскую Турцию»¹²⁸.

Липранди, говоря об изучении Европейской Турции, рассказывает, что оно началось со времени его пребывания в Бессарабии; в момент возникновения гетерии он неоднократно был посылаем в турецкие крепости для собирания сведений о действиях турок в Придунайских княжествах. В 1823 г., находясь на службе при князе Воронцове, он продолжал свои занятия. Во время Аккерманского конгресса в 1826 г. он вновь был послан в турецкие крепости, в 1827 г. находился на Пруте и Дунае и после Наваринской битвы — в Дунайских княжествах. Незадолго до начала войны он представил систематическую сводку.

В кампанию 1828—1829 гг. Липранди командовал отрядом волонтеров-партизан и в то же время руководил сбором сведений о неприятеле (тайная заграничная полиция)¹²⁹. В княжествах Липранди бывал и позже, в 1836 г.¹³⁰ Относящиеся к Европейской Турции материалы Липранди, основанные как на старом изучении страны, так и, очевидно, на более позднем, и уже чисто литературном, знакомстве, были опубликованы им много позже, в период, предшествовавший русско-турецкой войне 1877—1878 гг., и во время войны. К ним относятся статьи в «Чтениях в императорском Обществе Истории и древностей Российских»: «Болгария» (1877, кн. I), «Записки по поводу войны» (1877, кн. III), «Восточный вопрос и Болгария» (1868, кн. I), «Краткий обзор этнографического, политического и нравственного состояния христианских областей Турецкой империи» (Придунайские княжества, 1876, кн. IV), «Общие сведения об Европейской Турции» (1876, кн. IV), «Климат Европейской Турции» (1877, кн. II), «Народное врачевание славян в Европейской Турции» (1877, кн. II). Некоторые работы Липранди вышли отдельными изданиями¹³¹, а также печатались в «Русском архиве».

Журналист И. А. Арсеньев (основатель «Петербургского листка» и «Петербургской газеты»¹³²) отзывался о нем как об энциклопедически образованном, замечательном лингвисте, собравшем по восточному вопросу обширную библиотеку¹³³.

О своей библиотеке Липранди писал: «В библиотеке моей было все, что печаталось на всех языках о Турции, с самого начала книгопечатания до 1853 г. Она собиралась с 1820 г. и уже с 1830 г. была известна европейским ученым обществам». В 1856 г. она была куплена для библиотеки генерального штаба¹³⁴.

Из работ И. П. Липранди, относящихся к Европейской Турции, надлежит отметить следующие, отражающие его близкое и хорошее личное знакомство с Балканами: «Обозрение пространства, служившего театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 г.», написанное в 1841 г. (СПб., 1854); «Общие сведения об Европейской Турции» (М., 1877) — с особым разделом о климате и медико-санитарном состоянии; «Климат Европейской Турции» (М., 1877) — рассматриваемый отдельно для Молдавии и Валахии, Боснии, Сербии и Болгарии, Румелии и Македонии, Албании; «Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи» (М., 1877); «Взгляд на настоящий театр военных действий на Дунае» (М., 1878) — довольно детальные сведения об экономических ресурсах Болгарии; «Болгария» (М., 1877) — особый интерес представляют географическая и этнографическая части; «Из истории первой Турецкой войны» — из некогда секретных донесений И. П. Липранди¹³⁵.

События, связанные с первой турецко-египетской войной (восстание Мухаммеда Али) и высадкой русского корпуса на Босфоре, и последовавшее вслед за этим подписание в 1883 г. Ункяр-Искелесийского договора нашли отражение в работах ряда очевидцев¹³⁶, из которых мы отметим генерала Н. Н. Муравьева¹³⁷.

Участник военных действий против Персии в 1826—1827 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг., отличившийся при взятии Карса, генерал Н. Н. Муравьев (брат писателя) был послан в Константинополь с дипломатической миссией, имевшей задачей приостановить военные действия египетского паши против Порты Оттоманской. Позже Н. Н. Муравьев командовал русскими войсками, высадившимися на Босфоре.

Записки Н. Н. Муравьева¹³⁸ представляют особый интерес для историка. Его беседы с реис-эфенди и сераскиром Хозревом Мехмет-пашой, облегчавшиеся тем, что Муравьев владел турецким языком, а также с Махмудом II и, конечно, с Мухаммедом Али отражают обстановку после поражения турецких войск под Коньей и пленения великого везира. Миссия Муравьева к египетскому паше закончилась тем, что Мухаммед Али отдал приказ о прекращении военных действий. Эта сторона деятельности Муравьева, равно как и события, связанные с посылкой русских войск и флота на Босфор, и последовавшая за этим миссия Орлова и подписание Ункяр-Искелесийского договора не нуждаются в каком-либо дополнительном освещении. Записки

Муравьева и приложенные копии его донесений и писем хорошо известны.

Н. Н. Муравьев был первым европейцем, допущенным к осмотру арсенала во дворе старого серала (в бывшей церкви св. Ирины), где хранилось множество оружия рыцарских времен.

Пребыванию русских войск на Босфоре посвящены также «Письма с Анадольского берега Босфора» (письма русского солдата), написанные поручиком Болдыревым и напечатанные в 1833 г. в «Русском инвалиде»¹³⁹.

Пребывание русских войск на Босфоре дало возможность произвести ряд съемок. Были сняты пролив Дарданеллы, крепости и береговые батареи, пролив Босфор, крепости азиатского берега, составлены подробные планы береговых батарей и части страны на азиатском берегу¹⁴⁰.

Состоявший при Н. Н. Муравьеве А. О. Дюгамель так описывает работы по съемкам Дарданелл: «Муравьев счел своевременным воспользоваться таким единственным случаем... для самого тщательного изучения Дарданелльского пролива, как в топографическом отношении, так и в отношении его течения, а также и для собрания точных сведений об оборонительных укреплениях пролива и об их вооружении»¹⁴¹.

А. О. Дюгамель в конце 1832 г. был послан Н. Н. Муравьевым к Ибрагим-паше в Конью и после встречи с ним отправился далее в Сирию, чтобы оттуда проехать в Египет и присоединиться к Муравьеву. Однако, заболев и пролежав долго на о-ве Родос, он вернулся обратно в Константинополь, где и принимал участие в указанных выше работах. В 1834—1837 гг. он был генеральным консулом в Египте, позже — посланником в Иране.

Хорошо изучив Египет, Дюгамель сделал вывод: «Египет обезлюдел, и завоеванные области недовольны введенным в них управлением и только ждут удобного случая, чтобы сбросить с себя ненавистное иго». В 1836 г. Дюгамель посетил Бейрут и ряд других городов Ливана, Сирии и Палестины. Он отметил, и вполне правильно, что египетское правление в Сирии «ложилось очень тяжелым гнетом на народ, вследствие обременительных налогов и воинской повинности, с которой он не был знаком до того времени, и вообще возбуждало против себя глубокую ненависть во всем населении. Но зато, с другой стороны, египетское управление своими строгими мерами успело водворить порядок в стране, где прежде царствовала полнейшая анархия. Теперь без всякого конвоя и не подвергаясь ни малейшей опасности, можно было проехать всю Сирию из конца в конец»¹⁴².

Он правильно отметил, что после перехода Сирии в управление Египта египтяне потеряли расположение сирийских жителей: «Все мусульманское население обманулось в своих ожиданиях и пришло к тому убеждению, что египетское владычество еще притеснительнее турецкого»¹⁴³.

Мухаммеда Али Дюгамель характеризует так: «Я имел случай быть в деловых отношениях со многими высокопоставленными турками, но не видел ни одного, которого бы хоть несколько можно было сравнивать с Мехметом-Али... Он не получил никакого образования, не умел вовсе писать и читал очень плохо; но у него было то, чего не может дать никакое образование, чуткость в делах, знание людей и ум, способный ко всяким высоким соображениям. Он мог бы быть опорой Оттоманской империи, если б султан сумел привлечь его к себе»¹⁴⁴.

В 1835 г. Ионические острова, Грецию и Малую Азию посетили знаменитый художник К. П. Брюллов, архитектор и член Академии художеств Н. Е. Ефимов (Хаджи Дмитрий) и В. П. Давыдов, организовавший небольшую научно-художественную экспедицию и оставивший двухтомные путевые заметки, к которым К. Брюллов сделал ряд рисунков, относящихся к Греции¹⁴⁵. Выехав из Италии в мае 1835 г. и посетив Ионические острова, путешественники в июле прибыли в Смирну.

В российском консульстве Смирны Владимир Давыдов познакомился с инженер-офицером М. П. Вронченко, о котором пишет: «Он получил ученое поручение и мучится теперь уже третий год над ландкартой Малой Азии. Из двух данных ему товарищей один умер от лихорадки, и он сам было сильно захворал ею... но продолжает он огромный труд свой»¹⁴⁶.

В Константинополе Давыдову удалось посетить недоступный в то время для христиан храм Айя-София. Особое внимание в своих красочных записках Давыдов уделяет архитектуре города; он описывает посещенный им рынок рабов, султанский дворец.

Заслуживает упоминания отмеченная Давыдовом встреча с русским купцом Захаровым, много лет жившим в Турции и ведущим крупные торговые дела.

Затем Давыдов побывал на Афоне, а на обратном пути в Константинополь на развалинах Трои и в Бурсе (Бруссе). В Константинополе, в российском посольстве, он встретился со ставшим впоследствии известным исследователем Малой Азии, в то время 27-летним молодым человеком П. А. Чихачевым. «Молодой Чихачев,— писал он в октябре 1835 г.,—причисленный к здешней миссии, возвратился из продолжительного и опасного путешествия в Египет, заглянув в разные любопытные места Малой Азии и на остров Родосский, где он едва не погиб от кораблекрушения»¹⁴⁷.

Для К. П. Брюллова посещение Востока дало новые восточные темы и образы будущих картин: «Турчанка в чалме», «Гавань в Константинополе», «Турок, садящийся на коня», «Сладкие воды в Константинополе», «Любовное свидание в Турции», «Константинопольский рынок», «Турецкое кладбище в Скутари»¹⁴⁸.

Особое внимание Брюллов уделил Греции, где все еще было полно живой памятью о недавней борьбе за освобождение.

С гораздо большей охотой, чем пейзаж, рисует Брюллов мужественные образы греков — участников борьбы за освобождение родины. Вот раненый грек, упавший вместе с конем, вот портрет одного из греческих повстанцев — Федора Колотрони. Вероятно, портфель Брюллова содержал в себе еще немало подобных материалов, но и то, что дошло до нас, непреложно свидетельствует о том, куда было направлено внимание художника. Об одном из брюлловских рисунков этого периода рассказывает Рамазанов. По его словам, это была настоящая карикатура на турецкую полицию. Пушкин, которому Брюллов показал все свои работы, особенно восхищался его юмором ¹⁴⁹.

Одним из видных русских путешественников XIX в. по Малой Азии был Михаил Павлович Вронченко, отмеченный (и вполне заслуженно) В. В. Бартольд и Л. С. Бергом. Вронченко родился в 1801 г. в Могилевской губернии в семье священника. Учился в Могилевской гимназии, затем на словесном факультете Московского университета и, не закончив курса, перешел в Московское военное училище для колонновожатых, которое окончил в 1822 г. в чине прапорщика. В 1823 г. он был командирован для производства съемок в Литовско-Виленскую губернию, а в 1824 г. по личной просьбе откомандирован в Дерптский университет, где в течение трех лет слушал лекции знаменитого астронома проф. В. Я. Струве (позже директора Пулковской обсерватории) по геодезии и астрономии; слушал он и других профессоров. В совершенстве изучив немецкий и английский языки (в дальнейшем турецкий, болгарский, древне- и новогреческий), М. П. Вронченко был прекрасным переводчиком ¹⁵⁰.

По окончании Дерптского университета М. П. Вронченко вернулся в Петербург на службу в генерал-квартирмейстерскую часть военного министерства, а во время войны 1828—1829 гг. и после ее окончания находился в составе геодезического отряда, на обязанности которого лежало отмеченное выше производство геодезических съемок в тылу армии — в Молдавии, Валахии, Болгарии, Румелии и Сербии.

В октябре 1833 г. на Вронченко было возложено особое поручение по изучению Малой Азии, выполнение которого облегчалось русско-турецкими отношениями, сложившимися после подписания Ункяр-Искелесийского договора. Он был назначен секретарем генерального консульства в Смирне. Биограф М. П. Вронченко — А. В. Никитенко, хорошо его лично знавший, писал о нем: «Самой замечательной эпохой служебной деятельности Вронченко были 1834, 1835 и 1836 годы... проведенные им, б. ч. в обозрении Малой Азии... Ему даны были весьма важные инструкции, выполнение которых требовало, кроме математических и военных знаний, особой проницательности, мужества и благоразумия...» ¹⁵¹

В течение почти трехлетнего пребывания в Малой Азии М. П. Вронченко сделал несколько поездок в различных направ-

лениях. Маршруты его в общей сложности покрывают 10 тыс. верст¹⁵² и охватывают огромную территорию, ограниченную на востоке линией Самсун — Токат — Адана. В таблицу результатов астрономических наблюдений входит 100 пунктов.

Изъездив вдоль и поперек Малую Азию, М. П. Вронченко в 1836 г. вернулся в Петербург с обширными материалами. Результатом поездки были многочисленные отчеты, снабженные множеством карт и планов, оставшиеся неизданными, и книга «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии», изданная в 1838—1840 гг.¹⁵³ В предисловии к своей книге М. П. Вронченко пишет, что в ее основу были положены следующие правила:

1) Руководствоваться только теми сведениями, которые мог приобрести путешественник лично или расспросами, ничего не занимая из книг, писанных о Малой Азии, ни древних, ни новых.

2) На наружный вид земли — горы, равнины и воды, а также на произведения края, какого бы рода они ни были, смотреть только в отношении географическом и статистическом, не входя ни в какие суждения по части физики и естественной истории.

3) О народах, населяющих Малую Азию (их жителях, домашнем быте, занятиях и торговле; а также и об управлении), говорить единственно то, что существует в настоящее время. Обозрение состоит из двух частей, включающих семь «отделений»: отделение 1-е — подробный и прекрасно составленный физико-географический обзор; отделение 2-е трактует о «произведениях» края (экономико-географический обзор); отделение 3-е характеризует население; отделение 4-е описывает гражданское устройство. Во вторую часть (5—7-е отделения) включены описание городов и местностей, взаимоотношений народов Малой Азии, земледелие, промышленность и торговля.

«Двухлетнее пребывание в крае, конечно, недостаточно для обстоятельного изучения нравов и быта народа,— пишет Вронченко в предисловии,— кроме того, частная жизнь турок не всегда для иностранца доступна — она, однако, не столь непроницаема, как то воображают и пишут многие...»

В разделе «Населенность и жилища» автор делает попытку исчислить население Малой Азии от Эгейского моря до линии Самсун — Токат — Кайсери — Адана, определяя его в 4 млн. человек и указывая, что счет этот ненадежный. Вместе с тем он правильно утверждает, что народонаселение в Малой Азии весьма неравномерно: «Есть места, сплошь усеянные частыми деревнями; есть большие пространства, почти совсем безлюдные»¹⁵⁴.

В разделе «Гражданское устройство» М. П. Вронченко следующим образом характеризует управление: «В больших и малых селениях Малой Азии, как и во всей Оттоманской империи, резко различаются два разряда жителей — управляющий и управляемый: каждый человек принадлежит к тому или друго-

му разряду, независимо от своего происхождения, веры и состояния. Конечно, такое разделение может быть сделано и во всех других странах, но в Турции оно не просто именительно: управляющий имеет на своей стороне столько прав и выгод, что управляемые смешиваются в одно сословие, которое имеет только свои подразделения, одинаковым образом стоящие безответственно перед правителями и зависимые от их произвола»¹⁵⁵.

Вронченко подчеркивает губительность откупной системы налогов: «Все это вместе составило систему откупов, увеличило откупы до невероятности, истощило уже отчасти и продолжает истощать богатство края в невероятной степени. Теперь на откуп все»¹⁵⁶. «Трудно,— пишет Вронченко,— было бы исчислить все налоги, взимаемые с разных сословий: они многообразны и хотя не велики, каждый отдельно, но в сложности составляют уже изрядную сумму; но и эта сумма была бы не отягонительна для жителей, если бы к ней не делалось множества прибавок, из которых многие называются единовременными, но повторяются беспрестанно, даже более одного раза в год»¹⁵⁷. «Только необычайная ограниченность нужд и привычка к самой суровой жизни могут сделать возможным перенесение таких налогов даже в крае, таком богатом, как Малая Азия,— но не на долгое время, пока совсем не истощатся старые запасы»¹⁵⁸.

В разделе «Сословия людей частных» отмечается, что «владельцы значительных земель составляют разряд главный, богатейший... все такие владельцы пользуются на известных правах доходами с земель своих, отдавая их на откуп или обрабатывая их людьми наемными»¹⁵⁹.

«Низший рабочий класс народа составляют земледельцы, возделывающие нанимаемую землю, с платой части владельцу, или просто работающие за пищу, жилье и некоторую плату, вторые, впрочем говоря о всем крае, составляют из целого исключение и сравнительно очень немногочисленны. Главная же часть земледельцев живет в деревнях, принадлежащая к которым земля есть собственность или правительства, или лица частного, или мечети, и работает собственно на себя, с оставлением части продуктов владельцу, и иногда с правом пользования плодами диких деревьев, на деревенской земле растущих, например, валонели»¹⁶⁰.

«Зажиточных земледельцев очень мало, а число их уменьшается беспрестанно. Очень многие живут в бедности, довольствуясь самой скудной пищею и едва имея достаточно одежды для прикрытия наготы. Случается, что грабеж агентов, взимающих всякого рода налоги продуктами, в натуре, и деньгами, приводит селян в крайность; многие семейства оставляют свои дома и убегают, куда кто может и где надеется найти жизнь сноснее,— так иногда уменьшаются и даже совсем пустеют целые деревни. Число бедных возрастает в ужасающей постепенности»¹⁶¹.

Вторая часть «Обозрения»¹⁶² включает в себя описание ряда городов и местечек, в достаточной степени подробное, порой сопровождаемое данными о производстве сельскохозяйственных продуктов, торговле, о количестве домов, населении, состоянии дорог, о памятниках древности и прочих достопримечательностях.

Описание городов, в частности, позволяет судить о состоянии промышленности в 30-годах прошлого столетия в отдельных районах страны.

Раздел, называемый «Взаимные отношения и быт малоазийцев», представляет собой очерк национальностей, населяющих Малую Азию, — их религии, быта, взаимоотношений. Он охватывает турок, туркмен, курдов, арабов, греков, армян, европейцев, евреев и цыган.

Реформы Махмуда II, указывает Вронченко, привели к тому, что «в настоящем же ходе дел имеет свою выгоду только одно избранное сословие, местные правители... настоящее бремя для народа, то есть для всех лиц частных, очень тягостно: нельзя следственно и требовать, чтобы народ был привязан к виновникам своего такого положения... Виной бед все почитают, однако, не столько самого Владыку, сколько вельмож, его окружающих»¹⁶³.

«Народ вообще ненавидит всех правителей, от высших до низших, но он вместе с тем и боится своих притеснителей, не имея противу них никакой опоры со времени уничтожения янычар»¹⁶⁴.

Специальный раздел «Земледелие, промышленность и торговля» представляет собой очерк экономики страны. Вот ее общая характеристика: «Малая Азия не есть страна мануфактурная; однако жители ее сами приготавливают некоторые изделия, нужные в домашнем быту... Малоазийцы едят свой хлеб; из всего, что употребляется в пищу, они получают из-за границы только икру, коровье масло, финики, кофе, сахар, пряности и еще, может быть, какие-нибудь малости; все же остальное делается в самом крае природою с большей или меньшей помощью трудов человеческих»¹⁶⁵.

Заслуживает упоминания описание земледельческих орудий: «Соха есть не что иное, как обтесанное бревнышко с крепким косвенным сукон, на который надевается плоский железный наконечник»¹⁶⁶.

Подробно перечисляются промышленные товары, изготавливаемые в Малой Азии: грубый холст, употребляемый в простом народе на рубахи и исподнее платье, рубахи сырцовые (шелковые из Бруссy), ткани для чалм и платков — из привозной пряжи, грубые бумажные ткани — в Кастамону, Эгердире, Касабе и других городах, сукно — только грубое, «самого низкого разбору», шерстяные ковры, кожаная обувь («носят малоазийцы свою») и т. д. Весьма подробно рассматривается состояние тор-

говли — внутренней и внешней. В целом указанный раздел, дополненный таблицами товаров, вывезенных из Смирны в 1834 г. и привезенных в Смирну, представляет собой весьма ценный и надежный источник для изучения экономики Малой Азии в 30-х годах прошлого века.

К описанию Малой Азии приложены журналы астрономических наблюдений в Малой Азии, произведенных Вронченко в 1834—1835 гг.¹⁶⁷, и схема сети астрономических пунктов в Малой Азии с маршрутом поездок. Н. Г. Чернышевский писал о книге М. П. Вронченко: «Огромный труд Вронченко был бы капитальным приобретением в литературе самой богатой, но, во-первых, он говорит только о настоящем положении Малой Азии; во-вторых, что еще важнее, он писан с целью собрать драгоценные материалы для специальных ученых, а вовсе не для чтения большинства публики; поэтому г. Вронченко придал своему сочинению форму, которая составляет принадлежность так называемых *Handbuch*'ов, недоступных для обыкновенного читателя... г. Вронченко некоторыми отделами своего труда (о нравах жителей) показывает, что владеет замечательным талантом рассказчика, но он справедливо предпочел сухую ученую форму, которая давала ему возможность не опустить ни одной подробности, мелочной для читателя, но существенной для географической полноты»¹⁶⁸.

А. С. Норов, ссылаясь на работу Вронченко, писал: «Это одно из самых положительных и любопытнейших сочинений об этом крае, который доселе еще мало исследован»¹⁶⁹.

«Обозрение это, вместе с трудами известного нашего путешественника Чихачева и полковника генерального штаба Болотова, имело в свое время европейское значение для этнографического изучения Малой Азии», — отмечал Никитенко¹⁷⁰.

«Работы Вронченко составляют надежное основание для картографии этой страны, а полное живого интереса описание его путешествий выказало в нем талантливого наблюдателя»¹⁷¹.

«В 1845 г. М. П. Вронченко, живо интересовавшийся вопросами географии, стал одним из основателей Русского географического общества, наряду со многими другими, хорошо известными в истории отечественной географии лицами», — пишет акад. Л. С. Берг¹⁷².

Книга М. П. Вронченко, написанная по личным наблюдениям, имела большое значение не только для своего времени, но и сейчас читается с неослабевающим вниманием и служит неоценимым источником для изучения Малой Азии 30-х годов прошлого столетия.

Весьма ценными и интересными для изучения Турции в середине прошлого столетия являются работы дипломата и писателя Константина Михайловича Базили, грека из Албании. Детство он провел в Константинополе, затем с родителями переехал в Россию, где получил образование. Одно время учился вместе

с Н. В. Гоголем в Нежинском лицее князя Безбородко. В 1830—1833 гг. Базили состоял секретарем по дипломатической части при адмирале Рикорде, начальнике русской эскадры в греческих водах, а с 1839 по 1853 г. был консулом, а затем генеральным консулом в Сирии и Палестине; долго жил в Бейруте и Иерусалиме¹⁷³.

Близкое и долголетнее знакомство с Востоком делают его обширные и многочисленные работы весьма важным и ценным источником для изучения Турции и Греции в 30—50-х годах прошлого столетия. Особый интерес представляет его книга о Сирии и Палестине¹⁷⁴.

В. Г. Белинский писал об «Очерках Константинополя» Базили: «Главное их достоинство заключается, без сомнения, в том, что они читаются с интересом, ни на минуту не ослабляющимся. Они не представляют нам почти ничего нового или неизвестного; но у него, как у очевидца, и старое делается новым... в его книге мы видим не сухой скелет, а живую Турцию с ее угасшим, но еще по временам вспыхивающим фанатизмом, ее невежеством, варварским устройством, борьбою старого с новым, предрассудок с реформой и, наконец, ее дивным Махмудом, на которого книга г. Базили смотрит со своей точки зрения»¹⁷⁵.

Н. В. Гоголь познакомился с работой Базили еще в рукописи в бытность свою в Палестине в 1848 г. и отметил, что Базили «написал преудивительную вещь, которая покажет Европе Восток в его настоящем виде, под заглавием „Сирия и Палестина“... Знания бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края»¹⁷⁶.

Об этой же работе, написанной в 1846—1847 гг., но по политическим соображениям изданной лишь в 1862 г., И. Ю. Крачковский пишет: «Книга — труд для той эпохи классический. Она создается в 1846—47 гг. в полумонастырской тиши местечка Шувейр на Ливане»¹⁷⁷. Работу о Сирии мимоходом упоминает В. В. Бартольд, не давая ей никакой оценки. Другие работы Базили им не упоминаются вовсе.

Первая книга Базили, «Архипелаг и Греция», в основном посвящена Греции в период правления графа Каподистрии. Она заканчивается описанием событий, связанных с его убийством.

Значительное место занимает описание островов Архипелага, приведено много сведений бытового порядка. Ярко выявляется благотворное влияние пятилетнего пребывания русского флота у берегов Греции.

На о-ве Сира Базили отметил (в 1830 г.) деятельность «Библейского общества американских штатов» «для образования юношества»: «Его миссионеры приносили большие денежные пособия, строили большие здания и следовали прекрасной методе преподавания, но сия ревность возбуждала во многих из жителей подозрения, нет ли тайного замысла против религии»¹⁷⁸.

Базили дает живое описание Смирны в августе: «Я видел Смирну в августе месяце, в самую блистательную пору ее торговой деятельности. Это эпоха изюма и винных ягод, которые посылаются из всех окрестностей в Смирну, их ожидает множество кораблей на рейде... В августе весь город в хлопотах от винных ягод. Продаются, покупают, укладывают в коробки, грузят все это со спорами, с криком, с несносной суматохой. ...Смесь народов со всех концов земного шара... Торговля и интерес свели Индейца с Бухарцем и Шведа с Алжирцем в углу Малой Азии... Американский бриг погружен шелком и шальями Персии и коврами Турции»¹⁷⁹.

О том, какое влияние имело пребывание русского флота у берегов Греции, Каподистрия писал вице-адмиралу графу Гейдену: «Порос еще недавно был бедным городком, не имевшим ни одной улицы, ни одного общественного здания; но когда вы избрали порт его местом соединения вашего флота, новая жизнь одушевила сей остров. Обширные здания, сооруженные повелением вашего монарха, доставили средства пропитания множеству несчастных и великому числу работников. В продолжение нескольких месяцев, благодаря всеобщему обогащению жителей и великодушным пожертвованиям офицеров вверенного вам отряда, проведены улицы, открыты площади и основалось большое училище»¹⁸⁰.

В предисловии к книге «Очерки Константинополя» Базили отмечает: «Я соединил сохраненные мной воспоминания о Константинополе, дополнив их свежими рассказами, собранными мной на месте, о недавних любопытных происшествиях этой столицы... и постарался изложить в нескольких картинах дела султана, преобразования и его удивительную судьбу, равно и состояние его столицы в последнюю эпоху моего пребывания в ней...»¹⁸¹

В Константинополь Базили прибыл из Архипелага после окончания первой турецко-египетской войны. За несколько дней до приезда Базили русский флот и десант ушли из Константинополя.

Описание янычарского бунта, уничтожения янычар основано не на личных наблюдениях, а на литературных источниках.

Базили лично знал первого вельможу при Махмуде II сас-раскира Хозрев-пашу, грузина по происхождению, знал он и Ахмет-пашу, слывущего первым поборником нововведений, особенно по вопросам промышленности и сельского хозяйства.

Интересно упоминание Базили, что постройкой кораблей в адмиралтействе был занят американец.

В книге К. М. Базили «Очерки Константинополя» мы находим рассказы о быте (гареме, свадьбах), видим живого, наблюдательного человека. Он описывает посещение тюрьмы, адмиралтейского острога, посещение базара, делает красочные, живые, сочные зарисовки. Посетил он и невольничий рынок (где

право покупки принадлежало только мусульманам). Рынка, на котором продавались черкешенки, он не видел, ибо туда пускали только мусульман.

«Съестные припасы,— пишет он,— составляют главный предмет стамбульского правосудия и строгого надзора турецкой полиции, коим лично занимаются первые вельможи и сам султан. Это единственное средство, коим правительство заботится содержать спокойствие города при многочисленном его народонаселении».

Базили пишет о взаимоотношениях четырех национальностей в Стамбуле — турок, греков, армян, евреев.

В книге «Босфор и новые очерки Константинополя» заслуживает в первую очередь внимания подход автора к изучаемой стране.

«Систематические вековые притеснения нескольких миллионов народа менее поражают нас, нежели бурные эпохи мятежей и казней. Каждый из нас, посещая Турцию, преимущественно обращает внимание на порывы ее деспотизма, пугающие воображение.

Это весьма естественно и простиительно для путешественника, сообщающего читателям впечатления, которые он получил... Но это еще не дает ему права говорить, что нигде в мире простой народ не подлежит более умеренным податям, как в Турции, а мы найдем это не в одних рассказах путешественников, но даже в ученых творениях о Турции»¹⁸².

Сам Базили в предисловии к книге указывает: «О Турции наговорено столько вздору, что самое сильное воображение затрудняется, чему верить. Мы как самые близкие соседи с турками должны иметь и больше об них известий, и больше взыскательности, и больше строгости и разборчивости в известиях».

Наряду с живыми зарисовками в этой книге и в очерках, в которых, по словам Базили, «случайно соединились в одну раму описания, происхождения, повести, воспоминания, впечатления», мы находим немало сведений экономического и социального порядка. Заслуживает упоминания сообщение об американской торговле, например о том, что американцы вывозят значительное количество опиума, которым снабжают «Китай, Японию и магометан Восточной Азии...»¹⁸³.

«Турки, думая, что вся Европа ополчилась на них, охотно вступили в дружественные связи с Америкой. Турецкое министерство иностранных дел пожелало даже заключить с Соединенными Штатами оборонительный и наступательный союз»¹⁸⁴. Для изучения истории проникновения США в страны Леванта книга Базили представляет интерес и сегодня.

В области географической нелишне упомянуть, что Базили затрагивает вопрос о течениях на Босфоре, рассказывает всю историю изучения вопроса начиная с XVII в., приводит мнение Марсильи о наличии двух течений (вопрос, как нам теперь из-

вестно, решенный 50 лет спустя адмиралом С. О. Макаровым).

Базили описывает разные способы рыбной ловли на Босфоре, тони, расположенные на отмелях (дальян), которые служат в то же время жилищами рыбаков: «Они строятся среди заливов Босфора, иногда как миниатюрные хижины, иногда просто в виде корзинок, поставленных на высокие мачты»¹⁸⁵.

Характеризуя состояние торговли, Базили правильно констатирует: «Вся внешняя торговля находится в руках иностранцев, девять десятой внутренней — в руках греков и других подвластных народов; все обороты наличных сумм в руках армян и евреев. Если есть между турками богачи, все их богатства происходят от двух источников: они или награбили ранее в областях, накопили наличный капитал и нажили большое имение, в котором уже исключительно они и их наследники грабят поселян; или награбили казну в султанской службе и, получивши в теплом местечке каких-нибудь сто аспров, т. е. тридцать копеек в день содержания, после нескольких лет выгнаны из службы с миллионом пиастров. Впрочем, ни один богатый турок не может обойтись без армянина или еврея, банкира... Если паша грабит вверенную ему область, он в свою очередь поплачивается не только с Диваном или с могучим вельможею, его заступником в столице, но даже с банкиром, который снабдил его деньгами, нужными для получения пашалыка и для издержек на пешеходы и бахчиши»¹⁸⁶.

Касаясь вопроса о сельском хозяйстве, с которым он знакомился весьма поверхностно, Базили отмечает молотьбу при помощи «деревянного теса с зубчатыми кремнями, плотно воткнутыми в нижнюю его сторону». Он увидел также, что «над земледельцем в Турции более тяготит рабство, нежели над пастухом, — что земледелие остается едва ли не в той же степени развития, в каком оно находилось еще при Константине Великом».

Подробно описывает Базили систему снабжения хлебом столицы и злоупотребления, ей сопутствующие¹⁸⁷, превратившуюся в «самый тяжкий налог для областей, в язву для земледелия в целой империи».

«В Турции чиновники правительства так привыкли грабить, что все они, от первого государственного сановника до аги, правителя какого-нибудь селения, образовали целую систему грабительства: сами они грабят друг друга, но все существенное зло падает на бедных райев, занятых земледелием»¹⁸⁸.

Правда, Базили тягостное положение крестьян объясняет только хлебным налогом (и другими налогами). Он не видел (и не мог увидеть) подлинных причин, вытекающих из феодального землевладения, но сумел дать картину тяжелого положения крестьянства, или, как он говорит, «жалостное состояние земледельческого класса в Турции».

Бесспорно неправильным является утверждение Базили, что в окрестностях столицы его «не поражали те грустные кар-

тины нищеты и насилия, какие представляются путешественнику в пашалыках, тем ужаснее, что они более удалены от центра империи. Здесь над всеми одинаково лежит скипетр султана; но азиатский деспотизм тем тяжелее становится, чем далее он простирает свою руку, и каждый Паша, Бей, Ага, вся эта сволочь мелких тиранов, которые правят судьбами простого народа, тем свободнее предается своим хищническим прихотям, чем слабее голос народной жалобы может дойти до султанского суда»¹⁸⁹. Базили не мог по своей классовой ограниченности увидеть, что во главе эксплуататорской верхушки стоял сам султан.

В бытность свою консулом и генеральным консулом в Сирии и Палестине Базили, объехав почти всю страну, изучил ее и населяющие ее народы.

В отличие от работы Ламартина, посетившего Восток в 1832—1833 гг., книга Базили лишена многих выдумок и религиозно-мистических настроений последнего.

Базили был очевидцем событий 1840 г., связанных со взятием Бейрута, междоусобной войны племен Ливана в 1841 г., восстания друзов 1842 г., событий 1845 г. Кроме того, он на месте собрал много исторических данных.

В предисловии к книге «Сирия и Палестина»¹⁹⁰ автор пишет: «Пятнадцать лет прожил я в Сирии и Палестине, с 1839 по 1853 г. ...В бытность мою в Бейруте, на Ливане, в Дамаске и в Иерусалиме, равно как и в поездки мои в Дамаск, в Антиливан и во внутренние округа, предоставлялись случаи облегчать судьбу христиан, бороться против тиранских властей, против фанатизма мусульманского и укрощать феодальные насилия и бесчинства. Не раз посчастливилось мне быть примирителем между враждующими племенами и спасать села и города. Считаю себя вправе упоминать об этом, потому что заслуги агента Великой державы на Востоке должны быть приписаны не его личности, но званию, которым он облечен... Передаю публике плод добросовестного исторического и практического изучения края...»

Книга состоит из двух частей. Если не считать краткого очерка истории Сирии со времен арабского завоевания, то в основном это история Сирии со второй половины XVIII в. до 1839 г. Попутно автор касается и важнейших событий в истории Турции, в частности Гюльханейского хатти-шерифа 1839 г.

Его отношение к этому акту («Гюльханейской пародии конституционного права») определяется следующим высказыванием: «...Если бы судьба народов и царства зависела от фразеологии и от торжественности обрядов, Гюльханейский акт открыл бы новую эру благосостояния для Турции, как это было обещано султаном. Акт этот положил начало преобладающей теперь в турецком правительстве системе торжественных обязательств. С той поры виновники народных бедствий набрасывают покрывало человеколюбивых и либеральных теорий и цветы красноречия на чудовищную вещественность фактов»¹⁹¹.

Книга Базили является важным документом для истории второй турецко-египетской войны и характеристики положения в стране после восстановления султанской власти в Сирии и ликвидации египетского господства.

Будучи непосредственным очевидцем междоусобной борьбы между племенами Ливана, Базили категорически отрицает наличие религиозной вражды как повода к борьбе, подчеркивая, что «ко всем внутренним элементам раздоров между двумя первенствующими племенами на Ливане присоединился и внешний элемент, основанный на постоянном соперничестве двух западных держав»¹⁹². Англичане поддерживали друзов, французы — маронитов.

Особо подчеркивает Базили происки американских миссионеров, «которые уже лет за пятнадцать пред тем водворились в Бейруте, и вместо того, чтобы проповедовать христианство неверным, как то подобает миссионерам, сеяли только раздоры в христианских церквях... На Востоке, где народность обозначается преимущественно религией, американцев всегда смешивают с англичанами. Миссионеры воспользовались этим, чтобы стяжать себе новый вес в глазах народа по поводу принятого Англией участия в делах Сирии»¹⁹³. Английские офицеры «в надежде подорвать политическое влияние Франции, основанное на преданности единоверных ей маронитов, стали вместе с американскими миссионерами объезжать горы»¹⁹⁴.

Насколько нам известно, роль американских миссионеров другими исследователями не выявлялась, что делает свидетельство Базили особенно ценным.

Значительный и самостоятельный интерес представляет раздел «Статистические заметки о племенах сирийских и духовном их управлении», дающие общие сведения о численности населения, экономическом положении и взаимоотношениях племен, их расселении и управлении.

«Если книга моя будет включена в раздел материалов, которых изучение полезно при исследовании вопроса о судьбах Востока,— писал Базили,— то труд мой не потерян». Базили не ошибся — его капитальный труд полезен и ныне для всех изучающих район Сирии и Палестины в 30—40-х годах прошлого столетия.

Серьезный интерес для характеристики дипломатической деятельности К. М. Базили, его политических и научных взглядов представляют работа И. М. Смилянской «К. М. Базили — российский дипломат и историк Сирии»¹⁹⁵ и предисловие к переизданной в 1962 г. книге К. М. Базили под ред. Е. А. Беяева.

В отличие от работы Базили, основанной на его длительном изучении стран Востока, записки Н. С. Всевожского (1772—1857), путешественника, историка и писателя¹⁹⁶, привлечшие внимание современников живостью и красочностью изложения,

представляют лишь беглые и поверхностные зарисовки. Однако отдельные детали этой работы заслуживают упоминания¹⁹⁷.

Всевожский посетил Константинополь, Бруссу, некоторые пункты побережья Эгейского моря, острова Архипелага и в Африке — Бенгази.

«Положение Турецкой империи,— пишет он,— вводимые нынешним султаном перемены, отделение Египта и Сирии сильно возбуждали мое любопытство. Я хотел на месте разгадать эту загадку и, не основываясь на рассказах журналистов и на суждениях вслух кабинетов Европы, решился удостовериться сам, чего можно ожидать от этого»¹⁹⁸.

В Константинополе (Всевожский дает его подробное описание) он был приглашен на обед к престарелому сераскиру Хозрев-паше.

В Бруссе Всевожский подымался на Олимп; затем посетил развалины Трои. В Бенгази, куда он был занесен на корабле бурей по пути в Мальту, Всевожский посетил стоянку бедуинов в небольшом оазисе. Описание радушного приема и угощения у шейха является весьма интересным и колоритным местом книги.

Книга Всевожского была положительно отмечена Н. Г. Чернышевским.

В 1829 г. профессор физики Дерптского университета Фридрих Паррот в сопровождении нескольких молодых ученых совершил научное путешествие на Арарат. Исходной точкой для своих экскурсий Паррот избрал монастырь св. Иакова у подножия Арарата. В начале октября 1829 г. Паррот совершил первое восхождение на считавшуюся до того неприступной вершину Большого Арарата.

Свои впечатления о путешествии по Грузии и Армении, о восхождении на Арарат, заметки о курдах и несторианах он поместил в книге, опубликованной в 1834 г.¹⁹⁹

К середине 30-х годов относится начало деятельности по изучению Турции Петра Александровича Чихачева. Своеобразная судьба постигла труды этого знаменитого русского исследователя Алтая и Малой Азии, крупнейшего путешественника XIX в. Его имя хорошо и широко известно. О нем упоминают многие энциклопедические словари. Никто и никогда не забывает упомянуть его среди исследователей Малой Азии XIX в. Его портрет висит во Всесоюзном географическом обществе, он был членом Петербургской Академии наук. Но вместе с тем труды Чихачева мало кто читал и в дореволюционной России и ныне, в Советском Союзе. О нем больше слыхали, чем читали, и это объясняется в первую очередь тем, что, за малым, крайне редким исключением, П. А. Чихачев писал на иностранных языках (французском, немецком) и издавал свои труды за границей, а на русский язык они, опять-таки за редким исключением, не переводились в дореволюционное время²⁰⁰.

Потому, вероятно, акад. В. В. Бартольд писал о нем: «Книга Чихачева об Алтае, как и вся деятельность этого ученого, гораздо теснее связана с западноевропейской, чем с русской научной литературой»²⁰¹, и не может быть причислена «к русской научной литературе»²⁰².

Еще до В. В. Бартольда Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (т. XXXVIII, стр. 884)²⁰³ указывал в статье о П. А. Чихачеве: «Получив за границей научное образование, печатая все свои труды на французском или немецком языке и проведя за границей (по преимуществу в Париже) большую часть своей жизни, Чихачев не может считаться русским ученым, но русская наука обязана ему весьма важным трудом по геологии и географии Алтая». Так легко вычеркивался из русской науки П. А. Чихачев, а между тем не подлежит никакому сомнению вся неправомомерность такого утверждения. Заслуги Чихачева именно как русского ученого и путешественника не раз отмечались и в русской дореволюционной литературе. Так, И. И. Стебницкий (1832—1897), с именем которого связан ряд картографических работ и триангуляционных измерений и съемок на Кавказе и в Малой Азии (см. дальше), говорил о нем:

«13 октября 1890 г. скончался во Флоренции один из знаменитейших русских географов-путешественников — Петр Александрович Чихачев.

Покойный не пользовался у нас должной известностью только потому, вероятно, что результаты его замечательных путешествий по Алтаю, Малой Азии и Алжиру, равно как и все прочие его сочинения, изданы им на языке французском и немецком... Мы не можем не выразить глубокого сожаления, что П. А. Чихачев писал свои сочинения не на родном языке и не обогатил нашу географическую литературу своими прекрасными сочинениями, но должны признать, что покойный был одним из замечательнейших ученых и географов девятнадцатого века и своими путешествиями и трудами воздвиг себе нерукотворный памятник»²⁰⁴.

П. А. Чихачев родился в 1808 г. в богатой аристократической семье полковника гвардейского Преображенского полка, директора дворца императрицы Марии Федоровны в Гатчине. Мать путешественника Анна Федоровна Чихачева, урожденная Бестужева-Рюмина, — родственница известного декабриста. В детстве Чихачев получил домашнее образование под руководством профессоров Царскосельского лицея, позже изучал естественные науки (ботанику, физику, зоологию), затем в течение двух лет слушал курс лекций во Фрейбургской горной академии (Саксония), а также в Мюнхене, Берлине и Париже, где изучал химию, геологию, минералогию и палеонтологию.

Сведения о Чихачеве, которыми мы располагаем, несколько разноречивы²⁰⁵. Несомненно, однако, что в 1835 г. Чихачев на-

ходил в Константинополе на службе в посольстве, где с ним встретился Давыдов. Из Турции Чихачев направился в Италию, производил геологические исследования в окрестностях Ниццы и Турина.

В Берлине были напечатаны первые его труды на немецком и французском языках, за которые он был избран членом Реджийского ученого общества в Калабрии. Уже эти первые труды обратили внимание на молодого ученого, который по возвращении в Россию, как сообщал впоследствии его брат, занимался с директором С.-Петербургского Ботанического сада Фишером, с директором физической обсерватории Куйфером, с зоологом акад. Брандтом.

В 1842 г. камер-юнкер и статский советник Чихачев, состоящий при министре финансов для особых поручений по горно-рудной части, был командирован для исследования Восточного Алтая и Саянского хребта. Главной целью этого путешествия было «открыть источники Чуи, Чулышмана и Абакана, а также исследовать в отношении геологическом, топографическом, ботаническом и зоологическом не только те места, через которые текут эти реки, но и пограничные воды Китая».

После пятимесячного путешествия по Алтаю П. А. Чихачев представил предварительный отчет о проделанной работе министру финансов Е. Ф. Канкрину. Отчет был напечатан в Германии в 1842 г.²⁰⁶ Позже, в 1844 г., П. А. Чихачев представил парижской Академии наук главные результаты своих научных наблюдений в виде мемуаров под названием «*Note sur la Phisionomie générale de l'Altai*»²⁰⁷. В 1845 г. рассмотренная и одобренная специальной комиссией парижской Академии наук работа была опубликована в Париже на французском языке²⁰⁸. Таким образом, оба отчета П. А. Чихачева, предварительный официальный и окончательный, были опубликованы за границей, а не в России.

По возвращении с Алтая Чихачев в течение двух лет прожил в Константинополе в качестве атташе при русском посольстве, продолжал изучение турецкого языка, которым в конце концов овладел в совершенстве, особенно разговорной народной речью. Как правильно указывает Н. А. Белозерская, внимание П. А. Чихачева к Малой Азии было привлечено А. Гумбольдтом²⁰⁹.

За время службы в посольстве он побывал с поручениями русского правительства в Сирии и Египте, беседовал с Мухаммедом Али (без переводчика)²¹⁰, осмотрел египетские достопримечательности до первого водопада Нила. В египетском мундире, в полном вооружении, подаренном ему Мухаммедом Али, Чихачев изображен на весьма удачном портрете, написанном К. Брюлловым.

В 1844 г., оставив службу и не добившись казенной командировки в Малую Азию ввиду противодействия со стороны Нес-

сельроде, Чихачев решил отправиться туда на собственные средства. С этой целью он продал имение (2000 десятин) в Саратовской губернии, доставшееся ему от матери, после чего приступил к систематическому изучению Малой Азии.

В отличие от других путешественников Чихачева интересовало в основном физико-географическое исследование Малой Азии, хотя он занимался также и археологией. Все свои путешествия П. А. Чихачев совершил, как он сам указывал, на собственные средства, в сопровождении одного слуги-француза, умершего в 1849 г. от холеры, одного татарина (не татарина, как ошибочно переводит Белозерская, а почтальона) и проводников с лошадьми для перевозки багажа.

С 1847 по 1858 г. он совершил ряд последовательных путешествий по Малой Азии и Армении²¹¹, а затем, в 1863 г., — по окрестностям Константинополя. Всего он совершил восемь научных экспедиций по Малой Азии, Армении, Восточной Фракии и Курдистану. Их описание мы находим в журнале путешествий Чихачева²¹².

В промежутках между путешествиями, охватывающими около 16 лет, Чихачев покидал Турцию и жил в Европе. Бывал он и в России, откуда, как он сам сообщает, «должен был, по особым обстоятельствам, неожиданно уехать... в начале 1850 г.»²¹³. Нет никаких оснований, однако, считать его политическим эмигрантом. Сам Чихачев никогда подробно не разъяснял причины своего отъезда из России. В 1869 г. он был приглашен в Москву на второй съезд русских естествоиспытателей, но приглашения не принял. В связи с этим 19 августа 1869 г. газета «Московские ведомости» писала: «...Имеющийся открыться в Москве второй съезд русских естествоиспытателей не может видеть в среде своей одного из наших наиболее серьезных и дельных ученых геолога П. П. Чихачева (так в подлиннике.— Б. Д.), имя коего пользуется заслуженной известностью во всем ученом мире».

Путевые журналы Чихачева включают в себя поденные записи, в которых подробно отмечаются пройденный путь, с расстояниями между пунктами, высоты, характер местности, горы, реки, дается краткое описание посещенных пунктов²¹⁴. Кроме того, в журнале много сведений бытового порядка, отражающих обстановку, в которой происходили путешествия, и трудности, которые испытали путники.

Наиболее опасным было путешествие 1853 г. Объявление Турцией войны (14 сентября 1853 г. по старому стилю) застало Чихачева в Константинополе. Оттуда 11 октября он выехал в Варну, где под видом французского врача посетил лагерь польских, венгерских и итальянских волонтеров. Неделю Чихачев прожил в Галаце в ожидании переправы через Дунай; в Рушук-е выдал себя за венгерского офицера, чтобы не возбудить подозрения местных властей, и весьма удачно сыграл свою роль.

В журнале Чихачева преобладают география, естествознание, геология.

Свои наблюдения и впечатления во время первых двух путешествий, в 1847—1848 гг., П. А. Чихачев излагал в письмах на имя проф. Леонарда в Гейдельберге, которые время от времени печатались в немецкой газете «Ausland».

В России, в Географическом обществе, внимательно следили за путешествиями П. А. Чихачева. Так, «Географические известия» сообщали в 1848 г.:

«По известиям из Константинополя г. Чихачев (Петр Александрович), соотечественник и сочлен наш по РГО, в конце истекшего года прибыл на берега Босфора из путешествия по Малой Азии.

На сей раз путешествие г. Чихачева, продолжавшееся 8 месяцев, простиралось на большую часть пашалыков Сивасского²¹⁵, Конийского и Айдынского... Отважный путешественник не побоялся проникнуть с своими исследованиями даже к фанатическим племенам эфшеров и курдов, занимающих страны, до сих пор мало известные...»

В том же, 1848 г. «Географические известия» опубликовали весьма краткое содержание писем Чихачева проф. Леонарду. Первое и второе письма не датированы, последующие относятся ко времени с 10 июня 1847 г. до 15 марта 1848 г. Это письма из Кайсери, Самсуна, Сиваса, Смирны и Константинополя. Круг вопросов, интересовавших путешественника, весьма широк, далеко выходит за рамки географии и геологии. Здесь говорится и о судоходстве между Константинополем и Трабзоном, и об угрожающем развитии английской торговли на северном побережье Малой Азии (и вообще в Азии), о подчиненной роли, которую в этом отношении играет Франция, а также недостатках финансовой системы. Пятое письмо посвящено состоянию меднозаводского производства. Последние три письма в значительной степени касаются политических вопросов и различных событий в Константинополе.

Необходимо отметить (малоизвестное обстоятельство), что путешествия Чихачева интересовали отнюдь не только Географическое общество. Они привлекали внимание и правительственных органов. Об этом свидетельствует находящаяся в Государственном архиве древних актов копия записки Петра Чихачева о Малой Азии под названием «L'Asie Mineure par Pierre de Tchichatchef Conseiller d'Etat. Constantinople, 1849».

Эта записка на французском языке на 97 страницах большого формата содержит разделы: 1) условия топографические, природные ресурсы и промышленность, зерновые и технические культуры; 2) разведение ангорских коз; 3) дороги и сообщения; 4) порты; 5) торговля; 6) рудники; 7) управление рудниками. Особые разделы посвящены финансовому и военному по-

ложению Турции, реформам, проведенным в Турции по декрету Гюльхане.

По сумме затронутых вопросов «Записка» совпадает с большой статьей, опубликованной Чихачевым в 1850 г. во французском журнале «Revue des deux Mondes» под названием «L'Asie Mineure et l'Empire Ottoman». А еще до появления указанной статьи в «Военном журнале» (1850, № 1) была опубликована статья под названием «Военно-статистические сведения о Турецкой империи». В редакционном примечании указывалось: «Автор этой любопытной статьи, Петр Александрович Чихачев, занимающий в европейской литературе почетное место по своим ученым путешествиям в Северной Африке и Восточной Сибири, дозволили редакции украсить страницы „Военного журнала“ помещением предлагаемого здесь извлечения из ненапечатанного еще им описания своего путешествия в 1846, 47 и 48 годах по Малой Азии».

Статья включает в себя ряд данных о финансовом положении Турции, налогах и системе откупов, хорошо изученной автором. «Важнейшие статьи государственного дохода в Турции,— говорится в ней,— отдаются на откуп тому, кто предложит за них большую сумму. Эта система, особенно в том виде, в каком она существует в Турции, лишает государственное казначейство значительной части доходов и обременяет страну бесполезными налогами, которыми пользуются лишь немногие корыстолюбивые промышленники». Чихачев отмечает и многочисленные препятствия на пути развития производительных сил, перечисление которых «было бы утомительно», рассказывает о состоянии турецкой армии и ее «оборонительной системе». Рассматривая результаты реформ Гюльханейского хатти-шерифа 1839 г., Чихачев отмечает, что паши ныне лишены права над жизнью и смертью.

В течение своих многочисленных путешествий Чихачев исходил и изъездил малоазиатский полуостров в самых различных направлениях — от Мраморного и Эгейского морей до Армении и Эрзурума, от Черного до Средиземного моря. Он предпринял свыше 60 отдельных поездок, собирал топографические и географические данные, коллекции ископаемых, растений, животных, определил высоты пунктов²¹⁶, производил геологические и астрономические наблюдения.

Маршруты П. А. Чихачева проходили в следующих направлениях:

1) Северное: от Скутари на Измит, Болу, Кастамону, Амасью, Токат, Эрзурум, с ответвлением на север, к Черному морю — Самсуну, Гиресуну и др.

2) Среднее: Измир, Кютахья, Анкара, Йозгад, Кайсери.

3) Южное: от Айдына на Конью, Кайсери, Элбистан.

4) Вдоль побережья Средиземного моря: от Айдына на Муглу, Анталию, Тарсус.

Эти главные маршруты были дополнены рядом поперечных и прорезают в нескольких местах хребты Тавра и Антитавра. Они имеют протяженность 14 тыс. верст. Карта с маршрутами путешествий Чихачева была подготовлена Кипертом и издана в 1868 г. в Германии в масштабе 1 : 2 000 000.

Результатом путешествий Чихачева явилось опубликование на французском языке огромного труда в восьми томах, из которых первый появился в 1853 г. и последний — в 1869 г.²¹⁷ Вопреки заглавию первого тома ни археологического, ни статистического (т. е. экономического) описания Малой Азии в этих восьми томах нет.

Первый том работы представляет собой обзор орографии и гидрографии Малой Азии; особый интерес представляет описание Таврского хребта. К этому тому приложена таблица гипсометрических измерений, впоследствии дополненная новыми измерениями 1858 г.

Следующие тома посвящены климатологии, зоологии, ботанике, палеонтологии, а три последних — геологии Малой Азии.

Большое значение имели палеонтологические работы Чихачева: собранные им коллекции привели к открытию в Малой Азии новых 323 видов ископаемых. Оценку геологического изучения Чихачевым Малой Азии сделал англичанин Родерик Мурчисон, один из основателей современной стратиграфической геологии. Выступая 24 мая 1869 г. в Королевском географическом обществе, Мурчисон перечислил заслуги П. А. Чихачева и окончил свою речь выдержкой из письма известного французского геолога д'Аршиака. «Я поставил себе целью, — писал д'Аршиак, — доказать фактически, что труд П. Чихачева о Малой Азии принадлежит к числу *наиболее замечательных научных памятников* нынешнего столетия, так как ни один исследователь малоизвестных стран не представил более подробных и точных работ по всем отраслям естественных наук, изучая шаг за шагом в течение нескольких лет такую трудно доступную страну, не уступающую по величине Франции»²¹⁸. Сам же Мурчисон так говорил о деятельности Чихачева: «Мой достойный друг г. Петр Чихачев, который в течение восьми лет личных исследований и почти двадцати лет научных и литературных занятий избрал своим специальным поприщем Малую Азию, довершил свои неутомимые труды двумя томами о вторичных и третичных пластах этой классической страны... Труды многих лет, значительные расходы, опасности, коим он подвергал свою жизнь, собирая с неослабной ревностью сведения о географии, ботанике, естественной истории и геологии обширной страны, заслуживают нашего самого сочувственного признания»²¹⁹.

Оценивая труд Чихачева, «Журнал министерства народного просвещения» писал в 1868 г.: «Сочинение г. Чихачева выходит

из ряда обыкновенных. Все, что было писано о Малой Азии, начиная с древнейших писателей и оканчивая нам современными, исчерпано вполне и проверено критически личными наблюдениями автора»²²⁰.

Как бы дополнением к восьмитомному труду является работа Чихачева «Босфор и Константинополь»²²¹, значительно расширяющая соответствующие разделы восьмитомника о Босфоре. Она включает в себя описание рельефа, вопросы водоснабжения, геологическую историю окрестностей Константинополя, вопрос о замерзании Босфора и др. В заключительной, особенно привлекающей наше внимание части работы Чихачев дает яркую и крайне разнообразную картину жизни Константинополя в начале 60-х годов. В этой книге Чихачев высказывает также свое отношение к восточному вопросу, выражает уверенность, что Россия добьется отмены нарушающих ее суверенные права статей Парижского договора, что, как известно, и было осуществлено в 1870 г.

В 1868 г. Чихачев издал небольшого объема работу по географии Малой Азии — сокращенный популярный вариант восьмитомного труда²²². В книге приложен обзор естественных богатств Малой Азии и очерк ее исторического прошлого и возможного будущего. В последней главе П. Чихачев высказывает свои взгляды на положение Европы в связи с итальянским и восточным вопросами.

Как мы уже отмечали, П. А. Чихачев изучил не только физическую географию Малой Азии, ее геологию и ботанику, но отлично знал и экономику страны, ее финансовое положение, политическое устройство, быт, национальный состав населения. Эти стороны жизни Османской империи освещены им в нескольких специальных политических брошюрах-памфлетах. Так, после возвращения из поездки 1858 г. Чихачев издал брошюру «Lettres sur la Turquie»²²³. Письма с впечатлениями о поездке 1858 г., напечатанные в свое время в газете «Le Nord», изданы в 1960 г. на русском языке²²⁴.

Чихачев говорит о Турции как о стране, обреченной на смерть, которую пытаются покрыть газонами и экзотическими цветами, чтобы придать ей видимость жизни. 14 писем, написанных в промежутки с 20 июня до 16 октября 1858 г. непосредственно на местах, им посещенных (Киресун, Гюмюлхане, Эрзурум, Эрзинджан, Константинополь), дают правдивое, реальное, многими примерами и фактами поддерживаемое, яркое и красочное описание положения в стране.

В отзыве «Lettres sur la Turquie» в «Journal des Débats» акад. Сен-Мар Жирарден писал: «Я читал много книг о Востоке, и особенно о Турции. Он (Чихачев. — Б. Д.) — европейский ученый первого разряда, и его ученое путешествие по Малой Азии почитается авторитетом. Мне особенно нравятся в письмах Чихачева два качества: во-первых, автор любит правду боль-

ше всего другого, сверх того, у него есть своя физиономия, свой характер и ум»²²⁵.

В другой своей брошюре, «*Italie et Turquie*», вышедшей в 1859 г., Чихачев писал: «Если от начала пресловутых (или мнимых?) реформ султана Махмуда и вплоть до восточной войны насущные вопросы цивилизации и свободы не получили в Оттоманской империи положительного разрешения, то и сейчас, в 1859 г., они находятся в том же состоянии, как и двадцать лет назад»²²⁶. В брошюре «*Nouvelle phase de la Question d'Orient*» Чихачев подчеркивает, что если на протяжении 20 лет (с 1839 г.) турецкое правительство не сделало ни одного важного шага по пути реформ, то это объясняется не столько тем, что оно этого не хотело, а тем, что не могло этого сделать и не сможет никогда²²⁷.

В брошюре «*La „Turquie Mirès“*»²²⁸ дан обзор тяжелого финансового положения Турции, причиной которого, по мнению автора, является произвол властей и лежащий на Турции огромный государственный долг. Чихачев противопоставляет действительное положение страны рекламным писаниям французского банкира Юлия Миреса, который, подготавливая размещение во Франции нового турецкого займа, всячески приукрашивал положение Турции. При содействии Миреса 5 января 1861 г. был заключен заем из 9%.

Специальная брошюра посвящена Парижскому мирному трактату²²⁹. Разоблачая политику Франции и Англии на Ближнем Востоке, преследующих свои интересы под предлогом защиты Турции. Чихачев рисует картины жестокостей колониального господства англичан в Индии и иронизирует над утверждением, что Восточная война была войной цивилизации против варварства: «И вот среди стонов и проклятий своих индусских подданных — Англия осмелилась поднять голос протеста в защиту подданных других держав»²³⁰.

Обзор политических работ П. А. Чихачева, много дающих для изучения Турции 40—60-х годов, мы закончим упоминанием о брошюре «*Traité de Berlin*»²³¹, в которой он разбирает один за другим различные пункты Берлинского договора и приходит к выводу, что условия, при которых Россия вынуждена была подписать договор, не заключают никаких задатков прочности²³².

Интересно отметить утверждение Чихачева, что подлинной основательницей Греческого королевства была Россия, победившая в войне 1828—1829 гг.: «Бесспорно на самом деле, что освобождение Греции от оттоманского ига является более следствием победы под Кульчей и Адрианопольского мира, чем битвы при Наварине»²³³. Чихачев с негодованием разоблачает ложь английской печати о зверствах, якобы совершенных русскими войсками, приписывая русским то, что творили турки.

Следует сказать несколько слов и о путешествии Чихачева

в Алжир и Тунис. Оно было предпринято 69-летним ученым в 1877 г., и его результатом явилась книга, изданная в 1880 г. в форме писем к другу — Мишелю Шевалье²³⁴. И хотя книга Чихачева представляет собой большой и интересный, живо написанный фолиант, дающий физико-географический и геологический обзор посещенных стран, а также характеристику политических и социальных условий, она в значительной мере носит поверхностный характер, не представляет самостоятельного исследования, резко отличаясь этим от работ по Малой Азии. Чихачев выступает здесь в роли апологета французской колониальной политики. Работы П. А. Чихачева по изучению Малой Азии представляют большой интерес, и приходится жалеть, что, например, книга Убиччини («*Letters sur la Turquie*», t. I—III, Paris, 1853—1854), хвастливая, необъективная, содержащая неверные сведения, известна у нас гораздо больше и служила не раз «источником» для изучения Турции первой половины XIX в., в то время как работы Чихачева, Вронченко и других игнорировались. Правда, в последние годы деятельность П. А. Чихачева привлекала в себе внимание советских исследователей. Имя П. А. Чихачева, в сущности забытое, было как бы воскрешено в ряде работ. Долгие годы изучению жизни и творчества П. А. Чихачева посвятил В. В. Цыбульский²³⁵.

Говоря о биографах П. А. Чихачева, нельзя не упомянуть о Н. А. Белозерской, которая в 1893 г. опубликовала в сущности первый и достаточно полный биографический очерк, правда не свободный от некоторых ошибок. Нелишне отметить, что Белозерская уже тогда, 80 лет назад, обратила свое внимание на такие стороны деятельности П. А. Чихачева, как применение им историко-археологических сведений с целью исследования различных изменений в общем рельефе, гидрографии, флоре, фауне; подчеркнула она и огромное значение работ П. А. Чихачева в области палеонтологии, геологии, биологии Малой Азии. Подробно освещает Белозерская и взгляды П. А. Чихачева на восточный вопрос.

Обратила Н. А. Белозерская внимание и на то, что Чихачев почти не писал по-русски.

В 1835 г. предпринял свое первое путешествие на Восток Авраам Сергеевич Норов (1795—1869)²³⁶.

Участник Отечественной войны, он в Бородинской битве потерял ногу, однако военную службу оставил только в 1823 г., когда перешел на службу в министерство внутренних дел. В 1850 г. был назначен товарищем министра народного просвещения, в 1854 г. — министром. Владел несколькими иностранными языками (французским, немецким, английским, итальянским, позже изучил латинский, греческий и древнееврейский). В 1821 г. совершил поездку по Европе (Германия, Франция, Италия) и написал книгу о Сицилии. Пользовался известностью и как знаток литературы. Он составил редкую библиотеку, был

действительным членом Академии наук по Отделению русского языка и словесности.

Известный своей реакционной деятельностью, идеолог православия и самодержавия, Норов тем не менее не может быть вычеркнут из числа тех, кто внес свой вклад в дело изучения Ближнего Востока.

В первое свое путешествие на Восток А. С. Норов посетил Палестину, Египет, побережье Малой Азии. Результатом поездки явилось опубликование нескольких книг.

Первая книга — «Путешествие по святой земле»²³⁷ — содержит описание поездки из Египта, через Суэцкий перешеек, Эль-Ариш и Газу, в Палестину и пребывание в Палестине — «бесспорно лучшее описание Святой земли, которое существует в русской литературе»²³⁸. Заслуживает упоминания мнение автора о строителе Суэцкого канала, оказавшееся ошибочным, но в чем-то и правильное. «К тому же такое сообщение,— пишет он,— более бы принесло выгоду англичанам, чем Египту, и, может быть, поработило б его Европе. Мегмет Али слишком хорошо это понимает».

Отметим лишь некоторые высказывания Норова о посещенных местах.

«Присутствие Шерифа Паши в Иерусалиме,— пишет он,— приводило весь Хеврон в волнение: те из жителей, которые находились в состоянии носить оружие, разбежались в пустыни Аравийские.

Рекрутский набор в Иудее и Галилее доходит до 8 тысяч человек. Одна Галилея должна поставить 5 тысяч человек... До сел греки и копты были избавляемы от рекрутства. Но теперь набирают всех без различия. Христиан помещают предпочтительно во флоте; и так как большая часть коптов учены грамоте, то их назначают в унтер-офицеры. В Египте не делают нового набора, потому что уже не из чего, а довольствуются пополнять недоимки прежнего набора»²³⁹.

Для характеристики Палестины под управлением Мухаммеда Али эти заметки Норова имеют известное значение. «Горизонт Сирии,— пишет он далее,— более и более становится мрачен; новые бунты арабов приводят все в движение, и варварское правительство волнуется кровью»²⁴⁰.

«Путешествие по святой земле» дает сведения о хозяйстве, быте, политической жизни Палестины. Дополнением к этой первой книге, как указывает сам А. С. Норов, явилась относящаяся к тому же путешествию книга о поездке по Египту и Нубии²⁴¹, которая представляет большой интерес для изучения Египта 30-х годов прошлого столетия — времени правления Мухаммеда Али, с которым Норов встречался лично. В ней приведены данные о торговле, финансах и флоте страны. Значительная часть книги посвящена топографии, климату, населению Египта. Специальные главы посвящены земледелию и

промышленности. Автор, в частности, приходит к выводу, что «мануфактурная промышленность еще доселе не утвердилась в Египте и что учреждение фабрик, стоившее огромных сумм, не вознаградило до сей поры издержек Мегмета Али»²⁴².

О правлении Мухаммеда Али Норов пишет: «Хотя Египет при нынешнем управлении походит на обширную ферму, принадлежащую Мегмету Али, со всем тем некоторые путешественники ошиблись, сказав, что все земли принадлежат правительству. В Египте есть также много недвижимых имений, которые суть настоящие собственности частных лиц»²⁴³.

«Финансовая система, по которой действует Мегмет Али, включает в себе все то, что можно было придумать к обогащению. Земли и люди оценены; все предметы потребления, все промыслы, не исключая самых низких, обложены податями»²⁴⁴.

Второй том путешествия посвящен плаванию в Верхний Египет — Нубию, до больших порогов Нила. Семь глав уделено описанию Фив. Заслуживает внимания характеристика быта и нравов.

Большое внимание Норов уделяет экономической характеристике Египта, ей посвящено так называемое статистическое обозрение²⁴⁵. Наряду с описанием картин природы, быта, экономики путешествие Норова интересно личными встречами с Мухаммедом Али и близкими к нему лицами — Клотбеом, Ибрагимом, Сулейман-пашой и др.

Продолжая путешествие, Норов отправился через Бейрут в Смирну, но в пути изменил маршрут и от Анталии (Атталии) проехал в глубь Малой Азии, откуда через Бурдур и Денизли вернулся в Смирну²⁴⁶, затем через развалины Трои отправился в Константинополь.

В Анталье, отмечает Норов, «по неприязни, существующей между Турцией и Египтом, укрепления... содержатся в довольно удовлетворительном положении. Тут цитадель и крепость; мощные стены и башни с бойницами, построения Арабского и отчасти Византийского, защищают город со всех сторон»²⁴⁷.

По пути в Бурдур Норов проезжал через кочевья туркмен, посетил долину Мендереса, Алахшеир, развалины Сарды, Ак-Гиссар, из Смирны съездил в Бергам, Пергам и Эфес.

Книга содержит размышления на библейские и новозаветные сюжеты, навеянные автору посещением исторических памятников и «святых мест». Значительное место занимают картины природы, хозяйства, быта. К путешествию приложено специальное исследование об Атлантиде.

Вопрос об Атлантиде освещен Норовым и в другой его работе²⁴⁸. Он высказывал предположение, что Атлантида не могла быть в Атлантическом океане, но находилась в восточной части Средиземного моря, занимая пространство между Кипром, Сицилией и Лесбосом, и что остатком погрузившейся Атлантиды является о-в Кипр: «Этот остров некогда заполнял со-

бой почти все пространство, занимаемое теперь морем между Малой Азии, Сирией и Египтом, и простирался к западу до Тиррении».

Мнение Норова разделили и другие ученые. Так, акад. Л. С. Берг указывал, что статья Норова дает «единственное правильное разрешение этой загадки, волнующей мыслящих людей уже более двух тысячелетий»²⁴⁹. Геолог, доктор минералогии Карножицкий писал: «Таким образом, в настоящее время нужно считать доказанным, что Атлантида действительно существовала некогда, что расположена она была в восточном углу Средиземного моря, а в начале исторических времен погрузилась в море, и я весьма счастлив, что мне удалось некоторыми естественно-историческими соображениями подтвердить весьма основательную гипотезу нашего соотечественника А. С. Норова, а вместе с тем и восстановить приоритет данного им решения великой научной загадки»²⁵⁰.

О первых двух книгах А. С. Норова Н. Г. Чернышевский писал, что «они заняли... почетное место в ученом отношении между всеми сочинениями по этому предмету, как произведение равно благочестивого и ученого исследователя, коротко знакомого со всеми изысканиями своих предшественников, как произведение исследователя, самостоятельноверяющего, объясняющего, дополняющего результаты, которых достигла наука»²⁵¹. О книге «Путешествие к семи церквам» Чернышевский говорил, что она «столь же отличается достоинствами изложения, сколько и учеными достоинствами»²⁵². Он дал высокую оценку работам Норова, показал, «какое место не только в русской, но и вообще в европейской литературе занимают эти труды, насколько они двинули науку вперед и с какой верностью представили решение многих важнейших и затруднительнейших вопросов древней истории, географии и археологии»²⁵³.

Много лет спустя, в 1861 г., Норов предпринял второе путешествие на Восток, посетив на этот раз Александрию, Иерусалим и Синай. Он отмечает²⁵⁴, что за 27 лет, прошедших с первого посещения им Александрии, город преобразился.

Из Александрии Норов отправился пароходом в Яффу, далее с караваном через Лидду в Иерусалим, затем через Яффу в Александрию и в Каир. Далее путешественник поездом добрался до Суэца, пароходом по Красному морю — до Эль-Тора и оттуда с большим караваном верблюдов пустыней — до Синайского монастыря. Из Синая Норов вернулся в Каир и далее через Александрию выехал в Турцию. Описание этого последнего путешествия А. С. Норова представляет значительно меньший интерес.

Оставил свои воспоминания о путешествии по Ближнему Востоку и художник Д. Е. Ефимов²⁵⁵.

Дмитрий Егорьевич Ефимов (1811—1864) после окончания Академии художеств (с золотой медалью) для усовершенст-

ования был отправлен в 1833 г. в Италию. Из Италии он совершил поездку в Египет, Палестину и Сирию, где изучал памятники древнего зодчества, особенно древнюю египетскую архитектуру.

О своих впечатлениях от путешествия Д. Е. Ефимов писал в конце 1834 г. друзьям-архитекторам: «По обеим сторонам Нила плодороднейшие зеленые долины, некогда кипевшие медом, млеко и народом. Местами рассеяны пальмовые лески, осеняющие маленькие, из грязи слепленные деревни; ближе к воде засеяны огородные овощи, плантации хлопчатой бумаги, составляющие ныне одну из главных статей египетского богатства, и сахарного тростника»²⁵⁶. Далее он описывает памятники древней культуры и приходит к заключению, что «египтяне в образовании своих ордеров не заимствовались от других народов... но подражали только своей местной природе».

Интересы художника-архитектора не заслоняют от него картин действительности. Д. Е. Ефимов замечает: «Люди же, боясь власти одного человека, который, как старый хищный коршун в своем гнезде, завидит далеко свою добычу, бегут от него во внутренность пустынь, куда все-таки достигает железная цепь, ведущая к нему в Каир скованных по шеям новонабранных в солдаты. Между тем разглашают, что все они пойманы в разбоях или воровстве. Рубище и нагота араба еще разительнее бросаются в глаза между цветными халатами турок, кои составляют собой исключительно класс господ и купцов порабощенного ими Востока»²⁵⁷.

Рассказывает Ефимов и о примитивном способе орошения арабом своего поля: «По западному берегу Нила от Меридова озера, что в провинции Фаум, почти до деревни Дендерах извижается древний канал... ныне называемый рекой Иосифа. Эта речка, отстоящая на много милей от Нила, сильно способствует плодородию сказанной провинции... Как в Египте сеют круглый год, бросив всякое зерно иногда в неспаханную землю, то, чтобы напоить ее водой, когда она зимой низка в Ниле, араб день и ночь поднимает ее посредством машины, состоящей из зубчатого горизонтального колеса и вала и приводимой в движение быком или коровой; или, черпая воду кожаными ведерками, выливают в желоб, который сообщает ее с маленькой канавкою, проведенной подле грядок вспаханной земли или пыли с песком, собранным руками. Вся эта работа сопровождается всегда молитвой к творцу и подателю все благ Нилу и заунывною, душу раздирающею, протяжною песнью, слышную издадека во время безмолвной ночи вместе со скрипом движущегося колеса машины»²⁵⁸.

С удовлетворением пишет Ефимов об одаренности местных жителей: «Араб ничего не делает без песни. Он сочиняет ее в то самое время, когда занимает его какой-нибудь предмет: свидетельство его поэтического дарования и того быстрого обра-

зования, которое он добывал в свое лучшее время, в течение немногих веков»²⁵⁹.

В апреле 1842 г. офицер корпуса топографов подпоручик Я. С. Проскуряков был командирован в распоряжение полковника Дайнезе, назначенного для проверки русско-турецкой границы в Гурии. В течение нескольких лет он участвовал в переговорах по определению границы между Россией и Турцией, а позже в работах международной комиссии по персидско-турецкому разграничению.

Результатом почти шестилетней работы явились заметки Я. С. Проскурякова о Турции, составленные им в 1867 г. и десятилетия пролежавшие в Кавказском военно-топографическом отделе. Напечатаны они были лишь в 1905 г.²⁶⁰

Проскуряков посетил Батум, находившийся в то время под турецким господством, затем через Артвин и Ольты проехал в Эрзурум, откуда направился в Тифлис и снова вернулся в Эрзурум; некоторое время находился в Трабзоне. Здесь он принимал участие в переговорах по персидско-турецкому разграничению, в которых посредничавшими сторонами являлись Англия и Россия. По роду своей работы Проскуряков вынужден был разъезжать по району. Он имел возможность обстоятельно изучить край, производить съемки местности. Именно с этой точки зрения его путешествие и представляет интерес. В книге сообщается о ходе переговоров и внутривосточном положении Турции.

Результатом работы Проскурякова явились карты Эрзурумской долины до подножия Бингель-Дага, р. Чорох и оз. Тортум, а также карты путей сообщения от Трабзона до Сюрменэ и от Эрзурума до Трабзона.

В своей работе Проскуряков описывает хозяйство и дороги от Трабзона до Эрзурума и Байбурта. Он указывает: «В бытность нашу в Анатолии с 1842 по 1848 г. в Трапезунде никаких фабрик не имелось, а были и теперь существуют небольшие фабричные заведения шелковых, хлопчатобумажных и шерстяных изделий, кои приготовлялись в частных домах... Красильных и набоечных заведений считается до 20... кожевенных и сафьяновых заведений считалось до 30... мыловаренных заводов считалось более 10... Находится железодельный завод»²⁶¹.

Подробно характеризует Проскуряков производство сельскохозяйственных продуктов, торговлю; отмечает, что Платана, расположенная в 17 верстах от Трабзона, «служит пристанищем для контрабандистов, доставляющих свои товары не только для всего южного, но и восточного побережья к разным племенам горских народов. Они перевозят разных эмиссаров, разное оружие, свинец, порох, прочие военные снаряды, а равно фабричные и заводские изделия. Взамен привезенных товаров вывозят они купленных или даже украденных ими молодых кра-

сивых черкешенок, а также некоторые произведения горских народов»²⁶².

Он дает прекрасное описание Эрзурума, его окрестностей, хребта Домлу-Даг, оз. Тортум, бассейна р. Тортумсу и верхнего Евфрата, а также верхнего течения Чороха и др.²⁶³

Автор указывает, что в Эрзуруме находится суконная фабрика, фабрика шерстяных изделий, красильное заведение, набоечная, кожевенные и сафьянные заводы, заводы глиняной посуды и др., подчеркивает крупное торговое значение Эрзурума, который «можно считать средоточием торговли Малой Азии, потому что географическое положение Курдистана, лежащего на прямом сообщении Тавриза с Трабзоном и Константинополем... сделали Эрзурум складочным пунктом товаров между этими городами. Караваны из разных мест Турции и Персии стекаются сюда круглый год, и здесь производится или мена товаров, или продажа и склад для дальнейшего отправления оных в разные места... Предметы торговли, которые Персия провозит через Эрзурум на продажу в Турцию, суть: огромное количество сырого и обделанного шелка, дорогие шали, персидские и индийские ковры и краски, ширазский, или кальянный, табак, черешневые чубуки и тростник для перьев. Железо и другие товары европейских мануфактур большей частью получаютс через Астрахань и Решт; по этой причине много персидских купцов живет в Эрзуруме... На еженедельных базарах бывает хороший торг лошадьми, в числе которых нередко встречаются настоящие арабские, приводимые из Мекки, Медины и других мест Аравии караванными купцами и поклонниками гробницы Магомета»²⁶⁴.

В 1842 г. по ходатайству новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и наместника кавказского М. С. Воронцова на Восток была отправлена особая карантинная комиссия, на которую было возложено «произведение опытов очищения зачумленных вещей посредством усиленной теплоты».

Комиссия выехала из Одессы в мае 1842 г. Один из ее членов — А. Уманец еще до начала опытов побывал в Верхнем Египте (до первого водопада и о-ва Филе), а после окончания работы посетил Синай и вернулся в Каир. Из Каира морем отправился в Яффу и затем в Иерусалим. Во время этого путешествия он посетил также Назарет, Сайдю, Сидон, Тир, Бейрут, Дамаск. Побывал в Смирне, Никее, Бруссе. В пути Уманец вел дневник, который вместе с печатавшимися ранее статьями лег в основу книги, изданной им в 1850 г.²⁶⁵

В книге дается исключительно полное описание поездки на Синай в 1843 г. По ценности содержащегося в ней материала она значительно превосходит упомянутые выше работы Гагары, Григоровича-Барского и Кира Бронникова.

Разделы о Египте интересны некоторыми сведениями о Мухаммеде Али, с которым Уманец встречался два раза. Любо-

пытен и ряд деталей бытового характера, на которых мы остановимся лишь для показа преимущественного положения европейцев-колонизаторов (людей, «носящих круглую шляпу»): «Влияние здесь европейцев заходит иногда далеко за пределы справедливости»²⁶⁶.

Уманец рассказывает, что был свидетелем разговора между Мухаммедом Али и российским генеральным консулом о просьбе прислать русских горных инженеров, чтобы научить арабов мыть золото в районе Фазогло. Впоследствии для этой цели, как известно, был приглашен Е. П. Ковалевский. Интересен рассказ Уманца о работах по восстановлению Иосифового канала в Верхнем Египте: «Тысячи народа полуголого, всех возрастов от 7 до 60 лет, обоих полов и даже беременные женщины рассыпаны были вдоль канала версты на две или на три и работали урок под палящими лучами солнца. Пот ручьями лил с работавших во рву канала, а между тем десятские и сотские покрикиванием и хлопаньем бича над их головами побуждали к скорейшему окончанию заданных уроков... раскаленные лучи солнца, хлопанье бича над рабочими, и в особенности над головами детей, сколько-нибудь зазевавшихся, разъезд вдоль канала сурового назира (исправника) — все это вместе представляло разительную картину»²⁶⁷. Под страхом курбаша строился и канал Махмудие, на котором погибло 28 тыс. феллахов. Уманец говорит, что деньги Мухаммеда Али «облиты потом и кровью принильских земледельцев».

В 1842 г. были командированы на Восток для усовершенствования знания восточных языков Вильям Францевич Диттель и Илья Николаевич Березин. В июле 1842 г. Диттель (1816—1848) выехал из Астрахани в Персию, затем посетил Месопотамию, Сирию, Палестину, Египет, Африку и Малую Азию. После завершения им трехлетнего путешествия (1842—1845) в возрасте 29 лет он был назначен на должность экстраординарного профессора по кафедре турецкого (османского) языка в Петербургском университете.

Ранняя смерть от холеры не позволила ему обработать собранные материалы²⁶⁸. Диттель был разносторонним и образованным ориенталистом; об этом ярко свидетельствует необычайно живой и интересный его очерк о путешествии²⁶⁹.

В районе Мосула Диттель посетил иезидский монастырь Шейх-Аади. «Это путешествие принадлежит к числу первых попыток европейцев, заведенных решимостью так далеко к этому свирепому племени. Как путешествие по Курдистану, называемому по справедливости *terra incognita*, требовало внимательного наблюдения, то на пути своем в Алеппо через Мардин, Нижибин, Диарбекир и Урфу путешественник обратился к описанию разных племен, их наречий и древних остатков этой страны. Число племен, исследованных им, превосходит, по его мнению, описанное европейцами...»

В Курдистане Диттель особенно увлекся исследованиями в области филологии и этнографии. Он писал: «Я узнал здесь около двухсот пятидесяти племен, из которых европейцы знают только около семидесяти». Диттель дал прекрасный очерк о курдах, хотя и не избежал трафаретной для того времени характеристики их как разбойников:

«...Племена эти частью живут оседло, частью постоянно кочуют или, наконец, живут полуседло. Кочующих курдов, вероятно, немного... Каждым племенем по большей части предводительствует или управляет хан, который действует совершенно самовластно, делает что хочет, налагает известную повинность на стады и на юрты... но не все племена имеют ханов; живущие оседло управляются местным начальством...

Все племена курдов говорят множеством наречий, отличающихся друг от друга более или менее заметными оттенками...»²⁷⁰ «Курды вообще богаты стадами, это их страсть, главный источник их существования; баранов своих они перегоняют до Сирии из самых отдаленных мест, даже соседних Кавказу. Земля их тучна и плодородна»²⁷¹.

Из Мосула через Диярбакыр Диттель проехал в Алеппо, Бейрут и далее через Баальбек и Дамаск в Иерусалим, потом снова вернулся в Бейрут, объездив, таким образом, весь Ливан. Далее морем отбыл в Египет, посетил Александрию и Каир.

Магистр восточной словесности Илья Николаевич Березин (1819—1896), известный востоковед, лингвист, историк и путешественник, был хорошо известен в дореволюционной России. Он пользовался популярностью и как издатель «Русского энциклопедического словаря» (1872—1879).

Проехав всю Персию с севера на юг — от Ардебилля до о-ва Харк в Персидском заливе, он отправился в Басру, куда прибыл в середине 1843 г., потом изучил Месопотамию, Сирию и Палестину, а в начале 1844 г. выехал в Египет, где жил несколько месяцев, и в середине того же года прибыл в Константинополь и оставался там почти целый год, изучая турецкий язык. «Он добыл богатые, частью совсем новые материалы об истории и географии Востока, снял множество древних надписей, до 40 планов и 300 рисунков и собрал много сведений о нравах, обычаях и поверьях жителей Востока. Можно ожидать, что описание этого путешествия, принадлежащего к самым плодотворным путешествиям из России в чужие края, скоро появится в свет», — писал К. Ф. Свенске в 1851 г.²⁷²

Работы И. Н. Березина, связанные с его путешествием по Турции, наименее известны. Объясняется это тем, что в основном они публиковались в различных периодических изданиях на протяжении полутора десятков лет после возвращения Березина из Турции, поэтому были малодоступны широкой публике. Между тем они представляют и поныне значительный интерес для изучения Турции середины прошлого столетия.

За время своих путешествий Березин собрал много фактического материала. Он живо интересовался географией и топографией, этнографией и историей. С первых лет деятельности Русского географического общества принял участие в его работах²⁷³. Акад. С. Ф. Ольденбург писал в 1919 г.: «Путешествия Березина мы читаем с удовольствием и пользою еще и теперь, через 70 лет; в них материалы для нас ценные, и страницы из истории русского востоковедения»²⁷⁴. И теперь, много лет спустя, мы можем сказать то же самое.

В очерке «Сцены на Евфрате» Березин описал путь по Шатт-эль-Арабу. Он рассказывает о природных богатствах прибрежной полосы, о бесчисленных садах и финиковых рощах. «Как привольно и легко было бы здесь жить человеку, и между тем эти цветущие леса пусты: человек только кочует в них, он бежит от турецкого деспотизма. Если и есть деревни, то они лежат далеко от берега; изредка встречаются небольшие лачужки, в которых живут полунагие караульщики-арабы; постоянных жителей здесь нет, потому что бедуины предпочитают степь роскошному саду, волю — турецкому владычеству»²⁷⁵.

Прожив месяц в Басре, Березин на английском пароходе отправился в Багдад²⁷⁶. За время пребывания в Багдаде он посетил развалины Ктезифона и Вавилона, города Хиллу и Кербелу²⁷⁷. Кербелу Березин посетил вскоре после кровавых событий в начале 1843 г., когда арабы-шииты и персы восстали против турецкой власти. Восстание было подавлено войсками багдадского паши.

Весьма интересны описания шиитских святынь и шиитского пелеринажа (паломничества). По словам Березина, эти места ежегодно посещали до 50 тыс. паломников и сюда привозилось для захоронения до 3 тыс. трупов из других стран.

В сентябре 1843 г. Березин через Керкук и Эрбил отправился в Мосул, откуда в течение месяца совершал поездки в места паломничества иезидов²⁷⁸.

«У Мосуля, — писал он, — есть также своя особенность, как есть она у Багдада, Алеппо и Дамаска: он весь серый, потому что все дома и здания построены из серого камня с прибавлением местного мрамора также сероватого цвета. В архитектуре есть также своя характерность: куполы мечетей местами конические, шести- или восьмиугольные, а дома внутри с открытыми залами, по бокам которых комнаты в два этажа, точнее как дворец князя Воронцова в Алушке...

Массу населения составляют здесь арабы-горожане, отличные от пустынных „бедави“; османы по обыкновению только чиновники и отчасти войско... Значительную часть населения составляют курды, а потом христиане — халдеи, якобиты, несториане... евреи... наконец, есть здесь и европейцы — французы, англичане и североамериканцы... Смешению племен придает некоторое единство господствующий здесь арабский язык, на

котором изъясняются все городские жители... Турецкий язык здесь чужеземец; вместо него многие горожане говорят по-курдски»²⁷⁹.

Из Мосула через Нисибин и Мардин Березин направился в Диярбакыр, что дало ему возможность близко познакомиться с курдским населением района, его бытом, а затем через Софрек, Урфу, Алеппо, Антиохию, Латтакию, Триполи и Бейрут направился в Иерусалим и далее в Дамаск. В Месопотамии и Сирии он провел восемь месяцев.

В конце февраля 1844 г. отплыл в Александрию, потом посетил Каир. В Египте пробыл четыре месяца. В июле 1844 г. прибыл в Стамбул, где прожил около года.

Об очерке Березина «Езиды» Н. Г. Чернышевский писал: «Третий том „Магазина земледения и путешествий“ заключает в себе только две небольшие этнографические статьи: „Езиды“ Березина и „Воспоминания о восточной Сибири“ Корнилова. Они, без сомнения, будут прочитаны с большим интересом, хотя их почтенные авторы передают нам только краткие очерки виденных ими земель и народов»²⁸⁰.

Спустя 10—12 лет после возвращения из путешествия И. Н. Березин опубликовал еще несколько исторических статей о Турции и других восточных странах²⁸¹.

К середине XIX в. еще шире развернулась деятельность русских людей по изучению Ближнего Востока.

Долго жил в Иерусалиме, хорошо знал Палестину, Сирию и Ливан епископ Порфирий Успенский.

Видный иерарх русской православной церкви, глава русской православной миссии, он сыграл видную роль в деле укрепления влияния русской церкви на Ближний Восток. Не останавливаясь на этой стороне его деятельности, мы считаем все же целесообразным отметить, что в самое последнее время она привлекла внимание английского исследователя Дерекы Хопвуда, посвятившего Порфирию Успенскому целую главу в своей книге, вышедшей в 1969 г.²⁸²

«Он ни в какой мере не был арабистом-филологом и не обладал глубоким знанием арабского языка, но он один из первых в науке обратил внимание на исторические памятники христианско-арабской литературы и сохранил от забвения немалое количество имен, опубликовав в извлечениях на русском языке ряд открытых им хроник. Большой заслугой его является приобретение одной из лучших рукописей Яхьи Антиохийского, которая легла в основу известного исследования В. Р. Розена. Публичная библиотека в Ленинграде справедливо гордится поступившим от него исключительно ценным собранием восточных рукописей»²⁸³.

Будучи настоятелем русской посольской церкви в Вене, он в 1843 г. был командирован на Восток. Три года путешествовал по Палестине и Сирии, затем состоял до 1853 г. в должности

начальника иерусалимской миссии. В 1858 г. снова на три года был командирован на Восток, откуда вывез обширнейшую коллекцию древних книг и рукописей.

Очерки путешествий Успенского, а также его дневники и автобиографические записки представляют большой интерес²⁸⁴.

В его записях рассказывается о путешествии в Синайский монастырь в 1845 г.²⁸⁵, о жизни арабов, их быте, занятиях. Монастырю принадлежали на Синае фруктовые сады, огороды, масличные и финиковые рощи. «Пахотной земли вовсе нет на каменистом Синае. Жители сего полуострова и монахи покупают хлеб в Египте, и доставка его на верблюдах обходится им очень дорого»²⁸⁶. Из рассказа Порфирия Успенского видно, что Синайский монастырь располагал крупными земельными владениями и доходными домами в Египте, Сирии, Греции, Индии, Малой Азии и России. Порфирий Успенский говорит, что вокруг монастыря кочуют многие арабские племена, одни из которых являются рабами монастыря, другие — его защитниками, а прочие не имеют к нему никакого отношения. Число рабов, говорящих по-арабски, составляло около 2 тыс., включая жен и детей. Работая на монастырских землях и получая скудное питание, «эти беднейшие люди, полуприкрытые рубищами, принужденные допитываться травой и кореньями, суть самые жалкие существа»²⁸⁷. Три племени — алейкаты, улад-саиды и авиримы, объединяемые общим названием кафиры, — обязаны были защищать монастырь в случае нападения, доставлять на своих верблюдах все жизненные припасы, привозить и отвозить всех путешественников. Монастырь не имел права держать своих вьючных животных.

В другой работе²⁸⁸ Порфирий Успенский описывает путешествие морем от Яффы до Александрии, пребывание в Александрии и Каире, плавание по Нилу: «Нил оживлен. Разноцветные большие и малые суда реют на нем во всех направлениях. Вот рыбаки закидывают сети. Вот лодка с хлопчатого бумагою летит мимо нас под одним парусом... Вот черный нагий нубиец сплавляет по реке горшки и кувшины; в виде плота они сложены, он стоит на них и сильно гребет уродливым веслом»²⁸⁹.

В дневниках Успенского большой интерес представляют описания местности, этнографические и археолого-топографические заметки, много места уделяется положению церкви. Это дневники не просто монаха-паломника, а человека, много видевшего и знавшего по своему служебному положению²⁹⁰.

В 1846 г. предпринял путешествие на Восток молодой офицер, участник кавказской войны Николай Владимирович Адлерберг (1819—1892), впоследствии генерал-губернатор Финляндии. Он посетил Грецию, Египет и Палестину, побывал на Корфу, в Афинах, Александрии, Бейруте, Яффе и Иерусалиме.

В Египте он был в последние годы правления Мухаммеда Али. Как и многие другие русские путешественники, он обратил внимание на бедственное состояние народа: «Народ в жалком положении. Вице-король, владея Египтом на правах арендатора, не признает в целой стране ничьей, кроме личной своей собственности. Уплачивая ежегодно дань турецкому султану, паша полный хозяин в своем управлении. Народ изнуряется нищетою и чрезмерно тяжелыми работами»²⁹¹.

Адлерберг подробно описывает базар черных невольниц, приводит много других любопытных сведений.

В рецензии на книгу Адлерберга отмечалось, что общий очерк Александрии, особенности быта жителей и даже политическое положение в стране — все это «изложено живо, просто и мило»²⁹².

Спустя 15 лет Адлерберг предпринял второе путешествие на Восток. Он посетил Александрию, Каир, Яффу, Иерусалим, Хайфу, Бейрут, Дамаск, Баальбек, Смирну, Константинополь. О результатах поездки написал на французском языке книгу²⁹³. Она представляет собой два фолианта объемом свыше тысячи страниц. Посетив Египет уже после смерти Мухаммеда Али, он довольно подробно характеризует реформы, проведенные пашой, подчеркивает чудовищную нищету населения: «Что касается увеличения благосостояния населения, то никто из бедных арабов его не замечает; в их судьбе ничего не произошло к лучшему; их нищета увеличилась пропорционально увеличению налогов, устанавливаемых пашою больше с целью обогащения его личного, чем для того, чтобы удовлетворить потребности народа»²⁹⁴.

Большого внимания заслуживает деятельность русского путешественника, врача по специальности, Артемия Алексеевича Рафаловича (1816—1856).

Преподаватель судебной медицины в Ришельевском лицее в Одессе, с 1841 г. член многих медицинских обществ в России и за границей, Рафалович с 1845 г. начинает заниматься изучением чумы. С этой целью он уезжает на Восток старшим членом особой экспедиции. Ученый объехал Турцию, Египет, Сирию, Палестину, Алжир и Тунис. В результате путешествия появились его статья и книга²⁹⁵, о которой И. Ю. Крачковский писал, что она «является ценнейшим источником для понимания многих сторон социально-экономической жизни Египта в эту эпоху и представляет во всей нашей литературе того времени исключительное явление»²⁹⁶. В. В. Бартольд подчеркивает, что Рафалович «старался собрать сведения о современном состоянии страны в противоположность большинству путешественников, обращавших внимание почти исключительно на памятники древности»²⁹⁷.

Изучая чуму, он вместе с тем обращал внимание на особенности топографии, климата, экономики и этнографии страны.

Подробные отчеты о его наблюдениях периодически печатались в «Журнале министерства внутренних дел» под общим названием «Записки русского врача», а затем немедленно переводились за границы.

За время пребывания в Константинополе и Смирне Рафалович изучил постановку врачебного дела в стране, преобладающие болезни, описал медико-хирургическую школу в Галата-Сарае, больницы, как мусульманские, так и христианские. Он дал подробное описание Александрии и мероприятий Мухаммеда Али по перестройке города: «То, что в Европе требовало бы огромных издержек, бесконечных переписок и породило бы бесчисленные тяжбы между казной и частными владельцами, здесь безмолвно поддавалось железной руке и неумолимому „*Sic volo, sic jubeo*“ старого паши. Со свойственным ему упрямством преследуя мысль украшения Александрии, он немилосердно отнимал места, выгонял домохозяев и жильцов, обыкновенно без всякого возмездия, велел перенести кладбища за город, и этот последний в короткое время принял физиономию, совершенно отличную от прочих восточных городов... Есть, однако ж, некоторые кварталы... куда не достигли еще преобразования... Наблюдатель увидит соединение всех возможных вредных влияний в „деревнях“, встречаемых в разных местах среди города или вне стен его. В них живут семейства феллахов, оседлых в Александрии, и жены и дети солдат, составляющих постоянный в нем гарнизон... Все они по неудобству, дурному устройству и неопрятности превышают всякое понятие и описание»²⁹⁸.

Из Александрии Рафалович отправился в Каир, посетил Нижний Египет до Розетты и Дамьетты, осмотрел строительство барража, провел несколько дней у канала Махмудие и наблюдал работы по очистке канала Катат-бей.

Интересно описание дельты Нила: «Зимой и весной Дельта походит на прелестный сад... но зато жилища земледельца не только не соответствуют этому благословенному состоянию земли и природы, но, напротив того, далеко превышают все, что можно себе представить неудобного, неопрятного, вредного для здоровья. Организм феллаха носит на себе явные следы вредного влияния дурного устройства землянок, в которых он живет, пищи, которую употребляет, и вообще нищеты, до которой доведен преимущественно под управлением Мегмет Али. Египтяне все почти весьма худощавы, худосочны и одержимы многими болезнями: лихорадками, дизентерией, воспалением глаз, кожными сыпями и многими другими... Женщины и дети летом и зимою носят одну и ту же рубашку, которую переменяют только тогда, когда она совершенно обратилась в рубище. Печален вид деревень в большей части дельты, но еще несравненно печальнее состояние городов во всем Нижнем Египте... Население бедное, покрытое рубищами, преследует посе-

тителя просьбой милостыни... Глядя на это страшное зрелище разрушения и нищеты, спрашиваешь себя: землетрясение ли, неприятельское ли нашествие опустошили эти некогда цветущие города? „Управление великого паши разорило нас“, — отвечаят вам со вздохом жители...»²⁹⁹

Из Египта Рафалович выехал в Сирию. Через Бейланские горы и Антакью путешественник прибыл в Алеппо, где отметил, что из 12 тыс. станков для выделки шелковой материи, существовавших прежде в Алеппо, ныне едва осталась тысяча. После Алеппо, Хамы и Хомса Рафалович снова посетил Бейрут. Путешествуя, он пришел к выводу, что чума в Сирии не представляет эндемического заболевания, а обычно заносится из Египта и других стран.

Из Сирии Рафалович вновь выехал в Египет, побывал в Александрии, проехал в Каир и оттуда по Нилу в Верхний Египет и Нижнюю Нубию. Им подробно описан весь район до Вади-Хальфа: особенности топографии, административное устройство, медицинское обслуживание и экономика³⁰⁰.

По возвращении из Нижней Нубии Рафалович несколько месяцев провел в Каире, а затем вновь посетил дельту Нила. О цели своего путешествия он писал: «Для меня это нынешнее состояние берегов Нила, общественное здоровье, земледелие и промышленность составляли главную цель поездки. Приобретенные продолжительным пребыванием в Сирии и Египте знания арабского языка и знакомство с бытом народа облегчили ход моих наблюдений»³⁰¹.

Рафалович изучил сельское хозяйство и промышленность Египта, положение населения. О своих впечатлениях он пишет:

«В Фуа... находятся весьма значительные бумагопрядильные и тарбушная фабрики Ибрагим-паши с несколькими стами работников; в городе остались одни калеки, слепые, хромые и немощные старики; все прочее население бежало, чтобы не быть взятым насильно на фабрики, где работникам платят слишком мало, и то не деньгами, а тарбушами (красными шапками) и полотном, которое они получают по произвольным высоким ценам и должны продавать с убытком...

Присутствие больших фабрик в Египте... опустошает города. То же самое я видел во всех еще весьма многочисленных местах, в коих паша сохранил свои фабрики. Холера 1831 года, чума 1835, Сирийская компания 1840 (подавление восстания в Сирии против египетского владычества), скотский падеж 1843 года, поныне несовершенно прекратившийся, dokonчили падение»³⁰².

Далее А. А. Рафалович пишет: «Паша никак не соглашался на уменьшение налогов, а большая часть селений была вне состояния заплатить требуемые или следующие с них подати. Отняв у крестьян последнюю движимость для пополнения недоимок, паша наконец взял в свое частное управление или роз-

дал сыновьям и любимцам своим и самые деревни, обязуя новых владельцев платить за них подати и предоставляя им право, какими угодно способами возвращать себе издержки из доходов деревень. Таким образом, значительнейшая часть дельты принадлежит детям паши или высшим сановникам...»³⁰³

Такой картины, смело обличающей деспотический режим Мухаммеда Али в Египте, какую дал русский врач Рафалович на страницах печатного органа министерства внутренних дел при Николае I, не дал ни один европейский путешественник.

Из Каира через Суэцкий перешеек Рафалович отправился в Палестину. Он прекрасно описал пустыню и города Газу, Яффу, Рамле, Иерусалим. Из Иерусалима Рафалович направился в Бейрут, затем в Триполи и через хребты Ливан и Антиливан в Дамаск, оттуда вернулся в Бейрут и спустя несколько дней отплыл в Латтакию и далее в Александрию.

В Россию Рафалович вернулся поздней осенью 1848 г. — после 34-месячного отсутствия. В предисловии к своей книге он указывал: «Много было писано путешественниками всех наций, еще более было говорено и повторено в газетах о блистательных учреждениях Мегмета Али на берегах Нила, о человеколюбивых его мерах к улучшению быта феллахов и устранению вредных местных влияний, производящих чуму, и т. п. ...»³⁰⁴ «Поставил я себе главной задачей изобразить беспристрастно, самостоятельно и по возможности с объективной точки зрения настоящее положение селений и обитателей их, феллахов, в Нижнем Египте и Дельте, чтобы показать, какие из нововведений знаменитого паши в самом деле осуществились и каким увенчиваются они успехом. Описания мои не всегда сходятся с блестящей картиной Египта, находимой в книгах других исследователей; такое противоречие зависит, может быть, от различного способа путешествовать по этому краю. Обыкновенно западные туристы останавливаются на несколько времени только в Александрии и Каире, где живут в хороших гостиницах, содержимых европейцами; из деревень они видят лишь одни прибрежные, и то чаще всего с палубы своей барки или быстрого парохода; памятники древности, развалины и мумии занимают их гораздо более, чем феллахи живые и нынешние селения; разыскания свои они делают через посредство драгомана и, наконец, суждение о состоянии края и его жителей основывают на официальных донесениях местных властей; очевидно, что это не есть наивернейший способ к изучению страны»³⁰⁵.

Так гуманист и прогрессивный деятель Артемий Алексеевич Рафалович в отличие от европейских путешественников осуществлял поставленную перед собой задачу — основательно изучить жизнь страны, положение крестьянина, и, как мы видели, это ему блестяще удалось.

После Египта Рафалович посетил еще Алжир и Тунис. Об Алжире Рафалович писал: «Туземный мусульманский элемент

езде постепенно и приметно исчезает: или, как города Алжира, — от умножившейся бедности, через то, что всеми ветвями торговли и промышленности овладели европейцы, с которыми не могут состязаться арабы, и вследствие чрезвычайной дороговизны всех жизненных потребностей; или — от губительного действия страшного разврата и пороков, прививаемых образованными завоевателями полуварварским туземцам. Винные погреба, кабаки и развратные дома, конечно, самые многочисленные „гражданские“ заведения в Алжире...» И о Тунисе: «Управление нынешнего бея... совершенно разорило край, уничтожило торговлю, земледелие и промышленность этой плодотворной и некогда столь богатой страны и истощило все источники народного благосостояния. Иго, тяготеющее над подданными Ахмед-бея, едва ли не бесчеловечнее и несноснее самого Египетского»³⁰⁶.

Высоко оценил труды Рафаловича по изучению Ближнего Востока П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

За три года А. А. Рафалович «объехал Турцию, Египет, Сирию, Палестину, Алжир и Тунис, пробыв в каждой из этих стран более или менее долгое время, выучившись турецкому и арабскому языкам... Выучившись разговорному арабскому языку, он вникал во все подробности быта египетских феллахов, обозрел весь Египет и собрал богатые материалы для этнографии этого некогда знаменитого края»³⁰⁷.

В 1847 г. совершил путешествие в Алжир крупный русский геолог, палеонтолог и зоолог акад. Эдуард Иванович Эйхвальд (1795—1871). Называя это путешествие «чрезвычайно интересным», П. П. Семенов писал: «Превосходное с точки зрения естествоиспытателя сообщение его об этом путешествии было сделано в общем собрании общества в 1849 г.»³⁰⁸.

В целом работа Эйхвальда³⁰⁹ отражает основные интересы автора как естествоиспытателя, но заслуживают упоминания отдельные его замечания, касающиеся положения в стране. Эйхвальд отмечает усиленное строительство французами дорог, указывая, что хотя оно стоило значительных средств, «но зато вознаграждается безопасным движением войск по их направлениям и имеет величайшее влияние на расширение торговли». Он рассказывает о своеобразной круговой поруке и заложничестве, введенных французскими властями для обеспечения передвижения по стране — о созданном специальном бюро: «Принадлежащие к нему арабы, известные как европейцам, так и туземцам по своей честности, обязаны во всей безопасности провожать французов и других путешественников через Атлас... Арабы, принадлежащие к бюро, обыкновенно люди старые, известные всем соседним племенам и уважаемые. В сопровождении их очень безопасно ездить, тем более, что они оставляют в городе жен и детей своих, которые при малейшем изменническом поступке могли бы пострадать за вину мужей и отцов».

Оккупация Алжира французами, его захват не вызывают в Эйхвальде никакого протеста, он называет вождя антифранцузского восстания, народного героя алжирского народа Абд аль-Кадира «дерзким предводителем арабов», подчеркивая вместе с тем его личную храбрость, оказывающую огромное влияние на племена, и противопоставляя его Шамилю: «Абд Эль-Кадер... водил в битвы сам фанатически ему преданных кабил, служа им примером мужества, между тем как Шамиль остается в арьергарде, воспламеняя мюридов молитвой и вымаливая победу у неба; поэтому кабилы, предводительствуемые Абд Эль-Кадером, и одерживали победы». Эйхвальд сопоставляет условия войны горцев на Кавказе с действиями кабил, сравнивает местные условия Кавказа и Алжира³¹⁰.

К 1844—1847 гг. относятся путевые заметки по Сирии и Палестине³¹¹ неизвестного нам автора (мы знаем лишь, что он прибыл в Бейрут 14 апреля 1844 г. на военном бриге «Неарк»). Записки эти представляют некоторый интерес, поскольку сообщают о природе, особенностях хозяйства Сирии и Палестины, о встречах автора с представителями турецкой администрации, об управлении отдельных общин, наблюдениях бытового характера.

Автор ярко описывает природные условия страны, подробно характеризует растительный и животный мир, дает краткий очерк населения, рассказывает о взаимоотношениях между отдельными национальностями, о состоянии образования и школах, открытых католическими монахами, православным духовенством и американскими миссионерами, о типографии, созданной заботами российского генерального консула К. М. Базили.

Он вскрывает причины тяжелого положения народа Сирии: «Сирия теперь — достояние иностранных купцов, жертва взяточников пашей и других чиновников Порты; нерасчетливая их алчность губит в жителях интерес и чувство народной гордости: неумеренными и часто несправедливыми налогами истребляется в них всякое расположение к промышленности и к самостоятельной торговле.. Порта равнодушно смотрит... как вообще все иностранцы, пользуясь стеснением промышленности туземцев, слетаются тучами толстеть и наживаться, скупая от них за ничто богатства всей страны. Ужасная бедность народа столь очевидна, что самому невнимательному взору трудно не заметить горестное положение жителей, окруженных всеми благами природы...»³¹²

«В христианском мире Сирии мы видим... непрерывные волнения и преступления... все это надобно приписать предосудительной ревности некоторых посланников Рима, а еще более американских миссионеров... которые с помощью друзей своевольно заводили училища в маронитских селениях, набирали учеников между последними силой и обольщениями... Зато ма-

рониты до того ненавидят этих проповедников, что при первой удаче против своих врагов они непременно сожгли бы и их самих и их дома в окрестностях Бейрута. Друзы в свою очередь говорят, что дружба их с англичанами основана на том только, что последние не христиане. Это мнение о протестантах равно разделяют все грубые племена Сирии»³¹³.

Небольшая, давно забытая статья неведомого нашего соотечественника может пригодиться при изучении Сирии 40-х годов XIX в.

В 1845 г. Константинополь посетил известный художник-маринист И. К. Айвазовский (1817—1900).

С апреля 1845 по июль 1846 г. он сопровождал в заграничном путешествии великого князя Константина Николаевича к берегам Европейской Турции, Архипелагу и Малой Азии. Кроме Константинополя он посетил острова Хиос, Патмос, Самос, Митилену, Родос, развалины древней Трон, Синоп. Из этого путешествия И. К. Айвазовский привез множество эскизов³¹⁴. Известно несколько картин, написанных художником по впечатлениям этой поездки («Принцессы острова», «Троя», «Турецкая кофейная», «Каик с турчанками»). В 1867 г. он снова посетил Константинополь, а в ноябре 1869 г. посетил Египет, где присутствовал на открытии Суэцкого канала. Эта поездка впоследствии нашла отражение в одной из его картин.

В 1848 г. в Палестине побывал Н. В. Гоголь. Известны его восемь писем — четыре из Иерусалима и четыре из Бейрута.

В письме из Бейрута на имя С. П. Шевырева 18/30 марта 1848 г. Н. В. Гоголь сообщает, что К. М. Базили помог ему проехать в Иерусалим через Сидон, Тир, Акку и Назарет. На обратном пути в Константинополь он остановился в Бейруте³¹⁵.

Вернувшись в Москву, Н. В. Гоголь по настоянию В. А. Жуковского пишет очерк о Палестине:

«Иудея с ее однообразными горами, похожими на бесконечные серые волны взбурившегося моря... когда редко, редко встретишь... пять-шесть олив на всей покатости горы, цветом земли своей так же сероватых и пыльных, как и самые камни гор, когда одна только тонкая плева моха да урывками клочки травы зеленеют посреди этого обнаженного, неровного поля каменьева да через каких-нибудь пять-шесть часов пути попадается где-нибудь приклеившаяся к горе хижина араба, больше похожая на глиняной горшок, печурку, звериную нору, чем на жилище человека...

Посреди такого опустения Иерусалим, Вифлеем и все восточные города похожи на беспорядочно сложенные груды камней и кирпичей»³¹⁶.

В 1849—1850 гг. предпринял путешествие на Восток известный поэт и критик Петр Андреевич Вяземский, друг А. С. Пушкина.

В июне 1849 г. он выехал из своего подмосковного имения Остафьево. Побывал в Константинополе, Смирне, на Родосе, в Иерусалиме и Бейруте³¹⁷. Из Константинополя верхом ездил в Троаду; в поездках ему сопутствовал Андрей Муравьев, для которого это было уже второе путешествие на Восток.

П. А. Вяземский мало внимания уделял природе и экономике посещенных стран. Лишь иногда он вскользь упоминает о той или другой особенности природных условий.

В Бейруте Вяземский останавливался у российского консула К. М. Базили, который (как и Н. В. Гоголя) познакомил его со своим сочинением о Сирии.

Из Бейрута Вяземский ездил в Баальбек. Возвращаясь на родину, он заметил, что на о-ве Митилена на пароход взяли для продажи в Константинополе окло ста негров и негрятенок: «Вот тебе и la traité des nègres, против которой так либерально толкуют и так либерально крейсируют на далеких морях и которая здесь открыто производится под австрийским флагом».

Отметим известное путешествие на Ближний Восток Егора Петровича Ковалевского (1811—1868)³¹⁸.

В 1847 г. он был приглашен Мухаммедом Али для поисков и разработки месторождений золота в Восточном Судане. За год до этого приглашения он сопровождал по Уралу двух египетских инженеров, изучавших горное дело.

Большую роль в организации путешествия Е. П. Ковалевского сыграл один из наиболее выдающихся натуралистов XIX в. — русский академик К. М. Бэр³¹⁹. Узнав, что Е. П. Ковалевский отправляется в Египет, управляющий Отделением общей географии Русского географического общества Ф. П. Врангель обратился в Совет общества с предложением отправить вместе с Ковалевским «ученого, который с основательными сведениями в естественных науках и под руководством Ковалевского произвел бы изыскания, касающиеся до физической географии и этнографии стран, еще мало в этих отношениях известных». Выбор Врангеля пал на магистра Санкт-Петербургского университета Л. С. Ценковского (1822—1887). Совет Географического общества предложил К. М. Бэру, Ф. Р. Брандту и Э. Х. Ленцу подготовить инструкцию для Ценковского со всеми нужными наставлениями.

В ноябре 1847 г. Ценковский получил инструкцию «для ученых работ в Африке», утвержденную Советом Географического общества. В инструкции по изучению нильской системы предлагалось составить описание, которое «должно включать сведения: о повышении и понижении земной поверхности, по климатологии, о характере растительности и отличительных чертах животного мира; при описании жителей обращать внимание не только на физический облик, но и на образ жизни и умственное развитие»³²⁰.

Л. С. Ценковский должен был дать такое описание системы Нила, которое было бы доступно каждому образованному человеку. Ему поручалось представить портреты туземцев различных племен внутренней Африки, сведения о пище, образцы зерновых культур.

Е. П. Ковалевский приехал в Каир в конце декабря 1847 г., пробыл там две недели, часто встречался с Мухаммедом Али. В начале января в сопровождении египетских офицеров он выехал из Каира. До Асуана, расположенного в тысяче верст от Каира, плыл на пароходе, а оттуда до Куруску на барке. В Калабии — пересекли тропики.

«От Короско Нил делает значительный поворот на запад, описывая дугу; на этом пространстве катаракты следуют один за другим; только в полые воды можно переплывать их. Надо было оставить барки и идти на верблюдах, или следуя по Нилу за всеми его изгибами, или через Большую Нубийскую пустыню»³²¹. Ковалевский избрал второй путь, более короткий, и в сопровождении нескольких десятков бедуинов углубился в пустыню. В пути он барометрически определил высоту пустыни. В Бербери вновь пересели на лодки.

В начале февраля достигли места слияния Белого Нила с Голубым и далее в течение трех недель плыли на лодках до Росероса, выходя по временам на Сеннарский или Абиссинский берег для наблюдений.

У Росероса путешественники оставили Голубой Нил и на верблюдах пошли прямо в горы к Тумату, левому притоку Голубого Нила. На Тумате, у подножия гор Кассана, Ковалевского ожидал военный отряд в 2500 человек во главе с генерал-губернатором Восточного Судана. Начались розыски золотосодержащих россыпей, окончившиеся вполне успешно. На Тумате было заложено первое золотодобывающее предприятие. Чтобы исследовать истоки Нила и открыть для науки любопытнейший район Средней Африки, Ковалевский 3/15 марта отправился в путь, установив заранее связи с мелеками — независимыми владельцами отдельных гор и племен. Пройдя значительную часть пути пешком, исследователи достигли верховья Тумата, до которого еще никто из европейцев не доходил. Влево от Тумата протекала р. Белый Нил.

В Александрию Ковалевский вернулся другим путем — через Донголу.

Вопреки мнению Гумбольдта и других ученых о том, что Нил на всем протяжении от слияния Белого и Голубого до впадения в Средиземное море принимает лишь один приток Атрабу, Ковалевский в Малой Нубийской пустыне обнаружил левый приток, известный у местных жителей под названием Абудом.

Возвратившись из Африки, Е. П. Ковалевский сделал доклад на заседании Географического общества.

По вопросу о происхождении негров он указывал, что «стараясь опровергнуть все нелепые мнения об этой огромной ветви человеческого рода, о которой еще недавно толковали, что она составляет переход от человека к животному, и доказать физиологически, что устройство тела и мозга у негра таково же, как и у белого»³²².

В результате путешествия появилось обстоятельное сочинение³²³, которое было встречено с огромным интересом. Половина его посвящена описанию Египта, другая — Судану.

Е. П. Ковалевский пишет, что в результате мер, принятых Мухаммедом Али по очистке города, Александрия имеет чистый и опрятный европейский вид.

Своеобразные картины представляли перед взором путешественника. «Кой-где мелькнет купа пальм: там, значит, есть деревенька, но вы ее не видите из-за низменных берегов или видите какие-то кучки, более похожие на норы сурков, на убежища животных, чем на жилища людей»³²⁴. Город Бенисуэф близ канала Бахр-аль-Юсуф «славится своими коврами, бумажными тканями, разумеется самыми простыми, милаями — полосатыми бумажными материями, употребляемыми особенно женщинами для верхней одежды»³²⁵.

Дальше, вверх по Нилу, встречаются «уже не рощи, а целые леса пальм. Пальма красива одна, отдельно стоящая среди здешних безжизненных пустынь, или в купе трех, четырех: но целый лес единообразен, почти без тени, без яркой зелени, без примеси других деревьев»³²⁶. С парохода видел Ковалевский, как мимо проплывали деревни, города.

«Хуже всего в этих городах и деревнях то, что они имеют вид высушенной грязи, и это по весьма естественной причине: они выстроены из грязи или из кирпичей, сделанных на илу с небольшой примесью соломы и высушенных на солнце. Одно несколько разнообразит их — это голубятни...

В домах большей части крестьян вы ничего не увидите, разве какой горшок да множество детей; обломок пальмы служит мебелью, а рогожа из пальмовых листьев — ложем; рогожа почти у каждого есть»³²⁷.

Интересно описание плотов из глиняной посуды, сплавляемой по реке для продажи. «Это довольно остро придумано. Тысячи горшков и кувшинов, гули, связанных в три слоя, нижние обращены вниз горлами, плывут себе в виде огромного плота, саженой в 15 длину и почти такой же ширины; четыре полунагих гребца распоряжаются наверху; в руках у них вместо весел пальмовые ветки... и так проплывают вниз по Нилу какую-нибудь тысячу верст»³²⁸.

Как в отчетном докладе на заседании Географического общества, так и в сочинении Ковалевский высказывает свои антирасистские взгляды на положение африканских народов. Он с негодованием пишет: «Есть люди, которые еще и теперь...

ставят негра на последней ступени человеческого рода, служащей переходом к породам обезьян. Еще недавно видели мы подобное мнение в иностранных периодических изданиях; некоторые, как увидим... готовы совсем его сбросить с той лестницы, наверху которой определили место для себя». И Ковалевский делает вывод, что это и есть «самодовольное заблуждение людей, которые считают себя привилегированной кастой человечества».

Весьма далек я от того, чтобы быть слепым защитником негров, но я защищаю человека, у которого хотят отнять его человеческое достоинство, и выставляю вместе с тем все его пороки как неизбежную принадлежность народа покинутого, презренного; он менее виноват в своих пороках, чем другие, вполне сознающие их... своему развитию они обязаны доброй природе и врожденным способностям, которые у негра не только не ниже, чем у других людей, но выше, чем у многих»³²⁹.

Н. Г. Чернышевский прочитал «Негридию»³³⁰ Ковалевского и сказал, что автор понравился ему за то, «что так говорит о неграх; что они ровно ничем не хуже нас, с этим я от души согласен: когда говорят противное, мне всегда кажется, что это такой же вздор, как слова Аристотеля, что народы на север от Греции самым климатом и своею расою осуждены на рабство и варварство»³³¹.

Акад. И. Ю. Крачковский писал, что книга Ковалевского «представила большое значение и для нашей эпохи своей здоровой характеристикой африканских народностей»³³².

Большим вкладом в этнографическую науку является изучение Ковалевским быта коренных жителей района, многочисленных племен Верхнего Египта и Восточного Судана.

Книга Е. П. Ковалевского была представлена на Демидовский конкурс Академии наук, но премии не получила. Как сообщает Б. А. Вальская, в высших сферах к ней отнеслись весьма неодобрительно, ибо негласный цензурный комитет обнаружил в ней нежелательные для правительства сравнения негров-невольников с закованными в кандалы русскими людьми, которых Ковалевский встречал во время своего путешествия в Сибири³³³.

Уже отмечалось, что спутником Ковалевского был Лев Семенович Ценковский³³⁴, впоследствии крупный ученый-ботаник с мировым именем. «Ценковский сопровождал Ковалевского в 1847 г., в начале 1848 г. отделился от него и провел несколько месяцев в провинции Фазогло, занимаясь ботанико-географическими исследованиями, затем остался еще в Нильской долине близ Хартума после отъезда Ковалевского... Собранные Ценковским коллекции погибли вместе с судном, на котором были отправлены»³³⁵.

Вернувшись на родину, Ценковский был настолько поглощен своими исследованиями в области ботаники, что не имел

возможности описать путешествие. До нас дошли лишь статьи, опубликованные в польской «Газете варшавской» (1853), которые дают возможность судить о живости его наблюдений, чему помогало непосредственное знание языка. На русском языке были опубликованы отчеты Л. С. Ценковского³³⁶.

Чрезвычайно любопытны этнографические наблюдения Ценковского, большой интерес представляют и его ботанические и зоологические исследования.

Заклученный в 1847 г. в Эрзуруме турецко-персидский трактат о разграничении предусматривал, что установление границы будет произведено специальной комиссией с участием представителей четырех держав — России, Англии, Персии и Турции. Русским комиссаром-посредником был полковник Е. И. Чириков.

Местом встречи всех четырех представителей назначался Багдад. Представители России отправились от Константинополя морем до Самсуна и через Амасью, Токат, Сивас, Малатью, Диярбакыр и Мардин. 24 апреля 1849 г. прибыли в Мосул. 10 мая выехали из Мосула и по Тигру спустились к Багдаду на громадном келлеке³³⁷, специально для них построенном, с будками и общим холщовым навесом.

По инструкции Е. И. Чириков должен был описывать маршруты и делать съемки там, где он найдет возможным. «Убеждаясь с моей стороны, что, между прочим, подробные съемки азиатских городов, большею частью исторических, могут доставить пользу как для географических, так и для археологических соображений и исследований, я употребил всевозможное старание, чтобы не пропустить ни одного города и ни одного исторического места на путях русской комиссии, не снявши их подробно на планы»³³⁸.

В Багдаде комиссия находилась в течение семи месяцев, занимаясь предварительными переговорами. За это время Чириков посетил развалины Вавилона, Ктезифона, Кербелу, Неджеф и Куфу, район нижнего течения Евфрата.

В декабре 1849 г. комиссия отправилась на судах по Тигру и Шатт-эль-Арабу к Персидскому заливу. Весной 1850 г. посетила Бендер-Бушир и Шираз. Осенью того же года комиссия направилась в Исфахан. В дальнейшем маршрут лежал вдоль всей турецко-персидской границы до Арарата. Здесь в ноябре 1852 г. комиссия окончила работы по разграничению, продолжавшиеся четыре года.

Таким образом, комиссия исследовала всю границу на протяжении 10 градусов широты, что вместе с изгибами составляет примерно свыше 1500 верст. В изучаемый район входила и часть Месопотамии³³⁹.

Спустя 20 с лишним лет после окончания работ комиссии был издан (в 1875 г.) путевой журнал Е. И. Чирикова³⁴⁰ под

редакцией М. А. Гамазова, бывшего секретаря посреднической комиссии.

Путевой журнал Чирикова представляет непосредственную запись событий и впечатлений. Значительная часть журнала отведена описанию Персии. Заметки Чирикова о племенах луров, бахтиаров, арабов, курдов представляют весьма большой интерес.

Ознакомившись с журналом Чирикова еще до его выхода в свет, И. И. Стебницкий (начальник военно-топографического отдела Кавказского военного округа) дал ему такую оценку: «Как по полноте, так и по несомненности сообщаемых сведений записки эти есть такой географический труд относительно тех мест, которые он рассматривает, каких нет или очень мало в литературе»³⁴¹. В журнале есть ряд новых для своего времени географических данных; наиболее интересны главы: Багдад и его окрестности, описание поездки в Вавилон, Неджеф и Кербелу.

Описывая поездку русской комиссии из Багдада в Вавилон, Неджеф и Кербелу в 1849 г., Чириков особое внимание уделяет Неджефу и Кербеле, священным городам шиитов: «Два этих города, Кербеля и Неджеф, слынут у шиитов под собирательным названием высочайших порогов (Атабат-и-амийат). Сюда из всех мест, населенных шиитами, тянутся беспрерывно бесчисленные караваны паломников (зуввар), приносящих с собой для вклада в обе мечети деньгами и вещами очень часто многоценные дары, а также тела своих покойников для погребения в священной земле... Здесь на склоне дней, в ожидании смерти поселяются многие богатые купцы, опальные вельможи и принцы...»³⁴²

К путевому журналу Е. И. Чирикова приложены разные сведения из путевого дневника М. А. Гамазова, в том числе описание пути русской комиссии от Константинополя до Багдада. Записки М. А. Гамазова также большей частью посвящены Персии; раздел, посвященный Турции, содержит очерк об арабах. Вспоминает Гамазов и Мухаммеда Али.

Путевой журнал Чирикова вместе с дополнениями Гамазова представляет большой самостоятельный труд, насыщенный ценным историко-географическим материалом, и является важным источником для изучения Ближнего Востока, особенно Персии.

Упомянув имя М. А. Гамазова, мы считаем необходимым несколько подробнее остановиться на его биографии и деятельности. Матвей Авелевич Гамазов (1811—1893) — выходец из родовитой армянской семьи, первоначально обучался в Петербургском главном инженерном училище, был переведен в офицерские классы. В 1831 г. назначен саперным офицером в Тифлис и Закаталы. В 1835 г. оставил военную службу и поступил в Учебное отделение министерства иностранных дел, где изучил

персидский, турецкий и арабский языки. После окончания был отправлен переводчиком в посольство в Константинополь, затем в 1842 г. был драгоманом в Александрии и консулом в Гиляне.

В составе комиссии по разграничению проделал весь путь, отмеченный выше. В дальнейшем он был посредником министерства иностранных дел в английской комиссии, прибывшей в Петербург для составления пограничной карты Персии и Турции.

В 1872 г. он был назначен управляющим Учебным отделением министерства иностранных дел и пробыл на этом посту 21 год — до своей смерти. Он много занимался литературой как поэт и как прозаик (переводчик с персидского и турецкого). Обычно выступал под псевдонимом, очевидно вследствие своего высокого служебного положения и чина (умер в чине действительного тайного советника) подписывался не своим именем³⁴³.

Под редакцией Гамазова и в его же переводе (он свободно владел арабским, персидским, турецким и новогреческим языками) в 1877 г. была издана турецкая книга, написанная Хуршид-эфенди, секретарем турецкого представителя в комиссии. Книга посвящена турецким районам — Басрийскому, Багдадскому, Мосульскому — и содержит интересные географические и этнографические сведения о местности между Араратом и Персидским заливом. Гамазов снабдил книгу³⁴⁴ ценными примечаниями и алфавитным указателем, правильно отметив, что «она заключает в себе далеко не бесполезные и не безытересные данные о весьма малоизвестных местностях, входящих в пограничную полосу между Араратом и Персидским заливом».

В 1886 г. Гамазов опубликовал интересный документ (перевод с турецкого), составленный в середине мухаррема 1238 г. (начало октября 1822 г.) Акир-пашой (в то время бейликче, великий референдарий Порты, впоследствии министр иностранных дел). Это адрес, подписанный главными чинами дивана, в котором они именем бога, пророка и национальной чести призывали не только одних своих соплеменников, но и всех единоверцев ополчиться против неверных вообще и в особенности против неверных москотов, прямых, как он выражается, виновников греческого восстания³⁴⁵.

Художник Иван Дмитриевич Захаров попал в Константинополь в августе 1849 г., прожил там несколько месяцев и оставил любопытные записки о своем путешествии³⁴⁶. Они интересны некоторыми подробностями турецкого быта, встречами с представителями высших кругов.

И. Д. Захаров много повидал за время пребывания в Константинополе: «Видел внутренности всех дворцов султанских, внутреннюю жизнь харемов, семейную жизнь султана, его детей, их занятия, посещал учебные заведения, фабрики, заводы,

адмиралтейство, корабли, казармы, солдат, крепости и укрепления... видел разные обряды, праздники, церемонии, вооружения, арсенал, редкости; посещал Порту, где собирается Государственный совет...»³⁴⁷.

Задумал художник написать портрет султана; несколько раз в течение месяца он присутствовал при проезде султана в мечеть и по памяти написал портрет.

Добившись свидания с морским министром, он получил разрешение присутствовать на смотре, чтобы показать портрет султану. После этого получил доступ во дворец для написания портретов детей султана. Позже во дворце Захаров устроил выставку своих портретов и ряда картин и эскизов, сделанных в Константинополе. Это, насколько известно, вообще была первая художественная выставка в Константинополе.

Захаров сообщает о встрече с русским купцом Новиковым, который «жил в Константинополе более 20 лет, торгуя парусиной, равендуком, канатом и разными вещами, к оснащению судов нужными; его материалами почти весь турецкий военный флот экипирован, и Морское министерство находится всегда у него в долгу на довольно значительную сумму».

Записки И. Д. Захарова не потеряли своей познавательной ценности и в наши дни.

Важной датой в истории русской географической науки является открытие в 1845 г. императорского Русского географического общества, сыгравшего большую роль в достижениях русских исследователей. Среди членов-основателей его были уже упоминавшиеся нами генерал-адъютант граф Ф. Ф. Берг и М. П. Вронченко. Вице-председателем общества был выдающийся русский мореплаватель и географ вице-адмирал Ф. П. Литке.

На первом общем собрании членов общества, состоявшемся 7 октября 1845 г., присутствовали М. П. Вронченко и знаменитый исследователь Алтая и Малой Азии П. А. Чихачев. М. П. Вронченко был избран одним из восьми членов совета³⁴⁸.

Середина прошлого столетия характеризуется весьма большим оживлением русской географической науки и географической мысли. Вице-адмирал граф Ф. П. Литке при открытии общества указывал:

«Главным предметом Русского географического общества должно быть воздвигание географии России... Хотя таким образом география общая становится для нас предметом второстепенным, но из этого не следует, чтобы и этот предмет не имел для нас своей важности и даже большой важности. Не говоря уже об общем интересе, который эта наука представляет для всякого образованного человека, ни о пользе, которую она приносит со стороны образования народного, укажем только на то, сколь важно для России исследование в географическом отношении земель с ней сопредельных. Турция, Персия, Хива... вот

наши близкие соседи... состоявшие с Россией в беспрестанных торговых, общественных и политических сношениях — сношениях, которые по естественному ходу вещей с каждым днем должны становиться и чаще и многообразнее...

Поле, которое нам предстоит возделывать, довольно обширно и жатву обещает большую»³⁴⁹.

С 1849 по 1852 г. членом Совета общества состоял Д. А. Милютин (1816—1912), уже в 1848 г. принимавший деятельное участие в выработке постоянного устава общества, а позже в работах Статистического отделения общества.

Нам уже приходилось указывать на значительное место, которое в изучении Ближнего Востока играли офицеры генерального штаба. Изучение Ближнего Востока офицерами генерального штаба (как и в других зарубежных странах) уже к середине XIX в. было поставлено на достаточно серьезную высоту, а его дальнейшее развитие тесно связано с именем Д. А. Милютина.

В 1846 г. Д. А. Милютин опубликовал работу под названием «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики», в которой по существу заключалась развернутая программа изучения зарубежных стран как возможных противников. Д. А. Милютин писал, что цель военной статистики «должна состоять в исследовании в данный момент сил и средств государства в военном отношении... Военные силы обнимают... все вообще средства, которыми государство располагает для обеспечения своей внешней безопасности или для достижения силой оружия своих политических целей; следственно и военная статистика обнимает, можно сказать, весь почти состав государства, рассматривая в нем все элементы государства с точки зрения военной, в отношении к средствам ведения войны, оборонительной или наступательной. Таким образом, в Военную статистику непременно должны входить и географические данные, в той степени, сколько исследование этих данных необходимо для определения стратегического положения государства к соседним...»³⁵⁰

Десять лет (с 1845 г.) Д. А. Милютин пробыл профессором Военной академии; его влияние на формирование и направление деятельности офицеров генерального штаба в области изучения географии и статистики (т. е. экономики) зарубежных стран бесспорно. В 1861 г. Д. А. Милютин был назначен военным министром, этот пост он занимал в течение 20 лет и имел возможность уже в чисто административном порядке направлять соответствующую деятельность, давшую весьма значительные результаты, в частности в деле изучения Ближнего Востока.

В течение первой половины XIX в. русскими моряками были произведены значительные работы по описанию берегов Черного моря. Упомянем работы лейтенантов Будищева и

Крицкого (1801) г.) по описанию побережья между Одессой и Константинополем, капитана Влито — между Константинополем и Синопом и капитана Адамопулоса — между мысом Степанос и Самсуном. Позже капитан Влито дополнил свои работы изучением восточного побережья.

Между 1816 и 1826 гг. капитан Беллинсгаузен изучал восточное побережье, а капитан Будищев — устья Дуная.

В 1825 — 1836 гг. капитан Манганари производил измерения в различных частях Черного моря.

В последующие годы (1827 — 1829) Хмелев производил исследование Килийского рукава Дуная и он же исследовал побережье между мысом Калиакрия и Варной, в то время как лейтенант Ушаченко и Трембицкий исследовали район Рушука. В этом же районе по Дунаю в 1831 — 1834 гг. работал Власьев, а в 1841 — 1843 гг. Дунай у Галаца изучал Сорокин.

Побережье между Очаковым и Дунаем изучали в 1847 — 1848 гг. капитан Бутаков и Шестаков, в 1850 — 1851 гг. они изучали побережье между Босфором и Дунаем ³⁵¹.

Крупные работы по описанию Черного, Мраморного и Азовского морей (районы Кефкеля, Кюстенджи) связаны с именами двух братьев гидрографов — Егора Петровича и Михаила Петровича Манганари.

Особо надо отметить работу по съемке Мраморного моря, произведенную в 1845 — 1848 гг. капитаном Манганари и группой офицеров Черноморского флота на турецких военных кораблях и с участием нескольких турецких инженеров ³⁵².

В инструкции на имя Манганари адмирал М. П. Лазарев писал: «Весьма необходимо также, чтобы надписи на карте были бы как можно точнее, и для того постарайтесь собирать их на месте, записывая как можно вернее, с сохранением туземного произношения, для которого должно непременно ставить на надлежащих словах ударение» ³⁵³.

В 1849 г. тендеры «Поспешный» и «Скорый» под командованием лейтенантов Бутакова и Шестакова были отправлены для обозрения турецких берегов Черного моря и собирания сведений, необходимых для составления подробной лоции. Для содействия русским судам были назначены два турецких брига ³⁵⁴.

Эти же оба тендера в августе 1850 г. произвели поверку лоций берегов Черного моря от Босфора до устья Дуная, опять-таки при содействии турецких кораблей ³⁵⁵.

Это очень интересные и малоизвестные факты — о совместной работе турецких и русских картографов-гидрографов.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ЛИТЕРАТУРА О БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX в.

Как и в предшествующее время, в XIX в. важными источниками являются донесения русских дипломатов — послов и консулов, хранящиеся в Архиве внешней политики России, донесения российских военных атташе и др. Здесь же коснемся вскользь и книги А. Н. Мандельштама, доктора международного права, 16 лет проведшего в Турции в качестве драгомана российского посольства. В 1906 г. он опубликовал книгу «Русская консульская юрисдикция в Турции и ее реформы». В журнале «Русская мысль» (1915, кн. I и VI) им была опубликована статья, затем вышедшая отдельным оттиском под названием «Младотурецкая держава». Это историко-политический очерк, сделанный человеком, много лет прожившим в Турции и прекрасно знавшим ее политическую жизнь.

Коротко остановимся на опубликованных донесениях российских консульств. Россия имела в Османской империи разветвленный консульский аппарат. Напомним, что, например, перед началом первой мировой войны в Азиатской Турции насчитывалось около 30 консульств и вице-консульств, в Египте — 11¹.

Министерство иностранных дел с 1897 г. издавало сборники консульских донесений (обычно по четыре выпуска в год), в которых публиковались наиболее важные сообщения дипломатических и консульских агентов по социально-экономическим вопросам: о внешней и внутренней торговле, состоянии и развитии промышленности. Например, в сборнике за 1910 г. был опубликован доклад генерального консула в Константинополе П. Панафидина «Русская торговля в Турции»², прочитанный на русской торгово-промышленной выставке.

К опубликованным в ряде работ Карамзиным, Соловьевым, Дубровиным, Уляницким, Горяиновым и др., введенным в научный оборот огромное количество материалов, следует добавить и ряд документов, опубликованных в свое время в журналах «Русский архив» и «Русская старина», «Архив князя Воронцо-

ва», «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских», «Памятники дипломатических сношений», вошедшие в сборники Русского исторического общества (всего с 1867 по 1916 г. было издано 148 томов). В перечисленных выше работах были помещены документы русских архивов, относящиеся главным образом к XVIII в., но отчасти и более позднего периода. В советское время также были опубликованы документы, относящиеся к XVIII в., использованные в нашей работе. К ним в первую очередь относятся опубликованные в 1950 г. документы «М. И. Кутузов», «Адмирал Ф. Ф. Ушаков» и некоторые другие, посвященные политике Петра I, Екатерины II и использованные нами.

В целом надо сказать, что публикация документов, относящихся к XVIII в., хотя и не имеет исчерпывающего характера, но позволяет привлечь достаточно широкий материал для изучения ряда вопросов, связанных с русско-турецкими отношениями. Большая заслуга в этом отношении принадлежит русским ученым XIX и начала XX в.

Мы уже не раз цитировали работу В. А. Уляницкого «Дарданеллы, Босфор и Черное море», вышедшую в Москве в 1883 г. и представляющую собой его магистерскую диссертацию, и вторую его работу, опубликованную в 1889 г. (докторская диссертация), — «Русские консульства за границей в XVIII в.». Обе работы были награждены премиями Академии наук. Они представляют собой систематические исследования, сопровождаются огромным количеством документов, данных частично в тексте и особенно в приложении.

В. А. Уляницкий (род. в 1855 г., год смерти неизвестен) был отнюдь не востоковедом, а юристом-международником. Он с молодых лет работал в московском Главном архиве министерства иностранных дел, в ряде университетов (Московском, Харьковском, Томском и Казанском), сотрудничал в ряде газет³.

Востоковедами не были ни С. Жигарев, ни С. Горяинов⁴, однако ученые, интересующиеся международными вопросами, связанными с русско-турецкими отношениями, не могут пройти мимо их работ.

С. Жигарев опубликовал в 1896 г. историко-юридические очерки «Русская политика в Восточном вопросе, ее история в XVII—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи».

В первом томе (ч. I) рассматриваются отношения России с Турцией в XVII—XVIII и XIX вв. (до 1841 г.); во втором томе — отношения между Россией и Турцией с 1841 по 1895 г. В части второй книги Жигарев дает критический обзор прошлой политики России на Востоке и рассматривает задачи будущей восточной политики России.

«Преследуя в восточном вопросе две задачи: с одной стороны материальную — открытие проливов из Черного моря в Сре-

диземное, а с другой — религиозно-национальную — освобождение из турецкого рабства и подчинения своих единоверцев и единоплеменников и предоставление им полной возможности справедливо и мирно поделить между собой наследство, остающееся после постепенной политической смерти Османской империи, Россия прежде всего должна твердо помнить, что исчезновение этого государства в Европе неизбежно»⁵.

«Стремясь к достижению свободного выхода в Средиземное море и к образованию независимых государств из христианских народностей империи... Россия должна окончательно оставить мысль о каких бы то ни было территориальных приобретениях за счет земель Востока... Россия не имеет нужды в расширении своих границ...»⁶

Из приложенного к книге библиографического указателя видно, что Жигарев пользовался сборниками трактатов и дипломатических документов, рядом сочинений (книг) и статей в периодических изданиях. Этот библиографический указатель⁷ сам по себе представляет особый интерес.

Работа С. Горяинова «Босфор и Дарданеллы», вышедшая в 1907 г., представляет собой исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранившейся в Государственном и С.-Петербургском главном архивах. Работа основана на тщательном изучении неопубликованных документов: она охватывает период с конца XVIII в. до Берлинского конгресса 1878 г. включительно, причем подавляющая часть исследования относится к XIX в. В отличие от работ Уляницкого книга Горяинова не содержит, как правило, полных текстов тех или иных документов: документы цитируются в выдержках, иногда просто излагаются.

Работа А. А. Гирса «Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших отношений с Турцией» была опубликована в Петербурге в 1906 г. Первоначально она печаталась в «Русском вестнике» в 1896—1897 гг. В этой работе автор опубликовал в виде отдельных очерков небольшие исследования по отдельным, можно сказать частным, вопросам и некоторые документы.

Работы Жигарева, Уляницкого, Горяинова и др. представляют значительную ценность для каждого занимающегося проблемой международного правового режима Черноморских проливов.

Из работ дипломатического порядка, относящихся к событиям XIX в., мы хотели бы в первую очередь отметить ряд записок русского дипломата и государственного деятеля графа Н. П. Игнатьева (1832—1908). По окончании Академии генерального штаба он с 1856 г. находился на дипломатической службе, с 1861 по 1864 г. был директором Азиатского департамента министерства иностранных дел, в 1864—1877 гг. — посланником, а затем послом в Турции. В начале 1877 г. Игнать-

ев был направлен в Берлин, Лондон, Париж и Вену, чтобы обеспечить нейтралитет европейских держав в надвигающейся войне. Игнатьев принял деятельное участие в подготовке Сан-Стефанского мирного договора. После того как этот договор был заменен явно невыгодным для России Берлинским трактатом, отошел от дипломатической деятельности.

Интересную оценку деятельности Игнатьева дал генерал Г. И. Бобриков: «Если блистательному нашему послу удалось занять первенствующее положение у трона калифа всех правоверных, то в среде последних, у софт и улемов, он давно считался страшным шайтаном, которого ненавидели и боялись, но силу безусловно признавали. Все усилия генерала Игнатьева внушить туркам доверие и дружбу к русским, возобновить традиции 1833 г., когда русский корпус войск был приведен на берега Босфора для защиты Стамбула от Египетского Хедива, оказались напрасными. Мы по-прежнему нагоняли на турок страх и отнюдь не вызывали доверия»⁸.

Основной целью своей деятельности Н. П. Игнатьев считал добиться, чтобы «Россия одна могла хозяйничать на Балканском полуострове и в Черном море, чтобы распространению Австро-Венгрии был положен предел и чтобы восточные народности, в особенности же славянские, обращали свои взоры исключительно на Россию, ставя свою будущность в зависимость от нее, а не от других европейских государств»⁹.

Игнатьев, как правильно отмечает В. М. Хвостов, являлся «весьма влиятельной фигурой в рядах русских дипломатов... Его-то и уполномочил царь вести мирные переговоры с Турцией. Крайний сторонник великодержавной русской политики, Игнатьев властно продиктовал Порте условия мира» (Сан-Стефанский мир 1878 г.)¹⁰.

После смерти Н. П. Игнатьева были опубликованы его записки о событиях 1864—1874 и 1875—1877 гг.¹¹ и «Поездка по европейским странам перед войной 1877 г.»¹².

Записки Игнатьева характеризуют как русскую политику в отношении Османской империи, так и политику западных держав, а также внутриполитическое положение в империи, сербско-турецкую войну, восстание в Болгарии 1876 г., убийство султана Абдул Азиза. Игнатьев обвиняет Англию в том, что она способствовала революции в Турции (так он называет движение младоосманов), говорит о тесных отношениях, существовавших между английским послом Эллиотом и Мидхат-пашой¹³.

Для изучения обстановки, предшествовавшей русско-турецкой войне 1877—1878 гг., и событий после нее все записки графа Н. П. Игнатьева имеют серьезное значение.

Воспоминания о событиях перед войной 1877—1878 гг. и после нее оставил и другой русский дипломат — А. И. Нелидов. Он был на дипломатической работе в российском посольстве

в Константинополе (советник), во время войны был директором дипломатической канцелярии при великом князе Николае Николаевиче, позже занимал пост посла в Турции и затем в Париже. Воспоминания А. И. Нелидова были опубликованы в 1915 г. в Париже¹⁴.

Некоторые дипломатические документы, в том числе и связанные с дипломатической деятельностью А. И. Нелидова, были опубликованы В. М. Хвостовым. К ним относятся «Проблемы захвата проливов в 90-х годах XIX века»¹⁵, «Ближневосточный кризис 1895—1897»¹⁶, «Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов»¹⁷, «Проект захвата Босфора в 1897 г.»¹⁸.

Крупным, весьма влиятельным и очень знающим дипломатом являлся Иван Алексеевич Зиновьев. Он окончил курс в Лазаревском институте восточных языков, затем получил степень магистра восточной словесности. В 1851—1859 гг. он находился при посольстве в Тегеране, в 1860—1862 гг. был консулом в Реште, в 1862—1863 гг. — генеральным консулом в Тавризе, затем первым секретарем в посольстве в Тегеране и в 1876—1883 гг. — посланником в Тегеране (в 1880—1881 гг. участвовал в экспедиции по завоеванию Ахалтекинского оазиса). С 1883 по 1891 г. был начальником Азиатского департамента министерства иностранных дел и руководителем всей восточной политики. В 1897 г. он занял пост российского посла в Турции, на котором пробыл до 1909 г.

Зиновьев опубликовал книгу «Россия, Англия и Персия»¹⁹, в которой, правда, не уделено внимания Османской империи. Часть документов И. А. Зиновьева, относящихся ко времени его пребывания на посту посла в Турции, равно как и ряд других дипломатических документов, связанных с Турцией, были опубликованы Г. Л. Бондаревским в его двух книгах: «Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток, 1880—1903» (Ташкент, 1955) и «Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива» (М., 1968).

Некоторые документы из Архива внешней политики России, позволившие мне выяснить ряд вопросов, связанных с изучением Ближнего Востока, были мне любезно предоставлены Г. Л. Бондаревским.

Заслуживает внимания работа российского консула в ряде пунктов Османской империи — особенно в Басре и Багдаде — А. А. Адамова. По возвращении в Россию он опубликовал книгу «Ирак Арабский. Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем» (СПб., 1912).

В книге дается географический очерк, описывается административное устройство, подробно освещается национальный состав (население, его занятия). Специальные разделы отведены вопросам торговли и экономики. Большой исторический

раздел книги посвящен древней истории Ирака, истории под владением турок до XVIII в., истории XVIII в., новейшей истории до XX в. В предисловии к книге автор пишет: «Сводка в одно целое исторических материалов, разбросанных небольшими отрывками по сочинениям разных авторов, является, насколько нам известно, первым опытом в применении к Ираку Арабскому, поэтому автор заранее просит читателей благосклонно отнестись к его настоящей попытке выяснить последовательный ход местных исторических событий и связь их с общей историей Турции и Ирака». Историческая часть книги А. А. Адамова «Ирак Арабский» отнюдь не является самостоятельным исследованием.

Часть работ Адамова была опубликована в сборниках консульских отчетов. Из статей Адамова (выдержки из консульских отчетов) упомянем «Финиковую промышленность Бассорского вилайета»²⁰.

В. В. Бартольд писал о книге Адамова: «О южной части Месопотамии на русском языке имеется обширный труд А. Адамова, написанный на основании долголетнего своего знакомства с краем, но в своей исторической части находящийся в полной зависимости от западных пособий и заключающий в себе много неточностей»²¹.

Особый интерес представляют осуществленные Е. А. Адамовым (не путать с А. А.) публикации документов из Архива внешней политики России: «Раздел Азиатской Турции»²² и «Константинополь и проливы»²³ — исключительно полная и строго научная подборка всех дипломатических документов, относящихся к данным темам.

Ряд документов, относящихся к Ближнему Востоку (с января 1914 по апрель 1916 г.), опубликован в хорошо известной многотомной серии «Международные отношения в эпоху империализма»²⁴.

В самые последние годы осуществлена публикация документов под редакцией А. Л. Нарочницкого — «Внешняя политика России»²⁵.

Вторая половина XIX и начало XX в. богаты записками, воспоминаниями многочисленных русских путешественников, ученых, дипломатов, офицеров, писателей, журналистов, посещавших страны Ближнего Востока.

Еще в 1912 г. министерство торговли, имевшее своих специальных представителей в Константинополе и Софии, организовало экспедицию для изучения рынков Ближнего Востока. Целью экспедиции являлось не только теоретическое изучение рынков, но и установление по возможности непосредственных торговых связей России с крупнейшими потребительными центрами Ближнего Востока.

Специальная комиссия выработала большую программу работ. Она наметила, в частности, пересмотр действующих торго-

вых договоров, приспособление деятельности РОПиТа²⁶ к интересам и нуждам ближневосточного экспорта и др.²⁷

В составе экспедиции находились 5 правительственных членов от министерства торговли и промышленности и министерства финансов и 16 представителей от торгово-промышленных кругов (в том числе трое от нефтяной фирмы братьев Нобель). Заведовал делами экспедиции чиновник особых поручений при министре торговли и промышленности В. К. Лисенко, который впоследствии составил отчет о ее работе²⁸. Экспедиция посетила Болгарию, Сербию, Турцию и Египет.

В разделе отчета, посвященном Турции и Египту, рассматриваются положение сельского хозяйства и промышленности стран, деятельность иностранных банков, музеев, торговых палат, дается характеристика посещенных портов; особо рассматриваются рынки отдельных товаров. В главных выводах отмечается, что во главе борьбы за экономическое преобладание в странах Ближнего Востока стоят Германия и Австро-Венгрия, на долю которых приходится около 50% всего ближневосточного импорта (на долю Англии, Италии, Франции, Бельгии и США — примерно 40%), участие же России во ввозе иностранных товаров на Ближний Восток представляется крайне незначительным (так, например, для Турции — 6% и для Египта — 3%)²⁹.

С началом военных действий на Кавказском фронте (в войне 1853—1856 гг.) и продвижением русских войск в пределы Азиатской Турции начались работы специально созданного геофизического отряда под командованием генерал-майора И. И. Ходзько³⁰. Уже в 1853 г. была закончена триангуляция Закавказского края. В дальнейшем она была осуществлена на территории от Александрополя до Эрзурума. В перерывах между военными действиями геодезисты занимались топографической съемкой местности. К 1856 г. в Азиатской Турции было тригонометрически определено положение 42 пунктов, для 36 точек определены высота над морем.

В изучении геологии Армении и смежных с ней районов большую роль сыграл известный геолог, виднейший исследователь Кавказа Герман Вильгельмович Абих (1801—1886)³¹.

Г. В. Абих прибыл в Россию из Германии в 1842 г. в связи с избранием его профессором Дерптского университета. С 1844 г. его научная деятельность большей частью посвящена России, изучению Кавказа и граничащих с ним районов Персии и Турции. Чтобы познакомиться с геологическим строением Армении, Абих в 1845 г. предпринял восхождение на Арарат, на его восточную вершину, а в 1846 г. совершил первое путешествие в так называемую Турецкую Армению. Он перешел границу у озера Чалдыр, по долине Аракса добрался до Эрзурума, посетил теснины Евфрата и по Чорохо-Евфратскому водоразделу через Артвин и Батум вернулся в Кутаис³².

Второе путешествие Абих совершил в 1859 г.: «Отклоняясь в стороны от прежних маршрутов, я перенес свои наблюдения из речной области Евфрата в некоторые части области Чороха, проследовал от Байбурта по дороге на Эрзингян через Сипинкорский перевал, искрестил в различных направлениях равнину того же имени и направился от Мамахатуну через Мейрамские горы в Ашкалу и Эрзерум... следуя из Гасан-Кале Пасинской долиной и добравшись через высокое плоскогорье по глубокой долине Аракса до Кагызмана, я возвратился... в Александрополь»³³.

О результатах исследования Армении была написана книга³⁴, в которую входят, в частности, разделы: Александропольское плато, Карское плато, Пасинский округ, Гаринская, или Эрзерумская, горная равнина, уступ долины Евфрата у Ашкалы, Верхний уступ Чорохской долины, Эрзингянский уступ долины Евфрата, Терджанский уступ долины Евфрата, Пограничная область между Пасином и Кагызманом, Кагызманский и Кульпинский уступы долины Аракса и др.

Значение работы Абиха для изучения орографии и геологии Армении очень велико. Широко известны труды Абиха по Кавказу, исследованию которого он посвятил 42 года: описал его геологическое строение, месторождения полезных ископаемых. Труды ученого до сих пор служат источником ценных сведений по геологии изученных им стран.

Из многочисленных воспоминаний участников войны 1853—1856 гг. можно отметить книгу Н. Н. Муравьева³⁵, главнокомандующего на Кавказе, известного уже нам автора книги «Русские на Босфоре». Новая книга написана на богатом историческом материале. Интересны описания различных районов Малой Азии, особенно района русско-турецкой границы до Эрзурума, Карса и других городов.

Яркую характеристику курдского народа находим мы в записках другого участника войны — генерал-майора М. Лихутина³⁶, отряд которого большей частью действовал в Курдистане.

Особенно близко Лихутину удалось познакомиться с курдскими племенами Малого Курдистана, т. е. всего Баязетского пашалыка, северных частей Ванского и Мушского и южной части Карского пашалыков, а также южных частей Эриванской губернии и персидских провинций Макинского ханства.

Во второй половине XIX в. на Ближний Восток был совершен ряд путешествий.

В 1857 г. посетил Грецию и Турцию и оставил свои путевые записки писатель Александр Петрович Милюков³⁷.

В главе «Изнанка Константинополя» Милюков рисует следующие контрасты: «Здесь прекраснейшая в свете панорама и грязные улицы, великолепная мечеть подле остатков пожарища, мраморные киоски рядом с полуобрушенными лачугами, кладбище среди шумного базара, дымящееся благовонное нар-

гилэ в виду навозной кучи, прекрасные глаза красавицы наряду с обнаженными напоказ ранами нищего...»

Милюков посетил во время праздника (байрама) мечети, монастыри, где в танце вертятся дервиши мевлеви, видел моление секты шемси (танец с кинжалами), подземные цистерны, базар (безестан), бани.

Весной 1857 г. совершили поездку в Алжир профессор Николаевской академии генерального штаба полковник А. И. Беренс и подполковник Аничков. Результатом этой поездки явилась статья Беренса «Кабилия в 1857 г.». Статья эта привлекает наше внимание не столько наблюдениями географического и этнографического характера, сколько как страничка из истории кровавого хозяйничанья французских захватчиков и упорно сопротивлявшейся оккупантам стране. Беренс разоблачает кровавые методы, применявшиеся французскими властями в борьбе с кабилами. Он принимал участие в экспедиции, имевшей целью одним ударом положить конец независимости, сохраненной племенами до 1857 г.

Он так расценивает действия колонизаторов:

«Нам кажется, что и в настоящем взгляде образованных наций на отношения к младшим и грубым братьям своим по человечеству преобладает предрассудок, будто бы единственным средством к цивилизации их служат силы оружия. Кровавый способ этот слишком часто предпочитается более верному, хотя и медленному средству покорить дикарей посредством развития у них врожденных человеку инстинктов духовной и материальной деятельности...

В причинах, которые увлекли французское правительство прибегнуть к силе оружия для завоевания этой страны, нам кажется, весьма ясно отражается убеждение в преимуществах такого насильственного способа перед всеми остальными мирными средствами... Кабилю... по своему общественному и политическому устройству далеки от первобытного, дикого состояния и никогда не угрожали, да и не в силах были угрожать французам в спокойном обладании ими края».

Записки Беренса представляют ценный материал для изучения Алжира в рассматриваемый период, тем более ценный, что мало имеется русских работ о странах Северной Африки в XIX в.

Много интересного находим в статьях известного писателя и переводчика Николая Васильевича Берга³⁸ о путешествиях по Сирии, Палестине и Египту в течение двух лет, с 1860 по 1862 г. В них масса наблюдений бытового характера, в частности о жизни бедуинов.

Заслуживает внимания рассказ о беседе Берга с одним португальцем в Каире, неким Франча, об отношении бедуинов к иностранцам: «Этот народ очень любит русских преимущественно перед всеми другими европейцами, и знаете ли почему:

русский с ними проще и человечнее. Француз и англичанин, особенно последний, обращается с ними, как с животными. Англичанин ни за что не станет с ними беседовать и бросит им гиней, как кусок собаке. Этот, по-видимому, беззастенчивый, полуголый народ, обернутый в лохмотья грязного полотна, бедный и стесненный до последней степени, чувствителен, как никто, к ласке странника, занесенного в его пустыню. Дай ему меньше, но дай по-человечески, и он будет это помнить долго и пронесет ваше имя из рода в род»³⁹.

Более двух лет провел Берг в Сирии. В 1862 г. под впечатлением сирийских событий он написал очерк, в котором говорит о том, что причиной кровавых маронитско- друзских событий явились англо-французские противоречия. При этом он не отрицает, что между этими племенами происходили иногда кое-какие кровавые столкновения, домашние старые споры, но вытекали они из причин, «выросших на туземной почве», и были усложнены вмешательством европейских стран.

На обратном пути в Россию в августе 1862 г. Берг остановился в Константинополе⁴⁰. Мы не описываем его дальнейшее путешествие. Скажем только, что Н. В. Бергу принадлежит изданный в 1863 г. в Петербурге «Путеводитель по Иерусалиму и его ближайшим окрестностям».

Из многочисленных статей Н. В. Берга отметим также «Мои скитания по белу свету», печатавшиеся в разных журналах⁴¹, в основном касающиеся его пребывания в 1862 г. в Сирии и Ливане. В них много любопытных зарисовок быта Бейрута и Дамаска. Автор говорит о взаимоотношениях между арабами униатами и православными, об усилиях российского консула в Дамаске по укреплению влияния православной церкви, о встрече с шейхом бедуинского племени валид-али.

Неизвестный нам автор под псевдонимом С. Н.⁴² оставил «Константинопольские письма»⁴³ периода 1861—1866 гг. В них он подводит итог деятельности султана Абдул Меджида, при котором Восточная война кончилась полным порабощением Турции западными державами, характеризует политическую обстановку в стране.

Перу того же автора принадлежит статья «Две поездки в Брюссель»⁴⁴.

Сравнивая состояние шелковой промышленности в 1865 и в 1861 г., автор приходит к выводу, что за последние четыре года производство шелковых тканей сильно упало: «Из двадцати шелкопрядильных фабрик, тогда существовавших, теперь работали только шесть или пять. Закрыванию прочих способствовали не столько последние неурожайные годы, сколько чрезмерные налоги, которыми обложены теперь шелковичные деревья. От этого их стали меньше разводить...»⁴⁵

Автор говорит о причине, почему многие жители Турции стали заниматься разбоем: «Многих толкнуло на этот путь от-

чаяние, вынужденное печальными, тяжкими обстоятельствами. Самое обыкновенное из таких обстоятельств — притеснение со стороны турецких властей».

17 февраля 1861 г. факультет восточных языков Петербургского университета командировал на Восток Владимира Федоровича Гиргаса. За время путешествия, продолжавшегося с 1861 по 1864 г., он посетил Сирию, Палестину, Египет⁴⁶.

Гиргас отправился на Восток в августе 1861 г. и до 1 мая 1864 г. находился в Египте и Сирии. На него была возложена задача «посетить главнейшие земли, в которых употребляется арабский язык, как-то: Сирию с Палестиной, Египет, доступнейшие для европейцев места Аравийского полуострова, посвятив несколько времени на пребывание в Месопотамии и Ирак Араби; при этом должно было не только заняться изучением арабской литературы... потребовалось также обратить внимание на образованность упомянутых стран»⁴⁷.

В отчете Гиргаса мы находим описание «системы мусульманского образования» и характеристику разговорного языка Арабского Востока. Подробно описав систему обучения в Аль-Азхаре, Гиргас подчеркивает: «... в настоящее время исключительно обращают внимание на богословские и юридические науки, оставляя преподавание географии, истории, математических и естественных наук как предметов, не относящихся к религии...

Исключительное изучение богословских и юридических наук иссушает сердце и ум, наполняя его одними техническими терминами, не имеющими никакого приложения в жизни. Оттого мы замечаем во всех ученых мусульманах необыкновенную отсталость и отсутствие первоначальных понятий о географии, истории, не говоря уже о естественных и математических науках»⁴⁸.

Далее Гиргас указывает, что большая часть училищ, основанных Мухаммедом Али, была уничтожена его преемником, сохранилось лишь медицинское училище.

Познакомившись с состоянием образования у арабских христиан, Гиргас пришел к выводу, «что христианские населения Востока в деле образованности стоят гораздо выше мусульман».

Гиргас обращает внимание на деятельность американских миссий: «Американская миссия, появившись в Сирии в начале тридцатых и в Египте в сороковых годах с целью склонить тамошние христианские населения к своему вероисповеданию, основала в Бейруте, Дамаске, Иерусалиме, Александрии, Каире и других городах Востока училища для воспитания детей восточных христиан обоого пола... Составлены были американскими миссионерами учебники на арабском языке; заведена была типография в Бейруте. Разумеется, все образование было направлено с целью приобрести себе последователей в молодом

поколении»⁴⁹. Создание американскими миссионерами школ на Востоке Гиргас расценивал как явление положительное и не видел в нем политического орудия капиталистических стран для укрепления своего влияния.

Вернувшись в Петербург, В. Ф. Гиргас в 1865 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Права христиан на Востоке по мусульманским законам». В 1873 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную арабским грамматическим теориям.

В 1862 г. Управление государственного коннозаводства командировало на Ближний Восток полковника М. Н. Дохтурова⁵⁰, со специальным заданием отобрать новых производителей для рассадника породистых арабских лошадей при государственных конных заводах.

Дохтуров посетил Константинополь, Бейрут, Александрию, Алеппо, Урфу, Хаму, Хомс, Баальбек, из Сирии проехал в Египет, затем в Иерусалим и Дамаск. В Бейруте Дохтуров застал европейскую комиссию, которая прибыла для расследования причин друзко-маронитской резни 1860 г. Об этих событиях Дохтуров пишет:

«Вражда же между маронитами и друзами если не происходит, то по крайней мере поддерживается антагонизмом католической и англиканской пропаганд...

Что бы ни говорили о сирийской резне, но неоспоримо, что поводом к ней был не один мусульманский фанатизм»⁵¹.

В Урфе Дохтуров был свидетелем набора солдат: «Рекруты брались по жребию, и тому, которому выпадал такой жребий, тотчас надевали на ноги деревянные колодки и отводили в тюрьму до отправления по полкам»⁵². Из Урфы вместе с сопровождавшими его лицами он поехал к бедуинам племени шаммаров. Путники были приняты братом главы племени Абдул-Керима — Раззаком, побывали в ряде кочевьев, осматривали лошадей. Позже Дохтуров посетил племена анезе и ирволи, бедуинов племени валид-али. В Дамаске он сделал визит Абд-аль-Кадиру.

В целом путевые записки Дохтурова, характеризующие жизнь и быт многих бедуинских племен, представляют и сейчас интерес для этнографов, географов, историков.

Известный исследователь Пермского края Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828—1893) в 1861 г. совершил путешествие на Восток. О результатах путешествия он опубликовал статьи и книги⁵³.

Ярким, образным языком он описывает места, в которых побывал:

«От Суэца идет голая пустыня, на которой встречается первый небольшой оазис Аюн Муса, немного далее его — уади Кхарандель. Все это пространство представляет совершенную плоскость, за исключением едва заметных возвышенностей... Пески, идущие от Суэца... накрыты иногда массами

красной, черной или пепельного цвета лавы; вся эта часть пустыни до больших гранитных гор лишена, кроме упомянутых выше оазисов, всякого признака растительности... Вода встречается на всем полуострове весьма редко, в виде природных скудных артезианских колодцев, имеет вкус солоноватый, горько-соленый и, кроме источников в уади Барак и в ущелье Накб Гауа, совершенно негодна для употребления человеком... Среди этой бедной природы скитаются племена, разделяющиеся на три группы: между уади Насэб и уади Кхарандель — алейкаты, в окрестностях приморского селения Тора — авлад-сулейманы и джабелиэ (горцы)...

Последние суть непосредственно монастырские слуги, гнездящиеся в окружающих монастырь скалах. У них нет положительно никакого имущества; питаются они подачками монастыря, в котором исполняют все потребные работы»⁵⁴.

В небольшой брошюре «На пути к Синаю» Смышляев рассказывает об Александрии и Каире, где он побывал в конце 1864 — начале 1865 г. Книга «Синай и Палестина» значительно дополнена описанием Палестины (Яффа, Иерусалим, Хеврон, Вифлеем, р. Иордан, Назарет, Хайфа).

Много лет спустя, в 1885 г., Д. Д. Смышляев, пермский уполномоченный Палестинского православного общества, снова ездил в Палестину⁵⁵. Выполняя ряд поручений общества, он оставался в Палестине до 1889 г.

В записках одного из членов посольства под названием «Константинопольский хаос» мы находим следующую характеристику положения Турции:

«Государственный долг — это огромная змея, обвившаяся вокруг всей Турецкой империи и которая рано или поздно неминуемо задушит ее. Таможня заложена, каменноугольные копи в Малой Азии заложены, коронные поместья, поземельный налог, карманные деньги султанши, то есть весь доход с островов Родос, Хиос, Кипр, заложены; все дворцы, леса, рудники, каменоломни, бриллианты, привилегии, монополии, другие государственные доходы — все, все заложено капиталистам в Константинополе, Смирне, Манчестере, Лондоне. Султан, нация, государство — все по уши в долгу, и этот долг растет, постоянно растет... Но кто же платит, какие доходы могут покрывать эти проценты, эти счета на гарем, на постройки всех этих дворцов, на армию, на флот, на бюрократию? Кто платит? Спросите у этих оборванных, истощенных солдат, грызущих в своей казарме черствую корку хлеба, сколько у них отнимают жалованья на то, чтобы откармливать этих сытых, наглых евнухов сераля...

Что же поддерживает еще это колеблющееся положение этого увязшего в долгах государства? Поддерживают хорошие качества турецких подданных: терпение, честность, неутомимое трудолюбие. В Европе имеют совершенно ложное понятие о тур-

ках, представляя их себе какими-то вечно курящими и вечно мечтающими автоматами. Посмотрите на земледельца... как деятельно он трудится целый день на своей пашне, понукая своих волов... А кто отправляет в городах все тяжелые работы? Кто эти носильщики, кучера, извозчики, садовники, башмачники, кузнецы, портные, мясники, разносчики и всякие ремесленники? Все природные турки».

В 1867 г. директор Кавказского музея и Публичной тифлисской библиотеки, зоолог и географ Г. И. Радде совершил путешествие в Турецкую Армению. Он посетил плато на высоте шесть—шесть с половиной тысяч футов, простирающееся от Тавра до прибрежных гор Аджарии.

Г. И. Радде приводит важные сведения по экономике и этнографии Турецкой Армении. «Край этот удобен для скотоводства и овцеводства... Образ жителей этой страны по преимуществу кочевой. Здешнее кочевое население относится к племенам грузинскому, армянскому, турецкому, курдинскому и туркменскому, местами встречаются карапахи, замечательные утратой мусульманского фанатизма; они состоят из суннитов и шиитов, живущих в полном согласии. Оседло живут здесь армяне, турки и очень небольшое число грузин. Хотя особенным благосостоянием не пользуется ни одно из этих племен, одного нельзя не заметить, что беднее всех турки...»⁵⁶.

Радде приводит также сведения о туркменских племенах, «обитающих у истоков Канычая», подробно описывает Ардаган⁵⁷, рассказывает об «одном редком товаре, который имеет для турецких купцов большое значение», — о «краденых христианских девушках».

Позже, в 1871 и 1874 гг., Г. И. Радде еще два раза ездил в Армению: достиг верховьев Евфрата, совершил восхождение на Арарат, изучил долины Кублан-чая, Чороха, район Эрзурума. В путешествии 1874 г. его сопровождал доктор естественных наук Сиверс. Были собраны богатые ботанические коллекции.

«Путешествие это представляло во многих отношениях особенный интерес. Оно далеко расширило к з[ападу] и ю[гу] исследованную до этого область в Армении и на истоках Аракса, Чорока и Фрата и дало возможность изучить местность, которой до сих пор почти не касались ученые исследования... При специальной разработке собранных богатств коллекции получилась возможность сравнить высокоальпийские растительные зоны обоих Араратов, Алагеза, Бингель-Дага и горы Капуджих не только между собой в их морфологических отношениях, но и распространение этих зон вообще на Кавказе»⁵⁸.

Наблюдая за распределением растительности на склонах Большого Арарата, Радде делает вывод, что верхняя граница ее находится здесь значительно выше, чем на Главном Кавказском хребте⁵⁹.

В поездку 1874 г. Г. И. Радде основательно изучил Бингель-Даг⁶⁰ (гора тысячи озер, область истоков Аракса) и дал прекрасное описание его богатой флоры.

После Бингель-Дага Радде и его спутники побывали на Хнысской равнине, «к которой спускаются несколько отлогих широких токов застывшей лавы», повсюду собирали растения для гербария.

Труды Г. И. Радде имели большое научное значения для своего времени, в известной мере они сохранили познавательную ценность и сегодня. Автор не просто описывал то или иное географическое явление, но и вскрывал взаимообусловленность их, приводил много полезных сведений по географии, этнографии, экономике посещенных мест.

В 1890—1891 гг. Г. И. Радде сопровождал великих князей Александра и Сергея Михайловичей, сыновей великого князя Михаила Николаевича, в их заграничном плавании на яхте «Тамара» на Дальний Восток и после своего возвращения опубликовал книгу о своих путевых впечатлениях⁶¹. Яхта прошла из Петергофа вокруг Европы через проливы в Севастополь и на побережье Грузии, попутно остановившись в Алжире, и затем через Босфор и Суэцкий канал — на Дальний Восток. Радде вел дневник: Ближнему Востоку в нем посвящена гл. III. Путешественники посетили Константинополь, Чесму, Порт-Саид, Суэцкий канал, Каир, Мемфис, Аден.

Мы отметим лишь заметки о пребывании в Адене, где яхта простояла двое суток: «Англичане, владея им с 1839 г., сделали из жалкой, с несколькими сотнями жителей, деревушки второй Гибралтар. Конечно, им это стоило огромных затрат и труда, но нужно отдать справедливость: англичане — прозорливый народ. Как устроились они на этих изборожденных скалах, достигающих до 1776 футов и господствующих над морем, и на соседних базальтовых серо-пепельных высотах»⁶².

В 1879 г. русский офицер Я. Д. Малама был назначен секретарем консульства в Эрзуруме. Трехлетнее пребывание в должности секретаря консульства в Эрзуруме и многочисленные его поездки по району позволили Я. Д. Маламе дать прекрасное описание Эрзурумского вилайета, включающее разделы об административном делении, населении и налогах, типографии, климате, минеральных водах, условиях землевладения, земледельческих культурах, скотоводстве, минералах и металлах, заводской промышленности, путях сообщения. Кроме описания вилайета Я. Д. Малама представил сведения о положении церкви, народного образования, финансах, торговле и др. Заслуживает внимания глава, посвященная положению в сельском хозяйстве⁶³.

Внимание Маламы привлекла налоговая система в Турции, где «не только определение чистого дохода, но даже оценка имущества делаются весьма неправильно, убавляя стоимость

имущества людей богатых и влиятельных и возвышая ценность лачуги бедняка»⁶⁴. Характеризуя ашар и способы его взимания, Малама делает вывод, что этот налог также в значительной степени влиял «на уменьшение запашек».

Весьма интересна деятельность полковника Г. Н. Казбека, написавшего две работы о Турецкой Грузии⁶⁵, вернее, о Лази-станском санджаке, на основании личных наблюдений в путешествии 1874 г. и съемок, проведенных его спутником Ильиным. В статье «Три месяца в Турецкой Грузии» помимо географического описания района он приводит ценные сведения о населении, социальных отношениях.

Маршрут Г. Н. Казбека пролегал через Абастуманское ущелье, Кваблиан-чай, пограничную русскую деревню и провинцию Верхняя Аджара. В этой турецкой провинции Г. Н. Казбек пробыл недолго и оттуда направился в Шавшет, затем через Ардануч и Артвин прибыл в Лазистан. Г. Н. Казбеку удалось посетить те части Турецкой Грузии, которые на картах либо не были указаны, либо были изображены только в общих чертах.

В Верхней Аджаре Казбек посетил ее столицу Хуло и ряд деревень: «Аджара сплошь населена народом картвельской расы... Костюм здесь гурийский. По религии аджарцы довольно строгие мусульмане. В домашнем быту все говорят по-грузински, но все взрослые знают также турецкий язык»⁶⁶.

В Шавшете он провел две недели: «В Шавшете все знают, что их страна оторвана насильственно от Грузии и что религия их отцов была христианская... Теперь еще живет в народе традиционное уважение к здешнему грузинскому храму»⁶⁷.

Поездка завершилась посещением Батуми. Записки Г. Н. Казбека представляют ценный источник для изучения Лазистанского санджака 70-х годов XIX в.

Строительство Суэцкого канала привлекло внимание научных и общественных кругов в России. Оно широко освещалось на страницах изданий Географического общества и в периодической печати. В 1862 г. в газете «Одесский вестник» и в «Морском сборнике»⁶⁸ была опубликована статья молодого офицера мичмана Александра Ковалевского о значении строительства канала для международного судоходства и, в частности, для русского мореплавания. Он показал, что не европейские колонизаторы, а египетские феллахи были подлинными строителями канала. Для того времени это было довольно смелое высказывание⁶⁹.

Ковалевский был глубоко возмущен жестоким обращением колонизаторов с местным населением: «Нельзя не пожалеть полудикого, но способного араба, видя, как его просветители бичуют тростью эту 10-тысячную армию рабочих... не получающих никакого вознаграждения и не видящих конца своему труду»⁷⁰. Он гневно осуждает поведение французской администра-

ции: «Французы... в век гуманности и прогресса расставили у каждого участка по шейху да по employé с тростями наподобие наших бывалых линьков»⁷¹.

В России многие получили приглашение приехать на торжество по случаю открытия Суэцкого канала. 27 октября 1869 г. из Одесской гавани отплыли в Египет два парохода — «Генерал Коцебу» и «Владимир», с 60 гостями на каждом, военная шхуна «Псезуапсе», пароход «Олег» и яхта «Яхонт» под флагом контр-адмирала Бутакова. В числе гостей находились чиновник министерства внутренних дел писатель В. А. Сологуб (1814—1882), художник И. К. Айвазовский, российский посол Н. П. Игнатьев. Среди прочих на торжестве присутствовали жена Наполеона III и Абд-аль-Кадир.

В. А. Сологуб описывает церемонию открытия канала, поездку по вновь открытому каналу от Порт-Саида до Суэца, торжества, связанные с этим грандиозным событием⁷². Писатель вкратце рассказывает историю правления Мухаммеда Али, делится своими путевыми впечатлениями. Он отмечает, что до 1820 г. Египет не знал хлопчатника, что первые опыты его посадок начались только с 1820 г. Представляет интерес замечание Сологуба: «Я ни одного француза не видел, который не был бы заранее убежден, что рано или поздно, но англичане вытеснят французов из перешейка, как вытеснили из Индии»⁷³. Как известно, впоследствии именно так и случилось.

Журналист, сотрудничавший в «Санкт-Петербургских ведомостях», а позже в «Новом времени», К. В. Скальковский в 1869 г. отправился через Египет в Индию, остановившись на некоторое время в Константинополе. Его поездка совпала с торжествами в Порт-Саиде по случаю открытия Суэцкого канала. Наряду с подробным описанием церемонии открытия он отметил любопытную деталь: «Я сразу заметил, что все часовые и матросы были в роскошных красных мундирах, но босые. Подобное одевание есть лучшая картина современного состояния Египта. В то время когда вице-король живет в роскоши... когда министры его получают жалованье по 300 и 400 тысяч франков в год, то есть в шесть раз больше прусских министров, простой народ — феллахи пребывают в самой жалкой бедности. Между тем по замечательному плодородию своей почвы и географическому положению Египет мог бы занять одно из первых мест по богатству»⁷⁴.

Путь в Индию К. В. Скальковский совершил по Суэцкому каналу на русском пароходе «Нахимов». Это был один из первых русских путешественников, описавших Аден после захвата его Англией в 1839 г.:

«На высотах, окружающих Аденскую бухту, видны везде укрепления, вооруженные орудиями...

Выбором Адена руководила вообще весьма разумная мысль...»⁷⁵

Особо хотим мы остановиться на некоторых работах офицеров генштаба и на астрономическо-тригонометрической экспедиции в Турцию в 1867 г.

Многие русские работы и ряд иностранных источников послужили основой военно-статистического сборника «Империя Турецкая»⁷⁶, составленного в 1868 г. Для своего времени это издание имело важное значение.

19 марта 1868 г. в заседании физико-математического отделения Академии наук акад. Струве сообщил о произведенных зимой 1867 г. в Турции «с согласия тамошнего правительства исследованиях относительно проложения тригонометрической сети для продолжения на юг градусного измерения Русской дуги меридиана»⁷⁷. По согласованию с турецким правительством группа русских офицеров-геодезистов, к которым были прикомандированы турецкие офицеры, была отправлена на Балканы. Во главе экспедиции стоял капитан Кортацци.

Вспоминая впоследствии об этой экспедиции, один из ее участников — Г. И. Бобриков писал: «На берегах Босфора мне приходилось быть не в первый раз. Еще в 1867 году была командирована партия офицеров-геодезистов генерального штаба на Балканский полуостров для ознакомления с условиями местности в видах продолжения измерения дуги меридиана до острова Кандия. Основная ученая мысль принадлежала Струве, главному астроному Пулковской обсерватории; находчивое ее применение — нашему послу в Константинополе генерал-адъютанту Н. П. Игнатьеву... В то время во главе министров падишаха стояли выдающиеся Али-паша и Фуад-паша. Когда последнему писали об опасности допускать внутрь христианских областей русских и офицеров генерального штаба, умница Фуад-паша справедливо отвечал, что в 1829 году русская армия сама нашла дорогу к Адрианополю, а от теперешней поездки русских образованных людей все-таки будет польза, которую они несомненно поделятся с турецким правительством»⁷⁸.

Ближайшей задачей экспедиции являлось:

- 1) Выбор выгоднейшего направления для продолжения тригонометрической сети.

- 2) Указание местностей, удобных для измерения базиса, полагая на всем протяжении дуги меридиана от 3 до 4 базисов.

- 3) Выбор пунктов, могущих служить вершинами треугольников при известном направлении сети, и приближенное определение географического положения их.

- 4) Сообщение сведений, необходимых для составления окончательного проекта и сметы предстоящих работ.

Капитаны Кортацци и Артамонов осуществили несколько экспедиций внутрь страны для определения широт пунктов вблизи Балкан. Капитаном Кортацци «сделано две поездки: одна из Рушук через Тырново, Габрово, Карлово, Пазарджик в Филиппополь и оттуда через Эски-Заагру обратно в Рушук;

причем определено астрономически 15 пунктов; другая из Варны через Бургас, Факы в Адрианополь. Эта последняя экспедиция была сделана преимущественно с топографической целью, чтобы ознакомиться с характером ближайших к морю уступов Балкан, и осмотреть, насколько местность в этом направлении выгодна для проведения тригонометрической сети.

Капитаном Артамоновым сделано также две экспедиции, первая из Рушук через Систово, Ловеч, Троян, Златицу в Софию и оттуда обратно в Рушук, причем им определено 11 астрономических пунктов; вторая — из Рушук же через Шумму, Сливно в Адрианополь; на этом пути он определил астрономически 6 пунктов. Сведения, собранные в 1867 году, были пополнены в 1869 году капитаном Артамоновым, сделавшим поездку от Константинополя через Казанлык, Златицу и Софию до Систово, причем определено географическое положение 37 пунктов»⁷⁹.

В результате общий список пунктов, определенных в Европейской Турции в 1867 и 1869 гг., составил около 70 названий. Нелишне отметить, что среди них мы встречаем такие, как Шипка, Плевна, Рушук, Габрово и много других, хорошо известных из истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Астрономические наблюдения офицеров генерального штаба, сделанные за десять лет до войны, сыграли в дальнейшем роль при составлении карты Балкан. Один из участников этой экспедиции, капитан Н. Д. Артамонов (во время войны уже полковник), состоял начальником колонновожатых при штабе русской армии на европейском театре, т. е. начальником разведывательного отдела.

В 1876 г. он закончил издание 17-листной карты в 10-верстном масштабе и карты высот в 30-верстном масштабе. Он прочитал для офицеров ряд лекций, посвященных обзору турецкого театра войны, опубликовал ряд статей в «Русском инвалиде».

Известный русский географ, этнограф и путешественник, член Русского географического общества, исследователь Дальнего Востока и Тянь-Шаня, Памира и Северного Кавказа, а также Японских островов Михаил Иванович Венюков (1832—1901) дважды путешествовал по Турции — в 1867 и 1874 гг. О последнем своем путешествии он сообщил много любопытных сведений⁸⁰.

В результате своих наблюдений на Босфоре М. И. Венюков внес предложение в Географическое общество о необходимости физико-географического исследования пролива и сделал на эту тему обстоятельный доклад. Он сообщил, что в обоих проливах — Босфоре и Дарданеллах — существуют обратные течения, что уровень Черного моря превышает уровень Средиземного, что в Черном море избыток воды, в связи с чем было бы желательно определить объем его котловины и осуществить

нивелировку Босфора и Дарданелл. Предложение М. И. Венюкова было осуществлено лишь спустя двадцать лет.

В письме-очерке под названием «В Искендеруне» Венюков говорит о слабом развитии средств сообщения между отдельными частями Турции. Он подчеркивает, что «Суэцкий канал важен для Египта, для Англии, для Франции, если угодно, для России; но для Турции, внешняя торговля которой в руках иностранцев и собственных полуподданных греков и которая на Средиземном и Черном морях имеет почти одни мелкие каботажные суда, он доставляет едва ли не больше хлопот, чем выгод»⁸¹.

М. И. Венюков дает правильную оценку имевшимся в то время проектам строительства железных дорог. Он считает, что как проекты, так и уже построенные железные дороги (Варна — Руцук, Скутари — Измит, Смирна — Айдын и Смирна — Касаба) «прежде всего, если не исключительно, служили интересам европейской торговли или даже политики, мало принимая в расчет интересы собственно турецких земель»⁸². Особенно подробно он рассматривает английские проекты первого варианта Багдадской железной дороги, которая соединила бы Константинополь с Персидским заливом. Венюков ясно сознает, «что каждая новая железная дорога, построенная чужеземцами, будет новой железной цепью для Турции, наложенной на нее западными друзьями»⁸³.

Венюков говорит, что порты Турции Смирна, Мерсин и Александретта находятся в плачевном состоянии и что препятствием к их переустройству является тяжелое экономическое положение страны. Он дает блестящую характеристику природных условий вилайета Айдын, тогда богатейшей провинции страны.

Венюков в своих очерках не отметил, что основной причиной, затрудняющей экономическое развитие страны, было сохранение феодальных отношений и засилье иностранного капитала. В основном он сводит все «к рутине, системе бакшишей и даже к роковой апатии, истекающей, по-видимому, из убеждения, что время османлисов прошло».

М. И. Венюкову принадлежит статья «Несколько вопросов по физической географии Турции и соседних с ней морей», в которой рассматривается вопрос о течениях в Босфоре и Дарданеллах, о промерах на больших глубинах в Черном море и расширении территории Малой Азии за счет увеличения береговой полосы наносами⁸⁴.

Заслуживает упоминания поездка в 1872 г. великого князя Николая Николаевича, будущего главнокомандующего русской армией на Балканах в войне 1877—1878 гг., с группой офицеров и генералов и в сопровождении художника Е. К. Макарова по Востоку. Выехав 17 октября 1872 г. из Петербурга через Вену, путешественники по железной дороге добрались до Ба-

знаша и оттуда спустились по Дунаю до Рущука, далее по железной дороге до Варны и оттуда морем до Константинополя. От Константинополя до Бейрута они ехали морем и далее посетили Бейрут, Дамаск, верховья р. Иордан, Назарет, Иерихон, Иерусалим, Лидду, Яффу, Александрию, Суэцкий канал и Кипр, откуда 2 ноября выехали в Италию. Таким образом, все путешествие продолжалось около двух месяцев. Впечатления его участников⁸⁵ носят беглый, поверхностный характер, но тем не менее заслуживают внимания некоторой своей спецификой чисто военного порядка и отдельными наблюдениями. Так, в Бейруте генерал Сипягин записал: «Американские миссионеры (протестанты) держат себя здесь весьма странно: сыплют деньгами для распространения своей религии и этим только развращают народ. Бедный православный араб, получив от протестантского пастора миссионера условленную сумму, переходит в протестантскую веру и остается в ней до тех пор, пока не вышли все деньги, а потом опять обращается в православие»⁸⁶.

Наивный и неумный Сипягин, восторженно описывая безумную роскошь дворцов хедива, пишет:

«Говорят, что хедив эксплуатирует свою страну! Но лучшее доказательство противного — то, что мы по всему Египту не видели ни одного нищего, который бы нам протягивал руку.

Дай бог многие лета нынешнему египетскому вице-королю. В скором времени свет увидит, что он сделал — сделает для своей страны, и не пройдет пяти лет, как Каир займет первое место между первыми городами всего мира»⁸⁷.

Понятно, что пророком Сипягин оказался скверным.

Д. А. Скалон уделяет немного внимания и моментам социального порядка. Он отмечает, что после сирийских событий 1860 г. «турки уничтожили разбой и междоусобицу, но жители от этого несколько не выиграли, потому что их тотчас же обложили несоразмерными податями и налогами, так что, не видя исхода из своего положения, они свыклись с ним и относятся ко всему апатично, коснея в бедности и невежестве, среди богатства и изобилия почвы. И может ли быть иначе, когда земледелец должен уплатить налоги с полей при посеве, а с фруктовых деревьев при их цветении»⁸⁸.

Результатом многочисленных путешествий и изучения явилось накопление материалов, обеспечивших большие картографические работы, в частности создание карт Малой Азии Вронченко (1833—1834) и Чихачева (1850—1860), Палестины (1870), Азиатской Турции (1870), ряда карт, относящихся к Балканам.

В 1874 г. был окончен план окрестностей Эрзурума. К 1872 г. относится вторая поездка журналиста К. Скальковского на Ближний Восток⁸⁹. Из Батума (в то время турецкого города) он направился вдоль анатолийского побережья в Кон-

стантинополь, останавливаясь в Трабзоне, Гиресуне, Орду, и Самсуне, о котором пишет: «Город чрезвычайно важный по торговле в Малой Азии: к нему направляется караванный путь из Диарбекира и Токата. Самсун вывозит ежегодно большое количество козьего пуха, кож, воска, пеньки, семени и особенно табаку»⁹⁰.

В пути он размышляет о судьбе этого края: «Турецкое владычество обратило в пустыню край, не только чрезвычайно богатый во всех отношениях, но еще и весьма выгодно поставленный для торговли по своему географическому положению. Наш соотечественник П. Чихачев, многие годы изучавший Малую Азию во всех отношениях, убежден, что при другом порядке вещей она теперь вопреки мнению Либиха и др., приписывавших запустение ее истощению почвы, могла бы кормить огромное население»⁹¹.

Большой интерес представляет работа капитана генерального штаба А. Н. Куропаткина (1848—1925), впоследствии военного министра. По окончании Академии генерального штаба он был командирован с научной целью в Германию и Францию и более года пробыл в Алжире, где участвовал в военных экспедициях французских войск в Сахаре.

Его письма об Алжире печатались в «Русском инвалиде» в 1875 г., затем были изданы отдельной книгой, а также печатались в «Военном сборнике» в 1876 г.⁹² Они освещают ряд вопросов экономического, этнографического и географического характера и рисуют кровавую картину действий французских колонизаторов.

А. Н. Куропаткин прибыл в Алжир в начале сентября 1874 г. «Туземное население, — пишет он, — делится на... кабилы, оседлых жителей приморской и горной полос, и арабов, кочующих в Сахаре. Сообразно этому... французы составляют пехоту, набираемую из оседлых жителей, преимущественно кабилы, плюс немного ксаров (тюркосы). Полки спагасов (кавалерия) набираются из арабов-номадов».

«Благодаря племенной, никогда не ослабевающей вражде арабов с кабилами, т. е. номадов и оседлых, полки спагасов всегда действовали охотно против кабилы и, наоборот, полки тюркосов против арабов».

Кроме общей вражды номадов к оседлым, в Алжирии существует еще частная вражда между различными отдельными родами тех и других.

Французы пользовались и еще пользуются этой враждой, заставляя, в случае крайней необходимости, например, эскадрон спагасов, набранный из одного рода, действовать против другого, ему враждебного».

«К сожалению, обращение французских офицеров с тюркосами, сколько мне пришлось видеть и слышать, нередко весьма грубо: даже бывают случаи кулачной расправы».

Путешествуя по Малой Сахаре, Куропаткин дает описание ксаров (укрепленных деревень с оседлым населением). «Жители этих ксаров, — пишет он, — не имеют ни стад скота, ни значительных земельных участков для земледелия. Их главное занятие — садоводство и производство ковров и одежды. Для кодового населения ксары имеют весьма важное значение».

Вождя национально-освободительной борьбы алжирского народа Абд аль-Кадира он называет «талантливым противником французов», отдавая тем самым должное выдающемуся полководцу.

А. Н. Куропаткин отмечает разделение Алжира на две резко отличные части — гражданскую и военную (в первой — 3 департамента, в военной — 3 дивизии, разделенные на субдивизии).

Он участвовал в экспедиции, направленной в Большую Сахару в январе 1875 г. с целью ознакомления с местностью, упорочения французского влияния и регулирования налога с пальмовых деревьев.

В 1877 г. была опубликована книга Куропаткина «Алжиря»⁹³. Она состоит из военно-статистического обзора и писем из Алжира (перепечатка из «Русского инвалида»). Первая часть, включающая исторический очерк, не носит характера самостоятельного исследования.

Как и в письмах, в книге Куропаткин отдает должное личности Абд аль-Кадира. Объясняя успех завоевания Алжира французами раздробленностью элементов, составляющих население этой страны, борьбой между различными владениями, ее составлявшими, и враждой кочевников к оседлым, Куропаткин отмечает: «При этих условиях завоевание Алжирии могло бы подвигаться весьма быстро, если бы появление талантливой личности Абдель Кадира, соединившего под свои знамена как жителей городов, так и жителей гор, как кочевников, так и оседлых, всех во имя религиозной идеи борьбы против неверных, не положило временно предела успехам завоевателей...»⁹⁴

Куропаткин не видит основных причин борьбы, прикрывавшейся религиозной оболочкой, как не видит и не может объяснить причин колониальной экспансии — к тому же признаваемой вполне законной. Он наивно объясняет причины захвата: «Причины войны со стороны Франции были многочисленны и вполне законны: главнейшие из них заключались в убийстве многих французских подданных по приказанию Гусейна-паши, несоблюдение торговых трактатов... Нужно добавить, что одной из причин, заставивших французов не медлить с завоеванием Алжира, было и то обстоятельство, что прочие морские державы, как Испания и в особенности Англия, сами были не прочь захватить в свою власть этот город».

Давая историю захвата и многолетних военных экспедиций, он подробно характеризует «особую систему», которую принял

генерал Бюжо для покорения всех племен, обитавших между занятыми городами в горах и приморскими пунктами. Система эта состояла из *razzia* (грабежей), «которые производились непрерывно... Цель этих *razzia* заключалась в захвате семейств, имущества и запасов непокорных трибу, чтобы этим вынудить их подчинение»⁹⁵.

В очерке населения Куропаткин пишет: «...завоевание Алжирии сопровождалось разорением побежденного народа... а частые восстания, в связи с повальными болезнями, еще более истощили народ. Вместе с наплывом европейского населения, часть которого составляет далеко не сливки общества, в туземное население стали проникать пьянство, азартные игры, разврат и связанное с ним распространение сифилиса. В особенности большие города Алжирии — Оран и Алжир явились рассадниками пороков... В результате неблагоприятная сторона столкновения туземцев с европейцами отразилась на первых весьма печально: уменьшением туземного народонаселения, обеднением его...»⁹⁶.

Куропаткин касается системы землевладения и отмечает уничтожение общинного землевладения.

Специальные главы посвящены французской армии и ее устройству, а также экономике страны. Книга до ее издания была напечатана отдельными статьями в журнале «Военный сборник» за 1876 г. в номерах за март — сентябрь.

Об Адрианополе и Фракии рассказал молодой русский дипломат В. Теплов⁹⁷, побывавший там в 1874 г. В его очерках содержатся сведения об экономике посещенных мест, а также о положении населения, в особенности крестьянства.

«Низший класс из крестьян еще мало отличался своим положением от христианской райи, — пишет он. — Налоги и кривосудие одинаково дают и их»⁹⁸.

Гневом и презрением звучат слова Теплова о произволе турецкой администрации.

Теплов отмечает, что с 1868 г. размеры военной подати, вернее, выкупа христиан от воинской повинности, резко возросли. До этого года выкуп уплачивался с двадцатилетнего возраста, с 1868 г. — с двенадцатилетнего, а с 1874 г. Порта предписала брать выкуп со всех христиан мужского пола, начиная с рождения. Местное христианское население, в основном болгары, весьма страдало от этого налога.

«Болгарский крестьянин в одно и то же время богат и нищий. Богатство дает ему почва, отнимает его правительство через свои местные органы... Бесправие христианской райи в турецких провинциях ужасающее... После Восточной войны турки постарались уверить Европу, что изданием хаттихумаюна и последующих либеральных султанских фирманов положение райи радикально изменено... султанские фирманы пишутся лишь для успокоения Европы»⁹⁹.

Небольшая заметка Теплова, написанная до восстания болгар в 1876 г., характеризует положение болгар перед русско-турецкой войной 1877—1878 гг.

Известны многочисленные записки участников войны 1877—1878 гг. В них мы находим не только картины военных действий, но и быта, различные зарисовки этнографического и географического характера.

В результате военных действий в Европейской и Азиатской Турции в 1877—1878 гг. были произведены съемки местности, астрономические наблюдения, обогатившие географическую науку новыми данными.

В апреле 1877 г., вскоре после начала военных действий, при кавказском действующем корпусе был сформирован топографический отряд под командованием начальника Кавказского военно-топографического отдела генерал-майора И. И. Стебницкого.

О деятельности военно-топографического отряда за Кавказом мы читаем следующее: «Съемки были открыты одновременно со вступлением наших войск в пределы Азиатской Турции в Ардаганском, Карском, Баязетском и Лазистанском санджаках, а в 1878 г. продолжались в Эрзерумском и Карсском округах и Батумской области. Работы были сопряжены с громадными затруднениями, но ни суровость зимы, ни свирепствовавший с необыкновенной силой тиф, ни трудности приискания продовольствия в покинутых населением местностях, ни набеги курдов, ни другие опасности, угрожавшие съемщикам, работавшим часто без всякого прикрытия, не могли остановить наших топографов в исполнении своего долга... Одновременно с топографическими съемками производились астрономические и геодезические работы. Все собранные таким образом данные составляют весьма ценный материал для определения существующих уже карт Азиатской Турции»¹⁰⁰.

В Европейской Турции также была проведена значительная работа.

«Еще до перехода войск в Болгарию приступлено было к рекогносцировке левого берега Дуная, между устьями Арджиса и Ольты, и к определению с помощью телеграфа разностей долгот... Кишинева, Яссы, Галаца и Бухареста. По переходе через Дунай сняты подробные планы Никополя, Систова и Зимницы с их окрестностями и произведена съемка части пространства между Кара-Ломом и Янтрою... Всего чинами отдела определено 26 астрономических пунктов и произведено съемок на площади в 9859 квад. верст...

С конца 1877 г. по октябрь 1879 г. ...покрыта тригонометрической сетью вся территория болгарского княжества, Восточной Румелии. Кроме того, были проведены ряды треугольников от Ямболя и Мустафа-паши к Адрианополю, а оттуда через Чорлу к Константинополю и через Киркилису к Бургасу и покрыто

тригонометрическими пунктами все пространство, лежащее в треугольнике между Адрианополем, Дедеагачем и Родосто...

Балканы на протяжении от Черного моря до Сербии пересечены восемью рядами треугольников, идущими с севера на юг и имеющими между собой многочисленные связи, причем на всем Балканском хребте нет точки, которая бы отстояла далее 25 верст от ближайшего тригонометрического пункта. Таким же образом исследованы Родопские горы и Рыло-Даг»¹⁰¹.

В результате исследовательских работ карты Азиатской Турции были дополнены новыми данными. Высокую оценку им дал П. П. Семенов: «Картографические работы на Кавказе в 5-летие 1871—1876 велись с особым успехом под умелым руководством почтенного сочлена нашего И. И. Стебницкого и не только представили множество картографических работ, равняющихся по своим достоинствам работам лучших картографических заведений Европы, но и несколько трудов, имеющих высокое научное значение, как, например, карты Азиатской Турции и Персии...»¹⁰².

И. И. Стебницкий дал интересное описание Босфора и Константинополя. Он пришел к заключению, что в Босфоре существуют два течения, однако своего вывода наблюдениями не подтвердил. Позже это сделал С. О. Макаров. Стебницкий приводит данные о случаях замерзания Босфора при продолжительных низких температурах¹⁰³.

Известный русский флотоводец вице-адмирал С. О. Макаров, командуя в 1881 г. пароходом «Тамань», стоявшим в Константинополе, исследовал течение в проливе Босфор. От рыбаков он узнал, что в Босфоре кроме всем известного сточного течения из Черного моря есть другое течение — нижнее. Ни в одной лодии того времени ни слова не говорилось о подводном нижнем течении из Мраморного моря в Черное. Макаров провел первый опыт: использовал обыкновенный анкерок — бочонок, в котором на шлюпке хранится запас воды, загрузил его так, чтобы тот тонул, и опустил на веревке вниз, наблюдая, куда отнесет бочонок течением. Оказалось, что его несет в Мраморное море (из Черного). Тогда он стал опускать его все глубже и глубже. По мере заглубления бочонка относ его в сторону Мраморного моря становился все меньше. Наконец литье стало вертикально, а потом пошел в обратную сторону, и при заглублении на два-три десятка метров бочонок стал отклоняться в противоположную сторону (т. е. к Черному морю) настолько сильно, что потянул за собой шлюпку против поверхностного течения. Макаров продолжал опыты дальше, до осени 1882 г., когда собрал обширный материал, который был тщательно обработан и в 1885 г. опубликован в виде книги под названием «Об обмене вод Черного и Средиземного морей»¹⁰⁴. Этому труду была присуждена премия Академии наук.

Макаров обнаружил в проливе поверхностное течение из

Черного моря в Мраморное и обратное глубинное в Черное море. Эти два течения резко отличаются друг от друга по своим признакам: солености, плотности, характеру течения. Они разделяются некоторым нейтральным промежуточным слоем, который с тех пор получил в науке название макаровского слоя.

«Он объяснил, что это нижнее течение обязано своим происхождением разности плотности воды Черного и Мраморного морей. Дело в том, что в Мраморном море вода гораздо соленее, чем в Черном, где она распресняется водой, приносимой в изобилии реками. Поэтому на одной и той же глубине давление со стороны Мраморного моря оказывается большим, чем со стороны Черного моря, т. е. создается градиент давления, направленный в сторону Черного моря, и этот градиент приводит в движение воду нижних слоев Босфора.

Верхнее же течение вызвано тем, что воды рек (вместе с атмосферными осадками) прибавляют в Черное море много больше воды, чем уходит в атмосферу вследствие испарения. Поэтому соленость, а вместе с тем и удельный вес (который с ней связан функциональной зависимостью) оказываются гораздо меньше, а уровень воды — выше, чем в Мраморном море»¹⁰⁵.

Во время войны русские врачи, стоявшие во главе санитарно-ассенизационных отрядов, действовавших в занятых русскими войсками турецких областях, представили медико-топографические описания, включающие немало географического и этнографического материала. Такой характер имеет «Медико-топографическое описание Эрзерумской области», составленное Л. Р. Рейтлингером¹⁰⁶.

Известный русский археолог-византинист Н. П. Кондаков (1844—1929) много путешествовал по Востоку. В 1881 г. он посетил Синай, в 1884 г. — Константинополь, в 1898 г. — Афон и славянские земли, в 1891 г. — Сирию и Палестину¹⁰⁷. Путешествие на Синай Н. П. Кондаков предпринял с археологической целью. Он хотел осмотреть монастырь св. Екатерины, памятники древности, рукописи, библиотеки, сделать снимки. Н. П. Кондаков подробно описал поездку на Синай¹⁰⁸.

Из Александрии Кондаков поездом доехал до Суэца, оттуда на барке через Красное море до Эль-Тора (древняя Райфа) и далее на верблюдах кратчайшим путем через ущелье Ишли до Синайского монастыря.

Интересны его заметки об арабах, полные дружеского сочувствия: «В этих высушенных, несвободно, под тяжким трудом и лишениями, развивавшихся натурах жизни было более, чем в итальянце; неумолчный говор и болтовня... неизменно веселое настроение духа, лад и дружба этих отрепанцев — все располагало с первого шага в их пользу»¹⁰⁹.

В Синае за пять лет до приезда Кондакова был отменен

обычай поднимать путешественников в монастырь по стене в корзине, не открывая ворот из-за боязни бедуинов, хотя нападения бедуинов давно уже прекратились. «Монастырю более 1500 лет... если бы посреди монастыря не возвышалась недавно построенная модная колокольня, то, право, трудно было бы указать что-либо новое против того, что видел... Трофим Коробейников...»¹¹⁰.

О результатах последнего путешествия Н. П. Кондакова в Сирию и Палестину в 1891 г. рассказано в книге «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине»¹¹¹. Книга написана по материалам путешествия из Бейрута в Дамаск и Гауран, по Заиорданью до Иерусалима в составе ученой экспедиции, организованной Палестинским православным обществом. «Путешествие, — отмечает Н. П. Кондаков, — в силу тревожного состояния многих частей Сирии и появившейся в конце 1891 года холеры ограничилось Гаураном, Заиорданьем до Мертвого моря и Иерусалимом с его окрестностями по преимуществу на Восток, до Иерихона...»¹¹²

«В Бейруте на поверхности земли не сохранилось никаких древностей и даже самой старины очень немного... тогда как соседний Триполи недаром известен колоссальным базаром, многими постройками времен крестоносцев, восточным характером многих кварталов...

Мы вышли из Бейрута с караваном в начале сентября 1891 г., направляясь через Штору на Баальбек, руинами которого интересовались как оригиналом декоративных построек Гаурана и Заиорданья и всего греко-римского периода Палестины вообще»¹¹³.

Через местечки Алей, Штору путешественники пришли в Муаллах — «большую деревню с монастырем иезуитов, с многочисленными виноградниками по склонам гор, производящими лучшее вино в Сирии. Это место вековой культуры в плодороднейшей долине у подножия красноватых холмов с красивыми ущельями, отовсюду сбегаящими вниз, покрыто руинами, древними и позднейшими... Здесь и доселе масса полей пшеницы, ячменя, маиса, плантаций всяких овощей и фруктов. Богатство привлекало сюда постоянную смену различных завоеваний и владетелей»¹¹⁴.

Далее экспедиция посетила ряд деревушек, развалины Баальбека, долину Сиргайя, Дамаск, Гауран, произвела археологические раскопки в Иерихоне, на участке, принадлежащем Палестинскому обществу. После осмотра окрестностей Иерихона экспедиция выехала в Иерусалим.

В книге нет сведений по экономике или этнографии района, нет и каких-либо наблюдений социального и политического характера. Основное внимание Н. П. Кондаков уделил византийскому искусству, под которым он понимал весьма сложный комплекс древнейших памятников Константинополя, Малой

Азии, Сирии, Палестины, Египта, Балканского полуострова, Кавказа, Италии и России ¹¹⁵.

Хорошо известно имя крупнейшего русского ученого, исследователя Африки В. В. Юнкера. Мы отметим лишь его путешествия по Северной и Северо-Восточной Африке. В 1873—1874 гг. В. В. Юнкер находился в Тунисе, в конце 1875 г. совершил путешествие по Ливийской пустыне, в начале 1876 г. отправился в Судан и от Хартума совершил поездку по Белому Нилу.

В результате путешествия Юнкер окончательно опроверг предположение о существовании в Ливийской пустыне древнего русла Нила. Он убедился, что лежащие здесь оазисы находятся выше, а не ниже уровня моря, как предполагалось раньше. Он же констатировал, что кочующие здесь бедуины постепенно переходят к оседлому образу жизни ¹¹⁶.

В труде В. В. Юнкера, написанном по личным наблюдениям, содержатся ценные сведения по географии, этнографии и истории южной части Восточного Судана и Уганды.

Путешественник познакомился с многочисленными народами Судана. Он обратил внимание на высокую технику производства оружия, на знание жителями свойств металла. Он описывает тяжелое положение, в котором находились негритянские племена под властью завоевателей, которые «не нашли другого выхода, кроме разбойничьих захватов и карательных действий в отношении враждебных им или, правильнее сказать, отстаивавших свою независимость негров, отбирая у них скот и зерно» ¹¹⁷.

9 апреля 1887 г. на чрезвычайном собрании Русского географического общества, посвященном В. В. Юнкеру, выступил П. П. Семенов: «Уже в первое свое путешествие в Центральную Африку, продолжавшееся с 1876 по 1878 г., он (Юнкер)... составил себе громкую известность исследованием водораздела между веерообразно раскинувшейся сетью левых нильских истоков и верховьями загадочной реки Уэлле...» ¹¹⁸ Исследования В. В. Юнкера явились большим вкладом в дело географического изучения ряда областей Северной и Центральной Африки.

В 1879—1886 гг. на Ближнем Востоке находился Ю. С. Карцов в качестве секретаря генерального консула в Константинополе, затем консула в Адрианополе и генерального консула в Мосуле. В результате длительного пребывания на Востоке он написал книгу ¹¹⁹, в которой особого внимания заслуживают разделы, посвященные характеристике Халдейской и Якобитской общин в Мосульском горном округе. Кроме того, он оставил подробное описание поездки из Тифлиса в Мосул через Эрзурум, Битлис, Сирт, Джебзире ¹²⁰.

Долгое время на посту генерального консула в Бейруте пребывал К. Петкович. Он прекрасно изучил край, собрал цен-

ные статистические материалы и написал книгу о Ливане ¹²¹. По существу это была первая монография русского автора о Ливане. В ней приводятся очерки о природе, сельском хозяйстве, промышленности, населении. В работе рассматриваются вопросы торговли, политического устройства, финансов, народного образования.

В конце XIX в. одним из замечательнейших русских путешественников по Ближнему Востоку был врач Александр Васильевич Елисеев (1858—1895). В 1881 г. он посетил Египет и Палестину, в 1884 г. снова был в Палестине, затем в Тунисе и Сахаре, в 1886 г. путешествовал по Малой Азии ¹²². В 1893 г. попытался пробраться в Судан, занятый махдистами, но после разгрома каравана едва спасся бегством через пустыню к берегам Нила.

А. В. Елисеев оставил много научных трудов. Они либо выходили отдельными изданиями, либо публиковались в «Известиях Русского географического общества» и журнале «Русское обозрение». Позже многие из его трудов вошли в книгу «По белу свету» ¹²³. Кроме того, известно до ста различных статей А. В. Елисеева по специальным и общим вопросам. Его интересовала антропология, этнография и география.

Остановимся несколько подробнее на его путешествиях. В 1881 г. А. В. Елисеев посетил Александрию, Каир, развалины Мемфиса и Мензалежское озеро, проехал вверх по Нилу до Ассиуты. Вернулся в Каир, затем проехал по каменистой Аравии и Палестине и далее из Яффы на пароходе вернулся в Россию.

Второе путешествие на Восток А. В. Елисеев совершил в январе 1883 г. На него произвела тяжелое впечатление картина недавнего разгрома Александрии англичанами. Он с негодованием писал:

«Уже первое впечатление прекрасного города, лучшие кварталы которого были разрушены бомбардировкою, было не в пользу надменных англичан, гордо прохаживавшихся теперь по улицам Александрии. Дальнейшее знакомство с новыми порядками, введенными в Египте победителями Араби-паши, еще более увеличило это нерасположение, и я скоро стал искренне разделять убеждение всех честных египтян, ненавидящих самозванных пришельцев-англичан...

Бомбардирование Александрии, превратившее многие кварталы ее в настоящую каменоломню, засыпанную камнями и наполненную едко известковою пылью, представляет позорную страницу в истории английского флота, стрелявшего тяжелыми бомбами в беззащитный город» ¹²⁴.

В эту вторую поездку, продолжавшуюся около года, наш путешественник побывал в Египте, посетил Асуан, затем на итальянском пароходе добрался до Суакина на Красном море, побывал в Масаве, Адене и Джедде (Джидда). Далее

А. В. Елисеев направился в Палестину и наконец вернулся через Яффу в Россию.

В 1884 г. по поручению Палестинского общества он вновь выехал на Восток. На этот раз, странствуя под видом простого паломника, он изучал условия быта русских паломников в Палестине, попутно делая заметки о природе, населении, городах.

В Каире А. В. Елисеев впервые услышал о событиях в Судане, о махдистском восстании. Он пишет, что Египет особенно чутко относился к бунту в Судане, а каирский базар был лучшим местом, где можно было знакомиться с событиями дня не из рассказов малосведущих европейцев, а со слов самих очевидцев и даже деятелей великого дела, заря которого уже занималась в Судане. Уже тогда А. В. Елисеев предугадывал грандиозность событий.

В 1886 г. А. В. Елисеев исследовал древний путь из России в Палестину. Для этого он прошел поперек всю Малую Азию от Искендеруна до Самсуна. Это путешествие совершено по предложению Палестинского православного общества изучить древний путь, которым в прежние времена проходили русские паломники. Однако по совету кавказских властей Елисеев начал свое путешествие не от границ России, а от Искендеруна, куда он направился из Батума вдоль побережья Черного моря.

Давно задуманную поездку в Судан к махдистам А. В. Елисееву удалось совершить лишь в 1893 г. В сентябре этого года он переоделся арабом и с четырьмя проводниками втайне от английских властей отправился из Асьюта через Ливийскую пустыню к Омдурману.

А. В. Елисеева интересовало могучее движение махдистов. Он пишет, что «Махди Судана, сын простого плотника, по имени Мохаммед Али, выступил на арену громкой политической деятельности в августе 1881 г., в пору наибольшего угнетения Судана египтянами»¹²⁵. После смерти Мохаммеда Али А. В. Елисеев писал: «Вопрос о возникновении и дальнейшем развитии царства махдистов интересен для нас не с одной политической стороны, гораздо важнее и интереснее изучение его с точки зрения общечеловеческой культуры и процесса развития нового мусульманского государства, основанного на новых началах»¹²⁶.

В пути небольшой караван А. В. Елисеева подвергся нападению и был ограблен. По этому поводу путешественник замечает: «Несмотря на такое печальное окончание задуманного предприятия, я не считаю его вполне бесполезным даже для намеченной мной цели... Мне удалось проехать по Ливийской пустыне... добраться до области, занятой махдистами, и повернуть обратно не по недостатку решительности или инициативы, а по совершенной невозможности дальнейшего движения. Мне удалось притом все-таки видеть войников грозного Омдурманского калифа и попутно от встречных номадов и обитателей

оазисов, а также некоторых туземцев, побывавших в Судане. собрать много сведений, еще не опубликованных даже англичанами»¹²⁷.

Подводя итоги своим путешествиям по Ближнему Востоку, А. В. Елисеев делает еще один отрядный вывод:

«Во всех городах Востока мне невольно бросилось в глаза, начиная от Константинополя и кончая самыми дикими пустынями каменистой Аравии, изменение к лучшему отношения мусульман к русскому имени. Имя русского или москова, как называют нас на Востоке, стало честным и грозным для мусульманина. Он уже не равняет русского ни с немцем, ни с французом, ни тем более с англичанином. Везде, где только выдавала меня моя национальная одежда, везде я встречал дружественное отношение, слышал приветствия, целые фразы на ломаном русском языке и нигде ничего враждебного... Даже в недавнее время бомбардирования Александрии, когда бедуины и египетская чернь избивали европейцев, одно слово „я москов" спасало русских от общей участи...

Война и сотни тысяч пленных, побывавших в хлебосольной Московии, с самой выгодной стороны повлияли на все слои населения Турецкой империи»¹²⁸.

В этой работе А. В. Елисеев в противоположность большинству современных ему авторов дал правильную, объективную оценку историческим событиям. Кроме того, он описал ряд городов, собрал большой материал о природе края, изучил фауну и флору, собрал много данных антропологического характера.

Знаменитый русский ученый Д. Н. Анучин писал о Елисееве в некрологе: «В течение своей 17-летней деятельности как путешественника и писателя А. В. Елисеев успел обогатить русскую литературу большим числом географических и антропологических очерков, собрать массу наблюдений в различных краях России и Востока и опубликовать множество статей и заметок, касающихся типа и быта посещенных им народностей и разных вопросов географии, медицины, антропологии, археологии и т. д.»¹²⁹.

Упомянем о книге писателя М. А. Бернова, неутомимого путешественника, прошедшего пешком из Петербурга в Париж, откуда, также пешком, он прошел по ряду европейских стран. Из Испании он переправился в Оран, прошел пешком по Алжиру. Почти повсюду он читал лекции о своих впечатлениях, зарабатывая этим на жизнь¹³⁰.

Для изучения памятников грузинской древности в 1883 г. на Восток выехал профессор Петербургского университета Александр Цагарели. Еще раньше, в 1848 г., с той же целью грузинский археолог П. И. Иоселиани посетил Афон. Изучение памятников грузинской древности в Палестине и на Синае представляет несомненный интерес, тем более что сношения Грузии с Востоком насчитывают много веков.

Результатом этой поездки, продолжавшейся с января по сентябрь 1883 г., была публикация Палестинским православным обществом книги ¹³¹, в которой наряду с очерком пути дан исторический обзор сношений Грузии со «святой землей» и Синаям, описаны грузинские памятники. В приложении приводятся каталоги грузинских рукописей, хранящихся в монастырях Палестины и Синая, и надписи на грузинском языке, выбитые на стенах некоторых монастырей и церквей.

Цагарели обращал внимание и на быт местных жителей: «Бедные дома феллахов, выстроенные из сырого, нежженого кирпича, были оставлены на произвол судьбы с дверями, настежь растворенными, часто без всякого присмотра, да из них и взять-то нечего, ибо, несмотря на пресловутые египетские ежегодные три урожая, бедность среди феллахов неимоверна» ¹³².

Писатель Е. Л. Марков ¹³³, педагог по специальности, затем земский и банковский деятель, совершил ряд поездок в Италию, Грецию, Турцию и на Архипелаг, в Египет и Палестину. В статье «Очерки Палестины» ¹³⁴ впервые после Василия Григоровича-Барского Марков дает описание мечети Омара в Дамаске, которая была доступна ранее для посещения только мусульманам.

В книге «Путешествие на Восток» он пишет: «Ненависть к Англии сделала из египтян сердечных друзей России, как я не раз имел случай заметить во время своего путешествия по Египту» ¹³⁵.

С большим сожалением говорит он о тяжелой участи бедного египетского феллаха:

«Деревушки злополучных феллахов прилегли так низко, что их видишь, только проезжая около... Логовища зверей, право, немногим уступают в удобстве, да уступают ли этим глиняным шалашам и землянкам? А между тем в них живут те неутомимые руки, которые провели все эти бесчисленные каналы, выкопали все эти колодцы, вспахали и засеяли все эти поля; живут оросители и оплодотворители Египта, кормильцы и поильцы всех тех пашей и беков, раззолоченные дворцы которых наполняют Александрию и Каир...»

Нигде нет такой безумной роскоши, такой бессмысленной праздности, как среди богачей Египта, захвативших в свои руки власть и землю, и нигде такого скотского унижения несчастных рабочих, такого полного обращения их в бессловесное вьючное животное» ¹³⁶.

Кроме того, он образно рассказывает о Константинополе, его улицах, мечетях, Семибашенном замке, турецких кладбищах. Описывает улицы и мечети Каира, одежду мужчин и женщин, долину Нила, дворцы и мавзолеи, поездку по Суэцкому каналу. В другой книге Маркова ¹³⁷ сообщается о путешествии в Палестину и вдоль побережья Малой Азии.

Автор ряда исторических романов и повестей, писатель и историк Д. Л. Мордовцев (1830—1905) оставил помимо художественных произведений интересные описания своих путешествий по Европе, Египту и Палестине. Отметим его живые зарисовки: «Поездку к Пирамидам» (СПб., 1882) и «Поездку в Иерусалим» (СПб., 1881), положительно оцененные в современной ему печати¹³⁸. Необходимо отметить живость рассказа, пересыпаемого историческими и поэтическими воспоминаниями.

Интересное археологическое исследование Пальмиры оставил в своей книге действительный член императорского Русского археологического общества князь Абамелек-Лазарев, который провел на Востоке конец 1881 и начало 1882 г. Он совершил путешествие в Иерусалим, откуда через Галилею и Дамаск проехал в Пальмиру¹³⁹.

О бесцеремонном хозяйничанье англичан в Египте с возмущением говорил и писатель А. Коптев: «С самого вступления на египетскую почву видишь здесь присутствие англичан, войска которых с особой надменностью расхаживают в своих красных мундирах, белых головных уборах наподобие прусских военных касок и обязательно с тонкою тростью в руках, точно это принадлежность военного атрибута»¹⁴⁰.

В 1889 г. совершили поездку по Турецкой Армении, Курдистану и Сирии А. И. Гиппиус и Д. Д. Гедеонов. Целью путешествия было определение географических координат некоторых пунктов в Турецкой Армении и Курдистане. За три с половиной месяца тремя маршрутами они прошли территорию от Игдыра через Ван, Битлис, Диярбакыр, Муш, Эрзурум, Эрзинджан, Токат, Сивас, Эгин, Харпут, Малатью, Алеппо до Александретты общей протяженностью три тысячи верст. Было определено 50 астрономических пунктов в Турецкой Армении, Курдистане и северной окраине Сирии¹⁴¹. Результатом работы явилось исправление пятиверстной карты, которая в этом обширном районе имела до того весьма мало точных астрономических определений¹⁴². В отчете о поездке дано описание 12 маршрутов.

Большой интерес представляет поездка в 1885 г. по Северо-Восточной Турции А. М. Колюбакина, в результате которой была опубликована работа под названием «Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции»¹⁴³. В работе освещается энергичная деятельность американских миссионеров в Азиатской Турции, вскрываются корни американской экспансии на Ближнем Востоке, начавшейся еще в XIX в. и, как мы знаем, особенно бурно развернувшейся после второй мировой войны. Колюбакин лично ознакомился с деятельностью американских миссионеров и указал, что все американские миссии, созданные в Турции и Персии, принадлежат к американскому обществу «The American Board of Commissioners for Foreign Mission», основанному в 1810 г. в

Бостоне и пользующемуся поддержкой своих послов на Востоке. Главное управление общества находилось в Константинополе.

По данным Колюбакина, миссии имели 376 учебных заведений с 13 450 учащимися, 98 протестантских церквей, 46 мужчин миссионеров-американцев, 83 женщины и миссионеров из местного населения — 198.

Таким образом, «все миссии американского союза привлекают к своему делу деятелей на поприще воспитания и пропаганды более 900 человек обоого пола американцев и туземцев»¹⁴⁴. Обучение в школах шло на армянском, турецком и арабском языках в зависимости от того, какой язык наиболее распространен в районе. Во главе всех семинарий и училищ стояли американцы. Основной целью американских миссий является пропаганда протестантства, она «есть не только главная, но и почти исключительная цель миссионеров, а все школьное дело является только средством к достижению этой цели».

А. М. Колюбакин был одним из авторов восьмитомного сочинения под названием «Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции», представляющего экономико-географический очерк территории, простирающейся от русско-турецкой границы на севере до Курдистанского (южного) Тавра на юге, пределов Персии на востоке и условной линии Самсун — Сивас — Малатья на западе.

В работе помимо детального географического описания отдельных районов много внимания уделено их политико-административному устройству, этнографии.

При характеристике экономического положения отдельных каза Колюбакин приводит данные о распределении земельной собственности. Например, в Харпутской каза 74,1% семей (дворов) сельского христианского населения безземельные. Он подчеркивает, что мусульмане (курды и турки) владеют в шесть с половиной раз большим количеством пахотной земли, чем армяне, хотя число мусульманских дворов лишь в полтора раза больше армянских. Огромное количество земель принадлежит турецким богачам.

Исходя из этих данных, автор приходит к выводу: «Огромная группа сельского населения Харпутской казы почти в 40 000 душ обоого пола не имеет собственной земли и должна быть причислена к так называемым мараба, находящимся в положении, близком к крепостной зависимости, а в сущности даже несравненно худшем».

Если при этом добавить, что при сборе урожая земледельцу приходится платить ашар 11,75% сбора, за аренду земли вместе с поземельным налогом 55—65% и за семена 9—10% сбора, то у него остается от 13,25 до 24,25% сбора урожая¹⁴⁵.

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться, насколько важное значение имела работа А. М. Колюбакина для

характеристики экономического положения Азиатской Турции конца прошлого столетия.

В 1887 г. вышла книга Дедлова (Владимир Людвигович Кигн) «Приключения и впечатления»¹⁴⁶.

Письма Кигна, в дальнейшем вошедшие в книгу, первоначально печатались в «Неделе» под общим названием «Из далека». «Бойко и занимательно описывал он свои странствия по Европе, Востоку и отдаленным русским окраинам»¹⁴⁷.

Посетив Александрию уже после захвата Египта англичанами, автор, как и многие другие русские, не мог удержаться, чтобы не высказать отрицательного отношения к английским оккупантам: «Казалось, феллах, шесть тысяч лет подряд плативший неимоверные подати, достиг пределов бедности. Англичане блестяще доказали противное и превзошли Клеопатру: со времени оккупации феллахи стали еще бедней»¹⁴⁸. «Египетская казна, — пишет он, — дойная корова для европейского сброда»¹⁴⁹.

А вот характеристика Каира: «Каир великолепен, но в этом великолепии есть нечто напоминающее, что это — больная столица больной страны. Обилие нищих с изуродованными членами и лицом, неистовый разврат, апатичные лица европеизированных египтян, англичане с видом урядников, нищета предметов. Запустелые мечети, плохая ремонтровка великолепных дворцов — все это говорит, что здесь Европа фальшивая, а богатства — несправедливые»¹⁵⁰.

В работе Д. В. Путята, написанной по материалам путешествий по Турции¹⁵¹, рассматриваются примерно те же вопросы, что и в книге Колюбакина. В ней также говорится о деятельности американских миссионеров. Специальный раздел посвящен положению армян в Азиатской Турции.

Путята начал свое путешествие в 1895 г. Из Карса в сопровождении турецкого запятя (конного жандарма) и переводчика он направился в Ван, а затем в Битлис, Эрзурум, Эрзинджан и далее через Мараш и Адану до Мерсина. Поскольку путем, которым он ехал, неоднократно проходили русские путешественники, Путята дал описание лишь некоторых участков, например дороги от Эрзинджана в Харпут через Хозат. Характеризуя район Аданы, автор приводит ценные сведения о состоянии сельского хозяйства и промышленности, свидетельствующие о существовавших уже в конце прошлого столетия капиталистических отношениях в деревнях Аданского вилайета. Из Мерсина Путята проехал в Смирну (Измир). Он довольно подробно описал экономическое положение Айдынского вилайета, отметив, что для полей в вилайете наряду с издольной системой применяется наемная рабочая сила.

Заслуживает упоминания поездка в 1904 г. в Северный Курдистан К. Н. Смирнова¹⁵². Он подробно описывает пройденный путь, Ванское и Аренское (или Хиренское) озера, города

Баязет, Битлис, Муш. Из районов, где природные условия особенно благоприятствуют развитию сельского хозяйства, он выделяет Мушскую долину. В статье К. Н. Смирнова есть небольшой очерк о курдах ветви зиль, как кочевых (аширетных), так и оседлых (райя).

Отметим кратко известные нам путешествия в Мекку и Медину, тем более интересные, что письменных свидетельств о многочисленных посещениях этих городов мусульманами из России мы почти не имеем.

В 1893 г. выехал из Уфы в Мекку Хаджи Селим Султанов, который по возвращении опубликовал статью «Священная область мусульман в Аравии»¹⁵³. Путь его лежал через Константинополь, Бейрут, Дамаск, Яффу, Иерусалим, Медину.

Он пишет: «Нельзя умолчать, что святыни мирового города (Иерусалима. — Б. Д.) содержатся крайне неопрятно. Святой город после Дамаска производит тяжелое впечатление как неопрятной внешностью, так и неприветливостью своего разноплеменного населения; насколько гостепреимно услужливы и вежливы жители Дамаска, настолько современные жители Иерусалима, начиная с евреев и кончая русскими или выдающими себя за русских, алчны, жадны, склонны к тому, чтобы побольше сорвать с путешественников и паломников, чтобы их обмануть как-нибудь; на пилигримов население привыкло смотреть, как на куриц, несущих золотые яйца»¹⁵⁴.

Мусульманин, сотрудник российского консульства в Джидде Ш. Ишаев совершил путешествие в Мекку в апреле 1895 г.

Подробно описывает Ишаев Каабу (Бейтуллу — дом божий), главную святыню Мекки: «В восточном углу в стене вделан знаменитый черный камень хаджар-аль-асват, главная святыня Бейтуллы. Он вделан в стену на такой высоте, чтобы можно было его целовать... Камень сверху и с боков обложен серебром; на виду оставлена только часть для целования паломниками; величину его определить невозможно... Все здание покрывается толстой черного цвета шелковой материей. Это покрывало все заткано словами на арабском языке основного догмата Ислама... нет бога, кроме единого бога, и Мухаммед его пророк... Покрывало ежегодно готовится новое по распоряжению турецкого султана...»¹⁵⁵.

Посетил Ишаев и рынок: «В центре главного базара, около Бейтуллы, находится специальный рынок для торговли рабами; он состоит из двух небольших отделений. Рабыни и их дети сидят обыкновенно на скамейках, рабы помещаются прямо на полу. Эти несчастные люди принадлежат к черной и желтой расам; откуда они доставляются сюда, мне точно неизвестно. Цены на рабов вообще недорогие»¹⁵⁶.

В 1892 г. Неджд посетил находившийся на русской службе прибалтийский немец Эдуард Нольде. Он проехал через Бейрут и Дамаск в Хаиль, побывал в лагере Ибн Рашида, севернее

Риада, и далее через Ирак (Кербела — Багдад — Мосул), Восточную Анатолию (Битлис, Эрзурум, Байбурт) дошел до Трабзона. Представляет интерес его записка¹⁵⁷, где он характеризует политическую обстановку в Аравии и свое пребывание в лагере Ибн Рашида (владельца одного из округов Джебель Шамара, враждовавшего с саудитами).

В 1898 г. Хиджаз посетил штабс-капитан Давлетшин. Впоследствии он опубликовал отчет о своей поездке, в котором привел немало интересных сведений. Он, например, отмечает, что «власть турецкого правительства как раньше, так и в настоящее время опирается лишь на вооруженную силу и проявляется только в тех пунктах, где расположены войска. Иначе говоря, турки владеют только городами и некоторым образом еще дорогой между Меккой и Джеддой, охраняемой частыми постами... За четыре века владения Хиджазом турки не создали никакой связи между собой и туземцами, не могли их успокоить и не имели на них никакого культурного влияния. Отношения между теми и другими остаются самые недоверчивые и враждебные... Административные власти отличаются в большинстве случаев лихоимством и несправедливостью, действия же вооруженной силы всегда крайне нерешительны и непоследовательны, почему бедуины не питают к ней должного страха и уважения¹⁵⁸. О занятиях жителей Мекки, по его мнению, можно сказать в двух словах: «живут паломниками»¹⁵⁹.

О торговле невольниками он пишет: «Продаваемые в Хиджазе невольники принадлежат исключительно к двум национальностям: совершенно черные негры из Судана, считающиеся здесь лучшими работниками и приобретаемые, как мужчины, так и женщины, исключительно для работ; более светлые абиссинцы, женщины которых покупаются как наложницы... Говорят, что число продаваемых невольников... доходит до 2000 человек... В Мекке и Медине нет ни одного дома, где не было бы раба или рабыни, которые исполняют все домашние работы... При моем посещении здесь было около 80 человек, большей частью молодых женщин-абиссинок»¹⁶⁰.

Относительно хаджа, после досконального изучения вопроса, Давлетшин пришел к заключению, что он не имеет какого-либо политического значения для сближения мусульман разных национальностей.

В донесении управляющего консульством в Джидде М. Никольского есть данные о том, что Мекку ежегодно посещает от 80 тыс. до 200 тыс. паломников; «наиболее богатыми из них являются яванцы, хаджи из России и египтяне. Самыми бедными считаются индусы...». В его записях мы находим: «За хадж 1904—1905 года через порты Джедду и Ямбо проследовало всего 67 тыс. человек; общее же число паломников, посетивших в этом году Мекку, определяется приблизительно в 150 000—200 000. Весь этот пришлый элемент является крупным

потребителем товаров, хотя многие хаджи везут в Мекку и собственные товары для продажи, а также распродают по окончании хаджа или по недостатку денег во время его значительную часть привезенного с собой собственного имущества»¹⁶¹.

Ценные сведения о Сирии и Палестине мы находим в докладе, прочитанном в декабре 1894 г. в географическом отделе Общества любителей естествознания А. М. Беркенгеймом. Особое внимание обращено в докладе на систему землепользования и на земельные отношения у бедуинов.

Беркенгейм указывает, что у бедуинов-скотоводов не существует еще частной собственности на землю, что «бедуины каждого племени кочуют лишь в определенном районе, признанном за ними обычным правом, не переходят на места кочевок других племен»¹⁶². Бедуины, утверждает автор, постепенно переходят к оседлому образу жизни. В Сирии, например, очень часто встречаются земледельцы, ведущие полукочевую жизнь. «Сплошь и рядом в Джолане приходится встречать целые селения из кибиток бедуинов, посеявших вокруг такой временной стоянки хлеб с тем, чтобы немедленно после жатвы двинуться со своими стадами в другие места»¹⁶³.

Небольшая работа А. М. Беркенгейма не потеряла своего значения и сейчас. Она может служить полезным источником для изучения эволюции земельной собственности в Сирии.

В 1894 г. вышла книга путешественника, этнографа и дипломата Григория Александровича де Воллана «По белу свету», один из разделов которой посвящен Египту. Можно было бы не останавливаться на этой книге, если бы не явно неверное, лживое утверждение, что антианглийское восстание Араби-паши «было только мотивом со стороны англичан, чтобы захватить край в свои руки. Здесь все убеждены, что знаменитая битва при Тель-эль-Кабире была только комедией со стороны Араби-паши, подкупленного англичанами»¹⁶⁴.

Восстание Араби-паши было антибританским национально-освободительным движением в Египте в 1879—1882 гг.

Из наблюдений известного журналиста и корреспондента Василия Ивановича Немировича-Данченко, побывавшего в Танжере, отметим его краткие заметки о работоторговле: «Арабки и берберки продаются не на рынках. Они у отцов покупаются, платят за них выкуп и берут. А что касается до рынка невольников, то в Танжере у них только один, в Тетуане — три, в Могадоре же их много»¹⁶⁵.

20 февраля 1895 г. для изучения чайного дела на Восток выехала русская экспедиция во главе с инспектором Кавказских удельных имений И. Н. Клингеном.

Иван Николаевич Клинген (1851—1922) — один из выдающихся русских агрономов конца прошлого и начала нынешнего столетия, специалист по субтропическим культурам. С его именем связано развитие чаеводства в Закавказье.

В результате поездки на Восток появилось трехтомное сочинение И. Н. Клингена¹⁶⁶, написанное по личным впечатлениям и литературным источникам.

В первом томе, посвященном Египту, дается краткий очерк рельефа, климата, почв, растительности, сельского хозяйства. Специальная глава отведена деятельности человека по преобразованию природы в бассейне Нила. Большого внимания заслуживает глава о современном ему Египте, где говорится о хозяйстве феллаха, о роли крупного землевладения¹⁶⁷.

Клинген пишет о тяжелой участи египетского феллаха: «Можно смело сказать, что теперь, спустя 3000 лет, протекавших со времени фараонов-ленивцев, народу не стало легче. Все также он бьется, как рыба об лед, выбиваясь из сил, чтобы отвоевать у безжалостных хищников всякого цвета и племени последний кусок насущного хлеба для себя и семьи своей»¹⁶⁸.

«Хозяиничанье английских империалистов,— отмечает Клинген,— лишь усугубляет и без того тяжелое и безысходное положение народа. Английские эскадры и бесчисленные пароходы, английские жандармы на пристанях, английские войска и цитадели, английские директора школ, английские подставные министры... а что всего важнее, крупные английские капиталисты и ростовщики наводнили Египет, и с помощью вооруженной армии, которую содержат как величайший курьез на счет самих клиентов, они поддерживают неизменно и во всем «английские интересы», все расширяя «меры гарантий» и «сферы влияния», от которых бедняжке-босоножке полураздетому, полуголодному феллаху покажется скоро небо с овчинку...»¹⁶⁹

Вследствие своей классовой ограниченности Клинген видит возможность разработки больших природных богатств верхнего Нила лишь под руководством европейцев. Он даже полагает, что чернокожие народы стран верхнего Нила возродятся при помощи европейского гения.

Он наивно пишет о будущем Судана: «Европейские ученые, европейские инженеры и агрономы раскрывают ему теперь широкие ворота, неся в зубах своих машин по гладкому рельсовому пути освобождение от бесконечно длинного сна»¹⁷⁰.

Но вместе с тем Клинген верит, что «наступит время и все эти столь приниженные народы перестанут склонять безропотно голову перед хищным чужеземцем; они научатся мало-помалу отстаивать свои права, они добудут свободу, они создадут общими силами великое и славное Отечество»¹⁷¹.

Спутником И. Клингена в экспедиции был профессор Харьковского университета, сотрудник издававшегося Д. Н. Ану-

чным журнала «Землеведение» А. Н. Краснов, впоследствии директор Батумского ботанического сада.

А. Н. Краснов (1862—1914) — выдающийся ботаник и географ, ученик крупнейшего русского ботаника Д. Н. Бекетова. После защиты в 1894 г. диссертации он стал первым в России доктором географических наук. А. Н. Краснов — автор первого русского университетского учебника по общему землеведению. В его огромном литературном наследии свыше 300 названий печатных работ. Краснов был неутомимым путешественником. Он побывал во многих районах России, в ряде стран Европы, Восточной и Южной Азии, Африки, Центральной и Северной Америки. Вскоре после завершения экспедиции А. Н. Краснов опубликовал книгу¹⁷², представляющую обработанные автором письма из кругосветного путешествия, печатавшиеся ранее в журнале «Неделя».

Четыре письма посвящены Ближнему Востоку. В письме из Константинополя много свежих впечатлений, новых мыслей. Блестяще описана азиатская часть города, где улица служит не только местом движений, но и местом самой жизни. «Здесь закусывают, здесь обсуждают дела и знакомятся... Здесь, в Константинополе, с красной феской турка мешается баранья шапка кавказца или баши-бузука, черное платье армянина, бритая голова в ермолке, европейская шляпа»¹⁷³.

В другом письме А. Н. Краснов характеризует египетскую пустыню:

«Египет — страна контрастов, где картины самой бойкой, ключом кипящей жизни помещаются рядом с ландшафтами мертвенными, с царством смерти; здесь области господства мертвящего ветра и жгучих солнечных лучей вдруг сменяются картиной животворной деятельности нильских вод.

Область, где развилась, существовала и доныне существует та жизнь, которая создала, можно сказать, главные из основ нашей цивилизации, — чрезвычайно узенькая и маленькая полоска, втиснутая среди мертвенной пустыни. Египет жилой, культурный в полном смысле этого слова, — пойма Нила...»¹⁷⁴

В письме под названием «В гостях у феллахов» А. Н. Краснов пишет: «Но сколько бы ни было удобств и приятностей в природе, окружающей феллаха, я не назову его существование отрадным. Отсутствие утвари, элементарных украшений и удобств обстановки лежит не в одной их ненадобности. Поговорите хоть немного со здешним крестьянином, и вы увидите, что это жертва тяжелейших налогов, причем тяжесть этих налогов лежит не столько в самой платимой сумме, сколько в неправильностях их сбора и хищениях, эти сборы сопровождающих. Недаром многие здешние правители любили уподоблять народ сотам, которые, чем сильнее жмешь, тем больше из них течет соку. Система вы-

давливания соков из народа — это система здешнего управления»¹⁷⁵.

Демократ по своим убеждениям, А. Н. Краснов сочувственно относился к угнетенному человеку: «Грустно становится видеть, что нация, давшая так много для человеческой цивилизации, создавшая столько произведений искусства, открывшая столько научных истин, пала так низко, что возрождение ее пока почти безнадежно. Как она строила пирамиды фараонам, мечети и минареты магометанским властителям, так ей предстоит строить машины, работать на фабриках и проливать свою кровь для корыстных задач сынов туманного Альбиона»¹⁷⁶.

Выше мы писали о поездке на Ближний Восток за породастыми арабскими лошадьми Дохтурова. С той же целью в 1888 и 1900 гг. совершила две поездки на Восток княгиня О. А. Щербатова в сопровождении нескольких спутников. В 1888 г. она побывала в Каире, Бейруте и Дамаске, оттуда караваном через Ливанские горы и долину Бекаа прошла до Дейра на Евфрате; далее экспедиция не была пропущена турецкими властями и вернулась в Дамаск. Во вторую поездку в 1900 г. Щербатова вместе со своим мужем коннозаводчиком князем Щербатовым посетила Сирию и Верхнюю Месопотамию. Во время путешествия О. А. Щербатова и ее спутники посещали кочевников различных бедуинских племен. Она сообщает, что гостеприимство их было безграничным. Путешественники проехали верхом 2600 верст. Записки Щербатовой¹⁷⁷ представляют интерес отдельными бытовыми деталями из жизни бедуинов.

В 1902 г. в месопотамские вилайеты Турции был командирован офицер генерального штаба Б. И. Шелковников. После завершения поездки он представил весьма интересную работу, в которой содержится немало полезных сведений о современном политическом положении в Месопотамии и в районе Персидского залива¹⁷⁸.

Б. И. Шелковников правильно утверждает, что Англии удалось путем «заведения долголетних и крепких связей в стране, значение которой для нее крайне важно, распоряжаться в ней, экономически завладеть ее рынками и укрепить свой политический престиж между населяющими ее племенами... Занятое Англией положение в Месопотамии стоит в тесной связи с ее фактическим преобладанием в Персидском заливе и Южной Персии...»¹⁷⁹

По литературным источникам и личным наблюдениям Шелковников составил описание племен, современного ему состояния землепользования и землевладения, оросительной системы. Шелковников рассматривает и национальный состав трех месопотамских вилайетов, отмечая, что турки составляют «минимальную, еле заметную частицу населения». Он при-

водит данные, что население трех вилайетов насчитывало 3400 тыс. человек, из них кочевников — около 1100 тыс. Независимым кочевым арабским и курдским племенам посвящен особый раздел работы.

Заключительная глава книги посвящена истории вопроса о Багдадской железной дороге.

Изучению трассы Багдадской железной дороги была посвящена поездка в Турцию в конце 1901 г. В. И. Семенова. Опубликованная в 1904 г. книга «Поездка в Малую Азию» дает четкое представление об истории железнодорожного строительства в Малой Азии и современном состоянии турецкой железнодорожной сети.

Нелишне указать, что уже в 80-х годах прошлого столетия был проявлен интерес к железнодорожному строительству в Турции известным в свое время дельцом, железнодорожным строителем Самуилом Соломоновичем Поляковым. Победоносцев сообщал Александру III о своей беседе с Поляковым (письмо от 11 декабря 1886 г.), который сказал: «Владеть железными дорогами на Востоке — значит владеть фактически страной. Итак, для нас было бы великой силой, когда бы дороги в Турции, Болгарии, Персии и т. п. могли быть в русских руках... Мне стало случайным образом известно, что есть план перевести турецко-болгарские дороги в английские руки при участии совокупном английском правительства с австрийским... Это будет новым злом для России...»

Поляков рассказал также, что частным образом пытался купить акции железных дорог Турции: «Как эти дела суть обычные в коммерческой сфере, то мое участие и не могло возбудить подозрения, тем более что ныне и подозрения нет на подобные планы русского правительства». Он не желал ставить в известность о своих планах МИД (тот будет препятствовать, дело получит огласку) и через Победоносцева испрашивал согласия Александра III.

В русской дореволюционной литературе, посвященной строительству Багдадской железной дороги, необходимо отметить обстоятельное письмо (октябрь 1899 г.) из Константинополя, подписанное постоянным корреспондентом журнала «Русский вестник» («Странник»).

Автор вкратце касается истории постройки дороги, дает экономическую характеристику района, говорит о борьбе великих держав. Известно, что среди многочисленных проектов постройки дороги имелся и так называемый русский проект, представленный графом Капнистом. Автор правильно указал уже тогда: «Тут собственно именем предпринимателя пользовалась компания иностранных капиталистов различных национальностей, за исключением русской».

Отмечая, что все посольства великих держав поддерживали проекты своих предпринимателей, автор указывает:

«Только так называемый „русский” проект оставался без поддержки именно потому, что он был русским только по названию, и потому еще, что русская власть совершенно основательно... считала Багдадскую дорогу вообще вредною для русских интересов...»¹⁸⁰

По мнению автора, турецкое правительство интересовалось строительством дороги главным образом по стратегическим соображениям, в первую очередь соображениям борьбы с арабским населением¹⁸¹.

Вместе с тем он отмечает, что Багдадская дорога создала бы угрозу для экономических интересов России, ибо в Месопотамии может быть развито большое зерновое хозяйство. Далее автор рассматривает вопросы стратегического порядка и приходит к выводу, что «создание важного стратегического пути вблизи от нашей границы грозит России серьезными последствиями»¹⁸².

Учитывая, что редактором и издателем журнала являлся в 1852—1887 гг. М. Н. Катков, а впоследствии его сын, не трудно объяснить направленность письма, автор которого требовал в заключение:

«Нам нет смысла входить в состав того международного синдиката, который будет строить Багдадскую дорогу. Мы могли бы с самого начала выступить самостоятельными конкурентами на эту дорогу, но это представило бы значительные трудности вследствие того, что пункты отправления этой дороги — Кония — Ангора — эксплуатируются уже иностранными компаниями, с которыми пришлось бы вступить в соглашение.

Значит, необходимо искать иной компенсации.

...При этом действовать необходимо быстро и во всяком случае, какие бы ни нашлись выгодные компенсации, важно пока задержать разрешение вопроса о международной Багдадской дороге»¹⁸³.

Строительство Багдадской железной дороги привлекало внимание русского генерального штаба. Спустя три года после поездки В. П. Семенова в Турцию был командирован подполковник генерального штаба П. Томилов. Он провел в Турции полгода и после возвращения опубликовал двухтомный отчет. Целью поездки являлось обследование района будущей дороги от Ада-на до Мосула. Томилов составил подробное описание пройденного пути по маршруту от Арарата через Курдистан и Северную Месопотамию к северо-восточным берегам Средиземного моря. Им дано подробное экономико-географическое и этнографическое описание Киликии, Северной Сирии, Северной Месопотамии и Южного Курдистана, а также описание трассы Багдадской железной дороги.

«Главной и конечной целью я ставил выявление — насколько серьезным и крайне выгодным для России историческим событием является грандиозное немецкое предприятие в Азиатской

Турции. Осуществление его позволит нашему западному соседу завладеть богатейшим краем Ближнего Востока, подобно тому, как Англия завладела Египтом. Возрождение культуры некогда богатой и населенной Месопотамии и колонизация ее немцами создадут серьезного конкурента русской хлебной торговле на европейском рынке. Совершенно ничтожная и в настоящее время, наша торговля с Турцией будет лишена возможности какого бы то ни было развития. И, наконец, подъем военного могущества нашего южного соседа, за спиной которого будет стоять Германия, окажет значительное влияние на наше стратегическое положение, особенно при борьбе с коалицией, к которой примкнет... Турция»¹⁸⁴.

Томилов указывал, что постройка Багдадской дороги облегчит мобилизацию и переброску к русской границе турецких войск, облегчит им маневр.

В заключение своего отчета он указывал: «Весьма серьезное невыгодное значение немецкого предприятия для России, как в стратегическом, так и в экономическом отношении, остается по-прежнему в силе, и поэтому с нашей стороны было бы большой ошибкой относиться равнодушно к надвигающемуся мирному завоеванию немцами Азиатской Турции, которое даст им возможность нанесения России удара не только с запада, но и с юга, в особенно больной в настоящее время точке, вследствие ненадежности населения Кавказа»¹⁸⁵.

В 1905 г. вышла в свет книга Путника (Н. Лендера)¹⁸⁶. «Эта книга,— пишет автор в предисловии,— страницы моих скитаний. Константинополь, Афон, Македония, Крым, Кавказ, Поволжье, Оренбургские степи — пройдут перед Вами... Не удивляйтесь соседству Царьграда и Ближнего Востока с русскими углами. Ближний Восток, несмотря на его внешнюю изолированность, тесно связан с нами. В далеком прошлом Олег и Игорь, а в настоящем русская политическая жизнь не обходится без настоячивых вопросов Ближнего Востока. Может быть, еще теснее он будет связан с нами в близком будущем, когда нам придется проявить свое участие в сосредоточивающихся на берегах Босфора дилеммах мировой политики... Сколько очередных задач России тяготеют к Ближнему Востоку. Эти вопросы не ступали под влиянием времени и других событий. Они ждут своего разрешения»¹⁸⁷. Путешествие относится к 1904 г. В небольшой книжке 344 страницы. Отдельные главы посвящены Константинополю, Афону, Македонии. На них мы и остановим наше внимание, не касаясь разделов об Одессе, Крыме, городах Закавказья и т. д.

Н. Лендер и раньше бывал в Турции — в портах Малой Азии и в Константинополе.

В Константинополе автор посетил «русский угол», как он назвал русскую Николаевскую больницу, основанную еще в 70-х годах по инициативе тогдашнего российского посла

Н. П. Игнатьева. Больница была открыта за счет добровольных пожертвований среди русских (в России и в Константинополе). По подписке было собрано 39 тыс. руб., 130 тыс. фр. было отпущено казначейством. На эти средства приобретен участок земли, построены корпуса. Содержалась больница за счет средств, отчисляемых консульством из сумм, взимаемых с русских подданных (по 75 коп. с паспорта), и так называемого ластового сбора с пароходов Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ). Ко времени посещения больницы Лендером она располагала капиталом 200 тыс. руб., имела собственную аптеку, прачечную, конечно, церковь, обслуживалась почти исключительно русским персоналом.

Говоря о населении, автор отмечает, что из европейцев «наиболее сильной и многочисленной группой являются в настоящее время немцы, влияние которых заметно усилилось и при дворе султана. Германизация Константинополя да и всего Ближнего Востока возрастает с каждым годом»¹⁸⁸. Русских в Константинополе насчитывалось несколько сотен человек — сотрудники посольства и консульства, больницы, коммерческого училища и школ, в агентстве Русского общества пароходства и торговли. Автор подчеркивает, что в отличие от других иностранцев в Константинополе не было русского центра — ни делового, ни клуба. Говоря о наличии многочисленных и хорошо оборудованных школ, принадлежащих иностранцам — англичанам, французам, немцам, грекам, Н. Лендер отмечает, что в Константинополе существует и русская пятиклассная школа (два подготовительных и три нормальных), созданная в 1892 г. и получающая с 1900 г. субсидии от министерства иностранных дел. Подготовительные классы имеют целью усвоение учениками разных национальностей русского языка.

Автор посетил Русский археологический институт (директор — византист проф. Ф. И. Успенский), деятельность которого продолжалась с 1894 до 1914 г.

Из беседы с российским консулом И. Е. Панафидиным автор установил, что торговля Константинополя за последние 10 лет увеличилась на 25% и что Константинополь является рынком для таких русских товаров, как мука, сахар, спирт и керосин. Торговля поддерживается главным образом пароходами РОПиТа. К 1902 г. главным агентом РОПиТа в Константинополе, как пишет автор, был замечательно энергичный человек — И. И. Чайковский, родной брат композитора П. И. Чайковского.

Рассказывает Лендер подробно о деятельности иностранной, в том числе русской, почты в Константинополе. О султанах он пишет: «...при торжественных кликах войск выехал в открытом парном экипаже повелитель Турции, одетый в черный парадный сюртук, с галунами, без всяких знаков своего вы-

сокого отличия. Султан Абдул Гамид — полный, весьма уже пожилой человек»¹⁸⁹.

После Константинополя автор побывал в Афоне, посетил Пантелеймоновский монастырь, ставший русским с 1870 г., а также некоторые русские кельи, которых на Афоне было много, и два скита. Он подробно описывает хозяйство Афона: «Афон имеет свой особый политический уклад, свое особое управление, свою организацию, свои административные и общественные начала и свою своеобразную жизнь. Здесь господствуют греки, поддерживаемые турками». Население Афона — 12 тыс. человек, исключительно инок.

Далее Лендер проехал в Македонию, остановился в Салониках, где как раз в это время находился русский генерал Ф. А. Шостак, командированный для участия в реорганизации турецкой жандармерии. Лендер подробно говорит об острых противоречиях между отдельными национальностями страны, между греческими и болгарскими духовными лицами.

Известно, что по Сан-Стефанскому договору Македония вошла в состав Болгарии, но Берлинский конгресс оставил ее под властью Турции.

В 1908 г. в Москве вышла в свет книга И. И. Голобородько (И. Южанина) «Старая и новая Турция». Книга была написана вскоре после младотурецкой революции, о которой автор пишет: «Султаны, дрожа за остатки своей власти, беспомощно взирали на хозяйничанье европейцев внутри страны. В османском народе накопилось сознание поруганного национального достоинства, рос инстинкт безграничной опасности, грозившей религии, нации и территории. Происшедший на наших глазах в Османской империи политический переворот своим существованием обязан, главным образом, этому чувству национального самосохранения»¹⁹⁰. Оценка причин революции в общем дана в книге верно, хотя и неполно. Что же касается перспектив страны, то здесь автор явно не пророк: «Новая Турция сумеет положить предел беззастенчивому международному хищничеству... Турция полноправным членом вступает в состав европейского концерна»¹⁹¹.

Книга дает довольно подробное описание страны и ее быта, состояния образования, науки и литературы, положения сельского хозяйства, промышленности и торговли, финансов, государственного управления, армии и флота, истории турецких реформ и конституции (с Махмуда II до 1907 г.). Специальная глава посвящена Армении и армянам («Положение армян в Турции. Общественная история армян в XIX в. Армянский вопрос и революционные партии»). Автор пишет: «Армяне являются самым культурным элементом Азиатской Турции. Порой приходится удивляться, как удалось армянам, утратив всякую политическую независимость, пронести через века нетро-

нутым знамя национальной идеи. Разгадку нужно искать в великом прошлом армянского народа, в его древней цивилизации, литературе и языке»¹⁹². Автор повествует о чудовищном избиении армян в 1894 г. в Сасуне и других районах, продолжавшемся с перерывами до 1896 г.

Последняя глава посвящена европейским владениям Турции, их истории, политической обстановке на Балканах и политике держав в начале XX в. К книге приложены тексты основных законов империи (1908 г.), программы реформ, программы младотурок и избирательного закона 1903 г.

Корреспонденты русских газет и журналов о младотурецкой революции. Для изучения положения в Турции в начале XX в. серьезное значение имели наблюдения очевидцев, путешественников, журналистов. Кратко остановимся на сообщениях последних, касающихся младотурецкой революции 1908 г., естественно привлечшей к себе внимание в России. Младотурецкая революция застала врасплох русское общество и русскую дипломатию. Известно, что российский посол в Турции И. А. Зиновьев выехал в отпуск буквально за несколько дней до провозглашения конституции, а служащие российского посольства отдыхали на берегах Босфора, в Бююк-Дере, не представляя себе размаха развернувшихся событий¹⁹³. По воспоминаниям журналиста А. Е. Кауфмана, И. А. Зиновьев, находившийся в Петербурге, заявил ему: «Я решительно не верю в маргариновую турецкую конституцию... от нее скоро и следа не останется, и все пойдет по-старому. Не спасут Турцию и младотурки»¹⁹⁴.

Так называемые толстые журналы и крупные газеты имели собственных корреспондентов в Турции, которые дали ряд интересных статей, рисующих положение в стране после младотурецкой революции. Очевидно, одним из первых корреспондентов, выехавших в Турцию уже в июле 1908 г. для изучения обстановки на месте, был А. Е. Кауфман¹⁹⁵, корреспондент «Биржевых ведомостей».

В статье «Дни свободы в Константинополе» Кауфман описывает встречи с деятелями партии «Единение и прогресс», беседу с премьер-министром Кямиль-пашой и с шейх-уль-исламом. В своих сентябрьских статьях он писал: «Я не туркофил и специальных симпатий к туркам не питаю, но четырехнедельные наблюдения в Турции привели меня к убеждению, что, по крайней мере в близком будущем, изнутри конституции опасности отнюдь не угрожают»¹⁹⁶.

Как показало время, этот прогноз не оправдался. В апреле 1909 г. Абдул Хамид попытался произвести переворот, который младотурки быстро подавили. По свежим следам эти события были освещены К. Вейдемуллером в обзоре «Конец Абдул Гамида»¹⁹⁷. Случайным свидетелем этих событий оказался писатель С. Я. Елпатьевский¹⁹⁸.

В июле — сентябре 1908 г. в Константинополе и в Салониках побывал П. Н. Милоков. Свои впечатления он изложил в «Письмах с дороги». Младотурецкой революции Милоков коснулся и в книге «Балканский кризис и политика Извольского», в которой отмечает, что высшей инстанцией в стране является салоникский Комитет младотурок¹⁹⁹. Первые части книги посвящены истории турецкой конституции и балканскому кризису. К книге приложен текст конституции 1876 г. с внесенными в нее в 1909 г. изменениями. Заслуживает внимания собранная Милоковым библиография²⁰⁰.

После неудавшейся попытки Абдул Хаида произвести переворот корреспондент «Вестника Европы» Белоруссов писал, что «центр тяжести движения лежал в образованном, европеизированном чиновничестве и офицерстве и питался преимущественно мыслью о том, что абсолютизм ведет империю к расчленению и, может быть, к полной гибели»²⁰¹.

В письме под названием «Эволюция политических идей в современной Турции» Белоруссов следующим образом характеризовал младотурок: «На конституционную сцену они выступили в качестве крайних централистов. Их национализм не чужд был шовинизма. Идея простой административной децентрализации, положенная в основание «лиги децентрализации и частной инициативы», была ими отвергнута как опасная для существования Турецкой империи. Отвергнуто было историческое право национальностей на обучение в школах на национальных языках. Ряд требований «инородцев» в духе гражданского и политического равенства если и не был встречен принципиально враждебно, то практически оставлен без удовлетворения»²⁰².

По данным Белоруссова, «считая наемный персонал городских трамваев, государственных фабрик — шелковой, суконной, фесочной, — военных мастерских, каменноугольных копей, пароходных компаний и т. д., число фабрично-заводских и транспортных рабочих Турции превышает 100 000. Далее идут рабочие мелких мануфактур, хамалы и носильщики, ресторанная прислуга, приказчики в магазинах и т. д.».

В этих условиях, отмечает Белоруссов, возникновение турецкой рабочей социалистической партии, защищающей интересы наемного труда, вполне естественно. Свою программу социалистическая партия изложила на страницах «Рабочей газеты».

В 1909 г. В. Жаботинский в письме из Константинополя подробно рассматривал вопрос о развитии центробежных сил в Турции. «Между отдельными частями империи нет никакой сцепы, кроме инерции», — писал он²⁰³. В. Жаботинский, известный сионист, впоследствии развернувший погромную в отношении арабов деятельность в Палестине, посвятил положению в Турции ряд статей под общим названием «Новая Турция и наши перспективы». В них он рассматривал политическое положение

ние в Турции и национальный вопрос с точки зрения интересов сионизма.

В 1910 г. побывал в Турции В. Богучарский, опубликовавший интересную статью «По обновленной Турции». «Низвергнув Гамида и едва дав народам Турции провести медовый месяц свободы, — писал Богучарский, — комитет резко стал на старую националистическо-централистическую точку зрения прежних турецких правительств. Провозглашая *urbi et orbi*, «что в Турции нет больше ни турок, ни армян, ни болгар, ни других народов, а есть только одни оттоманы», комитет на деле явно стремился к тому, чтобы сделать из всех народов Турции не «оттоманов», а именно турок. Особенно это сказалось в Македонии»²⁰⁴. Богучарский приводит выдержку из меморандума социалистического конгресса в Копенгагене. В меморандуме утверждается, что «младотурки своими злодейскими и насильническими делами далеко оставили за собой режим Абдул Гамида», что этот «режим вандалов XX века достиг при усмирении восстания в Албании верха бесчеловечности и варварства», в Македонии «младотурки перебивают в тюрьмах кости на руках и ногах несчастных жертв...»²⁰⁵

Корреспондент «Вестника Европы» А. Деренталь сообщал в письме из Константинополя: «С момента апрельского переворота 1909 г., когда Махмуд Шевкет-паша взял Константинополь со своими македонскими войсками и тем самым спас новорожденную турецкую свободу, много явных и тайных врагов этой свободы было перевешано и расстреляно ее защитниками, а дело обновления Турции осталось все на том же месте и не продвинулось ни на шаг вперед»²⁰⁶. «До сих пор свободы печати в Константинополе, несмотря ни на какие конституции, фактически не существует. Военный суд строго следит за направлением здешних газет и при малейшей «ереси» немедленно же закрывает преступное издание»²⁰⁷.

Вот характеристика, данная Деренталем более 50 лет назад хорошо нам известному турецкому журналисту Хуссейну Джахиду Ялчину (ум. в 1958 г.), в то время редактору официального младотурецкого органа «Танин»: «Хуссейн Джахид — одна из ярких, если не самая яркая звезда на здешнем политическом горизонте... Избранный в парламент депутатом от Константинополя, он чуть не был убит во время организованной Абдул-Гамидом контрреволюции. Его спасло наше посольство, дав ему возможность переодетым бежать на русском пароходе... По возвращении в Константинополь с... войсками Махмуд-Шевкета он первый настоял на необходимости суровых методов по отношению к мятежникам и реакционерам»²⁰⁸.

Деренталь далее рассказывает, что для младотурок одним из средств борьбы с оппозицией являлась угроза опубликовать хранившиеся в архивах Махмуда Шевкета знаменитые «Джурналы» (агентурные донесения).

Деренталь описал бесправное положение женщины-турчанки, которое не было изменено революцией.

В качестве корреспондента газеты «Речь» около года (с осени 1911 до осени 1912 г.) провела в Турции Ариадна Тыркова. Свои корреспонденции, печатавшиеся за подписью А. Вергежский, она затем опубликовала в несколько переработанном виде отдельной книгой²⁰⁹. Наблюдения автора — «всегда с натуры или из первоисточника». Она рассказывает о выборах в парламент в 1911 г., об ограничительных цензах для малограмотного населения, о механике выборов, которая обеспечила иттихадистам (членам младотурецкой партии «Единение и прогресс») более трех четвертей мест, дает характеристику главным деятелям младотурецкого комитета в период его пребывания у власти — Гусейну Джахиду, Джавид-бею и Талаату. «История истребления армян — это написанный кровавыми буквами приговор младотуркам»²¹⁰

Отдельный очерк Тыркова посвятила Халидэ Ханум, известной впоследствии писательнице Халидэ Эдиб, основательнице первого в Турции женского клуба.

Внимание сотрудника журнала «Современник» Горцева, посетившего Турцию в 1912 г., привлек рабочий вопрос в Турции²¹¹. В статье «Младотурки и рабочий вопрос» он определил численность пролетариата в Константинополе в 100 тыс. человек, что вместе с семьями составляло в то время около 40% населения столицы. Горцев рассказывает об антирабочей политике младотурок, о создании в 1909 г. первой социалистической организации, о разработке в 1910 г. социалистом Влаховым, депутатом парламента, законопроекта о десятичасовом рабочем дне. Наблюдения Горцева — ценный материал о рабочем движении в стране.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

Говоря об изучении в России Ближнего Востока, совершенно необходимо остановиться на взглядах некоторых русских писателей XIX — начала XX в.

Среди них нельзя не отметить многочисленную и реакционную школу 50—70-х годов XIX в., примыкавшую к философско-политической доктрине славянофильства и панславизма. Суть этого реакционно-монархического течения заключалась в стремлении объединить под главенством царской России все славянские народы, находившиеся под гнетом Османской империи и Австро-Венгерской монархии. Среди важнейших панславистов надо назвать имена М. П. Погодина, Н. И. Костомарова, К. С. Аксакова, И. С. Аксакова и др.

Панслависты активно поддерживали попытку царского правительства использовать национально-освободительное движение славянских народов против турецкого и австро-венгерского гнета. М. П. Погодин (1808—1875), например, еще до Крымской войны утверждал, что в первую очередь право на помощь со стороны России имеют турецкие болгары¹.

В период Крымской войны, говоря о предложениях, по которым западные державы начали войну против России, он правильно писал, что желание поддержать Турцию было предложением, но отнюдь не целью. В Восточной войне Погодин видел решение русского вопроса: «Все зовет Россию в Константинополь. История, обстоятельства, долг, честь, нужда, безопасность, предания, соображения и заключения, наука, поэзия, родство, благодарность, вера, друзья, враги, память, прошедшее, настоящее и даже будущее — и мы будем в Константинополе»².

Программу панславистов в России наиболее четко разработал И. С. Аксаков³, который стремился к решению славянского вопроса в великодержавно-монархическом плане, проповедуя подчинение всех славян царской России. «Восточный вопрос для России, — писал И. С. Аксаков, — в существе своем прост и ясен. Это вопрос собственного нашего бытия, но и собственно русский, а не западноевропейский»⁴.

Более подробно остановимся на трудах и взглядах

К. Н. Леонтьева, который наряду со своими политическими и публицистическими статьями оставил значительное литературно-художественное наследство. Представитель так называемого позднего славянофильства, он дал «теоретическое» обоснование реакционной внутренней и внешней политики царизма.

К. Н. Леонтьев (1831—1891) — врач по образованию, участник Крымской войны, в дальнейшем дипломат. С 1863 г. он начал свою деятельность в Азиатском департаменте МИД. Затем последовательно занимал должности секретаря консульства в Кандии (на Крите), вице-консула в Тульче, консула в Янине, в Салониках. Всего в различных районах европейской части Турции он провел около десяти лет. Неоднократно посещал Афон. После выхода в отставку некоторое время прожил в Константинополе и на острове Халка. Он хорошо изучил Ближний Восток. «В 70—80-х годах он выдвинулся в качестве видного реакционного публициста, был близок к вдохновителю реакции 80-х годов Победоносцеву, являлся почитателем Каткова. Всегда склонный к мистицизму, К. Леонтьев закончил свою жизнь монахом»⁵.

В области внешней политики К. Н. Леонтьев не отказывался от мысли о борьбе на Ближнем Востоке за сокрушение Турции. Его политические взгляды в этом вопросе нашли свое отражение в книге «Восток, Россия и славянство», вышедшей в Москве в 1882 г. Необходимо отметить, что, ратуя за сокрушение Турции, Леонтьев в целом отошел от идей панславизма: он в сущности отказался от включения покоренных славянских народов в состав России. «Он сделал для себя вывод, что эти идеи не только устарели, но и таят в себе опасность для России, поскольку обнаружилось, что славянские народы успели перенять от Запада идеи демократизма и парламентаризма, начали разлагаться и потому объединение их с Россией нежелательно... Поэтому борьба с Турцией должна завершиться реставрацией Византийской империи, в которой восторжествовали бы идеи самодержавия, находившегося в прочном союзе с православной церковью, и утверждались бы идеи общинности. Консервация этих отношений и учреждений как в возрожденной Византийской империи, так и в самой России представлялась Константину Леонтьеву „спасением от всех современных идей, гарантий против исторического прогресса“»⁶.

К. Н. Леонтьев оставил ряд художественных произведений, связанных с Ближним Востоком. Он прекрасно знал Европейскую Турцию и быт греческого и славянского населения, который отразил в повестях «Из жизни христиан в Турции», «Сулиот», в романе «Камень Сизифа» и неоконченном романе «Египетский голубь», в «Паликаре и Костаки», «Аспазии Лаприди», «Воспоминаниях Одиссея Полихронидиса, загорского грека» (Загорск — гористый округ Южного Эпира).

Художественные произведения К. Н. Леонтьева публиковались в ряде периодических изданий, главным образом в «Русском вестнике». В 1876 г. они вышли отдельным изданием в трех томах. В 1912 г. вышло полное собрание сочинений Леонтьева в издании Саблина.

И. С. Аксаков, враждебно относившийся к политическим и церковным взглядам Леонтьева, у которого он находил «сладо-страстный культ палки», был в восхищении от его восточных повестей и говорил: «Прочтя их, не нужно и в Турцию ехать»⁷.

«Восток полюбился Леонтьеву и произвел на него глубокое впечатление. Он имел большое влияние на его художественное творчество... яркий и пестрый быт Востока... давал богатую пищу его наблюдательности, разбудил в нем художника и заставил его обогатить нашу литературу целым рядом прекрасных... овеянных восточным ароматом повестей, рассказов»⁸.

Ближний Восток в целом в сущности никогда не привлекал внимания великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, но события на Балканах, судьбы балканских народов, находившихся под гнетом Османской империи, всегда принимались им близко к сердцу. Тургенев с давних пор сочувствовал борьбе славянских народов против турецкого ига, но славянофильские тенденции были ему чужды. В период Восточной войны 1853—1856 гг. он с большой заинтересованностью следил за развивающимися событиями, что нашло отражение в ряде его писем, например в письме от 9/21 июня 1853 г., в котором он упоминает о миссии А. С. Меншикова в Турции, и в других, где упоминаются события войны: Севастопольской обороны, боевые действия на Кавказском фронте⁹. Действие романа «Накануне», законченного в 1859 г. и впервые напечатанного в 1860 г., развивается в период, предшествующий войне 1853—1856 гг. И. С. Тургенев точно указал время. В гл. XIII романа он пишет: «Занятие русскими войсками княжеств волновало все умы. Гроза росла, слышалось уже веяние близкой, неминуемой войны», и далее, в гл. XIV: «...Турция объявила России войну... уже недалек был день Синопского разгрома».

Героиня романа, Елена Стахова, полюбившая болгарина Инсарова, порывает с родиной, отдавая себя делу освободительной борьбы болгарского народа. Революционно-демократическая критика приветствовала образ Елены.

Большое внимание И. С. Тургенева, естественно, привлекли события на Балканах в 1876 г., русско-турецкая война 1877—1878 гг. В дни сербско-турецкой войны он говорил: «За торжество, за победу Сербии я бы готов отдать очень многое — будь я моложе, я сам бы туда поехал»¹⁰. Тургенев весьма положительно расценивал борьбу, которую Россия вела на Балканах, видя в ней борьбу за освобождение балканских народов.

Интересные и своеобразные мысли относительно восточного вопроса, взаимоотношений Турции и славян высказывал

Ф. М. Достоевский в период, когда он редактировал монархический журнал «Гражданин». Некоторые из них нашли себе место и в дневнике писателя. О них достаточно ясно говорят отдельные записи. Так, в 1876 г. он записал: «Константинополь рано или поздно ли должен быть нашим». В марте 1877 г. еще раз помечено: «Еще раз о том, что Константинополь рано ли, поздно ли, а должен быть наш... Да, он должен быть наш не с одной точки зрения знаменитого порта, пролива, «средоточия вселенной», пупа земли; не с точки зрения давно сознанной необходимости такому огромному великану, как Россия, выйти, наконец, из запертой своей комнаты, в которой уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов»¹¹. Далее, в главе «Русский народ слишком дорос до здравого понимания о Восточном вопросе со своей точки зрения» он указывает: «С самого покорения Константинополя, весь огромный христианский Восток невольно и вдруг обратил свой молящий взгляд на далекую Россию, только что вышедшую тогда из своего татарского рабства, и как бы предугадал в ней будущее ее могущество, свой будущий всеединящий центр себе во спасение. Россия же немедленно и не колеблясь приняла знамя Востока и поставила царьградского двуглавого орла выше своего древнего герба и тем как бы приняла обязательство перед всем православием хранить его и все народы, его исповедующие, от конечной гибели»¹².

Интересно, что Ф. М. Достоевский отметил также и такое весьма существенное явление, как нежелание балканских, подлежащих «спасению от гибели» народов подпасть под иго царской России: «В народах же Востока стали пробуждаться, кроме того, и главнейшим образом, идеи национальные. Явилась вдруг боязнь, освободясь от турецкого ига, подпасть под иго России... чуть ли не вся интеллигенция восточной райи хоть и зовет Россию на помощь, но боится ее, может быть, столько, сколько и турок: «Хоть и освободит нас Россия от турок, но поглотит нас...» и не даст развиваться нашим национальностям»¹³.

Л. Н. Толстой и Ближний Восток — часть большой темы «Л. Н. Толстой и Восток». Хорошо известен интерес к Востоку, проявлявшийся Л. Н. Толстым, интерес, обусловленный его сложным и противоречивым мировоззрением.

Хорошо известны взаимоотношения Толстого с литераторами, общественными деятелями и публицистами стран Востока. Внимание Толстого привлекала и религия, и древняя философия, и эпос стран Азии и Африки, литература, искусство и фольклор — те стороны жизни, которые он называл «восточной мудростью». В последние два десятилетия его жизни внимание Толстого привлекали вызывавшая негодование писателя деятельность империалистических колонизаторов и империалистические войны.

Восток получил отражение не в художественных произведениях Л. Н. Толстого, а в его философских, религиозных и публицистических произведениях. В его статьях и письмах мы находим упоминания о Китае, Индии, Японии, Турции и Иране, арабских странах, Афганистане, Бирме, Индонезии, Корее и других странах Азии и Африки.

В рамках нашей работы мы отнюдь не ставим задачей раскрытие всей этой огромной темы, отсылая читателя к специальным работам¹⁴. Мы лишь коротко отметим некоторые важнейшие моменты, характеризующие выступления Л. Н. Толстого в защиту народов Азии и Африки от колониального порабощения, его обличение капитализма, его резкие выступления против захватнических войн и колониального разбоя.

Известно, что В. И. Ленин писал о Толстом, как о «глубоком наблюдателе и критике буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории»¹⁵.

В статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» В. И. Ленин писал, что в творчестве Толстого мы видим «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши... Беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления... самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок»¹⁶.

Нас непосредственно интересует вопрос об отношении Л. Н. Толстого к Турции. Прежде чем перейти к нему, напомним, что Л. Н. Толстой при поступлении в Казанский университет сдавал экзамены по турецкому и арабскому языкам, которые изучал в течение двух лет. Он сдал в 1844 г. оба экзамена отлично и был зачислен «студентом своекоштного содержания по разряду арабско-турецкой словесности в 1-й курс»¹⁷.

Толстой недолго пробыл в университете и, по его признанию, недостаточно успел в усвоении языков. Бесспорно, что их изучение принесло ему известную пользу, способствовало появлению у писателя интереса к турецкой и арабской литературе.

Позже, в период Севастопольской обороны, Л. Н. Толстой имел возможность встречаться с пленными турками, но в дневниках и произведениях писателя этого периода Турция значительного отражения не получила. После Крымской войны Толстой встречался с яснополянскими крестьянами, вернувшимися домой из турецкого плена, интересовался жизнью в Турции.

Востоковедными интересами Л. Н. Толстого, очевидно, объясняются его занятия кумыкским и ногайским языками. Кумыкский язык он называл татарским (см. повести «Рубка леса» и «Набег») ¹⁸.

Кровавое избиение армян в Турции в середине 90-х годов привлекло к себе пристальное внимание писателя. Л. Н. Толстой получил в это время несколько писем по поводу событий в Турции. Слышал он о них и от посетивших его армян.

В письме Д. А. Хилкову 20 марта 1896 г. он писал: «Многие явления жизни тревожат меня и требуют как будто участия в них... Дело армян, про которое Вы пишете и про которое получаю письма, и посещение армян»¹⁹. Толстой имел в виду полученное им письмо Е. Е. Лазарева от 14/26 марта, в котором тот обращал его внимание на ужасную резню армян в Турецкой Армении²⁰.

Об интересе Л. Н. Толстого к Турции свидетельствует и его переписка с переводчицей некоторых его произведений на турецкий язык, уже упоминавшейся нами Ольгой Сергеевной Лебедевой, которая первой познакомила турецких читателей с произведениями Толстого²¹. О. С. Лебедева, в будущем почетная председательница Общества востоковедов в Петербурге, еще в 1881 г. наметила обширный план переводов произведений русских писателей на турецкий язык и пыталась—безрезультатно на этот раз—получить на то согласие турецких властей. Ей пришлось уехать из Константинополя ни с чем. Спустя шесть лет, встретившись на VIII конгрессе востоковедов в Стокгольме (1889 г.) с османским писателем Ахмедом Мидхат-эффенди, она при его содействии и под его редакцией перевела с русского на турецкий язык ряд небольших повестей и рассказов Пушкина, Лермонтова и Толстого. В 1894 г. О. С. Лебедева вела оживленную переписку с Л. Н. Толстым, задумав издать книгу, направленную на сближение России с Турцией. Тогда же она послала ему свои переводы. Из переписки Л. Н. Толстого с О. С. Лебедевой (в основном хранится в архиве Толстого), опубликованной А. И. Шифманом²², виден большой интерес писателя к жизни в Турции и, в частности, к общественному движению. О. С. Лебедева нарисовала широкую картину жизни страны при султана Абдул Хамиде II, обрисовала состояние литературы. В частности, она писала Толстому 1 августа 1894 г.:

«Цензура придирается к каждому слову и отыскивает во всем скрытый смысл. За одно неосторожное выражение газета останавливается Портой на сколько времени ей вздумается, не обращая внимания на потери издателя.

В Турции было много талантливых писателей за последние сорок лет, и во времена султана Азиза можно было выражать свои мысли свободнее, но с воцарением Хамида все запрещено. Всякая мысль подавляется в зародыше»²³.

О. С. Лебедева информировала Л. Н. Толстого о положении турецкой женщины, о материальном положении народа и сектах, об отсутствии в стране социалистического движения, о котором она писала: «его нет и быть не может». Лебедева выслала Толстому книгу о бабизме.

Л. Н. Толстой интересовался турецким фольклором, и для переводов на русский язык пользовался французской антологией восточного фольклора²⁴.

Немало турецких поговорок и изречений включено Толстым в брошюру «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран», составленную на основании изданной в Индии на английском языке книги «Сухраварди», которую он получил в 1908 г.

Толстой обрабатывал образцы турецкой народной мудрости и для таких своих произведений, как «Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «Путь жизни».

Известна переписка Л. Н. Толстого с деятелями турецкой культуры — врачом А. Джевдедом, Решид Саффет-беем, армянским писателем Арамом Бозавьяном и др.²⁵

О распространении произведений Толстого в Турции писали В. А. Гордлевский, М. С. Михайлов, А. И. Шифман²⁶. «Интерес к его творчеству в широких массах турецкого народа продолжает расти. Как и в других странах Востока, имя Толстого олицетворяет в Турции высшие достижения и лучшие традиции русской классической литературы»²⁷. Л. Н. Толстой не раз обращался в своих публицистических произведениях к арабским странам. Назовем его обращение «К итальянцам», статью «Царство божие внутри нас», «Две войны» и др.

Писателя интересовало распространение учения бабидов в арабских странах. Поддерживал Л. Н. Толстой и непосредственные отношения с деятелями арабской культуры (хотя и незначительные), в частности с выдающимися общественными деятелями Египта Мухаммедом Абдо, Габриэлом Саси, с некоторыми молодыми читателями своих произведений²⁸. Л. Н. Толстой питал огромное уважение к древнеарабской культуре, к ее литературе и фольклору, которые он хорошо знал. Толстой изучал и историю арабов. С повседневной жизнью арабов Толстой знакомился по письмам своего сына Льва Львовича, в 1904 г. находившегося в Египте.

Имя Л. Н. Толстого широко известно и на Арабском Востоке. И. Ю. Крачковский писал в 1910 г., вскоре после смерти писателя: «Недавно понесенная Россией утрата заставляет вспомнить, что имя Толстого известно и арабам, быть может, лучше, чем другим жителям Ближнего Востока»²⁹.

С. Елпатьевский описывает встречу в Каире с сирийцем, владевшим русским языком: «Он написал на арабском языке книжку о конституции и младотурецком движении... перевел с русского на арабский «Воскресение» Толстого и «Шинель» Гоголя... Он рассказывает мне, как хорошо пошли его переводы с русского и как интересуются в Египте Толстым»³⁰.

Известно, что издания Толстого на арабском языке появились уже в 1893—1894 гг. Продолжали появляться и после³¹. Об огромном влиянии русской и советской литературы, в частности Л. Н. Толстого, на развитие арабской литературы говорят арабские писатели, такие, как, например, Михаил Шуайме, Мухаммед Шархад, Махмуд Теймур³².

Много путешествовал и не раз бывал на Ближнем Востоке

и хорошо его знал И. А. Бунин. В автобиографической заметке (письмо С. А. Венгерову), написанной в 1915 г., Бунин сообщал: «...С 1907 г. жизнь со мной делит В. Н. Муромцева. С этих пор жажда странствовать и работать овладела мной с особенной силой... Видел же за эти годы особенно много. Неизменно проводя лето в деревне, мы почти все остальное время отдали чужим краям. Я не раз бывал в Турции, по берегам Малой Азии, в Греции, в Египте вплоть до Нубии. Странствовал от Сирии к Палестине, был в Ороне, Алжире, Константинополе, Тунисе и на окраинах Сахары, плавал на Цейлон, извездил почти всю Европу, особенно Сицилию и Италию... был в некоторых городах Румынии, Сербии — и, говоря словами Баратынского, отовсюду — «к вам приходил, родные степи, моя начальная любовь» — и снова «по свету бродил и наблюдал людское племя»...»³³.

И. А. Бунин 13 раз посетил Константинополь. В частности, в апреле 1903 г. он целый месяц пробыл в Константинополе.

В 1907 г. вместе с Верой Николаевной Муромцевой он совершил путешествие «во Святую землю». «Древние страны Востока — Египет, Сирию, Палестину, а не Италию или Испанию... выбрала для поездки и настояла на своем предложении Вера Николаевна»³⁴. Это путешествие дало материалы для целого цикла рассказов и очерков о Востоке, позже объединенных в сборнике «Тень птицы» (Париж, 1931).

«Готовясь к поездке, Бунин изучал Библию и Коран, читал книги о святой земле проф. А. Олесницкого и Тышендорфа... Читал он также какую-то книгу о Востоке французского ученого Масперо»³⁵. Вера Николаевна вспоминала: «Он знает Константинополь не хуже Москвы»³⁶.

Известны и другие поездки И. А. Бунина на Восток: в 1908 г., когда он посетил Салоники и Константинополь, в апреле 1910 г. — Алжир, Оран, Сахару, оазис Бискре, Константинополе и Тунис, в мае — Афины, Измир и Константинополь³⁷. В конце 1910 г. Бунин, отправившись в путешествие на Цейлон, по пути посетил Константинополь, Бейрут, провел шесть недель в Египте³⁸.

17 декабря 1910 г. Бунин писал Горькому с парохода «Владимир»: «Плывем мы теперь на Бейрут, из Бейрута — в Порт-Саид. В Порт-Саиде простимся с «Владимиром» и поедем в Каир, Луксор, Ассуан — аж до Хартума в Нубии»³⁹. «Я много жил в деревне, — писал он в 1935 г., — много путешествовал по России и за границей; в Италии, в Турции, на Балканах, в Греции, в Палестине, в Египте, в Алжире, в Тунисии, в тропиках. Я, как сказал Саади, «стремился обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей», меня занимали вопросы психологические, религиозные, исторические».

Плодом многочисленных путешествий писателя явился ряд повестей и рассказов, ряд путевых очерков.

Путевые очерки занимают в творчестве Бунина совершенно особое место. Страсть «неустанных скитаний и ненасытного восприятия» (предисловие Бунина к сборнику «Крик», Париж, 1921), владевшая им, была не просто его личным свойством, а являлась продолжением его художественной, философской устремленности «познать тоску всех стран и всех времен»⁴⁰.

В «Тень птицы» включено наибольшее количество повестей и очерков Бунина, относящихся к Востоку. Сам Бунин называл эти свои очерки «путевыми поэмами». «Пафос историзма пронизывает не только повесть о деревне, но и другие произведения Бунина, определяя их художественную структуру, например путевые поэмы, которые объединены общим названием „Тень птицы“. В этих произведениях Бунин рассказывает о своем путешествии в Турцию, Грецию, Палестину, Египет и другие страны. Но это не просто странствие по разным землям. Это — путешествие в глубь веков... Здесь два измерения: география соединяется с историей. Картины современной жизни той или иной страны соединяются в сознании Бунина с картинами давно прошедших дней, поэтому Бунин все время не только рисует то, что видит, но и то, что было, что запечатлено в мифологиях, преданиях, на страницах истории. Писатель постоянно чувствует живую связь времен»⁴¹.

«Почти из всех произведений Бунина можно выписывать фразы и целые абзацы, которые с поразительной точностью и незабываемой образной силой рисуют формы, краски, запахи, звуки неисчерпаемо многообразного мира»⁴².

Бунин необыкновенный мастер пейзажа, мастер художественной детали. Вот почему, в сущности, мы вынуждены почти отказаться от цитирования отдельных мест из цикла «Тень птицы». Цикл начинается рассказом под тем же названием, о котором Бунин впоследствии говорил, что он касается его первого посещения Турции в 1903 г. и ничем не связан с рассказами о последующем путешествии в «святую землю»⁴³.

В пятом томе произведений И. А. Бунина, охватывающем первый период эмиграции (1917—1930), имеется также несколько рассказов, посвященных Ближнему Востоку: «Роза Иерихона» (дата написания неизвестна), в котором он вспоминает о своем путешествии 1907 г., «Скарабей» (1924) — воспоминания о некогда посещенном им в Каире Булакском музее, очерк «Воды многие» (1925—1926), начатый еще в 1911 г. и представляющий собой в известной мере окончание путевых записей о путешествии на Цейлон в 1911 г. (отрезок пути по Суэцкому каналу и Красному морю).

Стоит привести раннюю редакцию рассказа «Третий класс»⁴⁴, вернее, его неопубликованное начало, где Бунин дает уничтожающую характеристику поведения английских колонизаторов на Востоке:

«В Египте, возле пирамид, храмов, я с утра до вечера слу-

шал треск палок по головам арабов: арабы с бешеными криками осаждали туристов, предлагая им свои услуги, своих ослов, а английские полицейские молча лупили их направо и налево, да так крепко и ловко, что только палки отскакивали.

В Коломбо я глазами своим не верил, видя, как опасно, все время начеку, проходят англичане по улицам,— как они боятся осквернить себя нечаянным прикосновением к тамилу, к сингалезу и вообще всякому «цветному» человеку, ко всякому «презренному» (по их любимому выражению) дикарю.

А какими скандалами сопровождалась на Цейлоне все мои попытки проехать по железной дороге в третьем классе»⁴⁵.

В 1911 г. И. А. Бунин пишет рассказ «Крик» — о поездке из Порт-Саида в Батум: «В Стамбуле была чума, дела наш грузовик там не имел; мы решили миновать Золотой Рог, а рассвета дожидаться в Коваках, у входа в Черное море: ночью не выпускают. И вот отправили с нами из Дарданелл двух турок, двух карантинных стражей, дабы они удостоверили, придя в Коваки, что остановки не делалось.

Снялись мы из Дарданелл часа в четыре... Много раз видел я Босфор. Но можно ли на него наглядеться? Вечером я лег спать и приказал разбудить себя, лишь только откроется маяк. Около двух часов ночи вестовой постучал в дверь моей каюты и не громко сказал: «Подходим к Сералю...» Я поднялся на штурманскую рубку... Но все в отдалении,— и холмистые побережья, и Золотой Рог, медленно раскрывающийся перед нами, и бледные призраки Скутари, Стамбула, Галаты, Перы,— все подернуто матово-белесой чадрой, нежной, прозрачной, как драгоценные брусские газы. И за этой чадрой, как несметные глаза, таинственные и прекрасные, матово и недвижно блещут несметные, далекие и близкие огни... Я различал каменные и деревянные дома его предместий, легкие, бесконечно высокие минареты вокруг чашеобразных куполов белой Ахмедие, древний, дорогой мне купол Софии, сады Сераля и серую стену дворца Константина. Я опять обонял особый, сладкий и сухой аромат берегов Турции»⁴⁶.

Отметим также стихотворения И. А. Бунина, относящиеся тематически к Ближнему Востоку. Это «Потомки Пророка», «В Скутари», «Мать», «Ночь» (едва ли не самое первое стихотворение Бунина из восточного цикла), сборник стихов 1903—1906 гг., которые автор объединил общим названием «Ислам»: «Путеводные знаки», «Пастух», «Мираж», «Черный камень», «Зеленый стяг», «Стамбул», «В тихом старом городе Скутари», «Айя София», «Бедуин», «Храм солнца», «Караван», «В жарком золоте заката пирамид» и многие другие.

Рассматривая ориентальную позицию Бунина, П. И. Тартаковский писал недавно: «В ряду представителей русской культуры, чей интерес к Востоку был глубоким и непреходящим, Иван Бунин занимает весьма значительное место. Ориен-

тальная поэзия Бунина — чрезвычайно своеобразное явление в литературе первой четверти XX века». «Ее питали, — отмечает он далее, — Коран и „Песня песней“, образы арабских поэтов средневековья, грузинская песня и иранский миф (и „сама живая действительность Египта и Дагестана, Цейлона и Нубии” »⁴⁷. И это очень справедливо: без живого соприкосновения с действительностью не было бы чудесных вещей Бунина о Востоке.

Известный интерес представляют впечатления и наблюдения, связанные с Востоком, писателя С. Я. Елпатьевского (1854—1933). Во время своих поездок за границу он посетил Турцию и Египет.

Сергей Яковлевич Елпатьевский — один из руководителей либерально-народнического журнала «Русское богатство»⁴⁸. В 1910 г. он опубликовал книгу «За границей», а в 1911 г. — «Египет». В первой книге он описывает свою поездку по Италии, Германии, Франции, Англии, Египту и Турции. Турцию он посетил после младотурецкой революции и был очевидцем контрреволюционного переворота, совершенного Абдул Хамидом в 1909 г. В книге Турции посвящена глава «Константинопольская революция». Особое внимание Елпатьевского привлек национальный вопрос. Во время своего пребывания в Константинополе он следил за полемикой в газетах между младотурками и партией Ахрар — либералами. Органом этой партии являлась газета «Independent». Газета эта вела страстную, напряженную борьбу с младотурками. Партия Ахрар, по словам Елпатьевского, состояла из сравнительно не очень большого числа собственно турок и большого количества немусульман, преимущественно греков. Одним из видных деятелей газеты являлся Ахмет Риза.

Елпатьевский был участником войны 1877—1878 гг., с турками неоднократно встречался в Ялте⁴⁹.

В Стамбул Елпатьевский приехал 19 марта (старого стиля) 1909 г.; в дни его пребывания был убит редактор тоже оппозиционной газеты, нападавшей на младотурок, Гасан Фехми. Говоря о похоронах Гасана Фехми, Елпатьевский отмечает, что на них присутствовало большое количество софты и улемов.

Во время пребывания Елпатьевского в Константинополе вспыхнул контрреволюционный мятеж. Елпатьевский правильно заметил, что мятеж был тщательно подготовлен и организован — все происходило по заранее подготовленному плану, о чем свидетельствовало наличие готовой резолюции у солдат, требование об удалении из армии более ста офицеров: «Солдаты не трогали магазины, никто решительно не задевал ни иностранцев, ни своих, — за исключением младотурок. Движение было направлено исключительно против младотурок»⁵⁰.

Елпатьевский дает такую характеристику оставшимся на свободе после революции деятелям старого режима: «И они все живы — все эти шпионы и носители власти, старая опора

султанского трона. Они живы, жадные, голодные и озлобленные на новый режим, лишивший их шпионского жалования, кейфа, оплачиваемых и не требовавших никакой работы должностей. Это — первые враги нового строя»⁵¹. Писатель ошибочно полагал, что партия Ахрар не являлась инициатором переворота. Он писал: «Я не думал и не хотел сказать, что ахрары были враги конституционного строя, что это авторы и инициаторы константинопольской революции. «Совет нечестивых», с которым они соединились, привел их в постыдное и грязное место, которого они не желали»⁵².

Проф. А. Ф. Миллер так характеризует ахраров: «Против младотурок началась ожесточенная кампания в печати, и в конце года, когда собрался турецкий парламент, там открыто сформировалась враждебная младотуркам партия Ахрар, тайно инспирируемая принцем Сабахеддином и английскими империалистами. При ближайшем участии этой партии в апреле 1909 г. произошел контрреволюционный мятеж Стамбульского гарнизона, на короткое время восстановивший самодержавие»⁵³.

Явно идеализируя младотурок, Елпатьевский считал, что младотурки — это турецкие декабристы; идеализировал он младотурок, говоря: «Им не уйти от национального вопроса — и не только от вопроса христианских национальностей и албанцев: и арабы потребуют себе в будущем отгороженного места для себя». Елпатьевский — гуманный, демократически настроенный — не предвидел, какими кровавыми мерами младотурки будут «решать» национальный вопрос.

Вторая книжка Елпатьевского, «Египет», полна живых этнографических наблюдений. Он отмечает интернациональный характер населения: «Две жизни текут в Египте рядом, не сливаясь, не смешиваясь. Жизнь европейцев и вообще иностранцев и жизнь туземцев, как две стены, стоят они друг против друга, враждебные и настороженные»⁵⁴.

Елпатьевский уделяет особое внимание конституционному движению в Египте, которым серьезно были обеспокоены англичане⁵⁵.

Елпатьевскому принадлежат очень ценные наблюдения. «Я знаю, — пишет он, — какое огромное значение имела для Египта и для всего Востока буря русской революции, какая непрерывная диффузия людьми и идеями существовала и существует между Константинополем и Каиром»⁵⁶. Елпатьевский увидел, несмотря на свою буржуазную ограниченность, огромное значение русской революции 1905 г., ее влияние на Восток.

Елпатьевский был не только в Каире, он побывал и в деревне. «Нил — все для Египта, — пишет он, — Египет кончается там, где кончается, куда не доходит вода Нила»⁵⁷.

Елпатьевский пробыл в Египте шесть недель и посетил там Луксор, Асуан, Хелуан, Гелиополис.

Степан Семенович Кондурушкин (род. в 1874 г.) по оконча-

нии в 1898 г. Казанского учительского института уехал в Сирию и Палестину, учительствовал (1898—1903) в школах Православного палестинского общества, одно время был помощником инспектора школ. В 1902 г. в журнале «Русское богатство» начали печататься его рассказы «Из скитаний по Сирии». Позже он предпринял поездки в Сибирь, в Турцию, на Новую Землю, в Китай. Путевые очерки С. Кондурушкина печатались в газете «Речь». Рассказы его были замечены В. Г. Короленко. В 1908 г. была издана его книга «Сирийские рассказы» (изд. «Знание») с рисунками худ. Е. Лансере. Книга посвящена В. Г. Короленко. Она содержит богатый этнографический материал о Сирии и Ливане, проникнута большой симпатией к трудящимся арабам, живо описывает природу. Так, в рассказе «На рубеже пустыни» он писал:

«Окруженная с трех сторон каменными скелетами Антиливана раскинулась зеленая дамаская равнина. Горы кругом пустынно и печальны. Красновато-серые скелеты их покрыты только тонкой голубой дымкой южной дали. Ни деревца, ни кустика. Точно вчера поднялись эти великаны из недр зеленой утробы, и природа не успела еще набросить на них зеленой одежды... Горы одиноки, но с тем большей любовью берегут они и лелеют вечно юную дамаскую равнину. Она их общая дочь, и ей отдадут они все свои силы и богатства. Своими нагими костистыми горбами они защищают ее от северных ветров. Они отдают ей всю влагу, которую приносят из Средиземного моря зимние ручьи. Капля за каплей, слеза за слезой на камнях и под камнями собирается эта влага в большую горную речку Бараду, которая с шумом и зеленью выбегает из ущелья Антиливана на широкую дамаскую равнину. Старец Гермон также не забыл и издалека прислал в дар любимой равнине свою быструю речку Фарфар. Эти реки десятками, сотнями, а потом и тысячами каналов разбегаются по городу Дамаску, по дамаским садам и по всем селам и равнинам дамаской равнины. Жизнь вспыхнула, засверкала под горячими солнечными лучами. Волны зелени залили равнину на целые десятки верст, окружили город со всех сторон и сбили его в плотную желтовато-серую грудку домов, почти без улиц, без площадей. Город похож на остров посредине зеленого абрикосового и гранатового моря.

Однако, чем дальше на восток, тем слабее и слабее становятся горные реки. Они отдали садам все свои соки и уже не могут больше бороться с надвигающейся на них сирийской пустыней. Тогда речки остановились и, чтобы задержать нашествие пустыни, разлились и большие озера и болота. Они собрали здесь все свои силы, встали сплошной стеной и защищают от страшных песков зеленую дамаскую равнину»⁵⁸.

Отметим еще некоторые работы по Ближнему Востоку, в основном относящиеся к началу XX столетия.

П. П. Гнедич (1855—1925) — русский писатель, историк искусства (автор трехтомной «Истории искусств с древнейших времен», вышедшей в 1895 г. и неоднократно переиздававшейся), драматург и театровед, оставил записки о своем посещении Константинополя в 1894 г. Записки эти⁵⁹ снабжены многочисленными иллюстрациями. Об этих иллюстрациях Гнедич пишет, что за месяц своего путешествия он «набрасывал в альбом все, что полнее и яснее выступало в рисунке, чем в описании». У него собралось два альбома рисунков, к которым было добавлено несколько фотографий. Все это было воспроизведено на цинке Далькевичем. До издания заметок отдельной книгой они печатались в книжках «Недели».

Князь А. Г. Щербатов и граф С. А. Строганов описали свое путешествие в арабские страны, куда они выезжали для приобретения арабских лошадей, причем кроме исследования об арабской лошади они дали и краткое описание о путешественниках, посетивших Неджд. Среди них они особо выделяют леди Анне Blunt. Путешествие было совершено в 1887—1888 гг., но книга была опубликована позже. Известный интерес представляет список бедуинских племен⁶⁰.

Врач В. К. Недзвецкий в 1901 г. опубликовал свои впечатления о поездке на Ближний Восток, когда он посетил Константинополь, Афон, Палестину, Египет⁶¹.

В изучении Палестины в начале XX в. известный интерес представляют записки И. П. Ювачева «Паломничество в Палестину», опубликованные в 1902 г.⁶²

Записки К. К. Городинского «Из путешествий по Турции»⁶³ привлекают наше внимание частыми ссылками на В. А. Г. — «нашего будущего профессора Лазаревского института, командированного на Восток с научной целью и прожившего там два года». Речь идет о будущем академике, профессоре В. А. Гордлевском. Прожив полгода в Турции, Городинский дал живые бытовые зарисовки.

В 1907 г. С. И. Сыромятников опубликовал в сборнике Среднеазиатского отдела Общества востоковедения «Очерки Персидского залива» две главы под названиями: «Персидский залив во всемирной истории», «Размеры Персидского залива». Поездка С. И. Сыромятникова отражает возросшие интересы русского правительства к Персидскому заливу в конце XIX — начале XX в. Первое русское военное судно, канонерская лодка «Гиляк», посетило порты Персидского залива в феврале 1900 г. С. И. Сыромятников, журналист, выступавший главным образом в «Новом времени» под псевдонимом Сигма, кандидат прав Петербургского университета, близкий человек к придворным кругам, к великому князю Александру Михайловичу и безобразовской клике, вел переговоры летом 1900 г. в Кувейте. Его официальная задача заключалась в изучении портов, залива и прилегающего к нему района⁶⁴. Указанная выше статья

Сыромятникова была опубликована спустя шесть лет, но результаты этой поездки сказались много раньше. В феврале 1901 г. в порты Персидского залива пришло первое русское торговое судно (Российского общества пароходства и торговли), чем было положено начало установлению регулярных рейсов между Одессой и портами залива.

В 1907 г. в «Новом времени» Николай Брянчанинов опубликовал свои путевые заметки под названием «Скитания» — о посещении им Нубии, Судана, Ливана и Палестины⁶⁵.

А. И. Дмитриев в течение четырех лет — с 1907 по 1911 г. — совершал поездки в Северную Африку. Рукопись с заметками о путешествии, законченная в 1912 г., была им потеряна и найдена несколько лет спустя, почему и была опубликована лишь в 1917 г.

В записках упоминается⁶⁶, что эскизы известного русского художника Петрова-Водкина из Константины и Бискры были помещены в ежегоднике Общества архитектуру-художников.

Заслуживают серьезного внимания «Очерки Северо-Восточного Судана», представляющие собой наблюдения и заметки натуралиста И. Пузанова, ученика известного зоолога проф. М. А. Мензбира, ректора Московского университета в 1917—1919 гг., много сделавшего для популяризации Дарвина. Рекомендательное письмо М. А. Мензбира оказало ему известную помощь при сношениях с британскими властями.

В. Дорошевич, известный русский фельетонист, «король фельетона», издал книгу «В земле обетованной (Палестина)» (М., 1900), описав подробно посещенные места. Его впечатления — на вид берега с моря: «Из этого голубого моря все выше и выше поднималась золотистая полоса и выросла, наконец, в высокие, песчаные обрывы. Ничего, кроме этих бесконечных обрывов, унылых, однообразных, на всем протяжении берега. Пустыня, мертвая, песчаная»⁶⁷. Он посетил долины и горы Иудеи, Иерусалим, Иерихон, Иордан и Мертвое море.

«Иерусалим, застроенный самыми священными для мира храмами, мечетями, синагогами. Иерусалим — это груды несметных богатств среди гор и лохмотьев, развалин и грязи. Это — великолепные, пышные, роскошные чертоги храмов, облепленные со всех сторон лачугами, жалкими, несчастными, зловонными, грязными, ужасающими, похожими скорее на логовища зверей, притонами невероятной нищеты!.. Население Иерусалима это нищие, несчастные, жалкие, которые собрались в праздничный день на паперти великолепного храма, это 40 000 нищих, живущих милостыней во имя Христа, Иеговы и Аллаха»⁶⁸.

«40 000 населения, темного, невежественного, живут здесь, эксплуатируя грубо, кошунственно те же самые святыни, в которые они так страстно верят.

Нищета!»⁶⁹

ВОСТОКОВЕДЫ РОССИИ
НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССАХ
ОРИЕНТАЛИСТОВ
(1873—1912)

В нашей литературе нет трудов, освещающих участие отечественных востоковедов на международных конгрессах ориенталистов с I конгресса (Париж, 1873) и до XVI (Афины, 1912), последнего перед первой мировой войной. В настоящей статье мы попытаемся восполнить этот пробел, используя опубликованные отчеты о конгрессах и другие материалы.

Общая характеристика работы первых 16 международных востоковедных конгрессов¹ не входит в задачу данной статьи. Мы отметим лишь некоторые моменты.

Международные конгрессы востоковедов конца XIX — начала XX в. отражали, естественно, уровень развития и характер мирового востоковедения той эпохи, с его описательностью, преимущественным интересом к историко-филологической проблематике, к изучению, как правило, частных вопросов, далеких от современности, с его европоцентристским подходом к анализу проблем Востока. Вместе с тем конгрессы свидетельствовали о накоплении наукой огромного фактического материала, прогрессе специальных отраслей востоковедения, росте профессионального уровня и совершенствовании методики исследований. Они предоставляли возможность для широкого ознакомления ученых с результатами работ, проводившихся в разных странах, обмена мнениями между специалистами.

Единой центральной темы, вокруг которой концентрировались бы доклады и прения, на конгрессах обычно не выдвигалось. Преобладающее место в тематике конгрессов занимали вопросы языка, меньше — литературы, еще меньше — истории; вовсе не была представлена экономическая проблематика.

Основная работа конгрессов проходила в секциях. Как количество секций, так и их тематическая направленность варьировались от конгресса к конгрессу, отражая научные и политические интересы их организаторов.

Если судить о тематике первых 16 конгрессов по названиям созданных на них секций, то окажется, что наибольшее внимание уделялось проблемам семитских языков и египтологии.

Секции семитских языков (под разными названиями) и египтологии образовывались на 14 конгрессах, секция Китая и Японии (иногда это была одна секция, иногда две) — на восьми, Индии — на девяти, Индокитая, Бирмы, Малайи — на четырех, индоарийских языков — на четырех, Ирана — на семи, секция сравнительной истории религии Востока — на трех, урал-алтайская — на двух, секция по вопросам географии и этнографии Востока — на 3-х конгрессах. По одному разу создавались секции Средней Азии, Закавказья, Сибири, арменистики.

Уже с первого конгресса стало традиционным участие в международных востоковедных конгрессах ученых-ориенталистов России, а также официальных представителей министерств иностранных дел, народного просвещения и Российской Академии наук. Многие российские ориенталисты были участниками нескольких конгрессов. Восемь раз присутствовали на конгрессах В. Р. Розен, В. В. Радлов, К. Г. Залеман, шесть — С. Ф. Ольденбург, пять — В. П. Васильев, П. К. Коковцов и В. Г. Тизенгаузен, три — В. В. Григорьев. Неоднократными участниками международных форумов ориенталистов были В. В. Вельяминов-Зернов, профессора Гельсингфорского (Александровского) университета В. Лагус и О. Доннер.

В работе конгрессов участвовали также Н. В. Ханыков, О. М. Ковалевский, М. М. Ковалевский, В. В. Стасов, К. П. Патканов, Б. А. Дорн, В. С. Голенищев, И. П. Минаев, В. А. Жуковский, В. А. Гордлевский, В. Д. Смирнов, Ф. И. Щербатской, Д. А. Хвольсон, П. И. Лерх, М. И. Броссе, В. Ф. Гиргас, А. Я. Гаркави, Ф. И. Успенский, и др.

Можно сказать, что почти все известные русские ученые-востоковеды принимали участие в работе конгрессов. Отметим, однако, что среди участников не встречаются имена таких крупных ориенталистов, как В. В. Бартольд и А. Е. Крымский. Начиная с IX конгресса на этих международных встречах ученых неизменно присутствовали представители российского Общества востоковедения, созданного в 1900 г. (в частности, его основательница и почетный председатель О. С. Лебедева, председатель совета Общества Н. К. Шведов и др.).

Русские ученые включились в подготовку I Международного конгресса востоковедов, привлечшего внимание специалистов почти всех европейских стран. В России с этой целью был создан специальный комитет, в состав которого вошли академики М. И. Броссе, В. В. Вельяминов-Зернов, проф. А. О. Мухлинский, И. Ф. Готвальд и В. Лагус.

На I конгрессе, проходившем 1—2 сентября 1873 г.², с докладом о клинописных памятниках Армении выступил К. П. Патканов³.

На II конгрессе (Лондон, 14—19 сентября 1874 г.)⁴ русские ученые не выступали. На конгрессе, однако было принято решение о созыве следующего, III Международного конгресса

востоковедов в России (Петербург), в чем, несомненно, отразилось признание заслуг русского востоковедения.

III конгресс было намечено посвятить преимущественно изучению вопросов, относящихся к Азиатской России. Организация конгресса была возложена на русских ученых. Подготовительный комитет возглавил В. В. Григорьев, в состав комитета вошли В. В. Вельяминов-Зернов, Б. А. Дорн, В. Ф. Гиргас, П. И. Лерх, Ф. Р. Остен-Сакен и В. Р. Розен. Организаторы конгресса обратились к ученым России с предложением подготовить сообщения по истории востоковедения в стране. К конгрессу были развернуты выставки исторических и этнографических памятников. Во время конгресса издавались специальные бюллетени, сообщавшие о его работе.

Конгресс открылся 2 сентября 1876 г.⁵ в актовом зале Петербургского университета. Председательствующий В. В. Григорьев обратился к делегатам с речью, в которой дал характеристику международной обстановки того времени; отметив, что «миры европейский и азиатский, обуреваемые политическими страстями и религиозными страстями, находятся в сильном волнении», он выразил вместе с тем удовлетворение развивающимся сотрудничеством ученых. «В этом зале, — сказал он, — представители нескольких соперничающих народностей сливаются в родственную семью»⁶. Ученые России сделали на конгрессе большое число докладов и сообщений.

3 сентября на секции Средней Азии Н. В. Чарыков выступил с сообщением о поездке в среднеазиатские земли в 1672 г. Пазухина, посла царя Алексея Михайловича. На том же заседании В. В. Григорьев прочитал доклад «Смысл, в каком употребляется теперь европейскими учеными термин Туран, туранский»; на конгрессе он выступил еще с двумя сообщениями: «Где доказательство, что Маверанагр в конце X в. по р. Хр. был отнят у Саманидов ханами уйгуров» и «Относительно араба Абу-Дулафа и его рисалз». На упомянутом заседании О. А. Федченко познакомила участников конгресса с альбомом литографированных фотографий, сделанных во время поездки, которую она совершила вместе с мужем, известным русским путешественником А. П. Федченко, в Бухару и Коканд в 1868—1872 гг. Н. И. Веселовский представил статью М. Н. Ростиславова «Очерк видов поземельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае». Н. В. Чарыков охарактеризовал каталог документов о сношениях России с азиатскими государствами с XV по XVIII в., хранившихся в московском Главном архиве министерства иностранных дел.

На секции Кавказа 3 сентября были заслушаны сообщения А. П. Берже о народных промыслах Кавказа и об этнографических предметах с Кавказа, которые демонстрировались на выставке, приуроченной к конгрессу. В выступлении В. В. Гри-

горьева отмечалась «ошибочность мнения о Кавказе как родине белотелой расы»⁷.

На секции Турции 4 сентября выступил А. Я. Гаркави; он дал свое толкование содержащемуся в известном труде Масуди «Золотые луга» сообщению о том, что «славяне были некогда объединены под властью царя по имени Маджек»⁸. В. Д. Смирнов рассказал о турецкой рукописи из собрания Петербургского университета; эта рукопись содержит тексты нескольких эпических произведений. Г. А. Муркос выступил с докладом «Очерк современного положения народного образования в Сирии».

О. Лагус на секции Дальнего Востока сделал сообщение о русской экспедиции в Японию (1792—1793) под начальством Адама Лаксмана⁹. А. В. Рачинский, русский писатель, служивший в то время в Главном архиве министерства иностранных дел¹⁰, доложил о подготовленном им по материалам архива очерке дипломатических сношений России в XVI—XVIII вв. с народами Дальнего Востока.

К. Г. Залеман на секции Индии, Персии, островов Индокитайского архипелага представил описание парсийской рукописи петербургской Публичной библиотеки¹¹. С докладом «О принадлежности афганского языка» выступил М. А. Терентьев. Он обосновал вывод о том, что «афганский язык следует считать совершенно самостоятельным, а персидские и индийские элементы в нем признать лишь заимствованиями»¹². П. И. Лерх коснулся вопроса о курдском диалекте заза.

На секции Сибири А. П. Слобцов прочитал доклад «Очерк истории народного образования в Западной Сибири с начала XVIII века». Он же выступил с сообщением о киргизских пословицах. В. П. Васильев, председательствовавший на заседаниях секции, представил труд «Краткий указатель материалов для истории Востока, содержащихся в портфелях историографа Миллера, хранящихся в московском Главном архиве». Главный тайша баргузинских бурят Зырен-Моб Сахаров привел сведения о забайкальских бурятах, К. Ф. Нейман сделал сообщение о чукчах, А. Собринский — о древних идолах вотяков (удмуртов) и вогулов (манси).

На секции Закавказья А. П. Берже познакомил ученых с рукописным сборником песен на азербайджанском языке. Библиотекарь петербургской Публичной библиотеки Э. Боннелл выступил с обзором «Некоторые известия древних греческих и римских авторов о скифах, сарматах, киммерийцах, персах и других народах»¹³. Сообщение К. П. Патканова называлось «К какому веку следует отнести составление „Географии“, приписываемой Моисею Хоренскому». Доклад Эрицова был посвящен армянской палеографии и собраниям армянских рукописей.

На секции археологов и нумизматики с большим интересом

было принято сообщение П. И. Лерха о монетах Бухар-худатов (бухарских правителей домусульманского периода). В. Лагус выступил с докладом о куфических монетах, найденных в Финляндии¹⁴. В. С. Голенищев, в то время еще студент восточного факультета Петербургского университета, рассказал о папирусе № 1, хранящемся в Эрмитаже.

На секции «Религия и философия» В. Ф. Миллер представил свой труд «Очерки арийской мифологии».

Вскоре после окончания III конгресса на основании издававшихся бюллетеней была опубликована большая статья «Третий международный конгресс ориенталистов в Санкт-Петербурге (август 1876 года)»¹⁵.

Ученые России были в числе активных участников IV Международного конгресса востоковедов (Флоренция, 12—17 сентября 1878 г.)¹⁶. С докладами выступили В. Лагус, О. Доннер, И. А. Бодуэн де Куртенэ. От министерства народного просвещения России на конгрессе присутствовал В. В. Вельяминов-Зернов. Он привез во Флоренцию принадлежащую ему коллекцию персидского оружия эпохи Сасанидов и ознакомил с ней зарубежных коллег. В. Лагус прочитал доклад «Сообщения Идриси о землях балтийских и о торговле между Скандинавией и Италией». О. Доннер сделал доклад «Самоедский язык и финно-угорские языки», И. А. Бодуэн де Куртенэ — «Глоттологические заметки относительно славянского языка и вопросы морфологии и фонологии ариаевропейских языков».

В. В. Вельяминов-Зернов опубликовал статью, посвященную IV конгрессу¹⁷. В ней он дал высокую оценку работе конгресса, отметил «обширность круга знаний, входящих в состав предметов, принимаемых под общим названием ориентализма, важность означенных знаний и интерес, возбуждаемый в публике Востоком»¹⁸.

V Международный конгресс востоковедов (12—17 сентября 1881 г.) состоялся в Берлине¹⁹. На этом конгрессе В. С. Голенищев прочитал доклад «О переводе староегипетского папируса „Рассказ о приключениях потерпевшего кораблекрушения“». Он также по поручению автора ознакомил участников конгресса с содержанием статьи В. В. Стасова «Заметка о русах ибн Фадлана и других арабских писателей». С двумя докладами на конгрессе выступил В. В. Радлов — «О языке куманов» и «Чередование звуков и его значение для развития языка (на примерах из тюркских языков)».

На VI конгрессе (Лейден, 10—15 сентября 1883 г.)²⁰ В. С. Голенищев прочитал доклад «Об алфавитном происхождении некоторых иероглифов». Заслушали также сообщение А. Лезуева об айнско-русском словаре М. М. Добротворского.

На VII Международном конгрессе востоковедов (Вена, 1886 г.)²¹ Э. Боннелл представил доклад «Некоторые данные, свидетельствующие о родстве древнейшего населения Перед-

ней Азии с иберами Испании, предками басков». Д. А. Хвольсон выступил с сообщением о несторианских надписях в Семиречье (один из обнаруженных в этом районе камней с надписью был доставлен в Вену и демонстрировался на конгрессе). По инициативе некоторых участников конгресса, в том числе К. П. Патканова, было обсуждено предложение о систематическом собирании клинописных текстов в Закавказье.

Интересна посвященная итогам конгресса статья В. Р. Розена «Седьмой конгресс ориенталистов в Вене»²². Автор, в частности, отметил, что выбор места для проведения конгресса оказался очень удачным, ибо «Вена давно была богата научными коллекциями по части востоковедения, а венская школа ориенталистов еще в конце прошлого века играла весьма животворную роль, по крайней мере в области изучения языка и литературы мусульманской Азии». Он сделал вывод, что египтологическая секция на международных конгрессах ориенталистов работает методичнее других.

На VIII конгрессе (Стокгольм и Христиания, 1889 г.)²³ состоялся только один доклад делегата из России (Эзов «Взгляд на изучение армянского языка в Европе»).

Два доклада представили российские ученые IX Международному конгрессу востоковедов (Лондон, 1892 г.)²⁴. Общее внимание привлек доклад М. М. Ковалевского «Иранское влияние», в котором освещалась роль осетин в распространении иранской культуры на Кавказе, О. Доннер рассказал об итогах экспедиции в долину р. Орхон.

С рядом докладов и сообщений выступили российские востоковеды на X конгрессе (Женева, 1894 г.)²⁵. Тема доклада А. С. Хаханова — «Иностранные влияния на цивилизацию Грузии». В. В. Радлов осветил результаты своей знаменитой «орхонской экспедиции» в Монголию. С двумя сообщениями выступил русский путешественник К. А. Вяземский (1852—1904). Одно из них касалось метеорологических наблюдений, сделанных им во время длившегося два с половиной года путешествия (К. А. Вяземский проехал почти всю Азию; начав путешествие из Монголии, он пересек Китай, Тонкин, Сиам, Кокхину, Лаос, Бирму, Индию, Кашмир, Тибет, Туркестан, побывал в Самарканде, Бухаре, Тегеране и закончил путешествие в Тифлисе). Во втором сообщении говорилось об истории употребления чая у различных народов Азии.

На XI конгрессе (Париж, 1897 г.)²⁶ с сообщениями выступил Л. Мсерянц, охарактеризовавший фонетические особенности армянского диалекта г. Муша, и В. Д. Смирнов, анализирувавший особенности сельджукской поэзии. По поручению Д. М. Позднеева секции Дальнего Востока конгресса был представлен сделанный им перевод дневника, который База Бакиши Менджугиев вел во время своего путешествия в Лхасу. Участники заседаний были также ознакомлены с рядом русских из-

даний по проблемам Дальнего Востока — «Описание Маньчжурии», «Описание Амурской области» (сост. Г. Е. Грум-Гржимайло) и др.

Итоги XI конгресса анализировали в специальных статьях Б. А. Тураев («Египтология на одиннадцатом Международном конгрессе востоковедов») ²⁷ и Д. М. Позднеев («Занятия секции Китая и Японии одиннадцатого конгресса ориенталистов в Париже») ²⁸. Б. А. Тураев отметил, что на XI конгрессе впервые встретились представители парижской и берлинской школы египтологов. «Для египтологов,— писал русский ученый,— конгресс был важен главным образом не сообщениями, частью уже напечатанными, частью имеющими сделаться доступными в непродолжительном времени, и даже не прениями, которых вообще было не много и которые мало служили выяснению вопроса, а именно по составу членов секции. Парижский съезд был первым, где египтологи всех стран собрались в небывалом до тех пор количестве, чтобы хотя бы одну неделю дружно потрудиться сообща и побеседовать». Аналогичную оценку дал международным конгрессам ориенталистов и В. Р. Розен в упомянутой статье. Д. М. Позднеев указал в своей статье на активную деятельность на XI конгрессе ученых Японии.

XII Международный конгресс востоковедов состоялся в 1899 г. в Риме ²⁹. Из ученых России доклады на конгрессе прочитали: О. Доннер — об урало-алтайских языках и типах их строения. В. В. Радлов (на специальном заседании Индийской секции конгресса, посвященном научным открытиям, сделанным в Средней Азии в области индийско-буддийских и уйгуро-буддийских древностей) — об уйгурских рунических памятниках, найденных Д. А. Клеменсом в Турфане. О. С. Лебедева выступила с сообщениями о фирмане, адресованном гетману Богдану Хмельницкому великим везиром Ибрагимом с поручением обратиться за помощью в борьбе против Польши к крымскому хану Гирею, и о положении женщин в халифате. П. К. Коковцов представил свое исследование «Новый опыт интерпретации одиннадцатой арамейской надписи из Нираба».

Присутствовавший на конгрессе С. Ф. Ольденбург написал статью о работе индийской и иранской секций конгресса. В этой статье характеризовались как позитивные, так и негативные моменты в работе конгрессов ориенталистов вообще и XII конгресса в частности. Автор писал: «Вопрос о значении международных научных съездов постоянно подвергался и подвергается обсуждению среди ориенталистов и решается двояко: одни горячо обсуждают съезды и видят только их положительную сторону; другие же, напротив, указывают, и далеко не безосновательно, на чисто внешние праздничные и весьма малонаучные проявления научной жизни... Объясняется это тем, что жизнь съезда, главным образом, сосредоточивается в его секциях... Принадлежа к шестой индийской секции, пишуший эти

строки не может не высказать полного удовлетворения работами этой секции и не может поэтому не считать с этой точки зрения съезд вполне удачным, несмотря на различные, далеко не симпатичные явления общеконгрессной жизни».

С. Ф. Ольденбург посещал и заседания иранской секции. Он считал необходимым упомянуть, что в одном из прочитанных на этой секции докладов (В. Гейгера) были подчеркнуты заслуги русских ученых К. Г. Залемана и В. А. Жуковского в области иранской диалектологии. Говоря о работе индийской секции, С. Ф. Ольденбург указал на ряд международных научных акций, как уже осуществляемых, так и вновь предпринимаемых, о которых докладывалось на индийской секции, в частности отметил полезную деятельность Международной ассоциации по проведению археологических исследований в Индии³⁰. Успех данного начинания побудил ученых создать аналогичную ассоциацию в России для проведения исследований в Средней Азии. Предложение об этом внес на конгрессе В. В. Радлов. Конгресс создал комиссию, которой было поручено разработать соответствующие рекомендации и представить доклад на следующем конгрессу. Было решено, что центром Среднеазиатской ассоциации должен стать Петербург.

За работой XII конгресса наблюдал российский посол в Риме А. И. Нелидов. В своем письме в министерство иностранных дел от 12 (24) октября 1899 г. он неодобрительно отзывался о его деятельности. По мнению посла, устройство конгресса «было крайне неудовлетворительно», на нем «царил полнейший беспорядок, далеко не отвечавший первоначальному узкому назначению подобного рода собраний». «Председатель здешнего комитета профессор де Губернатис, — писал А. И. Нелидов, — не был на высоте своего положения и не сумел направить деятельность съезда в желательном направлении... не умел отклонить или предупредить возбуждения политических вопросов и выражения пожеланий, ничего общего с ученой деятельностью не имевших». Далее посол сообщал: «На семитическом отделе выражено было громкое порицание униженному для современного просвещения и для конца XIX столетия подозрению и обвинению евреев в употреблении некоторыми сектами христианской крови для религиозной цели». А. И. Нелидов писал также, что в числе делегатов из России «собственно русских ученых не было. Был араб Нофаль, армянин Эзов, грузин Цагарели, финн — Доннер, немцы — Радлов, Залеман и Ольденбург, но ни одного русского»³¹. Царский сановник игнорировал, например, тот факт, что К. Г. Залеман и В. В. Радлов были гордостью русской науки, учеными, заслужившими мировое признание.

На XIII конгрессе (Гамбург, 1902 г.)³² с докладом «О раскопках древнетюркских и уйгурских памятников в Туркестане» выступил О. Доннер. Профессор армянской словесности

Лазаревского института А. Халатьянц сделал три сообщения: «Армянская версия Хроники Ипполита», «О происхождении армянских княжеств» и «Об „Армянской истории“ Моисея Хоренского». Редактор армянской газеты «Мшак» М. Аракелян прочитал доклад «О сношениях армян с Западом в средние века и позже». О. С. Лебедева представила доклад о правах женщин на мусульманском Востоке (его зачитал И. Гольдулер).

Во исполнение решения предыдущего конгресса на XIII конгрессе был рассмотрен проект устава будущей международной ассоциации по изучению Средней Азии. Ее организация была поручена В. В. Радлову и С. Ф. Ольденбургу (устав был утвержден позже, в феврале 1903 г.). В состав русского комитета ассоциации входили В. В. Радлов, В. А. Жуковский, В. В. Бартольд³³. XIII конгрессу посвятил статью санскритолог Ф. Кнауэр³⁴.

XIV конгресс состоялся в Алжире (1905 г.)³⁵. При его открытии от имени русских ученых произнесла речь О. С. Лебедева. На секции «Греция и Восток» был зачитан доклад Ф. И. Успенского, директора Русского Археологического института в Константинополе (на конгрессе его не было), «„Письмо Аристиды к Филократу“ — рукопись, недавно найденная в серале Стамбула». Доклад «Агапий Менджибский — арабский историк X века, как источник по истории Византии» сделал А. А. Васильев. Ф. Кнауэр прочитал доклад «О происхождении Варуны», А. Бульмеринг — «Сказание об Эдоме в книге „Малеаки“». О. С. Лебедева представила доклад «Заметки об арабском манускрипте по истории обращения Грузии в христианство». М. Аракелян выступил с сообщениями «Современные гербы в Персии» и «Очерки армянской литературы».

При подготовке и в ходе конгресса, заседавшего во время первой русской революции, возникли инциденты политического характера. Один из них был связан с деятельностью упомянутого выше армянского журналиста М. Аракеляна. Как писал А. А. Васильев, М. Аракелян намеревался «сделать сообщение, имеющее отношение к современности — незадолго до этого случившейся в Баку армяно-татарской распри... Он даже обратился к присутствовавшим в Алжире докторам и профессорам мусульманского богословия с просьбой указать и разъяснить ему те места из Корана, которые касаются альтруистических и гуманитарных идей. Представленный им доклад назывался „Le Koran et les idées altruistes“. Он намеревался его прочесть на мусульманской секции, но в последний момент этот доклад был снят председателем секции де Гуэ из опасений возможной полемики по поводу толкования Корана в мусульманской стране. Тогда Аракелян опубликовал статью в „Derèche Algérie“, где описал кратко бакинские события 14—21 февраля 1905 г., поставил три вопроса: „1) содержит ли Коран альтруистические идеи; 2) признает ли Коран другие религии или только их терпит и 3) предписывает ли Коран преследовать немусульман“»³⁶.

Этот инцидент нашел отражение и в относящейся к конгрессу переписке чиновников министерства иностранных дел России ³⁷.

Активным было участие ученых России в работе XV конгресса, состоявшегося в Копенгагене в 1908 г. ³⁸ И. А. Бодуэн де Куртенэ сделал два сообщения: «Гипотеза проф. Н. Марра (С.-Петербург) о родстве семитских и „яфетических“ языков» и «К вопросу о взаимосвязи фонетических и графических представлений с морфологическими и семасиологическими». Актуальное политическое звучание получил доклад А. Е. Снесарева «Пробуждение национализма в Азии». Как сообщал в своем отчете министерству иностранных дел Н. Стребулаев, этот доклад был отмечен «в лестных выражениях не только в датской прессе, но и в шведской... Немедленно после прочтения доклада полковнику А. В. Снесареву было сделано со стороны немецких и английских ученых предложение разрешить им напечатать доклад в их специальных органах востоковедения» ³⁹.

В отчете о работе XV конгресса только упоминается доклад А. Е. Снесарева, но содержание этого доклада, как и вообще всех докладов, не излагается. Однако можно с достаточной степенью уверенности судить, о чем именно говорил докладчик. За год до конгресса, 16 мая 1907 г., А. Е. Снесарев сделал доклад на ту же тему в Петербурге в Обществе востоковедения. В этом докладе он указывал, что пробуждение национализма у восточных народов явилось реакцией на завоевательную политику европейцев. По мнению А. Е. Снесарева, проникновение европейцев и их культуры на Восток способствовало развитию здесь оседлости и тем самым объединению народов Азии. Угнетение жителей Индии англичанами, отмечал ученый, привело к объединению индусов с мусульманами в борьбе против англичан. Национализм пробудился также в Египте и Персии, где последние события, по словам А. Е. Снесарева, «совершаются на почве национализма и возбуждения против европейцев», а ислам стал не только религией, но и национальным знаменем народов ⁴⁰. Снесарев сделал также сообщение о горцах Западного Памира.

XVI конгресс востоковедов, последний перед первой мировой войной, состоялся в Афинах в 1912 г. ⁴¹ Из русских ученых в нем принимали участие Ф. И. Шербатской, В. А. Гордлевский, Ф. Ф. Зелинский, М. И. Ростовцев, Е. М. Придик, А. Бульмеринг, А. В. Руднев из Петербурга, корреспондент журнала «Вакт» из Оренбурга Юсуф Акчура (Ю. Акчурин). От Общества востоковедения выступила О. С. Лебедева с докладом на тему: «О суфизме в связи с частичным переводом рисалэ ал-Ауши». Русский монголовед А. В. Руднев был избран секретарем Дальневосточной секции конгресса.

Из отчета представителя министерства иностранных дел на конгрессе А. А. Адамова известно, что два объявленных доклада А. Е. Снесарева не состоялись. Общий вывод А. А. Адамова был таков: «Большинство прослушанных мною докладов из 8

секций (т. е. по истории, литературе и археологии исламского мира) с научной точки зрения не представляли собой чего-либо выдающегося и даже не имели строго научного значения»⁴². С этим выводом нельзя согласиться. Подобные суждения не только расходятся с мнением ряда крупных русских ученых — участников конгрессов, но и с существом дела. Бесспорно, однако, что на конгрессах проявилось свойственное буржуазному востоковедению того времени отсутствие интереса к актуальным темам.

Общее развитие, интересы и направление отечественного востоковедения в дореволюционный период, которые получили, как указывалось в начале нашего обзора, отражение в тематике большинства представленных учеными России докладов и сообщений, стояли на уровне мирового востоковедения. К работам русских коллег было привлечено внимание европейских востоковедов. Это показали не только крупные, обобщающие доклады, сделанные на III конгрессе в Петербурге, но и ряд других докладов и сообщений. Как бы ни казались порой на первый взгляд слишком частными темы многих докладов — они всегда являлись не случайными для того или иного ученого, а отражали круг его постоянных интересов, широкую эрудицию автора. Чрезвычайно интересными для участников конгрессов были, например, сообщения В. В. Радлова и О. Доннера об экспедициях на Орхон, рассказы С. Ф. Ольденбурга о его поездках в Индию, Восточный Туркестан, об открытых им очагах буддийской культуры и др. Серьезный взаимный интерес имели для русских и западноевропейских ученых личные встречи и контакты, открывавшиеся возможности систематического ознакомления с состоянием различных отраслей востоковедения. Русские дореволюционные востоковеды внесли определенный вклад в мировую науку, и это нашло отражение в работе большинства ориенталистских конгрессов, состоявшихся до первой мировой войны.

В наше время масштабы и научное значение международных востоковедных конгрессов неизмеримо выросли. Их участниками являются ныне не ученые-одиночки, а представительные делегации ученых многих стран мира. Шире, разнообразнее, глубже стали исследования ученых. В центре их внимания во все возрастающей степени оказываются вопросы социально-экономического развития восточных стран, близкие к современности темы, актуальные проблемы, стоящие ныне перед странами и народами Востока. В работе конгрессов весьма активное участие принимают сейчас ученые самих восточных стран, берущие изучение своей истории и культуры в собственные руки. В исследованиях европейских ученых преодолевается еще совсем недавно господствовавший европоцентристский подход. Все более укрепляет свои позиции в мировом востоковедении прогрессивная материалистическая методология, растет авторитет ученых-востоковедов социалистических стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

БОРИС МОИСЕЕВИЧ ДАНЦИГ
(1896—1973)

¹ Выходные данные упоминаемых работ Б. М. Данцига см.: «Библиография работ Б. М. Данцига» на стр. 351.

² Б. М. Данциг, Очерки по экономической географии Турции, М., 1930, стр. 1.

³ Б. М. Данциг, Перспективы торговых отношений СССР с Турцией, — «Новый Восток», 1925, № 10—11, стр. 152.

⁴ Б. М. Данциг, Финансы Персии, — «Новый Восток», 1927, № 18; Н. Н. Бобынин, Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля, 1901—1923, Тифлис, 1923.

⁵ См. И. Бакшт, Изучение Вьетнама в Советском Союзе, — «Народы Азии и Африки», 1968, № 1, стр. 150.

⁶ Е. А. Беляев, Г. М. Петров, А. М. Шамсутдинов — «Советская этнография», 1958, № 5, стр. 167—173.

⁷ См. личный архив Б. М. Данцига.

ФИНАНСОВО-НАЛОГОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И БЮДЖЕТ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

*Статья опубликована в журнале
«Новый Восток», 1926, № 15.*

¹ Источниками для написания статьи служил: «La législation Turque», t. I, II, III, gascicule к t. IV; журналы за 1925 и 1926 гг.: «Bulletin de la Chambre de Commerce», «L'Echo de Turquie», «L'Information», «L'Economiste d'Orient», «Бюллетень торгпредства в Турции»; газеты за 1926 г.: «Büyüik yol», «Journal d'Orient» (Stamboul), «Republique»; статья Б. М. Данцига в «Финансовой газете», 13.X.1923.

² В момент, когда пишется эта статья (в конце мая), в связи с близящимся окончанием англо-турецких переговоров о Мосуле курсы иностранной валюты понизились: так, 26 мая [1926 г.] 1 ф. ст. = 895 пиастрам, 1 ам. долл. = 184 пиастрам, 1 золотая лира = 785 пиастрам, однако в июне курс снова несколько поднялся.

³ Единственный вид прямого обложения, падающий на крестьянство.

⁴ См. статью Данцига в «Бюллетене мирового хозяйства», 1926, № 10—11.

⁵ До 1 марта 1925 г. осуществлялась известной «Режи»; с тех пор находится в руках государства в силу временного закона от 26 февраля 1925 г., сначала изданного на один год и затем продленного еще на три года.

⁶ Подлежало сокращению расходов на 16 979 640 лир, что сводило расходную часть бюджета к 167 053 087 лирам.

ПУТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ

*Статья опубликована в журнале
«Мировое хозяйство и мировая экономика», 1926, № 12.*

¹ См.: Кабульский, Политика возрождения Турции,— «Международная жизнь», 1926, № 7; см. также: «L'intervention de l'Etat dans les affaires économiques»,— «Bulletin de la Chambre de commerce», 1925, № 6.

² См. подробно: «Торговый бюллетень торгпредства в Турции» за 1926 г.; также статьи Б. Данцига в «Бюллетене мирового хозяйства», 1925, № 27, 1926, № 10—11.

³ Переговоры о выкупе в 1926 г. пока еще не были закончены.

⁴ Однако в самое последнее время произошли некоторые сдвиги в этом вопросе: в середине декабря 1915 г. правительство договорилось с бельгийскими и шведскими группами о сдаче в постройку дороги Цезаря — Сивас — Самсун и Ангора — Эрегли, равно как и портов в Самсуне и Геракле. Постройка производится на средства иностранных групп, но за счет правительства, которое уплачивает определенный процент. Детали соглашения еще неизвестны, но ясно, что о гарантиях, которые давала старая Турция в виде передачи тех или иных доходных статей Управлению Dette publique, не может быть и речи.

Отмеченные соглашения должны ускорить темп железнодорожного строительства.

⁵ Текста закона, принятого меджлисом, у нас нет.

⁶ Концессия недавно ликвидирована по причинам финансово-технического порядка.

⁷ Фабрика в Альполу приступила к работе 10 декабря 1925 г.; она в состоянии перерабатывать 500 т свеклы в день (т. е. около 60 т сахара в день, что при работе около 100 дней в году составит 6 тыс. т в год).

⁸ См. подробнее статью Б. М. Данцига: «Новый Восток», 1926, № 15.

⁹ Законом № 698 от 26 декабря 1925 г. в Турции установлено общеевропейское солнечное счисление года вместо бывшего до этого счисления времени с 622 г. (дня бегства Мухаммеда из Мекки в Медину), а бюджетный год — с 1 июня до 31 мая.

¹⁰ Закон об увеличении агнама в 8 раз, увеличение акциза на спички сначала в 2, затем в 4 раза, закон об увеличении в 5 раз всех штрафов, увеличение в 5 раз налога на карты, увеличение потребительского налога на бильярды, тавли, увеличение налога за право рыбной ловли, налога на соль и ряд других.

¹¹ Подлежало сокращению расходов на 16 979 640 лир, что сводило расходную часть бюджета к 167 053 087 лирам.

ФИНАНСЫ ПЕРСИИ

*Статья опубликована в журнале
«Новый Восток», 1927, № 18.*

¹ Источниками помимо перечисленных в тексте послужили: «Quarterly Reports of the Administrator General of the Finances of Persia», Tehran, 1923—1926, № 6—14, а также: «Tableau Generale du Commerce avec les pays etrangers. Statistique Commerciale de la Perse».

² Shuster в своей известной книге «The Strangling of Persia» (Лондон, 1912) пишет: «До сего времени денежные поступления собирались не только чиновниками министерства финансов, но также некоторыми департаментами

министерства почт и телеграфов, министерств юстиции, внутренних дел, общественных работ. Равным образом эти различные правительственные департаменты тратили без всякого контроля те фонды, которые они собирали. Не было такого учреждения, в котором собирались доходы и расходы. Правительство не имело возможности знать, каковы были государственные доходы, откуда они поступали и куда уходили».

³ См. подробно: В. Осетров, Очерки экономического строя Персии,— сб. «Колониальный Восток»; Demogly, *Les institutions financières en Perse*, Paris, 1915; Mills p a u g h, *The American Task in Persia*, 1925.

⁴ До войны 1 кран = 17,5 коп., ныне [1927 г.] он равен примерно 20—22 коп.

⁵ Всюду берется персидский год—с 21 марта по 20 марта.

⁶ Товарооборот мы условно принимаем как некоторый крупный показатель динамики народного хозяйства, учитывая, конечно, все несовершенство такого метода сопоставления.

⁷ Одновременно были уменьшены пошлины на товары, ввозимые из Персии в Россию (тариф V).

⁸ Первый год по введении новых тарифов.

⁹ См.: Д. И. Шморгонер, Россия, Персия и Англия, М., 1926; также статью Б. Данцига—«Бюллетень мирового хозяйства», 15.VII.1926.

¹⁰ Согласно отчету Англо-персидской компании, в 1925/26 г. уплачено 974 823 ф. ст. («Financial Times», 3.XI.1926).

¹¹ 1 пуд = 5,502 батмана.

¹² В 1924/25 г.—4 137 237 пудов, в 1925/26 г.—3 784 948 пудов.

¹³ Налог был введен в действие задним числом—дабы от обложения не ускользнул сахар, закупленный на Бакинской ярмарке 1925 г.

¹⁴ Акцизы включены в эту сумму.

¹⁵ Детали, к сожалению, отсутствуют.

¹⁶ Турецкий ашар (дим).

¹⁷ Saranech, hanevari (рекрутский налог), paderane (налог с деревень по оплате расходов при поставке рекрутов).

¹⁸ Вдобавок банк получает на местах платежи (за счет государства) в серебре; расходы же по платежам, главное место коих в центре, производят в банкнотах.

¹⁹ Сарф—стоимость перевода из одного города в другой, определяемая тем, что в Персии при серебро-монетной системе очень дорого обходится переброска денег из одного города в другой, банкноты же банка имеют хождение лишь в местах их выпуска. Фактически сарф не всегда соответствует стоимости переброски, а определяется рядом других причин.

²⁰ См.: «Financial Times», 1.VII.1926; также: «The Economist», Banking Supplement, 9.X.1926.

²¹ Из 160 унций стандартного серебра (т. е. 148 унций чистого серебра) чеканится 1100 кранов (1000 кранов чистого серебра + 100 кранов меди).

²² См. статью «Финансово-налоговое законодательство и бюджет современной Турции»,—«Новый Восток», 1926, № 15. [Опубликована в настоящей книге, стр. 14—23.]

²³ Расходы по содержанию таможенного ведомства не включаются в бюджет.

²⁴ См.: В. Осетров, Очерки экономического строя Персии.

²⁵ Учетно-судный банк, переданный Персии, преобразован в Банк Ирана, первоначально находившийся при военном министерстве, а ныне при министерстве финансов. Операции банка ничтожны. Банк находится в состоянии ликвидации, причем, поскольку принимается ряд мер по взысканию долгов, ожидают, что значащиеся на балансе как превышение актива над пассивом средства дадут в пользу государства 38 539 582 крана, в чем приходится все же до некоторой степени сомневаться. Любопытно, что на балансе банка до сих пор значится сумма в 3 043 299 царских рублей. Сумма долга персидского правительства банку (около 87 млн. кранов), значащаяся еще по балансу на 20 марта 1922 г., в последних балансах уже списана.

²⁶ См.: «The Statesman's Year Book», 1921.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ТУРЦИИ

*Статья опубликована в журнале
«Новый Восток», 1929, № 26—27.*

¹ Источники: «L'Information»; «L'Economiste d'Orient», 1925—1928; «Бюллетень Торгпредства в Турции», 1928; «Annuaire statistique», Angora, 1928.

² Часть дорог была пачата постройкой турками, но затем переходила в руки иностранцев, закончивших дороги и бравших на себя эксплуатацию.

³ 1 зол. лира = 8..8,5 бум. лиры; 1 ф. ст. = от 9 и 10 бум. лир.

⁴ По курсу 1921 г. 1 фр. = 11,8 пиастра.

⁵ 1 зол. фр. = 4,4 пиастра золотом, ныне (конец 1928 г.) 1 франц. фр. = = 8 бум. пиастрам.

⁶ Так, например, капитал работающих в Турции советских организаций исчислен в 70 млн. руб., 12 американских — в 285 млн. долл., 3 швейцарских — в 128 млн. фр. и т. д.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ В ОБСТАНОВКЕ ВОЙНЫ

*Статья опубликована в журнале
«Мировое хозяйство и мировая политика», 1944, № 5.*

¹ «Banque Centrale de la République», 1940, № 34.

² «British Chamber of Commerce of Turkey». — «Monthly Trade Journal», February 1943.

³ Цит. по: «L'Economiste d'Orient», 25.III.1943.

⁴ «Banque Centrale de la République Turque», 1942, № 45.

⁵ См.: «L'Economiste d'Orient», 29.V.1943.

⁶ «Правда», 23.IV.1944.

⁷ «L'Economiste d'Orient», 25.I.1943.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА В ТУРЦИИ

*Статья опубликована в журнале
«Мировое хозяйство и мировая политика», 1945, № 12.*

¹ А. Новичев, Очерки экономики Турции до мировой войны, М., 1937, стр. 54.

² «Ulus», 30.XII.1936.

³ «La République», Istanbul, 18.V.1945.

⁴ «La République», 15.V.1945.

⁵ «La République», 20.V.1945.

⁶ Проект закона предусматривал четыре категории владений, включая наделы площадью в 30 дёнюмов (3 га), принадлежащие лицам, для которых сельское хозяйство не является основным занятием.

⁷ При определении того, обеспечен или не обеспечен район землей, за основу принимается как количество земли, так и направление земледелия и количество семей земледельцев и сельскохозяйственных рабочих.

⁸ «Ankara», 5.IX.1940.

ЭТАТИЗМ, ЕГО СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ В ЭКОНОМИКЕ ТУРЦИИ

*Статья опубликована в журнале
«Ученые записки Института востоковедения»
(АН СССР), 1959, XVII.*

- ¹ «Türkiye cumhuriyet merkez bankası», 1951, № 78—79, стр. 81.
- ² Там же.
- ³ От французского слова «état» — государство.
- ⁴ В. И. Ленин, III конгресс Коммунистического Интернационала,— Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 48.
- ⁵ В. И. Ленин, XI съезд РКП(б),— Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 84.
- ⁶ «Atatürkün söylev ve demeçleri», cilt I, Istanbul, 1945, стр. 220.
- ⁷ «Bulletin de la Chambre de commerce et industrie de Constantinople», 1925, № 6, стр. 405.
- ⁸ «La Législation turque», vol. III, Istanbul, 1925, стр. 264—268.
- ⁹ Там же, т. IV, 1926, стр. 1—16.
- ¹⁰ Там же, т. V, 1927, стр. 433—438.
- ¹¹ С. Кабульский, Политика возрожденной Турции,— «Международная жизнь», 1926, № 7, стр. 25—26.
- ¹² Цит. по: Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. IV, М., 1934, стр. 322—323.
- ¹³ «L'Economiste d'Orient», 10.XI.1933.
- ¹⁴ Цит. по: «Колониальные проблемы», сб. 3—4, М., 1935, стр. 68.
- ¹⁵ «Report on Economic and Commercial Conditions in Turkey», [London], 1939, April, стр. 17—18.
- ¹⁶ «La Législation turque», vol. XI, Istanbul, 1934, стр. 468.
- ¹⁷ Там же, т. XIII, 1935, стр. 404.
- ¹⁸ Капитал Акционерного общества сахарных заводов — 22 млн. лир. Он внесен равными частями Сумербанком, Сельскохозяйственным банком и Деловым банком. Прибыли сахарных заводов распределяются так: 10% в резервный фонд, 5% на вознаграждение персонала, а остаток делится между акционерами, но не выше 9% на внесенный ими капитал. Остаточные суммы используются по указанию правительства.
- ¹⁹ «Bulletin de l'Union Internationale des chemins de fer», juin 1955, стр. 202.
- ²⁰ «Türkiye cumhuriyet merkez bankası», 1957, № 5, стр. 13.
- ²¹ Там же, стр. 13.
- ²² «L'Economiste d'Orient», 15.I.1958.
- ²³ «Journal d'Orient», 29.XII.1952.
- ²⁴ «L'Economiste d'Orient», 15.IX.1957.
- ²⁵ «Türkiye cumhuriyet merkez bankası», 1957, № 5, стр. 34, 35.
- ²⁶ «Cumhuriyet», 19.II.1946.
- ²⁷ «Vakit», 8.I.1947.
- ²⁸ «Zafer», 2.XII.1953.
- ²⁹ «Istanbul», 7.IX.1952.
- ³⁰ «Türkiye iktisadiyatı», Istanbul, 1957, стр. 29.
- ³¹ Там же.
- ³² «Fortune», 1954, June.
- ³³ T. W. Thornburg, Turkey. An Economic Appraisal, New York, 1949, стр. 250.
- ³⁴ «Neue Zürcher Zeitung», 9.II.1958.
- ³⁵ «Zafer», 1.II.1958.
- ³⁶ «Türkiye iktisadiyatı», 1957, стр. 2.
- ³⁷ «İstatistik yıllığı», cilt 21, 1953, стр. 223—224.
- ³⁸ «L'Economiste d'Orient», 15.X.1955.

РЕЦЕНЗИЯ НА РАБОТЫ:

А. Д. Новичев, Крестьянство Турции в новейшее время (М., 1959)
и П. П. Моисеев, Аграрные отношения в современной Турции (М., 1960)

Опубликована в журнале «Народы Азии и Африки», 1961, № 4.

¹ См.: «Библиография Турции (1917—1958)». Составители: А. К. Сверчевская и Т. П. Черман, М., 1959, стр. 38—41.

АРАБЫ ИРАКА

Опубликовано в книге «Народы Передней Азии», М., 1957.

¹ «The Iraq Directory», Baghdad, 1936.

² К. Маркс, Британское владычество в Индии,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, стр. 132.

³ И т и л ь — древнее название Волги.

⁴ «Annuaire de statistiques agricoles et alimentaires, 1953», vol. VII, pt. 1, Rome, 1954, стр. 8.

⁵ «The Department of State Bulletin», [Washington], 27.IV.1953.

⁶ Дж. Х а й я т, Иракская деревня, М., 1953, стр. 35. Мушар = $\frac{1}{42}$ га.

⁷ В 1948—1949 гг. (более поздние данные отсутствуют) имелось 3425 насосов общей мощностью в 124 тыс. л. с. Наибольшее распространение насосы имеют в ливах Багдадской, Дивания, Кут, Амара (см.: «Statistical Abstract, 1949», Baghdad, 1951, стр. 110).

⁸ Там же, стр. 149.

⁹ «Manchester Guardian Weekly», 7.VI.1950; «Community Development Bulletin», 1951, № XII.

¹⁰ «Annuaire de statistiques agricoles et alimentaires, 1953», vol. VII, pt. 1, стр. 8.

¹¹ А. А д а м о в, Ирак Арабский, СПб., 1912, стр. 152.

¹² На Евфрате паровое судоходство не поддерживается, по Тигру паровые суда большую часть года ходят только до Багдада.

¹³ «Le commerce du Levant», 17.I.1953.

¹⁴ Ф. Т а л ы з и н, По Ирану и Ираку, М., 1952, стр. 148.

¹⁵ «Новое время», 1946, № 6, стр. 24 и сл.

¹⁶ «Les conditions économiques au Moyen Orient», New York, 1953, стр. 17.

¹⁷ «Statistical Abstract, 1949»; «Statesman's Yearbook», 1954.

¹⁸ «Statistical Abstract, 1949», стр. 27.

¹⁹ Дж. Х а й я т, Иракская деревня, стр. 59.

²⁰ «Middle East Science by Worthington», London, 1946, стр. 184.

²¹ «Правда», 16.II.1949.

²² «Известия», 29.XI.1953.

²³ «Правда», 6.I.1956.

²⁴ См.: «Правда», 2, 4.XII.1956 и др.

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-МАРОККАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Статья написана в соавторстве с В. И. Жиленко.

Опубликована в журнале «Проблемы востоковедения», 1959, № 1

¹ Вопрос этот получил некоторое освещение в дореволюционной русской литературе (XVIII в.).

² «Русская историческая библиотека», т. I, СПб., 1867, стр. 130.

³ См.: В. Уляницкий, Русские консульства за границей в XVIII в., М., 1899, стр. 394—397.

⁴ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Сношения России с Англией, 1777 г., д. 729, л. 35.

⁵ Мекинец — г. Мекнес в Марокко.

⁶ Город Мармара, или, точнее, Мамура, — ныне Кенитра на Атлантическом побережье Марокко.

⁷ АВПР, ф. Сношение России с Тосканой, 1777 г., д. 61, л. 8—10.

⁸ Тимофей Гаврилович Козлянинов, командир фрегата «Северный Орел», был участником сражений при Наполи-де-Романия и Чесме в период русско-турецкой войны. (О нем см.: «Общий морской список», ч. II, СПб., 1885, стр. 184—187.)

⁹ См.: «Материалы для истории русского флота», ч. XII, СПб., 1888, стр. 439—440 (со ссылкой на Архив морского министерства. Дело гр. Чернышова 185).

¹⁰ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1778—1782 гг., д. 131, л. 30—31.

¹¹ Там же, л. 32.

¹² Там же, л. 44 (копия).

¹³ О Н. С. Скуратове см.: «Общий морской список», ч. II, 1885, стр. 391—393.

¹⁴ «Материалы для истории русского флота», ч. XII, СПб., 1888, стр. 440

¹⁵ «Санкт-Петербургские ведомости», 20.VII.1778, № 58, стр. 512.

¹⁶ Письмо Мухаммеда бен Абдель Малека капитану Т. Г. Козлянинову. 26 июля 1778 г., — АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1778—1782 гг., д. 131, л. 46—48.

¹⁷ Письмо Мухаммеда бен Абдель Малека И. Г. Чернышову. 26 июля 1778 г., — АВПР, ф. Внутренние коллежские дела, 1778 г., д. 726, л. 2; см также публикуемые нами документы № 1 и 2.

¹⁸ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1778—1782 гг., д. 131, л. 46—48.

¹⁹ АВПР, ф. Внутренние коллежские дела, 1778 г., д. 726, л. 2.

²⁰ Там же, л. 1.

²¹ «Санкт-Петербургские ведомости», 9.IX.1782, № 72, стр. 576.

²² «Санкт-Петербургские ведомости», 18.XI.1782, № 92, стр. 715.

²³ «Санкт-Петербургские ведомости», 3.II.1783, № 10.

²⁴ АВПР, ф. Сношения России с Тосканой, 1782 г., д. 88а, л. 1.

²⁵ Письмо марокканского султана Екатерине II, 22 июля 1788 г., — АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 131, л. 14—15.

²⁶ Грамота императрицы Екатерины II марокканскому султану Мухамеду, май 1783 г., — АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 67, л. 21.

²⁷ М. [Д.] Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. II, кн. 1, СПб., 1786, стр. 534.

²⁸ АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1791 г., д. 755, л. 7.

²⁹ Донесение Симсона и записка (выписка) коммерц-коллегии, на которую ссылается Уляницкий, в архиве не обнаружены.

³⁰ Авторы приносят свою искреннюю благодарность В. И. Беляеву, А. Ф. Искандерovu, Н. С. Луцкой и В. Б. Луцкому, оказавшим помощь в переводе с арабского (магрибского наречия) на русский ряда архивных документов, использованных ими в настоящем сообщении.

К ВОПРОСУ О КАПИТУЛЯЦИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

*Статья опубликована в журнале
«Народы Азии и Африки», 1971, № 3.*

¹ F. Pouqueville, Mémoire historique et diplomatique sur le commerce et d'établissement français au Levant, depuis l'an 500 de J. C. jusqu'a la fin du XVIIe siècle, — «Nouveaux Mémoire de l'Institut Royal de France», t. X, Paris, 1833.

- ² W. Heyd, *Histoire du commerce du Levant au Moyen Age*, Leipzig, 1923, стр. 90.
- ³ См.: В. В. Бартольд, Карл Великий и Харун ар-Рашид, — «Христианский Восток», т. I, вып. I, СПб., 1912, стр. 69—94; то же: В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. VI, М., 1966, стр. 342—364.
- ⁴ См.: А. Васильев, Карл Великий и Харун ар-Рашид, — «Византийский временник», т. XX, вып. I, СПб., 1913, стр. 63—116.
- ⁵ См.: В. В. Бартольд, К вопросу о франко-мусульманских отношениях, — «Христианский Восток», т. III, 1914, стр. 263—296; то же: В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. VI, М., 1966, стр. 432—461.
- ⁶ См., например: G. Depping, *Histoire du Commerce entre le Levant et l'Europe*, t. II, Paris, 1830, стр. 339; M. Belin, *Des Capitulations et des Traités de la France en Orient*, Paris, 1870, стр. 22.
- ⁷ A. Millitz, *Manuel des Consuls*, Londres, t. I, pt. 1, 1838, стр. 21.
- ⁸ См.: Ф. Мартенс, О консулах и консульской юрисдикции, СПб., 1873, стр. 62—70.
- ⁹ «Recueil des Traités de la Porte Ottomane...», ed. par J. Testa, t. III, Paris, 1868, стр. 140.
- ¹⁰ См.: Ph. Hitti, *Lebanon. A History*, London, 1957, стр. 321; J. Nantet, *Histoire de Liban*, Paris, 1963, стр. 66, 89, 90.
- ¹¹ См.: Ф. Мартенс, О консулах и консульской юрисдикции, стр. 194—198; см. также: «Négociations de la France dans le Levant», t. I, Paris, 1858, стр. 283.
- ¹² В. Грабарь, Консульская юрисдикция. — «Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон», [кн.] 31 (т. XVI), СПб., 1895, стр. 96.
- ¹³ К. Маркс, Объявление войны. — К истории возникновения восточного вопроса, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 10, стр. 168—169.
- ¹⁴ I Hammer, *Mémoires sur les premières relations diplomatiques entre la France et la Porte*, — «Journal Asiatique», 1828, стр. 19—45.
- ¹⁵ См.: M. Flassan, *Histoire Générale et raisonnée de la diplomatie française ou de la politique de la France*, t. I, Paris, 1821, стр. 367—370.
- ¹⁶ Н. А. Смирнов, К истории борьбы европейских держав за колониальное порабощение Турции в XVI—XVIII вв., — «Труды Московского института истории, философии и литературы», т. II, исторический факультет, М., 1938, стр. 168.
- ¹⁷ I. H. Danismend, *Izahli Osmanli Tarih Kronolojisi*. c. II, Istanbul, 1948, стр. 182—184.
- ¹⁸ M. Belin, *Des capitulations et des traités de la France en Orient*, стр. 30.
- ¹⁹ G Noradounghian Effendi, *Recueil d'Actes Internationaux de l'Empire Ottoman*, t. I (1700—1789), Paris, 1900, стр. 83—87.
- ²⁰ I. Hammer, *Histoire de l'Empire Ottoman*, t. V (1520—1540), Paris, 1835, стр. 221.
- ²¹ «Recueil de Traités de la Porte Ottomane», t. I, стр. 22.
- ²² Adel Ismail, *Histoire du Liban du XVII siècle à nos jours*, t. I, Paris, 1955, стр. 75.
- ²³ A. Hourani, *Syria and Lebanon*, London, 1946, стр. 142.
- ²⁴ «Capitulations, ou Traités anciens et nouveaux entre la Cour de France et la Porte ottomane, renouvelés et augmentés l'an de J. C. 1740, et de l'hégire 1153, traduits à Constantinople par le sieur Deval, secrétaire-interprète du roi et son premier drogman à la cour ottomane, 1761», Paris, 1771, стр. V, VI.
- К сожалению, в комментариях к сочинениям К. Маркса и Ф. Энгельса не указано, что дата (1761 г.), обозначенная на титульном листе книги Деваля, представляет собой не выходные данные, а время составления сборника (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 10, стр. 671, прим. 109).
- ²⁵ Там же, стр. XVIII.
- ²⁶ G. Noradounghian Effendi, *Recueil d'Actes Internationaux de l'Empire Ottoman*, t. I, стр. 70.

²⁷ D'Osson, Tableau général de l'Empire Ottoman, Paris, 1791, стр. 277. Имеется русский перевод: «Полная картина Оттоманския империи», т. I, СПб., 1795 (не завершено). Оссон Мураджа (1740—1807), автор обширного труда об Османской империи XVIII в., турецкий армянин, состоявший на дипломатической службе Швеции в Константинополе. В 1782—1784 гг. — шведский поверенный в делах при дворе турецкого султана, шведский посланник.

²⁸ D'Osson, Tableau général de l'Empire Ottoman, стр. 271.

²⁹ M. Flasseau, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française..., стр. 370—371.

³⁰ G. Noradounghian Effendi, Recueil d'Actes Internationaux de l'Empire Ottoman, t. I, стр. 89, 228.

³¹ Ф. Мартенс, О консулах и консульской юрисдикции, стр. 201.

³² Там же, стр. 60.

РУССКО-СИРИЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Публикуется впервые по машинописи автора

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

*Опубликовано в книге Б. М. Данцига
«Ближний Восток в русской науке и литературе»
(ч. II, гл. II), М., 1973.*

Впервые материал опубликован в его книге
«Русские путешественники на Ближнем Востоке», М., 1965.

¹ [И. И. Вешняков, В. И. Вешняков, М. Л. Новиков], Путевые записки во святой град Иерусалим и в окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах..., М., 1813.

² Там же, стр. 20—21.

³ Там же, стр. 48.

⁴ Там же, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 62.

⁶ Там же, стр. 64.

⁷ Там же, стр. 98—99.

⁸ Там же, стр. 107—109.

⁹ В. [Б.] Броневской, Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810, ч. 1—4, СПб., 1818—1819.

¹⁰ Там же, ч. 3, стр. 33—34.

¹¹ Там же, стр. 147—150.

¹² П. Свиньин. Воспоминания на флоте, ч. I—III, СПб., 1818—1819.

¹³ Там же, стр. 87.

¹⁴ Там же, стр. 18.

¹⁵ Н. М. Клемент, Год в плену у турок — с корвета «Флорида» (с 1807 г.), — «Морской сборник», 1857, т. XXVIII, № 3.

¹⁶ «Корвет „Флора“». Записная книжка моряка В. А. Сафонова, — Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки им. В. И. Ленина, № 4873.

¹⁷ Там же, стр. 29 об.

¹⁸ Там же, стр. 28.

¹⁹ Там же, стр. 54 и об.

- ²⁰ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки им. В. И. Ленина, № 9898. Записки В. В. Вяземского.
- ²¹ Там же, стр. 48.
- ²² А. Ф. Миллер, Мустафа-паша Байрактар, М.—Л., 1947, стр. 84.
- ²³ «Архив князя Воронцова», кн. XXVI, М., стр. 248.
- ²⁴ А. Ф. Миллер, Мустафа-паша Байрактар, стр. 248, 404.
- ²⁵ Там же, стр. 99.
- ²⁶ «Архив князя Воронцова» кн. XX, стр. 293.
- ²⁷ [А. Г. Краснокутский], Дневные записки поездки в Константинополь Александра Григорьевича Краснокутского в 1808 г., самим им написанные, М., 1815.
- ²⁸ А. Ф. Миллер, Мустафа-паша Байрактар, стр. 17.
- ²⁹ [А. Г. Краснокутский], Дневные записки поездки в Константинополь..., стр. 34—40.
- ³⁰ Там же, стр. 112—114.
- ³¹ [И. П. Котляревский], Записки И. П. Котляревского о первых действиях русских войск в турецкую войну 1806 г., — «Киевская старина», 1900, т. LXXI, декабрь.
- ³² Там же, стр. 132.
- ³³ «Русская старина», СПб., 1907, № 5—11; 1908, № 2—4; 1909, № 6—7; 1910, № 7—10; 1911, № 7—8.
- ³⁴ «М. И. Кутузов. Документы», под редакцией Л. Г. Бескровного, М., 1950, стр. XXVII.
- ³⁵ [Д. И. Цикулин], Необыкновенные похождения и путешествия русского крестьянина Дементия Иванова Цикулина в Азии, Египте, Восточной Индии с 1808 по 1821 г., самим им писанные, — «Северный архив», СПб., 1825, № 8, апрель, № 9, май.
- ³⁶ Принадлежность примечаний А. С. Грибоедову установлена редактором академического издания сочинений Грибоедова Н. К. Пиксановым: «Грибоедов составил для печати комментарий к рассказу Цикулина, что ему, как знатоку Востока, было нетрудно сделать» (А. С. Грибоедов, Полное собрание сочинений, т. 3, Пг., 1917, стр. 305).
- ³⁷ Там же, стр. 112.
- ³⁸ Н. П. Глиноецкий, История русского генерального штаба, т. I, СПб., 1883, стр. 221.
- ³⁹ При П. М. Волконском было создано «депо карт всех иностранных государств». Им была учреждена мастерская математических и астрономических приборов. Офицеры квартирмейстерской части снабжались картами.
- ⁴⁰ «Памятная книжка для военных людей», СПб., 1818.
- ⁴¹ Граф Петр Дмитриевич Киселев (1748—1872) — в 1819—1826 гг. начальник штаба 2-й армии при большом Витгенштейне, известен также управлением в Дунайских княжествах, затем как деятель крестьянской реформы, с 1856 г. — посол в Париже.
- ⁴² А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, т. I, СПб., 1882, стр. 208.
- ⁴³ Н. П. Глиноецкий, История русского генерального штаба, т. I, стр. 362—363.
- ⁴⁴ Центральный Государственный Военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 18185.
- ⁴⁵ Б. Е. Сыроечковский, Балканская проблема в политических планах декабристов, — в кн.: «Очерки по истории движения декабристов», М., 1954, стр. 201.
- ⁴⁶ Там же, стр. 235—236.
- ⁴⁷ Там же, стр. 200.
- ⁴⁸ А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, т. I, стр. 138—139; «Русский архив», М., 1875, кн. 1, стр. 418.
- ⁴⁹ А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, т. I, стр. 147.

- ⁵⁰ Н. П. Глиноецкий, История русского генерального штаба, т. I, стр. 362.
- ⁵¹ И Ениколопов, Грибоедов и Восток, Ереван, 1954, стр. 128—130.
- ⁵² [А. О. Дюгамель], Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля, М., 1885, стр. 13—15. Дюгамель составил «Военно-топографическое описание дорог от Шумлы до Праводы, от Праводы через Айдос в Бургас и от Бургаса до Факи» (СПб., 1827).
- ⁵³ Н. П. Глиноецкий, История русского генерального штаба, т. II, СПб., 1883, стр. 22.
- ⁵⁴ Там же, стр. 24.
- ⁵⁵ «Записки графа Александра Ивановича Рибопьера», — «Русский архив», М., 1877, кн. 2, стр. 21.
- ⁵⁶ «Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кириллом Бронниковым», М., 1884.
- ⁵⁷ Там же, стр. 329.
- ⁵⁸ Там же, стр. 230.
- ⁵⁹ Д. В. Дашков (1788—1839) — литератор, писатель, критик, один из противников Шишкова и основатель (вместе с В. А. Жуковским) общества «Арзамасских гусей» («Арзамас»). С 1832 г. — министр юстиции.
- ⁶⁰ Д. В. Дашков, Афонская гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 г., — «Северные цветы», 1825; его же, Еще несколько слов о серальской библиотеке, — «Северные цветы», 1826; его же, Известие о греческих и латинских рукописях в серальской библиотеке, — «Северные цветы», 1825; его же, Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г., — «Северные цветы», 1826.
- ⁶¹ Д. В. Дашков, Афонская гора..., стр. 221.
- ⁶² Там же, стр. 244.
- ⁶³ Там же, стр. 260.
- ⁶⁴ О. И. Сенковский, Собрание сочинений, т. I, СПб., 1858, стр. 15—16.
- ⁶⁵ Там же, стр. 35—36.
- ⁶⁶ Б. М. Данциг, Русские путешественники на Ближнем Востоке, М., 1955, стр. 119—122.
- ⁶⁷ «Записки Военно-топографического депо», ч. XXI, СПб., 1860, стр. 17—99; «Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов», СПб., 1872, стр. 152; T. de Schubert, Exposé des travaux astronomiques et géodésiques exécutés en Russie dans un but géographique jusqu'à l'année, 1855.
- ⁶⁸ «Записки Военно-топографического депо», ч. XXI, стр. 59—63.
- ⁶⁹ Там же, стр. 99—100.
- ⁷⁰ Н. Н. Ушаков, История военных действий в Азиатской Турции в 1826—1829 гг., СПб., 1836, стр. XV.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² [Раджицкий], Походные записки артиллериста в Азии полковника Раджицкого, — «Военный журнал», 1857, январь — февраль.
- ⁷³ Там же, стр. 89.
- ⁷⁴ Там же, стр. 89.
- ⁷⁵ «Записки русского офицера, бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах», — «Военный сборник», 1858, т. III.
- ⁷⁶ Там же, стр. 183.
- ⁷⁷ [А. О. Дюгамель], Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля, стр. 33—34.
- ⁷⁸ Там же, стр. 38.
- ⁷⁹ А. Н. Муравьев, Мои воспоминания, — «Русское обозрение», 1895, май; его же, Путешествие ко святым местам в 1830 г., изд. 3, СПб., 1835.
- ⁸⁰ В. Хитрово, Палестина и Синай, ч. I, вып. I, СПб., 1867, стр. 42.
- ⁸¹ А. Н. Муравьев, Путешествие ко святым местам в 1830 г., стр. 12.

- ⁸² Там же, стр. 97.
- ⁸³ Там же, стр. 111.
- ⁸⁴ Там же, стр. 191—192.
- ⁸⁵ Там же, стр. 193—194.
- ⁸⁶ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 262—263; т. XI, стр. 217.
- ⁸⁷ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 520.
- ⁸⁸ А. Н. Муравьев, Письма с Востока в 1849—1850 гг., ч. I и II, СПб., 1851.
- ⁸⁹ [Энегольм], Записки о городах Забалканских, занятых русскими войсками, Генерального штаба полковника Энегольма, СПб., 1830.
- ⁹⁰ [В. И. Мелихов], Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией в 1828—1829 годах. Сочинение вице-адмирала В. И. Мелихова (начальника штаба Черноморского флота).— «Морской сборник», 1850, т. III, № 1—9.
- ⁹¹ [А. С.] Пушкин, Полное собрание сочинений [в 16-ти т.], Изд-во АН СССР, т. 8, [ч.], [л.], 1938, стр. 443—483.
- ⁹² Там же, стр. 489—490; его же, Полное собрание сочинений в 10-ти т., [изд. 1], Изд-во АН СССР, т. VI, М.—Л., 1949, стр. 789.
- ⁹³ [А. С.] Пушкин, Полное собрание сочинений [в 16-ти т.], т. 8, [ч.] 1, стр. 465.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же, стр. 475, 477.
- ⁹⁶ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в 10-ти т., т. VI, М.—Л., 1949, стр. 484—489, 789, 798—805.
- ⁹⁷ Н. Н. Ушаков, История военных действий в Азиатской Турции в 1826—1829 гг., стр. 305—306.
- ⁹⁸ «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 2, М.—Л., 1936, стр. 62, 69, 70—71.
- ⁹⁹ В. Потто, Кавказская война в отдельных эпизодах, легендах и биографиях, т. 4, вып. 4, Тифлис, 1888, стр. 507—508.
- ¹⁰⁰ «Труды первой и второй всесоюзных пушкинских конференций», М.—Л., 1952, стр. 158—192.
- ¹⁰¹ Там же, стр. 161—162.
- ¹⁰² И. Ю. Крачковский, Источники «Витязя буланого коня» и других восточных повестей Сенковского,— Избранные сочинения, т. I, М.—Л., 1955, стр. 227.
- ¹⁰³ Д. И. Белкин, Концепции Востока в творчестве Пушкина. Автореф. канд. дисс., М., 1970.
- ¹⁰⁴ Там же, стр. 5.
- ¹⁰⁵ В статье (так же, как и в автореферате)—большая библиография предмета.
- ¹⁰⁶ Д. И. Белкин, Тема зарубежного Востока в творчестве Пушкина,— «Народы Азии и Африки», 1965, № 4.
- ¹⁰⁷ И. С. Брагинский, Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина,— «Народы Азии и Африки», 1965, № 4.
- ¹⁰⁸ «Рукою Пушкина», Academia, [М.—Л.], 1935.
- ¹⁰⁹ Л. В. Черепнин, Исторические взгляды классиков русской литературы, М., 1968.
- ¹¹⁰ Л. Гроссман, Лермонтов и культура Востока,— в кн.: «Литературное наследство», т. 43—44, М., 1941.
- ¹¹¹ Там же, стр. 676.
- ¹¹² Там же, стр. 677.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Л. В. Черепнин, Исторические взгляды классиков русской литературы.
- ¹¹⁵ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. 8, М., 1952, стр. 30—33.
- ¹¹⁶ Там же, стр. 37.
- ¹¹⁷ Там же, стр. 76.

- ¹¹⁸ В. Эберман, Арабы и персы в русской поэзии,— «Восток», кн. 2, М.—Л., 1923, стр. 108—125.
- ¹¹⁹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгера, т. VI, стр. 583—584.
- ¹²⁰ Там же, стр. 101.
- ¹²¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. 3, М., 1936, стр. 59.
- ¹²² Там же, стр. 55—60.
- ¹²³ «Востоковедение»,— «Большая советская энциклопедия», изд. 2, т. 9, М., 1952, стр. 195—196.
- ¹²⁴ «Военная энциклопедия», т. XV, стр. 6.
- ¹²⁵ М. С. Шагинян, Измаил,— «Литературная газета», 4.IX.1970.
- ¹²⁶ Бартеев, Пушкин в Южной России,— «Русский архив», 1866, № 8—9, стр. 1126.
- ¹²⁷ Там же, стр. 1140.
- ¹²⁸ [И. П. Липранди], Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди,— «Русский архив», 1866, № 8—9.
- ¹²⁹ И. П. Липранди, Важность иметь положительные сведения о происходящем на правом берегу Дуная и о тайных кознях в княжествах...,— «Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских», 1877, кн. 3.
- ¹³⁰ И. П. Липранди, Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи, М., 1877.
- ¹³¹ Д. Д. Языков, Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. 4, СПб., 1888, стр. 16—17.
- ¹³² «Колосья», СПб., 1895, май, стр. 200.
- ¹³³ «Русский архив», М., 1877, № 6, стр. 89.
- ¹³⁴ Там же, 1866, № 8—9, стр. 1274.
- ¹³⁵ Там же, 1877, № 8, кн. II.
- ¹³⁶ «Донесения и переписка А. П. Бутенева»,— «Русский архив», М., 1883, кн. I; «Архив князя Воронцова», кн. XXXIX.
- ¹³⁷ Н. Н. Муравьев, Русские на Босфоре, М., 1869; его же, Турция и Египет в 1832—1833 гг., т. I и II, М., 1869—1870.
- ¹³⁸ [Н. Н. Муравьев], Первое взятие русскими войсками Карса (июнь 1828). Из памятных записок Н. Н. Муравьева Карсского. Писано в 1831 г.,— «Русский архив», 1877, № 3.
- ¹³⁹ Поручик Болдырев, Письма русского солдата,— «Русский инвалид», СПб., 1833.
- ¹⁴⁰ Н. Н. Муравьев, Русские на Босфоре.
- ¹⁴¹ [А. О. Дюгамель], Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля, стр. 60.
- ¹⁴² Там же, стр. 76—77, а также гл. II и VII.
- ¹⁴³ Там же, стр. 70.
- ¹⁴⁴ Там же, стр. 78.
- ¹⁴⁵ [В. Давыдов], Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году Владимиром Давыдовым, ч. I—II, СПб., 1839—1840.
- ¹⁴⁶ Там же, стр. 7.
- ¹⁴⁷ Там же, стр. 280.
- ¹⁴⁸ О. А. Ляскова, К. Брюллов, М.—Л., 1940.
- ¹⁴⁹ «К. П. Брюллов». Составитель и автор предисловия проф. Н. Г. Машковцев, М., 1952, стр. 8.
- ¹⁵⁰ Он перевел «Гамлета» (1828) и «Леди Макбет» Шекспира (1837), «Фауста» Гёте (1844), вторую часть «Дядюв» Мицкевича (1829), «Манфреда» Байрона (1828). В. Г. Белинский писал о нем: «Вронченко передает не букву, а дух переводимых им великих творений». (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, под ред. С. А. Венгера, т. IV, стр. 292.)

- ¹⁵¹ «Михаил Павлович Вронченко». Биографический очерк, составил А. В. Никитенко,— «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1867, октябрь, стр. 12—14.
- ¹⁵² Отметим неточность В. В. Бартольда, писавшего, что Вронченко изучал Малую Азию в период, когда русские войска находились на Босфоре, тогда как он путешествовал уже после ухода русских войск с берегов Босфора.
- ¹⁵³ М. П. Вронченко, Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии,— «Записки Военно-топографического депо», ч. III, СПб., 1838. В 1839—1840 гг. книга под тем же названием и с инициалами М. В. вышла отдельным изданием, но без приложения журнала наблюдений.
- ¹⁵⁴ Там же, стр. 201.
- ¹⁵⁵ Там же, стр. 245.
- ¹⁵⁶ Там же, стр. 246.
- ¹⁵⁷ Там же, стр. 264.
- ¹⁵⁸ Там же, стр. 266.
- ¹⁵⁹ Там же, стр. 279.
- ¹⁶⁰ Там же, стр. 293.
- ¹⁶¹ Там же, стр. 284.
- ¹⁶² Там же, ч. V, 1840.
- ¹⁶³ Там же, стр. 156.
- ¹⁶⁴ Там же, стр. 157.
- ¹⁶⁵ Там же, стр. 267.
- ¹⁶⁶ Там же, стр. 269.
- ¹⁶⁷ Там же, ч. III, стр. 292—329.
- ¹⁶⁸ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 537.
- ¹⁶⁹ А. [С.] Норов, Путешествие к семи церквям, изд. 2, СПб., 1854, стр. 26.
- ¹⁷⁰ «Михаил Павлович Вронченко», стр. 37.
- ¹⁷¹ «Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов», СПб., 1872, стр. 316.
- ¹⁷² Л. С. Берг, Всесоюзное Географическое общество за 100 лет, М.—Л., 1946, стр. 37—38.
- ¹⁷³ И. М. Смилянская, К. М. Базили — российский дипломат и историк Азии,— «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 4, М., 1959.
- ¹⁷⁴ К. М. Базили, Сирия и Палестина под турецким владычеством в историческом и политическом отношениях, ч. I и II, Одесса, 1862. (Книга переиздана в 1962 г. с предисловием И. М. Смилянской.)
- ¹⁷⁵ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 446.
- ¹⁷⁶ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 453.
- ¹⁷⁷ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики,— Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1952, стр. 118.
- ¹⁷⁸ К. М. Базили, Архипелаг и Греция в 1830—31 гг., ч. I, СПб., 1834, стр. 33.
- ¹⁷⁹ Там же, стр. 64—66.
- ¹⁸⁰ Там же, стр. 128.
- ¹⁸¹ К. М. Базили, Очерки Константинополя, ч. I, СПб., 1835, стр. V—VI.
- ¹⁸² К. М. Базили, Босфор и новые очерки Константинополя, ч. II, СПб., 1836, стр. 75—76.
- ¹⁸³ Там же, ч. I, стр. 40—41.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ Там же, стр. 260—261.
- ¹⁸⁶ Там же, ч. II, стр. 9—10.
- ¹⁸⁷ Там же, стр. 76—83.
- ¹⁸⁸ Там же, стр. 83.
- ¹⁸⁹ Там же, стр. 104.

- ¹⁹⁰ К. М. Базили, Сирия и Палестина под турецким владычеством в историческом и политическом отношениях, ч. I и II, Одесса, 1862.
- ¹⁹¹ Там же, ч. I, стр. 298.
- ¹⁹² Там же, ч. II, стр. 51.
- ¹⁹³ Там же, стр. 45.
- ¹⁹⁴ Там же, стр. 41.
- ¹⁹⁵ В кн. «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 4, М., 1959.
- ¹⁹⁶ [С. А. Венгеров], Источники словаря русских писателей, т. I, СПб., 1900, стр. 658—659.
- ¹⁹⁷ Н. С. Всеволожский, Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж, т. I и II, М., 1839;— см. также: «Библиотека для чтения», СПб., 1839, т. 35, ч. 3, разд. «Критика».
- ¹⁹⁸ Н. С. Всеволожский, Путешествие через Южную Россию..., т. I, стр. 3.
- ¹⁹⁹ F. Parrot, Reise zum Ararat, Berlin, 1834.
- ²⁰⁰ [Н. А. Белозерская], Хронологический перечень сочинений Петра Александровича Чихачева. Составлен г-жою Белозерскою,— «Известия императорского Русского географического общества», 1891, т. XXVII, вып. VI, стр. 610—614; В. В. Цыбульский, П. А. Чихачев — исследователь и путешественник, М., 1961, стр. 151—158.
- ²⁰¹ В. [В.] Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925, стр. 238.
- ²⁰² Там же, стр. 288.
- ²⁰³ Статья подписана инициалами Б. П. и принадлежит геологу Б. К. Поленову.
- ²⁰⁴ И. И. Стебницкий, Петр Александрович Чихачев,— «Известия императорского Русского географического общества», 1891, т. XXVII, вып. I, стр. 1—10.
- ²⁰⁵ Б. М. Данциг, Русские путешественники на Ближнем Востоке, стр. 150.
- ²⁰⁶ Н. А. Белозерская, П. А. Чихачев,— «Вестник Европы», 1893, ноябрь, стр. 171.
- ²⁰⁷ «Comptes rendus hebdomadaire des séances de l'Académie des sciences», t. XIX, Paris, 1844, стр. 970—980.
- ²⁰⁸ P. Tchihatcheff, Voyage scientifique dans l'Altaï Oriental et parties adjacentes de la frontière de Chine, vol. 1—2 + Atlas, Paris, 1845.
- ²⁰⁹ Н. А. Белозерская, П. А. Чихачев, стр. 172.
- ²¹⁰ Нам неизвестно, откуда Белозерской взяты сведения о беседах с Мухаммедом Али (Н. А. Белозерская, П. А. Чихачев, стр. 174).
- ²¹¹ «Revue des deux Mondes», juin 1850.
- ²¹² P. v. Tschihatscheff's Reisen in Klein Asien und Armenien 1847—1863. Itinere, redigirt und mit einer neuen Construction der Karte von Kleinasien begleitet von H. Kiepert, Gotha, 1867.
- ²¹³ Н. А. Белозерская, П. А. Чихачев, стр. 182.
- ²¹⁴ Описание городов, например Токата, Эрзинджана и др., как правило, не дается.
- ²¹⁵ Сведения не совсем точны: в Сивасском районе в 1847 г. П. А. Чихачев не был.
- ²¹⁶ Определение П. А. Чихачевым высот было впоследствии использовано И. И. Стебницким при составлении большой карты Азиатской Турции, изданной Военно-топографическим отделом главного штаба.
- ²¹⁷ P. Tchihatcheff, Asie Mineure, description physique, statistique et archéologique de cette contrée, Paris, pt. I, Géographie physique comparée, 1853; pt. II, Climatologie et zoologie, 1856; pt. III, Botanique, I—II, 1866; pt. IV, [1], Paléontologie, par A. d'Archiac, P. Fischer et E. de Verneuil, 1866—1869; pt. IV [2], Géologie, vol. 1—3, 1867—1869. Ouvrage accompagné d'un Atlas grand in-4°, Paris, 1866.
- ²¹⁸ Н. А. Белозерская, П. А. Чихачев, стр. 196.
- ²¹⁹ «Московские ведомости», 19.VIII.1869.

- ²²⁰ ЖМНП, 1868, апрель, стр. 243.
- ²²¹ P. Tchiatchef, Le Bosphore et Constantinople avec perspectives des pays limitrophes, Paris, 1864 (1866).
- ²²² P. Tchiatchef, Une page sur l'Orient, Paris, 1868.
- ²²³ P. Tchiatcheff, Lettres sur la Turquie, Bruxelles—Leipzig, 1859.
- ²²⁴ П. А. Чихачев, Письма о Турции, М., 1960.
- ²²⁵ «Русская живописная библиотека», СПб., 1859, № 15, стр. 115.
- ²²⁶ P. Tchiatchef, Italie et Turquie, Paris, 1859. (В русском переводе все указанные в работе историко-политические брошюры и памфлеты Чихачева впервые были опубликованы в 1970 г. издательством «Наука» в сб. «Великие державы и восточный вопрос». Составитель, автор предисловия и примечаний — В. В. Цыбульский.)
- ²²⁷ P. Tchiatchef, Nouvelle phase de la Question d'Orient, Paris, 1860, стр. 7.
- ²²⁸ P. Tchiatchef, La «Turquie-Mirès», Paris, 1861.
- ²²⁹ [P. Tchiatcheff], La Paix de Paris, est-elle une paix solide, par un ancien diplomate, Bruxelles, 1856.
- ²³⁰ Там же, стр. 11.
- ²³¹ Нам не удалось найти названной брошюры, но эта работа помещена в «Revue Britanique» (1879, № 8, стр. 309—340).
- ²³² П. [А.] Чихачев, Великие державы и восточный вопрос, М., 1970, стр. 206.
- ²³³ Там же, стр. 204.
- ²³⁴ [P. Tchiatchef], Espagne, Algérie et Tunisie. Lettres à Michel Chevalier par P. Tchiatchef, Paris, 1880.
- ²³⁵ В. В. Цыбульский, П. А. Чихачев — выдающийся исследователь Алтая, Кемерово, 1959; его же, П. А. Чихачев — исследователь и путешественник, М., 1961; П. Чихачев, Великие державы и восточный вопрос.
- ²³⁶ А. Чехов, Авраам Сергеевич Норов, — «Исторический вестник», 1895, т. LXI.
- ²³⁷ А. [С.] Норов, Путешествие по святой земле в 1835 году, изд. 3, т. I—II, СПб., 1854.
- ²³⁸ В. Хитрово, Палестина и Синай, ч. 1, вып. I, СПб., 1867, стр. 46—47.
- ²³⁹ А. [С.] Норов, Путешествие по святой земле в 1835 году, стр. 101.
- ²⁴⁰ Там же, стр. 104.
- ²⁴¹ [А. С. Норов], Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг. Авраама Норова, ч. I и II, СПб., 1840.
- ²⁴² Там же, ч. I, стр. 353.
- ²⁴³ Там же, стр. 337.
- ²⁴⁴ Там же, стр. 355.
- ²⁴⁵ Там же, гл. XVIII—XXII.
- ²⁴⁶ А. [С.] Норов, Путешествие к семи церквям, изд. 2, СПб., 1854.
- ²⁴⁷ Там же, стр. 326.
- ²⁴⁸ А. С. Норов, Исследование об Атлантиде, — «Ученые записки второго отделения Академии наук», 1854, кн. 1; A. S. Noroff, Die Atlantis — nach griechischen und arabischen Quellen, St.-Pet., 1854.
- ²⁴⁹ Л. С. Берг, Очерки по истории русских географических открытий, изд. 2, М.—Л., 1949, стр. 316.
- ²⁵⁰ А. Н. Карножицкий, Атлантида, — «Научное обозрение», СПб., 1897, № 2, стр. 38—39.
- ²⁵¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 520—521.
- ²⁵² Там же, стр. 538.
- ²⁵³ Там же, стр. 543.
- ²⁵⁴ [А. С. Норов], Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А. С. Норова, СПб., 1878.
- ²⁵⁵ [Д. Е. Ефимов], Маяк современного просвещения и образованности, «Труды ученых и литераторов, русских и иностранных», ч. V, СПб., 1840.
- ²⁵⁶ Там же, стр. 11

- ²⁵⁷ Там же, стр. 17.
- ²⁵⁸ Там же, стр. 23.
- ²⁵⁹ Там же, стр. 11.
- ²⁶⁰ Я. С. Проскуряков, Заметки о Турции,—«Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», Тифлис, 1905, кн. XXV, вып. 1.
- ²⁶¹ Там же, стр. 38—39.
- ²⁶² Там же, стр. 42—43.
- ²⁶³ Там же, стр. 45—68.
- ²⁶⁴ Там же, стр. 58—59.
- ²⁶⁵ [А. Уманец], Поездка на Синай, с приобщением отрывков о Египте и святой земле А. Уманца, ч. I—II, СПб., 1850.
- ²⁶⁶ Там же, ч. II, стр. 188.
- ²⁶⁷ Там же, стр. 195.
- ²⁶⁸ [В. Диттель], Обзор трехгодичного путешествия по Востоку магистра Виллиама Диттеля,—ЖМНП, ч. VI, отд. IV, 1847; «Годичный акт в императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1847 г.», СПб., 1847,—«Вестник императорского Русского географического общества», 1851, ч. I, кн. I, отд. III, стр. 116.
- ²⁶⁹ [В. Диттель], Очерк путешествия по Востоку с 1842 по 1845 г.,—«Библиотека для чтения», 1849, май, т. 95.
- ²⁷⁰ Там же, стр. 198—199.
- ²⁷¹ Там же, стр. 207—208.
- ²⁷² К. Свенске, Обзорение главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848 год,—«Вестник императорского Русского географического общества», 1851, ч. I, кн. I, отд. III, стр. 116—117; В. В. Григорьев, Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, стр. 67—68.
- ²⁷³ П. П. Семенов, История полувековой деятельности императорского Русского географического общества, СПб., 1896, стр. 3.
- ²⁷⁴ «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», т. I, Л., 1925, стр. 175.
- ²⁷⁵ И. Березин, Очерки Востока. «Сцены на Ефрате»,—«Современник», 1848, т. XI, сентябрь.
- ²⁷⁶ [И. Березин], Извлечение из годичного отчета путешествующего по Востоку магистра Березина,—ЖМНП, 1845, ч. XLVI; [И. Березин], Обзор трехлетнего путешествия по Востоку магистра Казанского университета И. Березина,—ЖМНП, 1847, ч. LV; И. Березин, Сцены в пустыне. Между Басрой и Багдадом,—«Русский вестник», 1858, т. 13, кн. II, январь; его же, Сцены в пустыне. В каравансарае,—там же, 1859, т. 25, кн. II, февраль—март, 1859, т. 26, кн. I, март.
- ²⁷⁷ И. Березин, Очерки Востока. «Сцены на Ефрате»,—«Современник», 1848, т. XI, сентябрь; его же, Кербея,—«Магазин земледения и путешествий», 1858, т. V.
- ²⁷⁸ И. Березин, Мосуль,—«Библиотека для чтения», 1855, т. 133, октябрь; его же, Сцены в пустыне. В каравансарае,—«Русский вестник», 1859, т. 26, кн. I, март; его же, Мосульские христиане,—«Москвитянин», 1859, т. IV—V; его же, Езиды,—«Магазин земледения и путешествий», М., 1854, т. III.
- ²⁷⁹ И. Березин, Мосуль, стр. 171—172, 182—183.
- ²⁸⁰ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 620.
- ²⁸¹ И. Березин, Православная и другие христианские церкви в Турции,—«Библиотека для чтения», 1855, т. CXXXIII; его же, Современная Турция,—«Отечественные записки», 1856, январь—февраль; его же, Мусульманская религия в отношении к образованности,—«Отечественные записки», 1855, май—февраль; его же, Восточные реформаторы,—«Современник», 1857, № 10.
- ²⁸² D. Norwood, Church and Politics in the News East, London, 1969 (глава «The Russian Presence in Syria and Palestine 1843—1914»).

- ²⁸³ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики,— Избранные сочинения, т. IV, стр. 154.
- ²⁸⁴ [П. Успенский], Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского, т. I—IV, СПб., 1894—1896.
- ²⁸⁵ [П. Успенский], Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году архимандрита Порфирия Успенского, СПб., 1856.
- ²⁸⁶ Там же, стр. 245.
- ²⁸⁷ Там же, стр. 255.
- ²⁸⁸ [П. Успенский], Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 г. архимандрита Порфирия Успенского, СПб., 1856.
- ²⁸⁹ Там же, стр. 50.
- ²⁹⁰ [П. Успенский], Путешествие по Египту... в 1850 г....
- ²⁹¹ Н. В. Адлерберг, Из Рима в Иерусалим, СПб., 1853, стр. 75—76.
- ²⁹² «Современник», 1853, т. 39, отд. IV, стр. 45—52.
- ²⁹³ N. V. Adlerberg, *En Orient. Impressions et reminiscences*, vol. 1—2, St.-Pet., 1867.
- ²⁹⁴ Там же, т. 1, стр. 51—52.
- ²⁹⁵ [А. Рафалович], Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты А. Рафаловича, СПб., 1850.
- ²⁹⁶ И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, т. IV, стр. 119.
- ²⁹⁷ В. [В.] Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925, стр. 280.
- ²⁹⁸ «Журнал министерства внутренних дел», 1847, ч. 18, стр. 487—499.
- ²⁹⁹ Там же, ч. 19, стр. 486—487.
- ³⁰⁰ Там же, 1848, ч. 24, стр. 329—348.
- ³⁰¹ Там же.
- ³⁰² Там же, ч. 19, стр. 487—488.
- ³⁰³ Там же, стр. 488.
- ³⁰⁴ [А. Рафалович], Путешествие по Нижнему Египту..., стр. V.
- ³⁰⁵ Там же, стр. VI—VII.
- ³⁰⁶ «Журнал министерства внутренних дел», 1849, май, стр. 296—303.
- ³⁰⁷ ЖМНП, 1851, сентябрь, стр. 98—99.
- ³⁰⁸ П. П. Семенов, История полувековой деятельности императорского Русского географического общества, СПб., 1896, стр. 31; см. также: «Горный журнал», СПб., 1876, т. IV, ноябрь—декабрь.
- ³⁰⁹ [Э. И.] Эйхвальд, Орывки из путешествия в Алжир, СПб., 1847.
- ³¹⁰ Военные действия в Алжире привлекали внимание в России именно с этой стороны. Это видно, например, из книги полковника М. Н. Богдановича «Алжирия в новейшее время» (СПб., 1849).
- ³¹¹ «Путевые заметки по Сирии и Палестине» (неизвестного автора),— «Библиотека для чтения», 1850, т. 102, июль.
- ³¹² Там же, стр. 22—24.
- ³¹³ Там же, стр. 40.
- ³¹⁴ «Иван Константинович Айвазовский и его сорокадвухлетняя художественная деятельность»,— «Русская старина», 1878, сентябрь, стр. 57—58.
- ³¹⁵ Н. В. Гоголь, Сочинения и письма, т. VI, СПб., 1857, стр. 451—457.
- ³¹⁶ Там же, стр. 477—479.
- ³¹⁷ [П. А. Вяземский], Путешествие на Восток князя П. А. Вяземского (1849—1850), СПб., 1883.
- ³¹⁸ Б. А. Вальская, Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956.
- ³¹⁹ Б. А. Вальская, Академик К. М. Бэр о путешествиях Е. П. Ковалевского в Египет и Китай в 40-х годах XIX в.,— в кн.: «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959.
- ³²⁰ Там же, стр. 270.
- ³²¹ «Географические известия», 1849, вып. I, стр. 10.

- ³²² Там же, стр. 9—15.
- ³²³ Е. П. Ковалевский, Путешествие во внутреннюю Африку, ч. I—II, СПб., 1849.
- ³²⁴ Там же, ч. I, стр. 66.
- ³²⁵ Там же, стр. 75.
- ³²⁶ Там же, стр. 76—77.
- ³²⁷ Там же, стр. 80, 65.
- ³²⁸ Там же, стр. 66.
- ³²⁹ Там же, ч. II, стр. 86—94.
- ³³⁰ «Отечественные записки», 1849, т. 62, № 1, стр. 116—128.
- ³³¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 234.
- ³³² И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, т. IV, стр. 119.
- ³³³ Б. А. Вальская, Академик К. М. Бэр о путешествиях Е. П. Ковалевского в Египет и Китай в 40-х годах XIX в., стр. 267.
- ³³⁴ «Записки Новороссийского общества естествоиспытателей», т. XIII, вып. 1, Одесса, 1888.
- ³³⁵ П. П. Семенов, История полувековой деятельности императорского Русского географического общества, стр. 30.
- ³³⁶ «Географические известия», 1850, вып. 2; «Вестник императорского Русского географического общества», 1851, ч. III, отд. VII.
- ³³⁷ Келлек — плот, основанием которого служат наполненные воздухом бараны бурдюки.
- ³³⁸ [Е. И. Чириков], Чтение Е. И. Чирикова о работах русской комиссии для определения персидско-турецкой границы, — «Вестник императорского Русского географического общества», 1859, ч. 26, № 6, отд. V, стр. 17—23.
- ³³⁹ Комиссия представила Географическому обществу свыше 50 планов различных районов и городов.
- ³⁴⁰ [Е. И. Чириков], Путевой журнал Е. И. Чирикова, — «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», СПб., 1875, т. IX.
- ³⁴¹ «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», Тифлис, 1872—1873, кн. I, стр. 47.
- ³⁴² [Е. И. Чириков], Путевой журнал Е. И. Чирикова, стр. 23.
- ³⁴³ К. Н. Григорьян, Литературные опыты М. А. Гамазова, — в кн.: «Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX веков», М.—Л., 1959.
- ³⁴⁴ Хуршид Мехмед Эфенди, Сияхэт намэ-ихудуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе. С турецкого и персидского перевод и снабдил предисловием и примечаниями М. А. Гамазов, СПб., 1877.
- ³⁴⁵ «Русский архив», 1886, № 6, стр. 171—180; И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, стр. 112.
- ³⁴⁶ [И. Захаров], Путевые заметки русского художника И. Захарова, собранные во время путешествия по России, Турции, Греции, Италии и Германии, ч. 1—3, СПб., 1854.
- ³⁴⁷ Там же, стр. 20.
- ³⁴⁸ Л. С. Берг, Очерки по истории русских географических открытий, изд. 2, М.—Л., 1949.
- ³⁴⁹ «История полувековой деятельности императорского русского географического общества», т. III, СПб., 1896, стр. 1317—1319.
- ³⁵⁰ «Первые опыты военной статистики», кн. 1, СПб., 1847, стр. 54.
- ³⁵¹ [N. Kaulbars], Aperçu des travaux géographiques en Russie, St.-Pet., 1889, стр. 99—105; «Записки Гидрографического департамента», СПб., 1852, ч. XIII, стр. 211—215.
- ³⁵² М. Манганари, Съемка Мраморного моря 1845—48 года. — «Записки Гидрографического департамента», 1850, ч. VIII.

³⁵³ «Записки для чтения», учено-литературное приложение к «Биржевым ведомостям», СПб., 1866, апрель, стр. 324.

³⁵⁴ «Записки Гидрографического департамента», 1852, ч. XIII, стр. 217.

³⁵⁵ «Морской сборник», т. IV, 1850, № 11, стр. 445—447.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ЛИТЕРАТУРА О БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX в.

*Опубликовано в книге Б. М. Данцига «Ближний Восток
в русской науке и литературе» (ч. II, гл. V), М., 1973.*

Впервые материал опубликован в его книге

«Русские путешественники на Ближнем Востоке», М., 1965.

¹ «Ежегодник министерства иностранных дел», СПб., 1913, стр. 56—63.

² «Сборник консульских донесений», СПб., 1910, вып. I.

³ Кроме указанных выше книг он опубликовал сборник документов «Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв.» (1877), «Политическая переписка Екатерины II» (в ряде сборников Русского исторического общества — 1885—1895), курс «Международное право» (1911).

⁴ Об Ульяникове, Жигареве, Горяинове см.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III, М., 1963.

⁵ С. Жигарев, Русская политика в Восточном вопросе, ее история в XVII—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи, СПб., 1896, стр. 503.

⁶ Там же, стр. 526.

⁷ Там же, стр. 527—533.

⁸ Г. И. Бобринков, В Царьграде в 1878—79 г., — «Русская старина», СПб., 1913, март, стр. 490—491.

⁹ «Исторический вестник», 1914, январь, стр. 56.

¹⁰ «История дипломатии», изд. 2, т. II, М., 1963, стр. 125.

¹¹ «Исторический вестник», 1914, стр. 135—137.

¹² «Русская старина», 1914, март, стр. 157—159.

¹³ [Н. П. Игнатьев], После Сан-Стефано. Записки графа Н. П. Игнатьева, Пг., 1916.

¹⁴ A. I. Nelidof, Souvenirs d'avant et d'après la guerre de 1877—78, — «Revue des deux Mondes», 1915, 15 mai et 15 juillet.

¹⁵ «Историк-марксист», М., 1930, № 20.

¹⁶ Там же, № 13.

¹⁷ «Красный архив», М., 1931, т. 5 (46).

¹⁸ Там же, 1922, т. I.

¹⁹ И. А. Зиновьев, Россия, Англия и Персия, СПб., 1912.

²⁰ «Сборник консульских донесений», СПб., 1902, вып. V.

²¹ В. [В.] Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925, стр. 290.

²² «Раздел Азиатской Турции. Сборник документов», М., 1924.

²³ «Константинополь и проливы. Сборник документов», М., 1925—1926.

²⁴ «Международные отношения в эпоху империализма. Из архивов царского и временного правительств», М., 1931—1940.

²⁵ «Внешняя политика России XIX—начала XX веков», т. 1—7, М., 1960—1970.

²⁶ РОПИТ — Российское общество пароходства и торговли.

²⁷ В. К. Лисенко, Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров, СПб., 1913, стр. 339—340.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 337.

³⁰ Хользко Иосиф Иванович (1800—1881)— крупный военный геодезист. В 1831 г. производил съемки в Молдавии и Валахии, затем на Босфоре в отряде Н. Н. Муравьева. В 1834 г. составил военно-статистическое описание Молдавии, Валахии. С 1840 г. руководил на Кавказе геодезическими и топографическими работами. С его именем связана вся закавказская триангуляция.

³¹ См. Известия Геологического комитета, 1886, т. V, № 9—10.

³² «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», 1885, т. IX, Тифлис, стр. 206.

³³ Г. А. Бих, Геология Армянского нагорья. Западная часть. Орографическое и геологическое описание. Пер. с нем. Б. З. Коленко, Пятигорск, 1889, стр. 13.

³⁴ Там же.

³⁵ Н. Н. Муравьев, Война за Кавказом в 1855 г., т. I—II, СПб., 1877.

³⁶ [М. Д. Лихутин], Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда генерал-майора М. Лихутина, СПб., 1863.

³⁷ [А. Милюков], Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года, СПб., 1859.

³⁸ С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. III, СПб., 1892.

³⁹ Н. В. Берг, Поездка в Египет,— «Отечественные записки», СПб., 1862, ноябрь, стр. 326.

⁴⁰ «Русский вестник», СПб., 1867, № 9.

⁴¹ См.: «Современник», СПб., 1863, № 1, 2, 6, 10; 1864, № 7.

⁴² Судя по всему, один из чиновников российской миссии в Константинополе; возможно, советник посольства Новиков — единственный в эти годы русский дипломат в Турции, фамилия которого начиналась на букву «Н».

⁴³ «Русский вестник», 1867, № 5.

⁴⁴ Там же, № 7.

⁴⁵ Там же, стр. 283.

⁴⁶ В. В. Бартольд, Обзор деятельности факультета 1855—1905,— «Материалы для истории факультета восточных языков», т. IV, СПб., 1910.

⁴⁷ И. Ю. Крачковский, В. Ф. Гиргас. К сорокалетию со дня смерти,— «Записки коллегии востоковедов», т. III, вып. 1, Л., 1928, стр. 67.

⁴⁸ Там же, стр. 70.

⁴⁹ Там же, стр. 71—72.

⁵⁰ М. Н. Дохтуров, Поездка на Восток, СПб., 1863.

⁵¹ Там же, стр. 104.

⁵² Там же, стр. 139.

⁵³ Д. Смышляев, Из путевых заметок пермяка,— «Записки для чтения» (ежемесячное прибавление к «Биржевым ведомостям»), СПб., 1867, февраль — март; его же, На пути к Синаю, Пермь, 1876; его же, Синай и Палестина, Пермь, 1877.

⁵⁴ Д. Смышляев, Из путевых заметок пермяка, стр. 26.

⁵⁵ А. А. Дмитриевский, Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекающую четверть века (1882—1907), СПб., 1907.

⁵⁶ «Краткий обзор путешествия Г. И. Радде в Турецкую Армению в 1867 г. Составлено по рассказу самого путешественника»,— «Известия императорского Русского географического общества», 1868, т. IV, № 3, стр. 236—237.

⁵⁷ «Предварительный отчет о путешествии доктора Г. Радде по Кавказу летом 1867 г.»,— «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», 1873, кн. VIII, ч. I, Тифлис, стр. 459.

⁵⁸ Там же, ч. II, стр. 854.

⁵⁹ «Отчет императорского Русского географического общества за 1871 год», СПб., 1872, стр. 81.

- ⁶⁰ «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», 1881, т. V, вып. 3, стр. 207—232.
- ⁶¹ Г. И. Радде, 23 000 миль на яхте «Тамара», СПб., 1892.
- ⁶² Там же, стр. 52.
- ⁶³ [Я. Д. Малама], Описание Эрзерумского вилайета Я. Д. Маламы, СПб., 1874, стр. 107—112.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Г. Н. Казбек, Три месяца в Турецкой Грузии, — «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», кн. X, вып. 1, 1876; его же, Военно-статистический и стратегический очерк Лазистанского санджака, Тифлис, 1876.
- ⁶⁶ Г. Н. Казбек, Три месяца в Турецкой Грузии, стр. 32.
- ⁶⁷ Там же, стр. 70.
- ⁶⁸ А. М. Любарская, Русские путешественники и моряки на строительстве Суэцкого канала, — «Страны и народы Востока», вып. 1, М., 1959.
- ⁶⁹ Там же, стр. 149, 151.
- ⁷⁰ Там же, стр. 151.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² В. А. Сологуб, Новый Египет. Публичный отчет и путевые впечатления, СПб., 1871.
- ⁷³ Там же, стр. 106.
- ⁷⁴ К. Скальковский, Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии, Индии, СПб., 1873, стр. 33.
- ⁷⁵ Там же, стр. 109—112.
- ⁷⁶ «Империя Турецкая», — «Военно-статистический сборник», вып. II, СПб., 1868.
- ⁷⁷ «Известия императорского Русского географического общества», 1868, т. IV, № 2, стр. 213—214.
- ⁷⁸ «Русская старина», 1913, март, стр. 488—489; Г. И. Бобринков, В Сербии, СПб., 1891.
- ⁷⁹ «Предварительные работы по градусному измерению в Европейской Турции в 1867 и 1869 годах», — Записки Военно-топографического отдела Главного штаба, СПб., 1871, ч. XXXII, стр. 5—6.
- ⁸⁰ [М. И. Венюков], С дороги по Турции. Из писем путешественника (подпись: «В»), — «Военный сборник», 1874, № 8; его же, Несколько вопросов по физической географии Турции и соседних с ней морей, — «Известия императорского Русского географического общества», 1874, т. X, № 6; его же, Из воспоминаний, кн. II, Амстердам, 1896.
- ⁸¹ [М. И. Венюков], С дороги по Турции..., стр. 378.
- ⁸² Там же, стр. 382—383.
- ⁸³ Там же, стр. 384.
- ⁸⁴ См. «Известия императорского Русского географического общества», 1874, т. X, № 6.
- ⁸⁵ Д. А. Скалон, Путешествие по Востоку и святой земле, изд. 2, СПб., 1892; В. И. Сипягин, Путешествие Николая Павловича старшего по Турции, Сирии, Палестине и Египту в 1872 г., СПб., 1873.
- ⁸⁶ Там же, стр. 48.
- ⁸⁷ Там же, стр. 119.
- ⁸⁸ Д. А. Скалон, Путешествие по Востоку и святой земле, стр. 213.
- ⁸⁹ К. Скальковский, В стране ига и свободы. Путевые впечатления, СПб., 1878.
- ⁹⁰ Там же, стр. 82.
- ⁹¹ Там же, стр. 84.
- ⁹² «Русский инвалид», СПб., 1875, № 127, 134, 139, 141.
- ⁹³ А. Н. Куропаткин, Алжирия, СПб., 1877.
- ⁹⁴ Там же, стр. 14.
- ⁹⁵ Там же, стр. 34.
- ⁹⁶ Там же, стр. 48.
- ⁹⁷ В. Теплов, Адрианополи и Фракия в 1874 году. Из воспоминаний путешественника, — «Русский вестник», 1880, № 5—6, стр. 313.

⁹⁸ Там же, стр. 426.

⁹⁹ Там же, стр. 430—431.

¹⁰⁰ «Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое двадцатилетие. 1885—1880», СПб., 1880, стр. 74—75.

¹⁰¹ Там же, стр. 49—54.

¹⁰² П. П. Семенов, История полувековой деятельности императорского Русского географического общества, СПб., 1896, стр. 855.

¹⁰³ «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», 1879, т. VI, приложения.

¹⁰⁴ С. О. Макаров, Океанографические работы, М., 1950.

¹⁰⁵ Там же, стр. 7—8.

¹⁰⁶ «Медицинский сборник», издаваемый императорским Кавказским медицинским обществом, № 28, разд. IV, Тифлис, 1878.

¹⁰⁷ В. Лазарев, Никодим Павлович Кондаков, М., 1925.

¹⁰⁸ [Н. П. Кондаков], Путешествие на Синай в 1881 г. Из путевых впечатлений Н. Кондакова, Одесса, 1882.

¹⁰⁹ Там же, стр. 19.

¹¹⁰ Там же, стр. 36.

¹¹¹ Н. П. Кондаков, Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, СПб., 1904.

¹¹² Там же, стр. 47.

¹¹³ Там же, стр. 53.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ В. Лазарев, Никодим Павлович Кондаков, стр. 317.

¹¹⁶ И. И. Бабков, По Африке, М., 1949; М. П. Забродская, Русские путешественники по Африке, М., 1955.

¹¹⁷ В. В. Юнкер, Путешествия по Африке, М., 1949, стр. 63.

¹¹⁸ «Известия императорского Русского географического общества», 1887, т. XXIII, стр. 245.

¹¹⁹ Ю. Карцов, Семь лет на Ближнем Востоке, СПб., 1906.

¹²⁰ «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XIX, СПб., 1885.

¹²¹ В. Петкович, Ливан и Ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного ливанского генерал-губернаторства в историческом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях,— «Сборник исторических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XIX, СПб., 1883.

¹²² «История императорского Русского географического общества за 50 лет», ч. II, СПб., 1896.

¹²³ А. В. Елисеев, По белу свету. Очерки и картины из путешествия по трем частям Старого Света. Т. I—IV, СПб., 1893—1896.

¹²⁴ Там же, т. II, стр. 98.

¹²⁵ Там же, т. IV, стр. 235—236.

¹²⁶ Там же, стр. 239.

¹²⁷ Там же, стр. 266—267.

¹²⁸ Там же, стр. 2—3.

¹²⁹ Д. Н. Анучин, О людях русской науки и культуры, М., 1950, стр. 127.

¹³⁰ М. А. Бернов, Испания, Алжир, Сахара, М., 1889.

¹³¹ А. А. Цагарелли, Памятники грузинской старины в святой земле и на Синае,— «Православный палестинский сборник», т. IV, вып. 1, СПб., 1888.

¹³² Там же, стр. 10.

¹³³ Е. Л. Марков сотрудничал в журналах «Русский вестник», «Отечественные записки», «Вестник Европы» и др. Известен и как критик (один из первых по достоинству оценил гениальное произведение Л. Н. Толстого «Казак»).

¹³⁴ Е. Марков, Очерки Палестины,— «Русский вестник», 1888, август — сентябрь.

- ¹³⁵ Е. Марков, Путешествие на Восток, СПб., 1890, стр. 175.
- ¹³⁶ Там же, стр. 206—207.
- ¹³⁷ Е. Марков, Путешествие по Святой земле, СПб., 1891.
- ¹³⁸ «Вестник Европы», СПб., 1881, № 12; 1882, № 2.
- ¹³⁹ С. Абама-лек-Лазарев, Пальмира. Археологическое исследование, СПб., 1881.
- ¹⁴⁰ А. Коптев, Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 году, СПб., 1888, стр. 47.
- ¹⁴¹ А. И. Гиппиус, Отчет о поездке 1889 г. Сборник маршрутов, пройденных в совместной поездке Д. Д. Геденовым и А. И. Гиппиусом по пути астрономических рейсов в Турецкой Армении, Курдистане и Сирии, Тифлис, 1892.
- ¹⁴² Там же, стр. 1.
- ¹⁴³ [А. М. Колюбакин], Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части Азиатской Турции, Тифлис, 1888.
- ¹⁴⁴ Там же, стр. 5.
- ¹⁴⁵ А. М. Колюбакин, Материалы для военно-статистического обозрения Малой Азии, т. III, ч. 1, отд. 2, Тифлис, 1891, стр. 385.
- ¹⁴⁶ Дедлов (В. Л. Кигн), Приключения и впечатления, СПб., 1887.
- ¹⁴⁷ См.: «Русская литература XX века, 1890—1910», под ред. С. А. Венгера, кн. 6, [б. м., б. г.].
- ¹⁴⁸ Дедлов (В. Л. Кигн), Приключения и впечатления стр. 274.
- ¹⁴⁹ Там же, стр. 388.
- ¹⁵⁰ Там же, стр. 267.
- ¹⁵¹ Д. В. Путята, Записка о Малой Азии,— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. LXVI, СПб., 1896.
- ¹⁵² К. Н. Смирнов, Поездка в Северный Курдистан в 1904 г.,— «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», Тифлис, 1904, т. XVII, № 4.
- ¹⁵³ См. «Землеведение», 1916, кн. I—II.
- ¹⁵⁴ Там же, стр. 91.
- ¹⁵⁵ Ш. Ишаев, Мекка, священный город мусульман. Рассказ паломника,— «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, ноябрь—декабрь, стр. 55—56.
- ¹⁵⁶ Там же, стр. 47.
- ¹⁵⁷ [E. Nolde], Reise nach Innerarabien, Kurdistan und Armenien von Baron Eduard Nolde. 1892, Braunschweig, 1895.
- ¹⁵⁸ [А. Г. А. Давлетшин], Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз, СПб., 1899, стр. 11—12.
- ¹⁵⁹ Там же, стр. 42.
- ¹⁶⁰ Там же, стр. 45—47.
- ¹⁶¹ «Сборник консульских донесений», 1906, вып. I, стр. 4—5.
- ¹⁶² А. М. Беркенгейм, Современное экономическое положение Сирии и Палестины, М., 1897, стр. 4.
- ¹⁶³ Там же, стр. 6.
- ¹⁶⁴ Г. А. де Воллан, По белу свету, СПб., 1894, стр. 81.
- ¹⁶⁵ В. И. Немирович-Данченко, Под африканским небом, СПб., 1896, стр. 26.
- ¹⁶⁶ И. Н. Клингген, Среди патриархов земледелия. Народы Ближнего и Дальнего Востока, ч. I, СПб., 1898.
- ¹⁶⁷ Там же, стр. 364—438.
- ¹⁶⁸ Там же, стр. 403—404.
- ¹⁶⁹ Там же, стр. 410.
- ¹⁷⁰ Там же, стр. 420.
- ¹⁷¹ Там же, стр. 411.
- ¹⁷² А. Н. Краснов, Из колыбели цивилизации. Письма из кругосветного путешествия, СПб., 1898.
- ¹⁷³ Там же, стр. 21—22.
- ¹⁷⁴ Там же, стр. 32.

- ¹⁷⁵ Там же, стр. 63.
¹⁷⁶ Там же, стр. 67.
¹⁷⁷ О. А. Щербатова, *Верхом на родину бедуинов в поисках за кровными арабскими лошадьми* (2600 верст по аравийским пустыням в 1888 и 1900 гг.), СПб., 1903.
¹⁷⁸ Б. Шелковников, *Войска и район VI Турецкого корпусного округа* (Багдадский, Мосульский и Бассорский вилайеты). Отчет о поездке в Месопотамию в 1902—1903 гг., т. I, ч. I и III, Тифлис, 1904.
¹⁷⁹ Там же, ч. III, стр. 4.
¹⁸⁰ «Русский вестник», 1899, октябрь, стр. 793.
¹⁸¹ Там же, стр. 797.
¹⁸² Там же, стр. 800.
¹⁸³ Там же, стр. 801.
¹⁸⁴ П. [А.] Томилов, *Отчет о поездке по Азиатской Турции*, ч. I, СПб., 1907, стр. 6.
¹⁸⁵ Там же, стр. 416.
¹⁸⁶ Путник (Н. Лендер), *Константинополь, Афон, Македония и уголки России. Очерки и картины*, СПб., 1905.
¹⁸⁷ Там же, стр. III—IV.
¹⁸⁸ Там же, стр. 19.
¹⁸⁹ Там же, стр. 61.
¹⁹⁰ И. И. Голобородько (И. Южанин), *Старая и новая Турция*, М., 1908, стр. 4.
¹⁹¹ Там же.
¹⁹² Там же, стр. 221.
¹⁹³ «Турецкий сборник. К событиям на Ближнем Востоке», под ред. И. М. Бикермана, СПб., 1909, стр. 190.
¹⁹⁴ «Исторический вестник», 1914, декабрь, стр. 808.
¹⁹⁵ Перу А. Е. Кауфмана принадлежит книга о Турции «Коронованный узник. Из тайн Ильдиз Кноска» (СПб., 1910).
¹⁹⁶ «Исторический вестник», 1914, декабрь, стр. 224.
¹⁹⁷ «Современный мир», 1909, май, стр. 104—117.
¹⁹⁸ С. Елпатьевский, *Египет*, — «Русское богатство», 1909, № 10, стр. 309—342.
¹⁹⁹ П. Н. Милюков, *Балканский кризис и политика Извольского*, СПб., 1910, стр. 227.
²⁰⁰ Там же, стр. 379—394.
²⁰¹ «Вестник Европы», 1909, июнь, стр. 351.
²⁰² Там же, 1909, октябрь, стр. 795.
²⁰³ Там же, стр. 329.
²⁰⁴ «Русская мысль», 1910, № 12, стр. 61.
²⁰⁵ Там же, стр. 182.
²⁰⁶ Там же, стр. 407.
²⁰⁷ «Вестник Европы», стр. 409.
²⁰⁸ Там же, стр. 411.
²⁰⁹ А. Тыркова, *Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе*, Пг., 1916.
²¹⁰ Там же, стр. 127.
²¹¹ «Современник», 1912, апрель, стр. 247—248.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

Опубликовано в книге Б. М. Данцига «Ближний Восток в русской науке и литературе» (ч. II, гл. VII), М., «Наука», 1973.

- ¹ П. М. Погодин, *Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны*, М., 1874, стр. 16.
² Там же, стр. 141—142.

- ³ В дальнейшем эту программу развивал и его брат К. А. Аксаков.
- ⁴ И. С. Аксаков, Сочинения, т. I, М., 1886, стр. 249.
- ⁵ «Очерки истории исторической науки», т. II, М., 1960, стр. 99.
- ⁶ Там же.
- ⁷ В. Л. Соловьев, К. Н. Леонтьев, — «Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон», [кн.]. 34, (т. XVII), СПб., 1898.
- ⁸ А. Александров, К. Н. Леонтьев, — «Русский вестник», 1892, апрель, стр. 260.
- ⁹ И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений. Письма, т. II (1851—1856), М., 1961.
- ¹⁰ «Литературное наследство», т. 73, кн. 1, Из Парижского архива И. С. Тургенева, М., 1964, стр. 300.
- ¹¹ Ф. М. Достоевский, Дневник писателя за 1877 г., Берлин, 1922, стр. 96, 100—101.
- ¹² Там же, стр. 101.
- ¹³ Ф. М. Достоевский, Дневник писателя за 1873 и 1876 гг., М.—Л., 1929, стр. 102.
- ¹⁴ А. [И.] Шифман, Лев Толстой и Восток, М., 1960; его же, Лев Толстой о колониальном разбое, — «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», 1952, т. XI, вып. 6; [P. Birukoff], Tolstoi und der Orient, Zürich — Leipzig, 1925.
- ¹⁵ В. И. Ленин, Аграрный вопрос и «критики Маркса», — Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 148.
- ¹⁶ В. И. Ленин, Лев Толстой, как зеркало русской революции, — там же, т. 8, стр. 208.
- ¹⁷ Н. П. Загоскин, Граф Л. Н. Толстой в его студенческие годы, — «Исторический вестник», 1894, № 1, стр. 25.
- ¹⁸ М. С. Михайлов, Л. Н. Толстой и языки тюркской семьи, — в кн.: «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953.
- ¹⁹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений в 90 т., т. 69, стр. 71. стр. 71.
- ²⁰ Там же, стр. 72.
- ²¹ О. С. Лебедева опубликовала в 1895 г. на турецком языке брошюру «Русская литература», в которой сообщила сведения о Л. Н. Толстом (М. С. Михайлов, Русские классики второй половины XIX века и советские писатели в Турции. Автореф. докт. дисс. М., 1951, стр. 1).
- ²² А. Шифман, Лев Толстой и Восток, стр. 463.
- ²³ Там же, стр. 407.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же, стр. 416—418.
- ²⁶ В. А. Гордлевский, Толстой в Турции, — «Известия Общества Толстовского музея», 1911, № 3—5; М. С. Михайлов, Л. Н. Толстой и языки тюркской семьи; А. Шифман, Лев Толстой и Восток.
- ²⁷ А. Шифман, Лев Толстой и Восток, стр. 430.
- ²⁸ Там же, стр. 436.
- ²⁹ И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. III, М.—Л., 1956, стр. 267.
- ³⁰ С. Елпатьевский, Египет, — «Русское богатство», 1909, № 10, стр. 212.
- ³¹ П. Д. Драганов, Граф Л. Н. Толстой как писатель всемирный, СПб., 1909, стр. 11; А. А. Дмитриевский, Русская литература в арабских переводах, Пг., 1915; А. Шифман, Лев Толстой и Восток, стр. 446—465.
- ³² «Арабские писатели о русской и советской литературе», — «Современный Восток», 1958, № 2, стр. 65—66.
- ³³ И. А. Бунин, Полное собрание сочинений, т. VI, Пг., 1915, стр. 329—330.
- ³⁴ А. [К.] Бабореко, И. А. Бунин. Материалы для биографии, М., 1967, стр. 107.
- ³⁵ Там же, стр. 107—108.

- ³⁶ Там же, стр. 146.
- ³⁷ Там же, стр. 152.
- ³⁸ И. А. Бунин, Собрание сочинений в 9-ти т., т. IX, М., 1967, стр. 268.
- ³⁹ А. [К.] Бабореко, И. А. Бунин. Материалы для биографии, стр. 167.
- ⁴⁰ А. С. Мясников, О. Н. Михайлов, А. [К.] Бабореко, В. М. Смирин, Примечания к книге: И. А. Бунин. Собрание сочинений в 9-ти т., т. 3, 1965, стр. 483.
- ⁴¹ Там же, стр. 450.
- ⁴² Там же, стр. 462—463.
- ⁴³ Там же, стр. 485.
- ⁴⁴ И. А. Бунин, Собрание сочинений в 9-ти т., т. V, М., 1966, стр. 31—32.
- ⁴⁵ Там же, стр. 482.
- ⁴⁶ И. А. Бунин, Полное собрание сочинений, т. VI, Пг., 1915, стр. 129—131.
- ⁴⁷ П. И. Тартаковский, Поэзия Бунина и Арабский Восток,— «Народы Азии и Африки», 1971, № 1, стр. 106.
- ⁴⁸ В. И. Ленин писал о нем в 1914 г.:
«...„трудолик“ или „народный социалист“,— а ежели говорить по правде, то радикальный буржуа или буржуазный демократ — г. С. Елпатьевский.
...Г-н С. Елпатьевский — внимательный наблюдатель русской обывательской жизни, настроениям которой он „чутко“ поддается.
Он может быть назван одним из самых передовых русских ликвидаторов...» (В. И. Ленин, Радикальный буржуа о русских рабочих,— Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 9).
- ⁴⁹ С. [Я.] Елпатьевский, За границей, СПб., 1910, стр. 337.
- ⁵⁰ Там же, стр. 328.
- ⁵¹ Там же, стр. 338.
- ⁵² Там же, стр. 339.
- ⁵³ А. Ф. Миллер, 50-летие младотурецкой революции, М., 1958, стр. 42.
- ⁵⁴ С. Елпатьевский, Египет,— «Русское богатство», 1909, № 10, стр. 44.
- ⁵⁵ Там же, стр. 48.
- ⁵⁶ Там же, стр. 50.
- ⁵⁷ Там же, стр. 73.
- ⁵⁸ С. [С.] Кондурушкин, Сирийские рассказы, СПб., 1908, стр. 213—214.
- ⁵⁹ «Современный мир», 1908, июнь.
- ⁶⁰ А. Г. Щербатов, С. А. Строганов, Книга об арабской лошади, СПб., 1900.
- ⁶¹ В. К. Недзвецкий, У колыбели религии и цивилизации, М., 1900.
- ⁶² Ю. П. Ювачев, Паломничество в Палестину,— «Исторический вестник», 1902, октябрь — декабрь.
- ⁶³ К. К. Городинский, Из путешествий по Турции,— «Вокруг света», 1907, № 5, 9.
- ⁶⁴ Сведения о поездке С. И. Сыромятникова мне любезно сообщил Г. Л. Бондаревский — по неопубликованным архивным материалам о русской политике в Персидском заливе (см. также: Г. Л. Бондаревский, Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива, М., 1968).
- ⁶⁵ Н. [В.] Брянчанинов, Скитания, М., 1908.
- ⁶⁶ А. И. Дмитриев, Из поездки в Северную Африку, Пг., 1917, стр. 46.
- ⁶⁷ В. Дорошевич, В земле обетованной (Палестина), М., 1900, стр. 5—6.
- ⁶⁸ Там же, стр. 42.
- ⁶⁹ Там же, стр. 44.

ВОСТОКОВЕДЫ РОССИИ
НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССАХ ОРИЕНТАЛИСТОВ
(1873—1912)

Последняя прижизненная статья.

Опубликована в журнале «Народы Азии и Африки», 1973, № 3.

¹ Сводные справочные данные см.: «Советская историческая энциклопедия», т. 3, стлб. 734—736.

² См.: «Congrès international des orientalistes. Compte rendu de la 1e session. Paris», 1873, t. 1—3, Paris, 1874—1876.

³ «Suneiforme armeniaque et inscription de Van». Доклад впоследствии печатался в «Журнале министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП) за 1874, 1875, 1881, 1883 гг. и вышел отдельным изданием: К. П. Патканов, Ванские клинообразные надписи, их значение для истории Передней Азии, СПб., 1881.

⁴ См.: «Transaction of the 2nd Session of the International Congress of Orientalists», London, 1876.

⁵ См.: «Труды 3-го Международного съезда ориенталистов» (далее — «Труды...»), т. 1—2, Санкт-Петербург — Лейден, 1879—1880.

⁶ «Труды...», т. 1, стр. XLIX.

⁷ «Труды...», т. 1, стр. LXVI—LXVII.

⁸ Доклад А. Я. Гаркави опубликован под названием «Sur un Passage des „Prairies d'or" de Macuorda concernant l'histoire ancienne des Slaves» («Труды...», т. 2).

⁹ Доклад опубликован под названием «Quelques remarques et une proposition au sujet de la première expédition russe au Japon» («Труды...», т. 2).

¹⁰ О А. В. Рачинском (1826—1877) см.: «Русский биографический словарь», т. «Притвиц — Рейс», СПб., 1910, стр. 517—518.

¹¹ Подробное изложение этого сообщения напечатано под названием «Über eine Parsenhandschrift».

¹² «Труды...», т. 1, стр. LXXVIII.

¹³ Доклад под названием «Einige Nachrichten der alten griechischen und römischen Schriftsteller über die Skythen, Sarmaten, Kimmerier, Perser und andere Völker» (см.: «Труды...», т. 2, стр. 373—378).

¹⁴ См.: «Труды...», т. 2, стр. 365—370.

¹⁵ ЖМНП, 1876, т. 2, стр. 365—370.

¹⁶ См.: «Atti del IV congresso internazionale degli orientalistitenuto in Firenze nel settembre 1878», vol. 1—2, Firenze, 1880—1881.

¹⁷ ЖМНП, 1879, № 1, разд. «Современная летопись», стр. 1—13.

¹⁸ Там же, стр. 3.

¹⁹ См.: «Verhandlungen des 5. internationalen Orientalisten-Congresses», Bd 1—2, Berlin, 1881—1882.

²⁰ См.: «Actes du 6e congrès international des orientalistes», pt. 1—4, Leiden, 1884—1885; см. также рец. В. Р. Розена на труды конгресса («Записки Восточного отдела Русского археологического общества», далее — ЗВОРАО), т. I, 1887, стр. 16, 325).

²¹ См.: «Verhandlungen des 7. internationalen Orientalisten-Congresses», Bd 1—4, Wien, 1888—1889.

²² См.: ЖМНП, 1887, № 1, разд. «Современная летопись», стр. 1—30.

²³ См.: «Actes du 8e congrès international des orientalistes», pt. 1—4, Leiden, 1891—1893.

²⁴ См.: «Transaction of the 9th International Congress of Orientalists», vol. 1—2, London, 1893.

²⁵ См.: «Actes du 10e congrès international des orientalistes», pt. 1—4, Leiden, 1895—1897.

²⁶ См.: «Actes du 11e congrès international des orientalistes», vol. 1—2, Paris, 1898—1899.

²⁷ ЖМНП, 1897, № 12, разд. «Современная летопись».

²⁸ ЖМНП, 1897, № 11, разд. «Современная летопись».

²⁹ «Actes du 12e congrès international des orientalistes», t. 1—3, Florence, 1901—1902.

³⁰ ЗВРАО, т. 12, 1899, стр. 068—075.

³¹ Архив внешней политики России (АВПР), д. 5565, л. 20—22.

³² См.: «Verhandlungen des 13. internationalen Orientalisten-Congresses», Leiden, 1904.

³³ См.: С. Ф. Ольденбург, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии,—ЖМНП, 1903, № 9, разд. «Современная летопись», стр. 44—47.

³⁴ ЖМНП, 1904, № 11, разд. «Современная летопись».

³⁵ См.: «Actes du 14e congrès international des orientalistes», pt. 1—4, Paris, 1906—1908.

³⁶ ЖМНП, 1905, № 12, разд. «Современная летопись», стр. 88.

³⁷ См.: АВПР, д. 5567, л. 23, 45, 122, 129.

³⁸ См.: «Actes du 15e congrès international des orientalistes», Copenhague, 1908.

³⁹ АВПР, д. 95569, л. 168—169; см. также: Е. Я. Люстерник, Русский востоковед А. Е. Снесарев на XV Международном конгрессе ориенталистов,—«Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки», Л., 1968, стр. 96—99.

⁴⁰ «Россия», 18(31).V.1907.

⁴¹ См.: «Actes du 16e congrès international des orientalistes», Athènes, 1912.

⁴² АВПР, д. 5570, л. 66.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Б. М. ДАНЦИГА

1923

Роль Баку в торговле с Персией, — «Торговля России с Востоком», № 1, стр. 26—29.

Центросоюз в Турции, — «Советская торговля», № 2, стр. 22—30.

Центросоюз в Турции, — «Торговля России с Востоком», № 2, стр. 22—24.

1924

Заграничная работа в Центросоюзе, — «Союз потребителей», № 6, стр. 89—91.

Итоги импортной работы Центросоюза за 1922—23 г., — «Союз потребителей», № 1—2, стр. 54—56.

Нью-йоркская контора Центросоюза, — «Союз потребителей», № 5, стр. 62. (Подпись: Б. Д-г).

Экспортно-импортная работа Центросоюза, — «Союз потребителей», № 5, стр. 61—62.

1925

Внешняя торговля Египта в 1924 году, — «Бюллетень мирового хозяйства», 15 сентября, № 219, 6 стр.

Внешняя торговля Персии в 1923—24 г. (с 21 марта 1923 г. по 20 марта 1924 г.), — «Бюллетень мирового хозяйства», 22 июня, № 153, 8 стр.

Внешняя торговля Турции в 1923 году и первой половине 1924 г., — «Бюллетень мирового хозяйства», 8 июля, № 170, 5 стр.

Железнодорожное строительство в Турции, — «Бюллетень мирового хозяйства», 17 апреля, № 125, 4 стр.

К роли Бакинской ярмарки в торговле с Персией, — «Торговля России с Востоком», № 5—7, стр. 8—11.

Месопотамская нефть и концессия Тюркиш петролеум, — «Бюллетень мирового хозяйства», 31 августа, № 208, 3 стр.

Перспективы торговых отношений СССР с Турцией, — «Новый Восток», № 10—11, стр. 152—160.

Производительные силы Турции, — «Бюллетень мирового хозяйства», 30 сентября, № 225, 8 стр.

1926

Внешнеторговый оборот Египта и роль в нем отдельных стран, — «Социалистическое хозяйство», кн. 5, стр. 173—180.

Внешняя торговля Персии в 1924/25 г., — «Бюллетень мирового хозяйства», 15 июля, № 12—13, разд. V, № 305, 7 стр.

Внешняя торговля Турции в 1924 г. и первой половине 1925 г., — «Бюллетень мирового хозяйства», 15 июня, № 10—11, разд. V, № 301, 5 стр.

Египет (Миср), — «Бюллетень мирового хозяйства», 15 января, № 255, 9 стр.

Пути экономического развития Турции, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 12, стр. 107—121.

Современное экономическое положение Египта, — «Новый Восток», № 12, стр. 68—88.

Финансово-налоговое законодательство и бюджет современной Турции, — «Новый Восток», № 15, стр. 142—152.

1927

Советско-турецкий торговый договор и перспективы торговых отношений, — «Социалистическое хозяйство», кн. IV, стр. 182—188.

СССР и восточные страны, — «Вопросы торговли», № 2—3, стр. 218—224.

Финансы Персии, — «Новый Восток», № 18, стр. 120—143.

1928

Внешняя торговля Персии в 1925—26 г., — «Новый Восток», № 20—21, стр. 189—200.

VII Нижегородская ярмарка и Восток, — «Советская торговля», № 39, стр. 4—6.

Торговля с Востоком, — «Советская торговля», № 45—46, стр. 25—27.

Финансы и бюджет Турции, — «Торговля СССР с Востоком», № 9—12, стр. 59—64.

Финансы Турции, — «Новый Восток», № 23—24, стр. 139—154.

1929

Дорожное строительство Персии, — «Экономический вестник Азербайджана», Баку, № 8, стр. 56.

Иностранный капитал в Турции, — «Новый Восток», № 26—27, стр. 326—339.

Итоги торговли СССР со странами Востока за 1928/29 год, — «Торговля СССР с Востоком», № 11—12, стлб. 13—22.

Перспективы торговли с Востоком в связи с контрольными цифрами на 1929/30 г., — «Советская торговля», № 28, стр. 18—19.

7-я Бакинская ярмарка и торговля с Персией, — «Советская торговля», № 22, стр. 11—12.

Товaroоборот с Персией в 1-м полугодии 1928/29 г., — «Советская торговля», № 32, стр. 8—9.

Торговля с Востоком, — «Советская торговля», № 30, стр. 13—14.

Экономика современной Турции, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 5, стр. 87—105.

Экономическое положение французского Индокитае, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 11—12, стр. 147—159.

1930

Алжір, — «Східний світ», [Харків], № 4, стр. 45—66.

В редакцию журнала «Революционный Восток», — «Революционный Восток», № 9—10, стр. 361—362.

Внешняя торговля Турции, — «Торговля СССР с Востоком», № 5—8, стлб. 11—24.

К столетию захвата Алжира, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 6, стр. 89—97.

Национально-освободительное движение в Индокитае, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 3, стр. 51—61.

О формах торговой работы со странами Востока, — «Торговля СССР с Востоком», № 3—4, стр. 13—15.

Очерки по экономической географии Турции, М., изд. МИВ, VI, 137 стр.
Повстання в Індостані та його передумови, — «Східний світ», [Харків], № 12, стр. 39—53.

Пути сообщения французского Индокитае, — «Новый Восток», № 29, стр. 182—194.

Торговля с Востоком, — «Советская торговля», № 2, стр. 20—21.

Экономика современной Турции, — в кн.: «Энциклопедический словарь русского Библиографического общества Гранат», т. 41, ч. X, М., стр. 214—217.

Экономическое положение Алжира, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 11—12, стр. 122—135.

1931

Валютный кризис в Турции и иностранный капитал, — «Торговля СССР с Востоком», № 1—2, стлб. 11—20.

Индокитай, М. — Л., Соцэкиз, 116 стр. (На титуле: Данциг А.)

Рец.: Васильева В. Я., — «Большевик», 1932, № 7, стр. 93—95.

Криза в Єгипті, — «Червоний схід», [Харків], № 1—2, стр. 41—57.

Кризис в Египте, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 4, стр. 88—102.

Кризис в Турции, — «Вопросы внешней торговли», № 1, стр. 116—125.

Революционное движение в Индокитае. (Обзор событий), — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 1, стр. 81—87.

Турецкие банки, — «Торговля СССР с Востоком», № 3—4, стлб. 19—28.

Турция в кризисе, — «Бюллетень прессы Среднего Востока», Ташкент, № 12, стр. 7—29. (Подпись: Б. Д.)

1932

Промышленность в Персии, — «Ежегодник Всесоюзной торговой палаты», № 7, стр. 24—29. (Подпись: Д. Б.)

1934

Мировой хлопковый рынок, — «За реконструкцию текстильной промышленности», № 12, стр. 22—25.

1935

Мировая торговля тканями и участие в ней СССР, — «За реконструкцию текстильной промышленности», № 7, стр. 10—14.

Мировая хлопчатобумажная промышленность в 1934 г. Япония, — «Конъюнктура мирового хозяйства», № 2, стр. 25—26.

Японская хлопчатобумажная промышленность, — «За реконструкцию текстильной промышленности», № 4, стр. 3—10.

1936

Мировая хлопчатобумажная промышленность в 1935 г., — «Легкая промышленность», № 6, стр. 54—68.

Мировая шелковая промышленность и рынок в 1935 г., — «Шелк», № 4, стр. 70—79.

Современное положение хлопководства в капиталистическом мире, — «Легкая промышленность», № 9, стр. 90—50.

1937

Внешнеторговая экспансия Германии в страны Ближнего Востока, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 4, стр. 94—107.

Трансиндокитайская железная дорога, — «Социалистический транспорт», № 3, стр. 85—92.

Турция. (Конспект). М., 83 стр. (Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе. Литогр. изд.)

Фашистская Германия и Марокко, — «Мировое хозяйство и мировая экономика», № 12, стр. 111—120.

1938

Турция. Учебное пособие, М., 169 стр. (Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе.)

1940

Государственный строй и политические деятели Турции, М., 4 стр. (Отдел пропаганды и агитации Политуправления Красной Армии.)

Ирак, М., 99 стр. (Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе.)

Сирия, М., 77 стр. (Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе.)

Турция, М., Воениздат, 158 стр.

Турция, — «Пограничник», № 9—10, стр. 70—82.

Экономические ресурсы СССР, М., 205 стр. (Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе.)

Экономическое положение Турции, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 10, стр. 84—90.

1941

Румыния. Исторический очерк, — в кн.: «Большая советская энциклопедия», (изд. 1), т. 49, М., «Сов. энциклопедия», стлб. 559—570.

Сырьевые и продовольственные ресурсы стран Ближнего Востока, — «Интендантский журнал», № 5, стр. 8—13.

Финансы, кредит и денежное обращение Турции, — «Деньги и кредит», № 5—6, стр. 16—24.

Рецензия на: А. Шпирт. Минеральное сырье и война, М., Политиздат, 1941, 277 стр., — «Интендантский журнал», № 4, стр. 92—94.

1943

Экономическое положение Турции, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 7, стр. 55—64.

1944

Торгово-экономические отношения Турции в обстановке войны, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 5, стр. 63—68.

1945

Аграрная реформа в Турции, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 12, стр. 60—68.

1946

Болгария. Исторический очерк, — в кн.: «Балканские страны», отв. ред. Ф. Н. Петров, М., «Сов. энциклопедия», стр. 334—354.

Внутриполитическое положение Турции, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 4—5, стр. 60—70.

Румыния. Исторический очерк, — в кн.: «Балканские страны», отв. ред. Ф. Н. Петров, М., «Сов. энциклопедия», стр. 232—265.

Рецензия на: «Документы министерства иностранных дел Германии, вып. II. Германская политика в Турции (1941—1943 гг.)», М., Госполитиздат, 1946, — «Славяне», № 10, стр. 43—44.

Рецензия на: Ernst Jackh. The Rising Crescent. Turkey yesterday, today and to-morrow, New York—Toronto, 1944, X+278 p.

Эрнст Якк. Восходящий полумесяц. Турция вчера, сегодня, завтра, Нью-Йорк—Торонто, 1944, X+278 стр., — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 1—2, стр. 124—125.

1947

Внешнеторговый и валютный режим Ирана, — «Внешняя торговля», № 9, стр. 9—12. (Подпись: Д. Б.)

США на Ближнем и Среднем Востоке, — «Мировое хозяйство и мировая политика», № 2, стр. 65—75.

1948

Туркийэ буржуа-мулкэдар гурулушунун алында, — «Ингилаб ве мэдэнийэт», Баку, № 7, стр. 104—126. (Подпись: Б. Дансиг).

Финансы Турции, — «Советские финансы», № 6, стр. 35—41.

1949

Турция, М., Воениздат, 312 стр.

Рец.: Артуров О., — «Пограничник», 1949, № 15, стр. 74—78; Бочкарев П., — «Военная мысль», 1950, № 1, стр. 71—77; Цыбульский В., — «Вопросы экономики», 1950, № 5, стр. 102—106.

Рецензия на: А. Ф. Миллер. Очерки новейшей истории Турции, М., АН СССР, 1948, 280 стр.; Краткая история Турции. М., 1948, 304 стр., — «Советская книга», кн. 2, стр. 64—69.

1951

Финансовое закабаление Египта английским империализмом. К аннулированию англо-египетского договора 1936 г., — «Советские финансы», № 12, стр. 38—45.

1953

Из истории изучения Ближнего Востока в России в XII—XVII вв., — «Труды Московского института востоковедения», вып. 7, М., МИВ, стр. 101—119.

Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси, — в кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», М., АН СССР, стр. 185—231.

Ирак, — в кн.: «Большая советская энциклопедия», изд. 2, т. 18, М., «Сов. энциклопедия», стр. 383—393.

1955

Ирак. Краткий географический очерк. (Под ред. И. М. Рейснера), М., Географиз, 134 стр.

Обострение греко-турецких отношений, — «Международная жизнь», № 10, стр. 115—117. (Без подписи.)

Турецкая Республика. М., 61 стр. Литограф. изд. (Всесоюзн. об-во по распространению полит. и научных знаний.)

Турецко-иракский договор, — «Международная жизнь», № 4, стр. 116—117. (Без подписи.)

Тяжелое экономическое положение в Турции, — в кн.: «Ответы на вопросы о современных международных отношениях», вып. 3, М., стр. 10—14.

Экономическое положение Турции, — «Советское востоковедение», № 5, стр. 80—95.

1956

И. Н. Березин — путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку, — «Краткие сообщения Института востоковедения», XXII, стр. 92—100. (В соавторстве с Н. А. Кузнецовой.)

Из истории изучения Ближнего Востока в России в первой четверти XVIII в., — в кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, М., АН СССР, стр. 381—414.

Ирак, — в кн.: «Саудовская Аравия, Аден, Йемен, Катар, Кувейт, Ирак, Договорный Оман», М., Географгиз, стр. 13—21.

Турецкая Республика, М., «Знание», 39 стр.

Экономика Турции. Учебное пособие, ред. П. П. Моисеев, М., 273 стр. Литограф. изд.

1957

Арабы Ирака, — в кн.: «Народы Передней Азии», под ред. Н. А. Кислякова, А. И. Першица, М., АН СССР, стр. 506—534.

Рец.: Беляев Е. А., Петров Г. М., Шамсутдинов А. М., — «Советская этнография», 1958, № 5, стр. 167—173.

1958

Изучение истории, экономики и географии Турции в СССР, — в кн.: «Турецкий сборник. История. Экономика. Литература. Язык», М., ИВЛ, стр. 3—31.

Нефтяная промышленность стран Азии и Африки в 1957 году, — «Современный Восток», № 6, стр. 20—22.

Общая характеристика экономики, — в кн.: «Современная Турция», М., ИВЛ, стр. 50—58.

Очерк новейшей истории, — там же, стр. 131—174.

Транспорт и связь, — там же, стр. 98—109.

Турция, — в кн.: «Аграрные отношения в странах Востока», М., АН СССР, стр. 518—567. (В соавторстве с А. М. Валуйским и П. П. Моисеевым.)

Финансы, — в кн.: «Современная Турция», М., ИВЛ, стр. 120—130.

Рецензия на: В. И. Киселев. Путь Судана к независимости. М., ИВЛ, 188 стр.; J.S.R. Duncan. The Sudan's Path to Independence. London, 1957, — «Советское востоковедение», № 6, стр. 112—115. (Совместно с В. Л. Бодянским.)

Рецензия на: В. Уренбахер. Экономический справочник, — «Новые книги за рубежом», М., № 11, стр. 5—19.

1959

Введение, — в кн.: «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1957 г. и в первой половине 1958 г.», М., 1959, стр. 5—21.

Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в., — «Проблемы востоковедения», № 1, стр. 86—93. (В соавторстве с В. И. Жиленко.)

Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.), — в кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. IV, М., ИВЛ, стр. 3—38.

Этатизм, его сущность и значение в экономике Турции, — «Ученые записки Института востоковедения» (АН СССР), XVII, стр. 199—219.

1960

Введение, — в кн.: «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1958 г.», М., ИВЛ, стр. 5—14. (В соавторстве с Н. А. Вагановым и Г. М. Прохоровым.)

Ирак в прошлом и настоящем. (Отв. ред. Д. Д. Дегтярь), М., ИВЛ, 254 стр.

Страны Юго-Западной Азии и Северной Африки. Экономико-географический обзор. Пособие для учителя, М., Учпедгиз, 282 стр.; 1 отд. л. карт. (В соавторстве с И. А. Гениным.)

1961

Американская экспансия в арабских странах, — в кн.: «Политика США на Арабском Востоке». (Отв. ред. Б. Г. Гафуров), М., ИВЛ, стр. 5—34. (В соавторстве с А. М. Хазановым.)

Введение, — в кн.: «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1959 г.», М., ИВЛ, стр. 5—17. (В соавторстве с Е. Н. Коротковой и Г. М. Прохоровым.)

Советско-иракские отношения, — в кн.: «Советско-арабские дружественные отношения», М., ИВЛ, стр. 66—77.

Рецензия на: А. Д. Новичев. Крестьянство Турции в новейшее время. М., ИВЛ, 1959, 290 стр.; П. П. Моисеев. Аграрные отношения в современной Турции. М., ИВЛ, 1960, 226 стр., — «Народы Азии и Африки», № 4, стр. 202—204.

1962

Березин, Илья Николаевич, — в кн.: «Советская историческая энциклопедия», т. 2, М., «Сов. энциклопедия», стлб. 343—344.

Из истории изучения Ближнего Востока в России во второй половине XVIII в., — в кн.: «Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции», М., стр. 91—93.

Рецензия на: А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Африки в XIX — первой половине XX в. (Историко-этнографические очерки), М., 1961, 223 стр., — «Советская этнография», № 2, стр. 160—163.

Рецензия на: М. С. Лазарев. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке. М., ИВЛ, 1960, 246 стр., — «Народы Азии и Африки», № 3, стр. 191—193.

Рецензия на: Р. Н. Андреасян, А. Я. Эльянов. Ближний Восток: нефть и независимость, М., ИВЛ, 1961, 319 стр., — «Народы Азии и Африки», № 5, стр. 170—173.

1963

Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая половина XVIII в.), — в кн.: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 6, М., ИВЛ, стр. 134—186.

К вопросу о развитии капитализма в Турции (по поводу книги Ю. Н. Розалиева), — «Народы Азии и Африки», № 6, стр. 153—163.

1965

Введение, — в кн.: «Политика Франции в Азии и Африке (1945—1964)», М., «Наука», стр. 3—16.

Общая характеристика, — в кн.: «Современная Турция». (Справочник), М., «Наука», стр. 45—53.

Русские путешественники на Ближнем Востоке, М., «Мысль», 272 стр.
Рецензия на: А. Н. Хейфец. Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918—1920 гг.), М., «Наука», 469 стр., — «Новая и новейшая история», № 3, стр. 164—166.

Рецензия на: Журнал «*Asie nouvelle*», — «Народы Азии и Африки», № 4, стр. 215—217.

1966

Особенности экономического развития Турции, — «Мировая экономика и международные отношения», № 2, стр. 81—89. (В соавторстве с П. П. Моисеевым.)

1967

The History, Economy and Geography of Turkey. М., "Nauka" Publishing House, Central Department of Oriental Literature, 1967, 31 стр.

1968

Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.) (Отв. ред. Н. А. Кузнецова), М., «Наука», 212 стр.

Рец.: Мейер М. С., — «Народы Азии и Африки», 1968, № 6, стр. 186—189.

1969

Рецензия на: Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.), М., «Наука», 1968, 542 стр., — «Новая и новейшая история», № 6, стр. 165—167.

1970

Третья всесоюзная конференция арабистов, — «Народы Азии и Африки», № 2, стр. 221—222. (В соавторстве с Н. А. Длинном.)

Рецензия на: В. П. Грицкевич. Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии, Минск, «Наука и техника», 1968, 232 стр., — «Народы Азии и Африки», № 4, стр. 214—215.

1971

Анатолий Филиппович Миллер. (К семидесятилетию со дня рождения), — «Народы Азии и Африки», № 3, стр. 214—216. (В соавторстве с Б. М. Поцхверия, Б. В. Ржевным.)

К вопросу о капитуляциях на Ближнем Востоке, — «Народы Азии и Африки», № 3, стр. 134—140.

1972

Рецензия на: А. Ф. Федченко. Ирак в борьбе за независимость, М., «Наука», 1970, 315 стр., — «Народы Азии и Африки», № 2, стр. 173—175.

1973

Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). (Отв. ред. Н. А. Кузнецова), М., «Наука», 434 стр.; библиография, стр. 393—421.

Востоковеды России на международных конгрессах ориенталистов (1873—1912 гг.), — «Народы Азии и Африки», № 3, стр. 213—222.

Рецензия на: Е. К. Голубовская. Революция 1962 года в Йемене, М., «Наука», 1971, 207 стр., — «Народы Азии и Африки», № 4, стр. 198—199.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Борис Моисеевич Данциг (1896—1973). <i>Г. Л. Бондаревский</i>	4

ЭКОНОМИКА

Финансово-налоговое законодательство и бюджет современной Турции	14
Пути экономического развития Турции	24
Финансы Персии	42
Иностранный капитал в Турции	64
Торгово-экономические отношения Турции в обстановке войны	78
Аграрная реформа в Турции	89
Этатизм, его сущность и значение в экономике Турции	100
Рецензия на работы: <i>А. Д. Новичев</i> . Крестьянство Турции в новейшее время (М., 1959) и <i>П. П. Моисеев</i> . Аграрные отношения в современной Турции (М., 1960)	117

ИСТОРИЯ

Арабы Ирака	121
Забывтая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в.	146
К вопросу о капитуляциях на Ближнем Востоке	153
Русско-сирийские культурные связи	162
Русские путешествия на Ближний Восток в первой половине XIX в.	166
Путешествия и литература о Ближнем Востоке во второй половине XIX и в начале XX в.	245
Русские писатели о Ближнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.)	296
Востоковеды России на международных конгрессах ориенталистов (1873—1912)	311
Примечания	322
Библиография работ Б. М. Данцига. Составлена <i>А. К. Сверчевской</i>	351

БОРИС МОИСЕЕВИЧ ДАНЦИГ
БЛИЖНИЙ ВОСТОК
Сборник статей

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор **М. И. Штемпель**
Младший редактор **Л. А. Добродеева**
Художник **А. Г. Кобрин**
Художественный редактор **Э. Л. Эрман**
Технический редактор **М. В. Погоскина**
Корректоры **В. В. Воловик** и **Г. А. Дейгина**

Сдано в набор 12/IV-1976 г. Подписано к печати 19/X-1976 г. А-13205. Формат 60X90¹/₁₆
Бум. № 1. Печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 25,28.
Тираж 3200 экз. Изд. № 3888. Зак № 187.
Цена 1 р. 80 к

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.

Московская типография № 13
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
107005, Москва Б-5, Денисовский пер., д. 30

Отпечатано во 2-ой типографии
издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.
Заказ 1363